

Карен Мари Монинг

В огне

Лихорадка - 7

Мак Кайла Лейн готова сделать всё, что угодно, ради спасения своего любимого дома. Одаренной ши-видящей уже приходилось сражаться со смертоносной Синсар Дабх - древней книгой ужасающего зла, и даже одержать победу, но несмотря на это власть книги ещё никогда не была так сильна над ней.

После падения стен, защищавших человечество от соблазнительных, ненасытных фейри, бессмертные, вырвавшиеся на свободу после длительного заключения принялись опустошать планету. И теперь Дублин - зона военных действий, за контроль над которой сражается несколько группировок. В городе таит то, что оставил после себя Ледяной Король, накаляется обстановка, кипят страсти, ситуация выходит из-под контроля.

Светлые и Темные противостоят девятке древних бессмертных, правивших Дублином на протяжении тысячелетий; в городе объявляется новая группа ши-видящих, соперничающая за власть; бывшая подопечная и по совместительству бывшая лучшая подруга Мак - Дэни «Мега» О'Мэлли, теперь её заклятый враг; но что важнее всего, друид-горец Кристиан МакКелтар попал в плен к Кровавой Ведьме и с каждым днём всё глубже погружается в безумие темных. Единственный, на кого Мак может рассчитывать, это могущественный, опасный бессмертный Иерихон Бэрронс, но даже их жгучая страсть подвергнется испытанию предательством.

В этом мире чтобы выжить нельзя расслабляться, грань между добром и злом всё более размыта, и ради заключения союзов приходится чем-то жертвовать. В эпическом сражении против сил тьмы Мак придется решить, кому она может доверять, и на что она готова пойти, чтобы защитить себя.

*11 месяцев назад, отель Кларин Хауз.
Дублин, Ирландия.
6 августа. ДПС¹.*

Иерихон Бэрронс

- Кто там?

Два часа ночи. Люди спят. Из-за двери доносится ее сонный, мелодичный, с южным акцентом голос. Такой чертовски молодой. Такой невинный. В моем зоопарке МакКайла Лейн экзотический вид.

- Иерихон Бэрронс.

- И что тебе нужно? - Её сон как рукой сняло. Голос не мог звучать бодрее, найди она гремучую змею в своей постели.

Я смеюсь беззвучно, безрадостно. То, что мне нужно, ей не по силам.

- Мы можем обмениваться информацией. Вы хотите знать, что это. А я хочу знать, что вам об этом известно.

- Только дошло? Мне вот ещё в магазине это было ясно.

Ей не удалось замаскировать сарказмом страх в голосе. Поэтому я тщательно подбираю следующие слова. Мне нужно, чтобы она открыла эту дверь по собственной воле и пригласила меня войти. И дело не просто в вежливости.

- Я не привык просить. И не привык вести дела с женщинами.

Молчание затягивается. Ей явно льстит, что ради неё, я готов сделать исключение. Это дает ей ощущение контроля над ситуацией, словно меня можно отнести к разряду «ситуаций». Да у неё за дверью хренова катастрофа. Слова. Почему они на них так падки? Почему так верят им?

- Так, давай сразу расставим точки над *i*, приятель, потому что я не выполняю приказов. И ничего не делаю даром.

Она назвала меня «приятель».

За одно это я могу убить её, так и не завершив свой допрос.

- Вы собираетесь открыть дверь, мисс Лейн, или намерены сделать нашу беседу достоянием общественности?

Соблюдая формальность, я кажусь старше, чем есть, и менее опасным. Я готов облечься в любую личину, чтобы попасть внутрь.

- Ты на самом деле готов обменяться информацией?

- Да.

- И начнешь первым?

- Начну.

Она чертовски наивна.

- Можем проделать это и через дверь.

Размечталась. У меня не настолько длинный член. Здесь у меня две цели. И я не уйду, пока не достигну обеих.

- Нет.

- Почему?

- Я скрытен, мисс Лейн. И хватит торговаться.

- Но я...

- Нет.

- Как ты нашел меня?

Скрипнул матрас. Кто-то натягивает джинсы.

- Вы вызывали транспортное средство из моего заведения.

- Там, откуда я родом, их принято называть такси. И книжные магазины.

Может она не такая уж и бесхребетная? И вовсе не пустышка?

- А там, откуда я родом, принято соблюдать хорошие манеры, мисс Лейн.

¹ДПС - до падения стен

- Что-то не заметно, - ворчит она. - Ты сам виноват. Когда мне угрожают, проявляются мои худшие качества.

Она приоткрывает дверь. Выглядывает наружу. Нас разделяет жалкая цепочка. Я разорву её, и глазом не моргнув.

Полная херня. Вот это что. Херня на херне и херней погоняет. Как тут не охренеть, если я хочу эту... малолетнюю идиотку. Если я её заполучу, то ей уже ни хрена не поможет. А я ни хрена не уйду, пока не заполучу её. Я из магазина её еле отпустил. Надо было завалить таксиста. И взять ещё тогда ту, которую так захотел. Невинную. Мягкую. А этот запах... Светлые спутанные со сна волосы так и просятся, чтобы их намотали на кулак. Так и вижу, как они струятся по её спине, касаются округлой попки. Она сверху, спиной ко мне. Погружаюсь в неё. Что она будет делать? Что скажет? Какие звуки издает, кончая? Вкладывает ли она в секс, как и большинство женщин, свою душу? Готова ли она её отдать? Вот такая херня.

- Вы впустите меня?

Я не улыбаюсь. Моя улыбка нервирует людей.

- Я бы тебя и к двери не подпустила.

В её зеленых глазах - злость, а соски напряжены. Как же абсурдна похоть. Застает врасплох в самых странных местах в самое неподходящее время. А девушка, похоже, даже не осознает, что возбуждена. Возвела баррикаду из приличий и притворства между нами. Презираю таких, как она. Мне отвратительна её розовая невинность. Но у моего тела иное мнение. Ну почему *она*? С таким же успехом на её месте мог бы быть уличный фонарь - так много у нас общего. Она - шифон и атласные ленты. Я - сырое мясо и лезвия. Меня никогда не притягивали те, кто так сильно от меня отличается. Я вполне доволен собой.

- Ваши соски затвердели, - шепчу я, оставляя за ней выбор: ответить мне или сделать вид, что не услышала.

Она моргает, качая головой.

- Так как ты сюда попал?

Ах, людской слух так удивительно избирателен.

- Я назвался вашим братом.

- Ну конечно. Мы ведь так похожи.

Кружева ее ночнушки колеблются при каждом вдохе. Она дрожит, пытаясь это скрыть. Я смотрю поверх ее плеча на маленькую комнатку. Она немногим лучше, чем номер в почасовом мотеле. Не займет много времени, чтобы заполучить то, за чем я пришел. Но дело в первую очередь.

- Ну так что, мисс Лейн?

- Я думаю.

- Не перенапрягитесь.

- Не будь ослом.

- Я считаю до трех и ухожу. Два.

- Ох, ладно, *входи*, - выкрикивает она.

На этот раз я улыбаюсь, но лишь потому что она заперла дверь, чтобы снять цепочку, и не видит меня. Дверь открывается, и она отступает. Я заметил, что между открытой дверью и раздвинутыми женскими ножками всего один шаг. Словно они не могут отворить лишь один вход. Эта болезнь называется надеждой.

Она распахивает дверь настежь. Думает, что так для неё безопаснее. Я захожу. Не закрываю за собой дверь. Пока. Она подпихивает коврик с лежащим на нем бюстгальтером под кровать. Я ещё и не такое увижу, прежде чем уйду.

- Ну так что же это? Нет, подожди, можешь произнести это слово по буквам?

Я обхожу её по кругу, но она разворачивается, не позволяя мне зайти ей за спину. Я все равно заполучу её. И не только сзади.

- *С-и-н-с-а-р*.

- Синсар?

- *Ши-са. Ши-са-ду*.

Я продолжаю кружить вокруг неё. Мне нравится, как она движется. И если она опустит глаза, то сможет увидеть, что мое расстегнутое пальто и костюм не в силах скрыть, как я возбужден. Но её взгляд прикован к моему лицу. Не многие на такое способны.

- О, это многое объясняет. И что насчёт "ду"?

Я останавливаюсь лицом к двери. Она тоже останавливается, но только спиной к ней. Расстояние между нами около метра. Я чувствую ее, ощущаю ее запах.

- Д-а-б-х.

- *Дабх* как "да"? Может мне теперь стоит пабы называть пабхами?

- У слова *Дабх* гаэльское происхождение, у паба - нет.

- Умираю со смеху.

- В *Синсар Дабх* нет ничего смешного.

- Хорошо, мне больше не смешно. Так что же это за мрачнейшая вещь?

Легкомысленная. Ей здесь нечего делать. Фио была права.

«Будь милосердным, Иерихон. Убей её быстро, иначе кто-нибудь другой замучает её, прежде чем перегрызть ей горло.»

«Неужели, на хрен, похоже, что мое второе имя - милосердие?»

«Сделай это ради меня, Иерихон. Мне невыносимо думать о том, что с ней могут сделать другие.»

«Другие? Или я? О чём именно тебе так невыносимо думать, Фиона?»

«Я видела, как ты смотрел на нее, Иерихон. Как ты можешь хотеть эту... эту... эту глупую пустышку! Что она может предложить тебе?»

- Слишком долго, - произношу я. Слишком долго Фиона находится рядом со мной.

- Что? - недоуменно спрашивает она.

Внезапно я прихожу в ярость оттого, что МакКайла Лейн приехала в мой город и вздумала, создавая мне проблемы, играть со мной на моем же поле.

- Возвращайтесь домой, мисс Лейн. Оставайтесь молодой. Оставайтесь привлекательной. Выходите замуж. Нарожайте красивых детей. Старейте вместе с любимым мужем.

- Ох, да пошел ты, Бэрронс! Скажи мне, что это. Ты обещал.

- Только если вы настаиваете. Не глупите. Не настаивайте.

- Я определенно настаиваю. Что это?

- Последний шанс. Во всех смыслах.

- Не прокатит. Мне не нужен последний шанс. Говори.

Я обманул её. У нее не было ни единого шанса с тех пор, как она переступила мой порог.

- "*Синсар Дабх*" - это книга.

- Книга? Всего лишь? Просто книга?

- О нет, мисс Лейн, не заблуждайтесь на этот счет. Не думайте о ней, как о простой книге. Это чрезвычайно редкий и невероятно древний манускрипт. Многие готовы убить, лишь бы заполучить его.

- Включая тебя? Ты тоже готов убить за него?

- Безусловно. Каждого, кто встанет на пути. Так было. И будет. Уже передумали оставаться, мисс Лейн?

- Безусловно нет.

- Тогда вы отправитесь домой в гробу.

- Очередная угроза с твоей стороны?

- В гроб вас уложу не я.

- А кто?

- Я ответил на ваш вопрос, теперь ваша очередь. Что вы знаете о «*Синсар Дабх*», мисс Лейн? Рассказывайте. И не вздумайте лгать. Я сразу пойму это.

Я мог бы воспользоваться Гласом, чтобы заставить ее рассказать мне все. Но это было бы слишком скучно.

- Моя сестра здесь училась. Месяц назад ее убили. Перед смертью она оставила мне голосовое сообщение, сказав, что я должна найти «*Синсар Дабх*».

- Зачем?

- Она не сказала. Только что от этого зависит всё.

- Где это сообщение? Я должен его прослушать.

- Я случайно удалила его, - она отводит взгляд.

- Лжете. Вы не совершили бы такой ошибки с сообщением вашей сестры, ради которой готовы умереть. Где оно? Если вы не со мной, мисс Лейн, то против меня. А я не испытываю ни капли жалости к своим врагам.

- Я передала копию этой записи дублинской Гарде. Они сейчас ищут человека, с которым встречалась моя сестра, - она снова отводит взгляд.

- Дайте мне ваш телефон.

- Ни за что. Но я включу его на громкую связь.

Она воспроизвела сообщение, следя за моим лицом. Я мог бы многому её научить... если бы она выдержала сам процесс обучения.

- Ты знал мою сестру?

Я качаю головой один раз в молчаливом отрицании.

- Вы оба охотились за этой «чрезвычайно редкой книгой» и ни разу не пересеклись?

- Дублин – город с многомиллионным населением, к которому ежедневно добавляется бесчисленное количество приезжих из пригорода и нескончаемый поток туристов, мисс Лейн. Странно было бы, если бы мы пересеклись. Что она имела в виду, говоря: «Ты даже не знаешь, кто ты такая»?

- Я сама удивилась. Не имею понятия.

- Ни малейшего?

- Ни малейшего.

- Хмм. Это все, что она оставила вам? Сообщение?

Она кивает.

- Больше ничего? Ни записки, ни посылки, ничего подобного?

Она качает головой один раз в молчаливом отрицании. Но в её взгляде я улавливаю скрытую насмешку. Она смеется надо мной. Мой член становится только тверже.

- И вы не знали, что она имеет в виду под «*Синсар Дабх*»? Ваша сестра вам не доверяла?

- Я думала, что доверяла, но ошибалась.

- Кого она имела в виду, говоря о «них»?

- Я надеялась, ты мне объяснишь.

- Я не один из «них», если вы на это намекаете. Многие ищут «Синсар Дабх», как в одиночку, так и группами. Мне нужна книга, но я занимаюсь поиском один.

- Зачем она тебе?

- Она бесценна. А я коллекционирую книги.

- И ты готов убить за нее? А потом что? Продашь за баснословную цену на торгах?

- Если вам не нравятся мои методы, держитесь от меня подальше.

- Вот и прекрасно.

- Вот и прекрасно. Что еще вы можете мне рассказать, мисс Лейн?

- Ничего, - она переводит ледяной взгляд с меня на дверь.

Я смеюсь.

- Полагаю, меня выставляют. Не припомню, когда со мной это было в последний раз.

Пусть думает, что я ухожу. Пришло время закрыть эту дверь.

Я прохожу мимо, почти дохожу до двери, хватаю её и прижимаю спиной к своему телу. Она ударяется затылком о мою грудь. Её зубы клацают. Раздается звук протеста, и ещё один звук, в котором протеста нет совсем. Я обхватываю её под грудью.

Я чувствую по запаху, когда женщина хочет трахаться. Она хотела в магазине. И хочет сейчас. Пока она не знает себя, не знает меня и не готова еще признать свои желания. Но тело выдает её. Похоть бурлит в крови. Она не руководствуется ни сознанием, ни чувствами. Плоть этой женщины мягкая и розовая. А её кровь красная и горячая.

- Ты что *делаешь*?

- А что, без инструкции не понятно?

Я прижимаюсь к её задку.

- Ты, *наверно*, шутишь! Ты совсем не в моем вкусе. И ты... ты... Тебе *сколько лет* вообще? Фу!

- Ваш запах свидетельствует об обратном, - возражаю я, глубоко вдыхая. Ближе он гораздо слаще.

- Мой запах? Как будто ты можешь учуять... Ты думаешь, я.. Ох! Отпусти меня! Сейчас же! Отстань от меня! Я буду кричать!

- Безусловно вы будете кричать. Я вам это обещаю.

Её сердце учащенно бьется под моей рукой, её дыхание прерывистое, поверхностное. Она возбуждена, изгибы её тела подстраиваются под мои. Когда женщина хочет трахаться, она выгибает спину так, что впадина между поясницей и попкой становится глубже. Грудь наливается и вздымается, меняется и контур челюсти, когда напрягаются в предвкушении мышцы рта. Я изучал людей на протяжении маленькой вечности. Их движения подчинены их намерениям, словно проложенные маршруты их встроенного навигатора. Они рождены быть рабами.

- Ты бредишь. Я не хочу тебя. Убирайся из моей комнаты.

- Чтобы вы могли вернуться в постель, дальше оплакивать умершую сестру и, поддаваясь собственной незрелости, строить нелепые планы мести? Вы даже не знаете значения этого слова, - но она вполне может его узнать. - Спешите остаться наедине с вашим горем? С ним так приятно делить постель? Когда вы, мисс Лейн, в последний раз трахались так, что забывались? И было ли такое вообще? Предположу, что это всегда происходит нежно, мило и чисто, а когда заканчивается, вы лежите, пытаетесь понять, нужна ли была вам эта возня.

- Ты чокнутый! Ты хоть понимаешь это? На всю долбанную голову больной. Посмел заявиться сюда, угрожал мне, относился ко мне по-свински и после этого пытаешься переспать со мной? Попутно высмеивая хороший секс!

- Я не переспать с вами хочу, а поиметь вас. И это не имеет ничего общего с хорошим сексом. Если секс «хороший», - фальцетом передразниваю я, - то тому, с кем он был, надо пустить пулю в лоб и избавить всех от дальнейших мучений. Секс либо сносит на хрен крышу, либо он недостаточно хорош. Хотите, чтобы вам снесло на хрен крышу, мисс Лейн? Ну же. Давайте. Будьте взрослой девочкой.

Она сотрясается в моих руках.

- Ты мне даже не нравишься.

- Как и вы мне. Но все же мой член твердый, а вы влажная...

- Ты не можешь этого знать!

Я скольжу рукой к верхней пуговице ее джинсов.

- Хотите, чтобы я доказал это? Если вы и дальше будете упорствовать, то не оставите мне выбора.

Я расстегиваю первую пуговицу, затем вторую. Она прогибается, становится податливой. Человеческое тело удивительно.

- Вы влажная, Мисс Лейн? Да или нет? - я расстегиваю третью пуговицу. - Давайте договоримся. Я проверяю, и если нет - ухожу.

Она шипит.

- Ответьте на вопрос.

- Не твое дело.

- Только скажите, и я остановлюсь, - я расстегиваю четвертую пуговицу. Остается последняя.

- Я тебя ненавижу.

- Я это переживу. Вы трахались, после смерти вашей сестры? Расслабьтесь, мисс Лейн. Позвольте себе хоть однажды в своей маленькой правильной жизни оторваться, на хрен, по полной.

Она вдруг замирает в моих руках. А потом отталкивает меня бедрами, разворачивается, бьет руками по груди и ударяет коленом в пах. Вернее, пытается. В последнюю секунду я блокирую удар.

- Ты ничего обо мне не знаешь! - её грудь вздымается, пульс учащен.

- Я знаю вас лучше тех, кого вы считаете своими близкими друзьями. Я вижу вас насквозь.

- Да ладно? - она стискивает зубы. Что-то мелькает глубоко в ее глазах. Я замираю. Что это было? Нечто, что разительно отличается от того, что она показывает снаружи. Я этого не ожидал. Интересно. - И что же ты, мать твою, видишь? - она почти рычит.

- Женщину, которая всю свою жизнь прожила в клетке. И ненавидит это. Вам было скучно, не так ли? Вы ждали, когда начнете жить. А когда это наконец произошло, вы потеряли то, что любили больше всего на свете. Ну так давайте. Взорвитесь. Ответьте на удар. Разразитесь гневом.

Она пристально смотрит на меня, облизывая губы.

- Кричите. Проклинайте. Придите в ярость. Выплесните все это на меня, - я шагаю вперед, кладу ладонь между ее ног, поглаживая. Тепло, исходящее от нее, просто восхитительно. - Только скажите, и я остановлюсь.

Какое-то время она стоит неподвижно и наконец слегка качает головой.

Я смеюсь.

Засовываю руку ей в трусики, и пятая пуговица, оторвавшись, падает на пол. Я ввожу в нее палец, у нее подкашиваются ноги, и она крепко сжимается вокруг меня. Она охрененно влажная. Мы вместе опускаемся на пол.

- Меня уже тошнит от этого чувства, - шипит она. - Я ненавижу свою жизнь. Все в ней ненавижу!

Она впопыхах ту же затягивает мой галстук, пытаясь снять его. До сих пор живет в мире, где мальчишки полностью раздеваются, а девчонки лежат и покорно ждут. Только две части тела на самом деле должны быть обнажены.

- На хрен галстук. Расстегивайте брюки.

Она дергает с такой силой, что ломает молнию на ширинке. Этот костюм стоит десять тысяч долларов. Я хватаюсь за пояс ее джинсов и рывком стягиваю. Она отталкивается от пола, чтобы развернуться, но я снова толкаю её на пол.

- Оставайтесь на месте. Я хочу вас в этой позе.

- Но ты сказал, я могу...

- Можете, но позже.

- Ты не забыл, что это ради меня? Ты же сам так сказал. Я знаю, чего хочу, и я хочу этого немедленно.

- Ну что ж, мисс Лейн, попытайтесь это заполучить

К её чести, она всё-таки пытается. Но я сильнее. И всё выходит по-моему, но, судя по звукам, что она издает, она не против. Сжав в кулаке волосы и широко раздвинув ей ножки, я прижимаю её к полу. Позже я её и на четвереньки поставлю, но сейчас мне нужно добиться чтобы она не шевелилась. Устраиваюсь между ее ног, и она судорожно всхлипывает. Я легко скольжу внутрь, потому что она, конечно же, очень влажная. Мы оба шумно выдыхаем. Она со стоном выгибает шею. Я замираю. Одно движение, и всё на хрен закончится.

Она дергается подо мной.

- Двигайся, ублюдок!

- Только когда я буду готов.

Я сжимаю её ребра. Она сопротивляется. Утром будет в синяках. В памяти всплывает пара ненавистных воспоминаний, от которых кровь стынет в жилах. Я становлюсь еще тверже. И начинаю двигаться, теряя счет времени. Четыре часа пролетают как четыре минуты. Не смотря на всю ее мягкость, трахается она жестко, и есть в этом что-то особенное. Я пробую ее на вкус. Готов съесть её. Она смыкает губы на моем члене. Я держу ее за голову. Возможно, и не отпущу её. Покрываясь потом, я благоговейно развращаю. Или почитаю, оскверняя. Каждый. Сантиметр. Ее. Охрененнопрекраснотела. И ей это нравится. Мне не приходится себя сдерживать с этой женщиной. Я и предположить такого не мог. И она, *конечно*, кричит...

Позже я переворачиваюсь на спину и позволяю ей перевернуть свой собственный мир, благодаря мне. Как же охрененно она это делает.

Она седлает меня, спиной ко мне, ее спутанные волосы раскачиваются. Вашу мать, эта женщина умеет скакать.

- Потише.

Я сжимаю ее задницу, стараясь удержать, чтобы не кончить мгновенно.

Она приподнимает попку и наклоняется вперед, упираясь руками, принимая сексуальную обезоруживающую позу, от которого ни хрена не становится легче, учитывая дикий взгляд, который она мне посылает сквозь свои разведенные ноги, и мой член.

- Перестань меня сдерживать, - требует она. - И хватит контролировать. Сейчас моя очередь. Будь пайнкой. Если кончишь, мы просто начнем всё сначала, - она изгибает бровь. - Если ты не устал, конечно.

Я молча ухмыляюсь. Она прекрасно знает, что я не утомим.

- Только не думай, что я захочу увидеть тебя снова.

Она снова взялась за свое, и я готов взорваться.

- Не обольщайся на этот счет. И ты не обольщайся, - резко отвечаю я. Она знает, как со мной обращаться, скользит к самой вершине, дразнит головку члена быстрым, резким движением бедер, стремительно насаживается и снова медленно скользит вверх. Миленькая, розовая Барби трахается грубо и жестко, как животное.

Ее голова запрокинута назад, спина выгнута. Ей наплевать на правила, моральные устои, на всё, кроме внутреннего порыва.

Интересно, может ли она жить так же, как трахается?

Мой член становится тверже.

Я ухожу перед рассветом.

Оборачиваясь у двери, смотрю на нее и качаю головой. Она отвернулась от меня, прикрывшись простыней.

- Мак.

Она медленно оборачивается, и я чертыхаюсь про себя. Она меняется. С того самого момента, как я начал одеваться. И сейчас процесс очень близок к завершению. У нее другой взгляд: настороженный, недоверчивый, с оттенком сожаления - человеческого чувства, которое я презираю больше всего. Я ошибся. Она не готова. Время еще не пришло.

К обеду она возненавидит меня. К вечеру убедит себя в том, что я изнасиловал ее. А завтра возненавидит себя.

Я пересекаю комнату, зажимаю ладонью её рот и обвиваю рукой грудную клетку так сильно, что она не может и вздохнуть. Её жизнь в моей власти. Я могу лишить ее дыхания. И могу вернуть ей его.

Любопытно, какой может стать МакКайла Лейн, если её припереть к стене, обезоружить, испытать на прочность.

Прижавшись губами к ее уху, я мягко говорю:

- Отправляйтесь домой, мисс Лейн. Вам нечего здесь делать. Оставьте это дело Гарде. Прекратите задавать вопросы. Не ищите *Синсар Дабх*, иначе Дублин станет вашей могилой. Я слишком долго охотился и слишком близко подобрался к цели, чтобы позволить кому-нибудь все испортить. В этом мире есть два вида людей: те, кто выживают любой ценой, и те, кто являются ходячими жертвами, - касаюсь языком пульсирующей венки на её шее. Ее сердце колотится, как у загнанного кролика. Страх не возбуждает меня. Но тем не менее мой член напрягается до боли. Нужно покончить с этим сейчас же. Вырвать ей глотку, и оставить ее труп в грязной, маленькой комнатке. Может завтра я так и поступлю. А может, на некоторое время, прикую ее цепями в своем книжном магазине. Я дам ей один единственный шанс, чтобы убежать. Если она останется, я не отвечаю за то, что с ней случится. - Вы, мисс Лейн, жертва. Ягненок в городе волков. Я даю вам время до девяти вечера завтрашнего дня, чтобы убраться к дьяволу из этой страны и с моего пути.

Я отпускаю ее, и она падает на пол.

Затем склоняюсь над ней и, коснувшись ее лица, шепчу древние слова заклятия друидов, и теперь разговор и угрозы - ее единственные воспоминания о сегодняшнем вечере. Она никогда не узнает, что в эту ночь была моей.

*«Не прячь свои ошибки,
Потому что они найдут тебя и сожгут до тла»*

- Three Days Grace «Get Out Alive»

Часть I

Кто-то рождается много раз.
А кто-то много раз перерождается.
Риодан говорит, адаптация - это ключ к выживанию.
Риодан много чего говорит.
Иногда я к нему прислушиваюсь.
Но важно лишь то, что стоит мне открыть глаза,
А мозгу начать работать, глубоко внутри меня что-то пробуждается
И я отчетливо осознаю, что пойду на что угодно,
Лишь. Бы. Продолжать. Дышать.

- Из дневника Дэниель О'Мэлли.

Пролог

Огонь для его льда, холод для ее пламени.

Темный Король смотрит вниз на лежащую без сознания в его крыльях женщину. Она его половинка. Он понял это сразу, как только встретил. Поэтому, потеряв её, он жил в постоянных мучениях.

За то короткое время, что они провели вместе, он познал истинную радость бытия. Ведь до этого в нем бушевала тьма, как бесконечные приливы и отливы в штормовом море. Он думал, всё дело в его молодости, и через какую-нибудь четверть миллиона лет это беспокойство поутихнет.

Он коротал те бурные века, созидая, собирая воедино обрывки материи, перевоплощая их в горы и деревья, океаны и пустыни, планеты и звезды, галактики и черные дыры. Лишь одно ему было неподвластно - Песнь Творения, с которой по легенде всё началось и которая является основой самого бытия. Этой магией обладала лишь Королева их расы.

Королева Светлого Двора редко использовала сокрушительную мелодию. Ведь за невероятную силу приходится платить непомерную цену. Легенда так же гласит, что его раса украла священную песню, так же как человечество украло у богов огонь, во времена настолько древние, что никто о них уже и не помнит. А это подразумевает существование других божеств. Но он такой один. Уж он то знает, потому что достаточно долго искал.

Проходили эпохи. Рождались и погибали цивилизации. От скуки и неудовлетворения Король создавал миры, разрушал их и снова создавал. Он даже нехотя провел некоторое время при дворе Светлой Королевы, различая столетия по её жалким интрижкам. Судя по древним гобеленам, она была создана специально для него. Но её воззрения были холодными и ограниченными; глазам, за тысячелетия привыкшим к черному бархату и звездам, её Двор казался слишком пёстрым и ярким, а его мелодии диссонансными, лишенными огня.

И он снова блуждал. Раздраженный. Одинокий. Сам не знал, чего искал.

В крошечном углу крошечного мира, крохотной и совершенно невыразительной вселенной, в которую он совершенно случайно забрел, он нашел её. Непредсказуемую, темпераментную, самодостаточную и неукротимую. Она стала вызовом, он обязан был её соблазнить. Но ему мешали его замкнутость, высокомерие, самолюбие и божественность.

Она сказала, что ей не нужна родственная душа. Да ещё с крыльями и проблемным поведением.

Но тем не менее она не сбежала. Она стояла на своем и наблюдала, как он ищет путь к ее сердцу. Они боролись, испытывали друг друга, бросали и принимали вызовы.

Она знала, чего хочет: лучшего.

Он знал, кем является: лучшим.

Они пробуждали друг в друге самое хорошее, как и должно быть в истинной любви. Он открыл ее неискушенный ум мириадам возможностей. Она напомнила ему, каково это удивляться, и принесла свежесть в его тусклые и застоявшиеся творения. Вместе они созидали вселенные более прекрасные и восхитительные, чем те, что он создавал прежде.

Но его счастье омрачалось неведомым ему доселе чувством. Он полюбил. И боялся потерять. Ведь она человек, и в лучшем случае у них в запасе лет пятьдесят. Со временем она начнет увядать и в конце концов умрет.

Не в силах смириться с её смертностью, Король соорудил роскошную клетку, в которой время было бессильно, и где смерть не могла прикоснуться к возлюбленной.

Её свободолюбивому сердцу была ненавистна эта клетка, но её любовь к нему была сильнее, и она согласилась обитать в ней столько, сколько сможет выдержать. Они встречались в их будуаре теней и света, и их любовь не ведала границ.

Но Король не находил покоя. Он знал, насколько темпераментна его женщина и как ей необходима свобода, и не хотел её ни в чём ограничивать. Он просил помощи у Светлой Королевы, но из ревности она отказалась воспользоваться своей магией и сделать его любовницу бессмертной.

В тот день он поклялся воссоздать Песнь Творения, даже если это займёт у него пол вечности и будет стоить ему всего, чем он дорожит.

Клятвы, как и желания, очень опасны.

В них важна точность формулировки.

Шло время, и Король начал понимать сущность Песни, смог определить её основные компоненты. Фрагменты, состоящие из определенных колебаний, органично переплетаясь вместе, создавали мелодию, превосходящую по красоте отдельно взятый звук или аккорд. Из этой неполной мелодии и произошли его несовершенные темные создания.

За работой протекали века, и вот настал день, когда он будучи уверенным в собственном успехе, сам принес ей флакон с новым эликсиром, но, ворвавшись в комнату возлюбленной с результатами своего последнего эксперимента, обнаружил, что она покончила с собой.

Коварный враг смог его в этом убедить.

- Незаменимых нет, они все одинаковые, - настаивал Фир Дорча, темный спутник Короля в его последующем безумии. - Ты забудешь ее.

Но он не забыл.

- Горе пройдет, - лепетала Кровавая Ведьма, одна из самых восхитительно ужасных его созданий.

Но оно не уходило.

Даже нелепый Чистильщик - коллекционер сломанных вещей, наделенных силой, которые он любит чинить, возмнив себя богом, какое-то время околачивался рядом с Королем, предлагая утешение или, возможно, решая, не нужно ли его тоже подобрать и починить.

Познав полноту, он был лишен её, без надежды снова обрести целостность. Обретя и потеряв такую любовь, ты уже не живешь, а существуешь в бесконечной череде дней.

Он создавал бесчисленные иллюзии их воссоединения, погружаясь все глубже в безумие. Он разговаривал с ней, будто она была рядом и могла ему ответить.

В этих фантазиях он пытался забыться, потому что правда была невыносимой: она оставила его по собственной воле, наложила на себя руки, лишь бы сбежать от него.

Она оставила ему записку, которая и по сей день отравляет его существование, словно ядовитый шип: «Ты стал монстром. В тебе не осталось ничего от того мужчины, которого я полюбила.»

Он хранит этот маленький свиток, перевязав его локоном её волос. Несмотря на признание Крууса, он будет беречь его до тех пор, пока она сама не опровергнет свое авторство.

Король очнулся от раздумий и посмотрел на лежащую без сознания в его крыльях женщину. Прошло пол миллиона лет с тех пор, как он нашел её бездыханную в их спальне. С тех пор, как он

перенес в заколдованный том всю запретную, тайную магию, которую использовал в своих экспериментах, в надежде избавиться от того, что она так презирала.

С тех пор, как он в последний раз прикасался к ней.

И это не иллюзия. Она здесь. По-настоящему. Какое же счастье, что эта ускользающая, бесценная находка снова принадлежит ему.

Он делает глубокий вдох. Она пахнет так же, как и в день их встречи: солнцем на обнаженной коже, лунным светом в серебряных волнах океана, огромными, бескрайними, как небо, мечтами. Он жмурится и вновь открывает глаза.

Она все еще здесь.

После вечности горя и сожалений, он держит в руках то единственное, чего желал так же сильно, как быть Богом.

Второй шанс.

Вновь посмотрев на неё, он внезапно осознает, что с легкостью прощает Крууса за то, что тот похитил ее, заставил выпить из котла и стер все воспоминания о том времени, что они провели вместе. Ведь его единственная стала наконец-то такой, какой он из всех сил старался её сделать: бессмертной феи, убить которую можно лишь немногими способами. В ближайшее время он уничтожит и их.

Он снова стал целым.

Темный Король склоняет голову и прикасается к её губам своими. Легко. С благоговением. Все его нутро истекало кровью, пронзенное воспоминаниями о женщине, которую не мог поцеловать.

Если и есть что-то божественное во Вселенной, помимо него самого, то только этот миг - миг их воссоединения, миг, когда частоты их естества снова слились воедино. Глубоко в его груди раздаются раскаты грома.

Ее ресницы трепещут, и она открывает глаза.

Он отстраняется и смотрит на нее сверху вниз, потеряв дар речи. Создатель миров, Бог, Дьявол, тот, для кого материя вселенной - игрушка, не может вымолвить и слова. Его черные крылья колышутся от силы эмоции. Он отводит их и складывает за спиной.

В её глазах читается изумление. Это драгоценный миг пробуждения сознания, свежего начала, когда расцветают надежды и возможности.

Начало - хрупкая материя.

Осуществятся ли его надежды? Сможет ли истинная любовь преодолеть силу Котла Забвения? Вспомнит ли её тело? Ведь, несмотря на ущерб, причиненный её разуму, память хранится в сером веществе и полностью стереть её нельзя. Что она скажет? Какими будут её первые слова?

Время замирает, и как человек затаивает дыхание, так и Темный Король затаил свое существование, созерцая маленькие чудеса в это застывшее мгновение: водопад ее светлых серебристых волос, алые губы, изящную фигуру.

Неужели это проблеск замешательства? Смятения, предшествующего узнаванию? Он до малейших деталей знает её лицо, но это выражение ему незнакомо.

После всего, через что ей пришлось пройти - целая вечность, о которой ему ничего не известно, проведенная с Круусом при Светлом Дворе, которая могла состоять из сплошных злоключений; недавнее похищение; плен в ледяной могиле; практически смерть от рук властолюбивого Принца - он хотел облегчить ей задачу, упрощая себя, умаляя свою сущность снова и снова, чтобы быть способным произносить слово за словом, формируя предложения. Это чуждо для материи, из которой сделан он, но зато приемлемо для смертных.

- Любовь моя, ты в безопасности. Теперь ты со мной, - он делает паузу, акцентируя свои следующие слова, клятву, которую он будет хранить до конца времен, которым он сам и является в некотором смысле. - Я больше никогда тебя не отпущу.

Представляя их счастливое совместное и бессмертное будущее, он ждет первого, спустя полмиллиона лет, звука ее голоса.

Она кричит.

Глава 1

Проще убежать И заменить боль бесчувствием²

Дэни

Я мчусь по улицам Дублина, пытаюсь составить планы на ближайшее будущее. Я оставила Хаммер Риодана, чтобы не давать ему лишний повод разыскивать меня, хотя ему, похоже, для этого вполне достаточно желания испоганить каждый мой день,

Список моих неотложных дел возглавляют: спасти Кристиана от Кровавой Ведьмы; распечатать новый выпуск Дэни Дэйли, чтобы народ был в курсе последних событий; помочь людям, пострадавшим от замороженного убийственного урагана, и, наконец, придумать новые гениальные способы подраконить владельца Честера.

А затем еще с десятков целей, среди которых я с трудом расставила приоритеты: узнать, кто стал членами нового Хэйвена в аббатстве; испытать оружие Танцора против Папы Таракана; выяснить, кто крадет запасы и где прячет их, чтобы совершить набег туда; отыскать новые укрытия, которые никто не сможет найти; разорвать отношения Джо и Риодана.

Проблема в том, что мне хочется сделать разрыв Джо и Риодана первоочередной задачей, а это глупо, потому что кроме самоудовлетворения это мне ничего не даст. К слову о личной выгоде, я заметила, что стоит мне запрыгнуть на поезд, несущийся на всех парах к удовлетворению моих личных желаний, как он тут же сходит с рельсов. Но, черт подери, он недостоин ее! Они не подходят друг другу, а от их сегодняшних обнимашек возле костра у меня чуть крышу не снесло!

Еще одна проблема: я продолжаю врезаться в сугробы, вылетая из стоп-кадра и теряя концентрацию, поэтому решаю не использовать стоп-кадр и медленно пробираюсь сквозь заледенелые снежные заносы, ведь до второстепенного списка очередь не дойдет быстрее, только потому что я буду быстрее перемещаться.

Вот блин, я и забыла, как здесь холодно!

На гиперскорости я вибрирую слишком быстро, чтобы чувствовать что-либо. В режиме обычного движения мое дыхание замерзает в воздухе, а глаза застывают как маленькие креветочные коктейли на льду.³

Я хмурюсь, когда понимаю, что очутилась на Темпл Бар, недалеко от «Книг и Сувениров Бэрронса».

Я редко здесь бываю. И несмотря на то, что сегодня в аббатстве я уничтожила одного из самых страшных Темных всех времен, тишина и заброшенность этой части города, которая раньше была сердцем шумного и наполненного весельем района Темпл Бар, снова сводит мой восторг на нет, как и всякий раз, когда я оказываюсь здесь.

Не могу забыть, каким раньше был этот район города: толпы смеющихся и веселящихся людей, уличные музыканты, ожидающие своих чаевых, повсюду яркий свет фонарей и неоновых вывесок, аромат цветов и травы и, блин, восхитительный аромат сосисок и пюре, жирного ирландского рагу и других вкусняшек, которых я не пробовала уже, наверное, тысячу лет! Я двигалась так быстро, что могла утащить все, что мне понравится, с любой тарелки. Это было самое захватывающее и чудесное место на земле, где за каждым углом меня ждало очередное приключение.

Моя жизнь была почти идеальной, ведь я знала, что Мак на расстоянии всего нескольких домов от меня, и, если я влечу в ее дверь, мы пойдем вместе убивать или просто зависнем где-нибудь. «Книги и Сувениры Бэрронса» был моей Меккой, Мак с Бэрронсом - легендарной парой крестоносцев, а город - захватывающим полем битвы.

Верните мой Дублин обратно.

² Three Days Grace/Get Out Alive

И пусть этот долбаный лед наконец исчезнет.

Пусть пабы снова откроются, а на улицах будет светло, благодаря газовому освещению, оставляющему грязные следы на брусчатке. Пусть везде, куда бы я ни посмотрела, будут смеющиеся и просто наслаждающиеся жизнью люди. Я хочу снова кататься на велике, исследуя всякую всячину, хочу снова почувствовать себя четырнадцатилетней и смеяться до упаду с Танзором. А еще хочу боготворить девушку, которая относилась ко мне, как к сестре.

Ага. А люди в аду хотят воды со льдом.

Стоило мне на секунду остановиться, задумавшись, и я тут же почувствовала, что мне в спину упирается что-то острое.

- Брось свой меч, Дэни, - раздается голос Мак у меня за спиной.

У меня сводит живот от боли. Что за фигня! Она что, материализовалась из моих мыслей? Во мне пробудилась очередная суперспособность, о которой я и не догадывалась? Святые угодники, надеюсь, что нет! Иначе я никогда не избавлюсь от Риодана! Он вечно меня бесит, и поэтому не выходит у меня из головы. Как только до меня это доходит, я понимаю, что нет у меня никакой новой суперсилы. Ха, потому что, если бы она у меня была, то он бы уже торчал здесь рядом со мной. Видимо, у меня просто галлюцинации от недосыпа и передозировки музыкой Джимми Хендрикса и Black Sabbath. Ещё бы, сегодня мне пришлось выслушать половину их репертуара.

Быть не может, что Мак подошла ко мне со спины. Я бы услышала. У меня же суперслух. Да и яркий свет ее МакНимба я бы заметила.

- Ну да, так я и повелась, - бормочу я. Просто иногда мое богатое воображение играет со мной злые шутки.

Острые впивается мне в спину. Я стою неподвижно и делаю глубокий вдох. Я знаю запах Мак, и это именно он. С крыш раздается сухое стрекотание, перерастающее в треск тысячи гремучих змей, и меня начинает тошнить еще сильнее. Мне не надо смотреть туда, чтобы понять, что это, я и так знаю. О, да, Мак реально за моей спиной вместе со своей странной свитой. Последние несколько раз я видела её в сопровождении стаи Темных ДВЗ - Духов, Выглядающих как Зомби, как я их обозвала. Эти существа в черных балахонах, скользящие по воздуху, облюбовали крышу книжного магазина и всюду следуют за ней. Они напоминают огромного черного ворона в поисках вкусного трупа, на который можно наброситься.

Я этим трупом быть не собираюсь.

Достаю протеиновый батончик, срываю с него упаковку и засовываю его в рот, чтобы подзарядиться. Никогда не избегаю сражений. Сбегать, поджав хвост, не мой стиль. Проблема в том, что в моих сражениях лишь два возможных исхода: я убиваю красиво или убиваю жестко, но я в любом случае убиваю, без вариантов. Единственное исключение - чертов Риодан, который умудряется выбить меня из режима стоп-кадра, даже глазом не моргнув.

Ни за какие коврижки я не стану убивать Мак, поэтому выбираю план Б и бегу. Никогда не думала, что когда-нибудь прибегну к плану Б. Но я делаю это только ради нее.

Мысленно быстренько набрасываю карту улицы, и у меня получается настолько идеальная система координат, насколько это возможно, учитывая весь этот снег и лёд. Я прикрываю глаза, чтобы лучше сконцентрироваться, и перехожу в стоп-кадр.

И ничего не происходит. Я по-прежнему торчу в том же месте и по-прежнему ощущаю, как острие копья Мак впивается мне в спину.

Мои суперсилы исчезли в самый ответственный момент уже в третий раз. Да, блин, быть того не может! Что общего между всеми этими случаями? Почему это повторяется снова и снова?

- Я сказала, брось свой гребанный меч.

Я шумно выдыхаю. И не потому, что мне стало жаль себя. Жалость к себе - штука совершенно бесполезная. Она лишь продлевает страдания, заставляя вспоминать о неприятных событиях твоей жизни. Чувак, ты выдержал. Оставь это в прошлом и двигайся дальше.

Но есть события, которые я бы изменила. Например, я бы хотела, чтобы Ровена не забирала меня в аббатство после маминой смерти, чтобы сделать из меня своего «личного ассассина» и не учила убивать, до тех пор, пока я сама не разобралась бы, что правильно, а что нет. Потому что когда *ты всё-таки догоняешь*, что же такое «правильно», и при этом выясняешь, что поступаешь совсем по-другому, ты тут же ступаешь на коварное минное поле своего разума, на котором нужно уметь

лавировать. Вина и сожаление настолько чуждые мне понятия, что я даже не знаю правописания этих слов, но несмотря на это, погружаюсь в них каждый раз, как вижу Мак.

К счастью, сейчас она за моей спиной, так что можно не задумываться о том, насколько она похожа на свою сестру, можно обойтись без болезненных воспоминаний о том, как в последний день своей жизни Алина стояла на четвереньках и умоляла меня не дать ей умереть.

- Серьезно, ребенок, брось его. Повторять не стану.

- Я не ребенок, чувиха.

- Дэниэль.

Фу! Она знает, как я ненавижу это девчоночье имя! Снова пробую перейти в стоп-кадр. И снова провал. Понятия не имею, как долго суперспособности будут отсутствовать. Пять секунд, пять минут или пять часов. Не знаю, почему это происходит со мной, и уже начинаю нервничать. Откинув плащ так, чтобы она могла видеть мою руку на мече, я поворачиваюсь и встречаюсь с ней лицом к лицу. И, хоть я и пыталась сдержаться, меня всё равно передергивает.

Она не похожа на ту Мак, с которой я познакомилась год назад. Гламурная штучка превратилась в элегантную воительницу. Она и так была хорошенькой, когда приехала в Дублин, теперь же стала стройной, сильной и прекрасной. Когда-то она назвала меня милашкой и сказала, что однажды, повзрослев, я стану настоящей красавицей. Да мне до лампочки.

Интересно, о чем она думает, тыкая в меня своим копьём и отдавая приказы направо и налево? Она же не знает, что я застряла в режиме обычного движения. Об этом никто не знает. И упаси боже, если об этом расползутся слухи!

Она пристально смотрит на меня, прищурив от ярости зеленые глаза. У нее есть полное право попытаться меня убить. Будь я хорошим человеком, может быть из-за чувства вины и раскаяния, даже не стала бы ей мешать. Но я не хороший человек. Каждое утро я просыпаюсь с единственной установкой: жить. Во всех смыслах этого слова. Смерть сможет протянуть свои тощие ручонки только к моему бездыханному телу.

Может, у нее появились новые способности ши-видящей, о которых я еще не слышала, которые позволяют ей вот так хладнокровно и самонадеянно стоять передо мной. Моя гиперскорость гарантирует мне победу над любой ши-видящей, если я не ошибусь. А я не ошибаюсь. Я в замешательстве, потому что на ней нет МакНимба. Никто не ходит по улицам Дублина в темноте. Даже я. А может эти ДВЗ, оккупировавшие крышу, являются ее маленькой личной армией, защищающей ее от Теней и прочей нечисти.

Я хмурюсь, когда на ум приходит следующая мысль. Неужели она подстроила все так же, как той ночью, вплоть до мельчайших деталей? Как говорится, око за око...

Темная аллея.

Я.

Голодные Темные.

В голове всплывает картинка, что я умираю так же, как и Алина. По глазам Мак видно, что она тоже думает об этом.

Хотелось бы сказать ей, что месть - это дьявол, которому не стоит поклоняться. Что, уничтожая своего врага, ты сам себе становишься врагом.

- Ты отведешь девчонку в аллею к югу от реки Лиффи. Там вас будут поджидать Темные, - иногда в голове все ещё звучит голос Ро, хоть мы и сожгли ее тело, а пепел развеяли над морем. Не то что бы она меня преследовала, это просто призрак воспоминаний, которые хранятся глубоко в моем подсознании, там, где я прячу все, что когда-либо делала для нее, пока жила в аббатстве.

- Зачем? - хочется спросить ее, но она касается моего лба чем-то вонючим и влажным, бормочет незнакомые слова, и после этого я не могу сказать ни слова.

- Я знаю, что ты там, - слышу я голос Ро, как будто издалека. - Вспомни, через какой ад тебе пришлось пройти. Ты именно то, что мне нужно.

О чем она вообще? Вообще-то я стою тут, прямо у нее перед носом, и смотрю на нее. Хотя ощущение такое, будто я на расстоянии тысячи километров от нее.

- О, дитя, - говорит она. - Сама я не смогла бы вырастить тебя настолько раздвоенной и удобной для использования. Когда я нашла тебя, пятилетнюю, то сразу поняла, что сам Бог выковал это необыкновенное оружие. Специально для меня.

Старая ведьма даже возраст мой запомнить правильно не могла. Мне было восемь, когда она нашла меня едва живую в клетке. Это был единственный случай в моей жизни, когда я ждала смерти и считала каждый свой вдох, гадая, какой из них станет последним. У меня пропали воспоминания о целой неделе из того периода, они просто исчезли. С приходом Ро из памяти начали исчезать часы, и я оказывалась в непонятных местах непонятно как. Как правило, то, что я там видела, мне совсем не нравилось. Иногда я оказывалась сторонним наблюдателем, без возможности контролировать или влиять на происходящее. Словно я сидела в коляске мотоцикла и не могла дотянуться ни до руля, ни до педали газа, и уж тем более до тормоза, когда начинали происходить эти странные события. Мне ничего не оставалось, кроме как ехать дальше, будто я была приклеена к сиденью. Так было и в ту ночь, когда я убила сестру Мак. И это был второй наихудший поступок в моей жизни, он преследует меня в ночных кошмарах, во всех ужасающих подробностях. Иногда я задумывалась над тем, был ли у чокнутой старой ведьмы выбор: позволить мне наблюдать за событиями, участником которых я становилась по ее приказу, или же скрыть их от меня.

Если я буду постоянно думать об этом, то просто свихнусь. Ненависть разрушительна. Ро достаточно напакостила мне, пока была жива. Она мертва, и если я, блин, позволю ей портить мне жизнь и дальше, то это будет уже мой выбор, а значит она победила. Даже со своей водной могилы она умудряется красть часы, дни и недели у меня. Иногда, мысли об ужасах, которые с нами приключились, стоит засунуть в дальний угол своего сознания, в который мы никогда не заглядываем, потому что они могут отобрать у нас самое ценное - жизнь. Некоторые раны невозможно излечить. Нужно просто вырезать участок истерзанной плоти и жить дальше.

- Брось меч, и я уберу копье, - говорит Мак.

- Ага, жас. А дальше что? Прикажешь своей жуткой маленькой армии Темных затащить меня в темную аллею и слопать? Или нет, погоди, дай угадаю: мы вернемся в КиСБ, приготовим горячий шоколад и поболтаем?

- В общих чертах, за исключением книжного магазина и горячего шоколада. И для справки: они не моя жуткая маленькая армия.

- И о чем же мы будем болтать? О том, что я убила твою сестру? И как по мне, так они очень похожи на твою жуткую маленькую армию. Они же следуют за тобой по пятам.

Офигеть, как я рада ее видеть. Я скучала. И все это время тщательно осматривала каждую комнату, каждую улицу, где бы я ни была, надеясь увидеть ее и одновременно боясь этого.

- Тебе стоит тщательнее подбирать слова, говоря об этом, - отвечает она, вздрагивая. - И я сказала, что они не мои.

- А зачем? Это ведь правда, - вызывающе говорю я. Это нафиг бесполезно. Она никогда не изменит своего мнения. Крепче сжимаю рукой меч. - Я убила твою сестру. Это факт, чувиха. И этого не изменить. Я. Убила. Алину. А ты приехала в Дублин в поисках ее убийцы. Так вот она я, - машу рукой, на случай если она не заметила меня.

- Дэни, я знаю, что ты...

- Ты *ничего* не знаешь обо мне! - перебиваю ее резко. Ненавижу фразочки, которые начинаются с моего имени, за которым следует заведомо ложное утверждение, будто говорящий меня знает. Их и еще вопросы типа: «*Знаешь, в чем твоя проблема?*». Это вообще нечто. Вопросы с подвохом, знаете ли. После такого вступления не следует ничего стоящего внимания. - Поняла? *Ничегошеньки* не знаешь! Поэтому свали нафиг с дороги и прихвати с собой своих жутких фанатов! - сердито кричу я.

- Нет. Я положу этому конец. Здесь. И сейчас. И я сказала уже. Они. Не. Мои, - она бросает беглый взгляд вверх и бормочет: - Они преследуют меня. Я не могу понять, как от них избавиться. Пока.

И мне вдруг хочется стать членом команды исследователей дублинского канала сверхъестественных новостей, задавать наводящие вопросы, погрузиться в разгадку захватывающей тайны Мак. Но те времена давно в прошлом, и шансы на возвращение у них такие же, как и у динозавров. Я смотрю на нее. Она посылает мне в ответ наигранный я-не-собираюсь-тебя-убивать взгляд, который должен заманить меня подойти ближе и стать легкой мишенью. Но ее пальцы крепко сжимают копье, а ноги удобно расставлены, как и мои. Я знаю, о чем говорит ее тело. О готовности атаковать. На лице написано одно, тело говорит о другом. Я доверяю только языку тела. Это гарантирует мое выживание.

На ней стильные полусапожки на невысоком каблуке, дурацкая обувь для гололеда. Независимо насколько усовершенствованной и обновленной станет Мак, отчасти она навсегда останется розовой и женственной, как маникюр на её руках, сжимающих копьё.

Я предпочитаю кеды.

В них даже в режиме обычного движения я буду быстрее неё в этих полусапожках. Мак ни за что не метнет копьё в меня. Так же, как не опустит его в качестве жеста дружеского доверия. Она относится к копьё так же, как и я к своему мечу: не выпускает его из рук. Не смотря ни на что. Хотя сегодня я и сделала исключение ради Горца, который почти превратился в Темного принца. Понятия не имею, почему. Единственной неизвестной переменной во всей этой задаче остаются намерения этих мерзких Темных на крышах. Они здесь для того чтобы убить меня или как?

Есть только один способ это выяснить.

Я пытаюсь перейти в режим стоп-кадра, но мой двигатель даже не чихнул. Аккумулятор приказал долго жить. Такое впечатление, что его в машине теперь и вовсе нет, а провода ведут в никуда.

Я бросаюсь к ней и сбиваю с ног.

Она пытается схватить меня, но я ныряю ей под руку и ускользаю. Тогда она сзади хватается за плащ, а я поворачиваю голову и кусаю её. Я не замахваюсь мечом и ничего не подрываю. Просто кусаю. Как ребенок, которому нечем больше защититься.

- Ой! Ты укусила меня!

- Вау, зацените как Мак наблюдательна, - раздраженно огрызаюсь я. А дальше что? Я дерну её за волосы, она отвесит мне оплеуху, сломает ноготь, и мы начнем обзывать? Чтобы не позориться в этих бабских склоках, я таки готова выхватить меч и прикончить её. И как нормальные люди такое терпят? Призрачные ДВЗ над нами начинают чирикать громче, но остаются на своих местах. - Отвали от меня, идиотка, - шиплю я, пытаюсь вырваться. Но она сильнее, чем я предполагала.

И пока я пытаюсь освободить плащ из её пальцев, она хватается за волосы и тянет.

- Ай! Да ты дернула меня за волосы! - *больно* все-таки. Тащите сюда мечи, копыя или пистолеты, не важно что, просто тащите.

- Вау, зацените как Дэни...

- Хорош плагиатить! Придумай свои собственные оскорбления, если ты, конечно, на это способна...

- ...наблюдательна. И я *не дергаю* тебя за волосы. Просто пытаюсь удержать. А раз ты пытаешься удрать, получается *ты сама* выдираешь себе волосы.

- ...имея такой жалкий и крошечный мозг! Понятное дело, я пытаюсь удрать, тупица! Я не кусаюсь больше, так что отпусти мои волосы! - я тянусь, тоже хватаюсь за свои волосы, и мы начинаем идиотское перетягивание каната, но вот она так резко выпускает их, что я падаю на четвереньки.

Мгновенно вскакиваю, но, услышав за спиной свист её копыя, снова падаю и уворачиваюсь дважды, даже трижды. ДВЗ взмывают в воздух, пронзительно визжа, словно стая встревоженных коршунов. Видно звук копыя, рассекающего воздух, их тоже нервирует.

На мгновение, которое делает меня уязвимой, я замираю, припав к земле, в *идиотском* ступоре, пытаясь *осознать*, что Мак замахнулась на меня копьём, явно покушаясь на меня, в смысле, пытаясь стереть меня *с лица земли*, в смысле желая прикончить меня. Видимо, втайне даже от самой себя, я всё-таки надеялась, что она простит меня. Воздух позади меня стал словно холоднее, будто оттуда повеяло убийственной яростью. Если вы думаете, что эмоции не вызывают выброс энергии, то ошибаетесь.

Я вскакиваю на ноги и вытираю кулаками щеки. Наверно, пока я кувыркалась, ледяные осколки попали в глаза, вызывая жжение и слёзы.

Начинаю бежать.

Рюкзак камнем падает с плеч. Твою ж мать, она не смогла задеть *меня*, но умудрилась срезать с меня рюкзак со всей моей едой, пока я уворачивалась от неё! А в радиусе пятнадцати километров нет ни единого магазина, где бы на полках остались запасы. Моя суперскорость вернется, и когда это случится, мне срочно понадобится еда. Я торможу на льду с пробуксовками и разворачиваюсь, чтобы схватить рюкзак.

Мак стоит, поставив ногу на рюкзак и подняв сияющее белизной копье. Его края остры, как лезвие бритвы. И мне кажется, что на них выгравировано мое имя.

Послание понятно и без слов.

- Без еды ты далеко не уйдешь, Дэни. Остановись. Я хочу просто поговорить с тобой.

- Ты не проведешь меня! - бесит, что она продолжает притворяться. С открытым нападением я бы смирилась. Но это подлое двуличие - полный отстой.

- А я и не пытаюсь.

Ещё как пытается. Она только что хотела отрубить мне голову.

ДВЗ опускаются, усаживаются на крышах и снова начинают свое раздражающе стрекотание.

- И что? Я должна поверить, что ты разыскивала меня, чтобы сказать, что типа простила? Думаешь, я настолько глупая?

Ее взгляд становится мрачным, она кажется такой грустной.

- Жизнь сложная штука, Дэни.

- И что это на хрен *значит*? - от раздражения я готова выскочить из кожи, как виноградина, на которую сильно надавили. Ненавижу, когда люди бросаются сомнительными обобщениями, которые невозможно истолковать. Жизнь - сложная штука, так что я прикончу тебя по-быстрому? Жизнь - сложная штука, так что я заболтаю тебя до смерти? Жизнь - сложная штука, так что я прошу тебя, если ты искупишь вину? Вариантов немерено. Кто не знает, что жизнь - сложная штука? Расскажите лучше, как это знание применить на практике. Но об этом все вечно умалчивают.

- Иногда то, что должно принести нам свободу... лишь сильнее сковывает нас. И эти цепи либо нужно разорвать, либо жить в их плену... А я не хочу жить в плену.

- Чувиха, здесь нет никаких цепей. Здесь только ты, я и оружие. Но будет ещё и смерть, если ты не отдашь мой рюкзак и не уйдешь. Даже если ты скажешь, что прощаешь меня, я не поверю! Я всегда буду ждать того момента, когда ты решишь на меня напасть. Ты ведь хочешь этого. Признайся. Просто скажи это. Будь на хрен честной! Ты и сама знаешь, что хочешь моей смерти! Я вижу это в твоих глазах!

Она не отвечает сразу, словно усиленно раздумывает над тем, что сказать дальше, а я жду, затаив дыхание, и даже не осознаю этого, пока у меня не начинают гореть легкие.

- Я не хочу твоей смерти, Дэни. Не поэтому я тебя искала.

- А почему, блин, нет? - кричу я. - Я ее *заслужила*!

Моя рука тянется к губам, словно может вернуть эти слова назад. Я в ужасе. Не знаю, откуда они взялись. В моей библии грехов немного. Самый тяжкий из них - сдаться. Я только что нарушила собственное главное правило. Жизнь - это дар, за который нужно сражаться. Не сдаваясь ни при каких обстоятельствах.

«Ты никому не нужна. Твоя собственная мать заперла тебя в клетке, бросила и забыла. Просто умри. И избавь от мучений окружающих и саму себя. Может тогда жизнь обретет она. Должна же хоть одна из вас пожить.»

Поверить не могу, что ляпнула, будто заслуживаю смерти. Может я одержима? Одной из этих стрёмных прозрачных Темных Захватчиц, но она не может контролировать меня постоянно, потому что я крутая! И это она заставляет меня болтать чепуху и влияет на мои суперспособности. И ещё это, наверное, она сдвинута на Риодане. В Дублине и не такое бывало.

Мак качает головой с фальшивым сочувственным взглядом.

- О, Дэни...

- Заткнись, я всё равно на это не поведусь! Отвали от меня, не то я убью тебя, как и твою сестру. Убью тебя и всех, кто тебе дорог. В этом вся я. Я убийца. Я убиваю, убиваю и убиваю. Такой она меня сделала, - иногда я представляю, а что было бы, если бы в тот день в клетке меня нашел Бэрронс, а не Ро. Представляю, какой бы я могла стать тогда. Но нашел не он. Она. И этого не изменить.

Я бегу.

Она следует за мной неожиданно быстро. Может Бэрронс сделал с ней то, что Риодан обещал сделать со мной? Теперь она такая же бессмертная, как они? Поэтому она такая крутая и бесстрашная? Если так, то мне обидно и завидно до чертиков.

Перепрыгивая сугробы, мчусь по аллеям, бегаю кругами, пытаюсь оторваться от неё в Темпл Бар, но она держится у меня на хвосте. Через каждые пару секунд я пытаюсь перейти в стоп-кадр, но мои суперспособности отправились в отпуск вслед за покинувшей меня давным-давно совестью.

Она что-то кричит. Но я напеваю свои любимые песни, чтобы заглушить шум, который издает она и её стремная армия.

Я и не заметила, как ноги принесли меня к единственному святому для меня месту - Книгам и Сувенирам Бэрронса, пока он не замаячил передо мной своим янтарным светом, полированным деревом, витражными окнами и бесконечными возможностями. В глубине арочного входа, между резными каменными колоннами, подсвеченная наружным освещением латунных бра, в обрамлении фрамуги из цветного стекла стоит дверь, сквозь которую я прежде проносила со скоростью света, а над ней на блестящем шесте - яркая самодельная вывеска, которая словно говорит: «Добро пожаловать домой.» Вот только мне здесь больше не рады.

Я люблю это место больше других. Его газовые каминные и большие удобные диваны, на которых можно растянуться, листая журналы с книгами, и мечтать обо всех тех местах, которые хочу однажды посетить. Его зловещее антикварное и устрашающее современное оружие. Эти мощные крутые тачки, торты и подарки, и тех, кого я считала друзьями. То время, что я тут провела, хранится в особой кладовой моей памяти, а воспоминания об этом месте ярче и красочней всех остальных. Иногда я позволяю себе углубиться в одно из них и наслаждаюсь каждой малейшей деталью. Я люблю Мак. Мне так её не хватает. Как бы я хотела...

Далеко на крыльях мечты не улетишь. Ну и ладно, обычно я могу далеко убежать на суперскорости.

Раздается звон колокольчика над дверью.

И выходит мужчина.

Сильный. Великолепный. Хладнокровный.

Хищник.

Неуязвимый. Хочу, блин, быть такой же!

Я восхищаюсь им. Даже не могу передать как.

Я влюблена в Иерихона Берронса. Безумно.

Мой мозг почти отключается каждый раз, как я вижу его, а это не так-то просто.

Иногда, когда не спалось, я представляла, как убивая монстров или просто сказав что-нибудь умное, или спасая мир, я смогу впечатлить Бэрронса, и он увидит во мне женщину. И я засияю, как в тот раз, когда убила Темного принца в камере Мак, а он посмотрел на меня, словно смог разглядеть меня настоящую. Большинство этого сделать не в состоянии, они относятся ко мне, как к обычному подростку, которым я никогда не была, учитывая условия в которых я росла. *Мне можно убивать, но нельзя ругаться. Можно нарушать ради спасения мира законы, но нельзя смотреть порнуху и даже думать о сексе.* Как они до такого додумались? Провели родительский мозговой штурм, чтобы хоть как-то увязать между собой диаметрально противоположные этические принципы? А потом в мои фантазии о Бэрронсе начал влезать Риодан, словно имел на это какие-то права. Такой весь из себя... прямо как... Риодан. С этим своим смехом и хриплым стоном с четвертого уровня. Так что мне пришлось распрощаться со своими маленькими счастливыми мечтами.

Теперь я считаю овец.

Но в последнее время даже *эти* паршивки стали напоминать Риодана с его холодным ясным взглядом, имеющим надо мной необъяснимую гипнотическую власть.

ТЬФУ!

Наверное, чтоб выбросить его из головы, мне придется найти способ, и убить его раз и навсегда.

- Дэни.

Я вздрагиваю. Есть у него способность влиять так на людей, излучая энергию и заполняя собой пространство. Его чуваки такие же, но Бэрронс превосходит их. Я делаю вид, что мне по барабану. Засовываю руку в карман, оставляя большой палец снаружи. И, притворяясь беспечной, выставляю вперед бедро.

- Бэрронс.

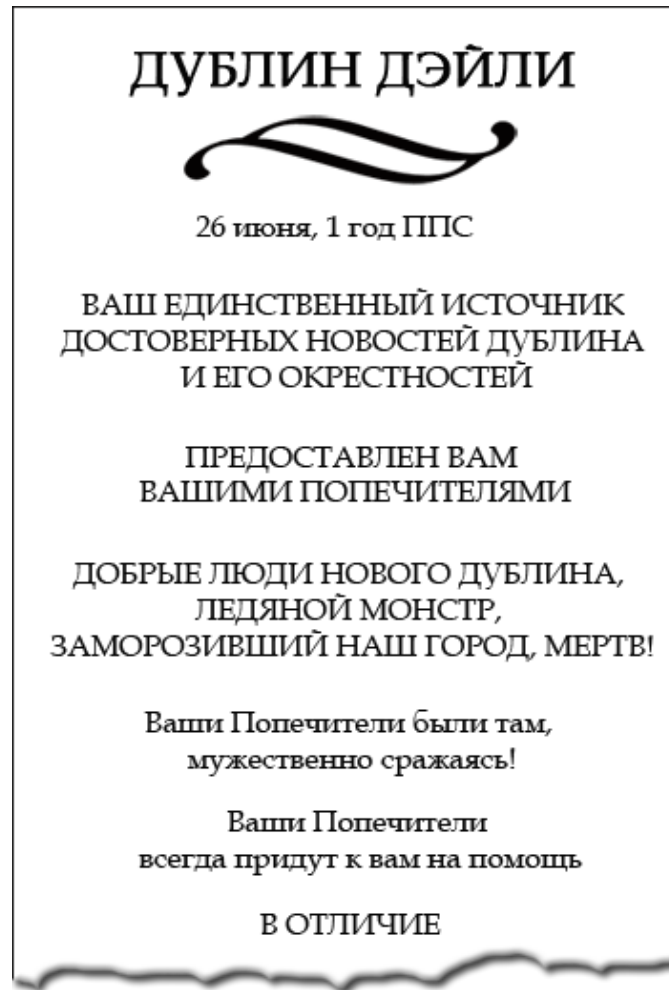
Было время, когда я собиралась подарить ему свою девственность, когда вырасту. Или В'Лейну. Первый раз для меня очень важен. Это одна из тех редких вещей, которыми я могу распорядиться сама: с кем, как и когда. Все должно быть Эпично с большой буквы «Э»!

Но Светлый принц В'Лейн оказался Темным принцем Круусом. Бэрронс принадлежит Мак, если такой, как он, вообще может кому-то принадлежать. Этого не изменить, да я и не хочу.

Листок бумаги колыхается на столбе за его головой. У меня появляется плохое предчувствие. Чтобы рассмотреть его уходит всего мгновение.

- Ох! Они на хрен *издеваются* надо мной?

Как они умудрились уже что-то напечатать? Даже на суперскорости я не смогла бы выпустить газетенку так быстро! Но вот она, развевается на ветру словно жирная пощечина.

Не могу читать дальше. Уверена они поливают меня грязью. Но предательский взгляд скользит ниже, и я конечно оказываюсь права.

от одного хвастливого подростка,
ПОДВЕРГШЕГО ОПАСНОСТИ
всю миссию,
единственно ответственному за то,
что много хороших невинных людей
ПОГИБЛО или попало в ПЛЕН.

- Блин! Кто пишет этот бред!?

Это я была сегодня героем! Это я спасла ситуацию выигрышной комбинацией своей сообразительности и способностей. Они даже выделили крупным шрифтом свою клевету обо мне! Мне знаком этот трюк. Сразу видно, что они необъективны! Чувствую, как мое лицо краснеет. Ещё чуть-чуть, и я просто лопну от злости. Эти Попечители просто охренели!

- Останови ее, - кричит Мак.

Против них двоих у меня нет шансов. Да у меня, блин, нет шансов и против одного Бэрронса. Он как Риодан. Я не могу с ним конкурировать, даже когда я в прекрасной форме.

Пока что.

Сжимая руки в кулаки, я делаю быстрые глубокие вдохи, пытаюсь выбросить из головы этих мы-может-и-заботимся-но-точно-ни-хрена-не-говорим-правду. Мне хватает секунды, чтобы проанализировать возможности и понять, как мне отсюда выбраться. Ответ так прост, что перехватывает дыхание. Выживание заложено у меня на клеточном уровне. Мое подсознание уже привело меня туда, где мне нужно быть.

Я подныриваю по нему, застав врасплох, или, что вероятнее, он почему-то позволяет мне ускользнуть, потому что я даже в стоп-кадре не смогла бы опередить Бэрронса. Не в силах справиться с собой, я бросаюсь назад, срываю этот гнусный кусок мусора с колонны и комкаю его, потому что просто не могу его тут оставить. И вот я снова несусь за книжный магазин к первому зданию слева в Темной Зоне.

В последний раз я была здесь тем вечером, когда мы с Кристианом исследовали библиотеку Темного Короля. Тем вечером, когда слова из книг Бора-Бора сползли со страниц и жалили меня как огненные муравьи. Тем вечером, когда я случайно отпустила на волю Кровавую Ведьму.

Кристиан. Ведьма. Блин, за мной должок.

Когда он показал мне скрытый в стене портал, ведущий к древним Зеркалам, которые фейри раньше использовали для путешествий по мирам, я запечатлела в памяти тот конкретный участок непримечательной кирпичной кладки. Любое оружие и путь для отступления хороши. И даже Риодан с его долбанным контрактом не сможет отследить меня в Фэйри. Ещё тогда я решила, что если в городе станет жарко, то я смогу свалить ненадолго.

А сейчас в нём стало слишком жарко.

- Дэни, не делай этого! - кричит Мак.

Я прыгаю на стену. Она странная, впитывает меня словно губка. И вот я в большой комнате без окон и дверей с голыми белыми стенами и белым полом, и в воздухе висят десять огромных зеркал разных форм и размеров. Некоторые неподвижно, а некоторые лениво вращаясь. Не удивительно. Фейрийским штучкам, как живым, так и нет, наплевать на человеческие законы физики. Поэтому Танцор так на них сдвинут. Некоторые зеркала в изящных резных рамах, другие в тонких кованых окантовках. Поверхность одних черна как ночь, других - молочно-белая, а в третьих мелькают тени, к которым не хочется приглядываться.

Я знаю точно, какое Зеркало выбрать - второе справа. То, которое пропихивает тебя в изу-хреномительный Белый Дворец. У меня всё равно чесались руки его исследовать. Если они последуют

туда за мной, я оторвусь от них в лабиринте коридоров или отвлеку их внимание чем-нибудь. Потому что Правило Номер Один в Справочнике Мега О'Мэлли: главное выжить, о последствиях позаботишься потом. Ты не сможешь заняться последствиями, если мертв.

Если они не станут преследовать меня, можно дождаться, когда заработают мои суперспособности, и вернуться в Дублин, пропустив правда пару дней, а то и пару недель. В прошлый раз мы с Кристианом потеряли в Фэйри целый месяц, ведь в этом измерении время течет совсем иначе! Не будут же они караулить меня в Белом Зале круглосуточно. Ненавижу терять дублинское время, которое могла бы потратить на помощь моему городу, но если умру, то уже ничем и никогда не смогу ему помочь.

Мак прорывается сквозь стену, словно пушечный снаряд, врежется в меня, и я едва не влетаю в неправильное Зеркало. Понятия не имею, куда ведут остальные, и меня ужасает сама мысль о том, что могло бы случиться, попади я в мир, где нечем дышать, или в саму Тюрьму Темных, или во вселенную Охотников или Теней, или Серых Женщин! К Серым людям у меня особая неприязнь. Одна из них почти убила меня и вынудила Мак дать обещание, которое не следовало давать.

Я отталкиваю ее от себя, и она, оступившись, едва не врежется в Бэрронса, который только что вошел и сразу заполнил своей величавой звериной грацией всё помещение.

Иерихон Бэрронс - непоколебимая, неизменная константа. Он краеугольный камень моей вселенной. Или они оба. Я не уверена. Единственное, в чём я уверена, пока эти двое и КиСБ существуют, всё не так уж и плохо в моей жизни.

Ничего не могу поделать с собой и разглядываю их пару секунд. Мне нравится смотреть на них. Я замираю, впитывая каждую деталь.

Мак резко тормозит, чтобы не столкнуться с Бэрронсом, и ее светлые волосы откидываются назад за спину, касаясь его лица. Мой слух настолько хорош, что я слышу их шорох по его щетине. Он поднимает руку, чтобы придержать, и касается её груди, а когда понимает, до чего дотронулся, в его взгляде появляется голод. Хочу, чтобы именно так однажды на меня смотрел мужчина. Пытаюсь восстановить равновесие, их тела движутся в грациозном танце с безупречной синхронностью, демонстрируя союз, симбиоз и партнерство, о каком я могу только мечтать. Они словно волки, объединившиеся в стаю, чтобы поохотиться вместе. Словно солдаты, готовые прикрыть друг друга, несмотря ни на что: ни на грехи, ни на проступки, ведь мы все ошибаемся. И, глядя на них, мое сердце на хрен разрывается, потому что однажды мне удалось пережить это незабываемое ощущение принадлежности, к которому я стремлюсь всем существом. Вдвоем они прекрасны, лучшие из лучших, сильнеешие из сильнейших.

Вдвоем они планируют убить меня и счастливо жить дальше. Они будут есть, заниматься сексом, попадать в приключения, а я буду лежать под слоем земли, если кто-то потрудится меня похоронить. Меня не будет. Всё закончится. Исчезнет. Прекратиться. А я ведь ещё даже не жила.

Не уверена, что когда-то была счаст...

Я останавливаю этот идиотский поток мыслей. Как только мои *ши*-способности вернутся, закончится и этот гребанный эмоциональный срыв. Потеря супер-способностей и наша первая встреча с Мак с тех пор, как она узнала, что я сделала, временно выбили меня из колеи. Ключевое слово здесь - временно.

Задолбало это четырнадцатилетие.

Гормоны - отстой.

Как бы мне хотелось побыстрее нафиг вырасти, чтобы всё устаканилось и стало понятным, чтобы меня начали воспринимать всерьёз, чтобы я наконец-то могла...

Нафиг это все! Чего я жду?

Сжимаю рукоять меча и со смехом бросаюсь в зеркало. Я всегда безудержно хохочу, сталкиваясь с неизвестным. Хороший смех подзаряжает не хуже конфетного топлива, он словно большой шатер, наполненный магическими фокусами.

Меня ждёт ещё одно захватывающее приключение!

- О, боже, Дэни, только не в это! Мы их переместили! Это ведет в... - были последние слова Мак, которые я услышала.

Глава 2

*Где раньше было сострадание,
Остались лишь дыры от пуль...⁴*

Мак

- ...Зал Всех Времен!

Этот древний фейрийский «аэропорт», связывающий между собой Серебристые Зеркала, если не безграничен, то настолько громаден, что словами не описать.

Сплошь золотой от пола до потолка бесконечный коридор увешан миллионами зеркал-порталов в параллельные измерения, а источаемое им пространственно-временное искажение настолько леденит душу, что чувствуешь себя ничтожным, словно песчинка в необъятном космосе.

В Зале время не линейно, оно изменчиво и неустойчиво. Здесь можно навсегда затеряться в воспоминаниях, которых никогда не было, и в мечтах о будущем, которое никогда не настанет.

В одно мгновение ты чувствуешь себя ужасающе одиноким, в следующее - словно раскрывается бесконечная бумажная кукла-гирлянда, и тысячи версий тебя, держась за вырезанные из плотной бумаги руки, стоят в тысячах разных миров одновременно.

К опасностям, подстерегающим в этом Зале, добавился вред, нанесенный проклятием Крууса (хотя он, как обычно, пытался спихнуть всю вину на своих Темных братьев). Зеркала теперь искажают. И изображения, которые они передают, совсем не соответствуют тому, что находится по другую сторону. Густой дождливый лес может скрывать за собой выжженную пустыню, тропический оазис - ледяной мир, но и рассчитывать, что изображение прямо противоположно тому, что за ним находится, тоже нельзя. Вы не найдете карманного пособия «Автостопом по Галактике» на удобном столике в фойе, рядом с прохладительными напитками и вкусной закуской, за этими искажающими реальность стенами.

Бэрронс встает между мной и Зеркалом, сложив руки на груди и широко расставив ноги. Он темный и высокий, словно гора, которую мне не пройти, не обойти. Я встречаю его безжалостный взгляд, и между нами начинается очередной безмолвный диалог.

«Но мы должны...»

«Нет, не должны.»

«Но мы не можем...»

«Можем.»

«Но она не...»

«Она разберется.»

«Но это...»

«Не ваша вина и не ваша проблема.»

«Но это я...»

«Чтоб вас, мисс Лейн. Сколько "но" вы готовы ещё предложить? Предложите мне что-нибудь попикантнее.»

Голодным взглядом он скользит по моему задку, и меня кидает в дрожь.

После всего, через что мы вместе прошли, он все равно зовет меня «мисс Лейн, кроме тех случаев, когда я нахожусь в его постели. Или на полу, или ещё где-нибудь, где я могу временно забыться и дышать свободно, ощущая наконец его внутри.

- Иногда мне кажется, что с тобой разговаривать вообще бесполезно.

Он слегка приподнимает бровь, давая понять, что сам того же мнения.

Бэрронс думает, что слова опасны и бессмысленны. Будь его воля, мы бы редко разговаривали, даже мысленно. Самое забавное во все этом, что чем больше времени я провожу с ним, тем больше я понимаю, почему он так думает.

- Но она в Зале. Это ужасное место. Я в этом лично убедилась. Людям оттуда не выбраться, - когда я была там, блестящие чарующие полы древних коридоров были завалены скелетами. Я и сама чуть не стала одним из них. В этих завораживающих залах можно придумать собственную

⁴Linkin Park/Easier to Run

реальность и умереть, веря, что прожил насыщенную счастливую жизнь. Это место просто сносит крышу.

- У вас получилось, - говорит он вслух.
 - Это не одно и то же. Я исключение. Из многих правил.
- Уголок его губ приподнимается.
- И к тому же очень скромная. Она тоже исключительна.
 - У меня были камни.

Являясь частью мира Темного Короля, они реагировали на каждый портал, через который я проходила, изменяя окружающую среду так, что в конечном счете она выталкивала меня.

- Последовав за ней, вы только вынудите ее искать ближайший путь отступления. В первом попавшемся Зеркале. Она не перестанет убегать от вас. А что, если ей попадется мир без воздуха или слишком близкий к солнцу? Ей нужно время, чтобы задействовать свой могущественный мозг. Вы справились. И она сможет. Оставьте её. Вам нужно сосредоточиться на другом. Кроме того... - он смотрит мне в глаза так пристально, что я чувствую, как он проникает в мой мозг, анализирует, копается в нем, выискивает. — Ах, да. Как я и думал. Вы еще не готовы. Так что оставьте пока ее в покое.

В словаре напротив слова «диктатор» расположена фотография Бэрронса. К сожалению, как и напротив словосочетания «вызывающий привыкание». Локтями расталкивая в стороны Темных, я меняю тему разговора:

- Ты еще не выяснил, как избавиться от них? Прошло уже несколько месяцев.

Один за другим чирикающие призраки в черных плащах проскакивают за мной сквозь портал. Понятия не имею, почему они преследуют именно меня. Я между этими Темными словно шпротина в консервной банке. И воняю соответственно. Мало того, что они ходят за мной по пятам, так они ещё и оставляют на моей одежде след из скользкой едкой желтой пыли, задевая меня. И это ещё не главные причины от них избавиться.

За редким исключением, как сегодня, когда они почему-то решили сесть повыше, они не дают мне возможности драться. Я не могу добраться до своего врага, не убив сначала пару десятков этих приставал. К тому времени, как я расчищаю себе путь к тому, кого я действительно хотела убить, он исчезает. Мой дар ши-видящей, обнуление или заморозка, на них не работает.

Как будто этого не достаточно, при каждой встрече Риодан достает меня из-за этих Темных. Когда этому мужчине достается кость, он вонзается в нее зубами и грызет, пока не выест весь мозг, поэтому я перестала появляться в Честере или на публике, где можно натолкнуться на него или его людей. А учитывая, что они просто повсюду, так как следят за Дублином и округой, я дни и ночи напролет сижу в книжном магазине. Скука и изоляция сводят меня с ума, и с каждым часом становится всё опаснее, потому что, как известно, безделье - мать всех пороков, а дьявол не дремлет.

«Не дьявол, красавица. Ангел. Твой ангел, - ещё один голос, который я упорно игнорирую. - Желаешь от них избавиться? Все, что захочешь! Только попроси!»

Ну да, даже слушать не хочу.

Когда Темные только начали меня преследовать, я убила около пятидесяти из них. Но каждый раз на место убитых прибывало ещё больше. Усугубляя мое отвращение, умирая, они оставляли после себя большое облако этой едкой желтой пыли, от которой я бесконечно чихала. Не видела, чтобы они кормились людьми, и, учитывая, что их единственное преступление в том, что они преследуют меня и пачкают мою одежду, я перестала убивать их. Ведь это бессмысленно, и тревожит меня.

Многозначительно смотрю на Бэрронса. Вокруг него пять метров личного пространства, а я облеплена Темными, как собака блохами.

- Так ты можешь от них избавиться?
- Я над этим работаю.
- Ты можешь сделать мне татуировку или что-нибудь в этом роде?
- Теперь она хочет, чтобы я сделал ей татуировку. Чудеса, да и только!
- Лучше татуировка, чем эти... эти... эти проклятые зловонные кровососы!
- Пока я не нашел способ, который был бы эффективным.
- То, что помогает держать их за пределами магазина, должно сработать и на мне.

Единственное место, где я могу найти хоть чуточку уединения, это книжный магазин и помещения под гаражом.

- Я пока не выделил конкретный элемент, который срабатывает. И нет, я не могу испробовать их все на вас. Если я это сделаю, вы можете утратить способность двигаться. А я предпочитаю, чтобы вы двигались. Большую часть времени.

Большую часть? Я ошетиливаюсь, но не желаю отвлекаться.

- Как много элементов задействовано в защите магазина? Пять? Десять? Тысяча? - он не выдает тайны своего секретного заклинания. Я особо и не рассчитывала, это-нахрен-не-твое-дело - его второе имя, но продолжаю давить: - А ты не думал попросить помощи у Келтаров? Они же были друидами фейри на протяжении тысяч лет и возможно...

На этот раз он полоснул взглядом с алыми искрами, и я замолкаю. Я уже видела такую вспышку, когда он был сверху с потемневшими от страсти глазами, сжимая руками мою голову. Ее же я видела, когда он убивал. Я знаю, что она несет в себе: первобытную страсть или первобытную жажду разрушения. С трудом верится, но прямо сейчас я не настроена ни на то, ни на другое. Мои проблемы влекут за собой кучу новых проблем, а те, несомненно, порождают еще больше проблем, пока я волнуюсь о первых. Напоминать Бэрронсу о клане сексуальных горцев было плохой идеей, и я бы так не оплошала, если бы не отвлеклась на мысли о чистой одежде и предстоящей стирке. Очередной.

Мне надоело прятаться. Я устала от стирки. Сыта по горло отсиживанием. Я ничего не делаю для моего города, моих людей, самой себя. Я, возможно, самое могущественное существо в Дублине, а то и на всей земле, не считая одного замороженного принца. Но вынуждена сидеть, сложа руки, чтобы никто не узнал, что во мне скрыт зародыш психопата-убийцы - полной копии Синсар Дабх - наиболее опасной, извращенной, злой книги черной магии из всех когда-либо существовавших.

Я знаю, где найти заклинание, чтобы избавиться от надоедливых Темных. Знаю даже, где могла найти магию, необходимую для уничтожения того, что замораживало людей и покрывало льдом наш город. На страницах книги, которую я не рискую открыть, даже чтобы просто заглянуть внутрь. Темная книга овладевает каждым, кто читает ее, полностью поглощает его и разрушает. Я ношу в себе оружие массового поражения, и не превращаюсь в величайшее зло лишь потому, что не смею прикасаться к нему.

Неделю, после моего отказа использовать заклинание, способное умертвить сына Бэрронса, Синсар Дабх молчала. Целых восемь с половиной замечательных дней я думала, что наступило мое «и жили они долго и счастливо», что я могу расслабиться и спокойно убивать Темных, отстраивать Дублин, заниматься садоводством вместе с мамой, кататься с папой на классных тачках, укреплять аббатство, налаживать отношения с моими сестрами ши-видящими, устраивать грандиозные разборки Бэрронсу и заниматься с ним ещё более грандиозным сексом. Что мне всего-то нужно игнорировать Синсар Дабх. Просто не открывать её. Никогда не использовать безграничную власть, которая есть в моем распоряжении. Ничего сложного, правда?

Не правда.

Искушение не тот порок, от которого освобождаешься навсегда, однажды преодолев его. Искушение каждый вечер ложится в постель вместе с тобой, помогая произносить молитвы. А на утро оно будит тебя чашечкой твоего любимого кофе, обильно приправленного грехом.

Каждый день мне приходится снова и снова переживать тот вечер у книжного магазина, только на этот раз я отказываюсь от заклęcia, которое может спасти не только его сына, а целый город.

Мне хватило пяти минут издевательств Синсар Дабх, чтобы выработать план действий.

Я должна избавиться от нее.

Прежде чем кто-то узнает, или я потеряю контроль, неся смерть и разрушение всем, кто мне дорог. Я не собираюсь бороться с ней каждый день своей бесконечной, благодаря фейрийскому эликсиру, жизни. Надеюсь, избавившись от неё, я заодно избавлюсь и от этих сталкеров, не дающих мне свободно перемещаться.

Пока наш город сражался с ледяным монстром, мы с Бэрронсом, преследуемые этими упырями, впустую потратили недели в переменчивом Белом Дворце, перерывая бесконечные библиотеки, листая древние свитки и рукописи, в попытках найти хотя бы намёк на упоминание легендарного

заклинания, которое смогло бы призвать Темного Короля назад в Дублин. Он может вытащить из меня свою проклятую книгу.

Бэрронс считает это бесполезной тратой времени и начинает терять терпение. Он провел тысячелетия, исследуя древние книги в поисках заклęcia, а я снова вынудила его исследовать древние книги в поисках заклęcia. Он говорит, что если нам и удастся привлечь его внимание, безумный Король рассмеется нам в лицо и исчезнет так же быстро, как и появится.

Я отказываюсь этому верить. Король - моя последняя надежда. Кроме того, он ко мне благоволит. Вроде как. Настолько, насколько вообще может благоволить тот, кто называет себя Темным Королем.

- Вы не слушаетесь меня, мисс Лейн. Вы не пойдете за ней. И точка.

Под сшитым на заказ Армани скользят мышцы, словно перетекают под тканью, и Иерихон Бэрронс, развернувшись, уходит через портал, оставляя меня одну со множеством вопросов, сотней странных Темных и практически без выбора.

«И точка», черт побери. Я принадлежу самой себе. Я ходячая Смерть. Я возможность Полного и Окончательного Уничтожения Мира. Я сама могу принимать решения.

Прищурившись, я взвешиваю варианты.

Я знаю Бэрронса.

Если я пойду за Дэни, он последует за мной, как и моя Темная свита. Представляю этот парад: красивая блондинка с жуткими глазами, за ней - здоровый, темный, татуированный мужчина с действительно жуткими глазами, а за ними следом парят вонючие призраки в покрытых паутиной черных плащах. Черт, мне бы одного взгляда хватило, чтобы убежать, даже не зная, что у этого шествия есть серьезная причина злиться на меня.

Бэрронс прав. Дэни снова сбежит, не важно куда, хоть куда-нибудь.

И не наша дикая кавалькада тому виной.

А я одна.

«Вы пока не готовы,» - сказал он.

Это из-за меня она ринулась в Зеркало. Я начинаю лучше различать поворотные моменты. Там, в аллее, я могла достучаться до неё, остановить её. По крайней мере, не дать ей убежать в Фэйри.

Не ускользнуло от моего внимания и то, что Дэни не использовала ни крупницы своей суперсилы в нашей до нелепости обычной девчачьей потасовке. Она и стоп-кадром не воспользовалась. Это демонстрирует её отчаянную надежду на моё прощение.

Я тоже сдерживалась, отчаянно желая простить. Повернуть время вспять до полуневиновности. Но часики, с бешеной скоростью отсчитывая время, лежат в грязном дублинском переулке, рядом с золотой косметичкой, прикрытой мусором, и адресом, нацарапанным на тротуаре умирающей женщиной.

Они сломаны.

Нельзя рассчитывать, что Дэни пробудет в обычном скоростном режиме долго. Неизвестно, что может ее встревожить. Поэтому, когда она споткнулась, я воспользовалась возможностью и занесла копьё, чтобы срезать с неё рюкзак, отобрать еду и лишить ее возможности подпитаться.

Клянусь, это все, что мне было нужно. Ее еда. Ничего больше.

Но когда я подняла копьё, в памяти всплыло всё то зло, с которым мне пришлось бороться. Её заполнили образы моей сестры, лежащей в том переулке, Мэллиса, избившего меня до полусмерти, Темных Принцев, насилующих меня, Ровены, перерезающей мне горло в камере под аббатством, и бесконечных выходок Синсар Дабх. И на мгновение мир мне опротивел, ведь прежде я была хорошим человеком, во мне не было ничего плохого, по крайней мере, я так думала. Все-таки неведение - благо. Но сражаясь со злом ежедневно, глядя ему в лицо, соприкасаясь с ним, пытаюсь думать, как оно, ты сталкиваешься с выбором: признать поражение перед своей ограниченной нравственностью или пробудить в себе зверя, неподвластного никому.

Мой зверь именно такой, и вместе с моим психопатом-попутчиком они держат меня в таком же скованном состоянии, в котором находится и мой собрат по несчастью - принц. Но если Крууса заточили против его воли, то я осознанно выбрала свое бесполезное бездействие.

В любом случае, мы оба скованы.

Я ничего не делаю. И мое презрение к себе растет.

Грань тонка. Её так легко пересечь.

Невозможно не пересечь.

Мне понадобилось всё мое самообладание, чтобы разрезать только нейлон, а не плоть и кость, и если бы мне пришлось сделать это снова, не уверена, что сдержалась бы.

Я люблю сестру. Я любила Дэни.

Некоторые вещи настолько укореняются в нас, что избавиться от них практически невозможно несмотря на всё сострадание, милосердие, и понимание.

Одна из них убила другую.

И в моем сердце поселилась ярость.

И в этом не виноват искушающий шепот Синсар Дабх. Вина лежит на мне. Я не смогла убедить Дэни, что не жажду мести.

Я себя в этом не могу убедить.

Глава 3

У меня за спиной и ангел, и Мефистофель⁵

ДУБЛИН ДЭЙЛИ

17 Июля, 1 год ППС

ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ НАДЕЖНЫЙ
ИСТОЧНИК НОВОСТЕЙ О ПРОИСХОДЯЩЕМ
В НОВОМ ДУБЛИНЕ И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

ПРЕДОСТАВЛЕН ВАМ ВАШИМИ ПОПЕЧИТЕЛЯМИ

Настало лето!

И нет более подходящего времени,
чтобы облачиться в БЕЛОЕ!

Вступайте в наши ряды,
чтобы помочь отстроить Новый Дублин,
который будет сильнее и зеленее прежнего!

ВЫ можете изменить ситуацию К ЛУЧШЕМУ!

Настало время показать, что ВАМ НЕБЕЗРАЗЛИЧНО!

Вступайте в ряды

ПОПЕЧИТЕЛЕЙ

Сегодня!

⁵Nine Inch Nails "My Violent Heart"

Мак

Я комкаю бумагу, даже не пытаюсь добраться до искаженной информации, скрытой за всей этой пропагандой. Меня бесит, что приходится узнавать новости о происходящем в городе из этих листовок. Раньше я сама создавала эти новости, потому что была непосредственным участником событий, влияла на их ход, принимала важные решения... Или, по крайней мере, была в курсе об их принятии.

Хочу увидеть, как на столбах от легкого дуновения ветра колышутся «Дэни Дейли». Хочу прочитать, как она хвастается своим последним убийством. Хочу быть в курсе того, какая именно угроза со стороны Темных сейчас самая актуальная, причем со всеми забавными и колоритными деталями, которыми она захочет поделиться. И хоть я до сих пор не горю желанием увидеть ее воочию, тем не менее, было бы здорово знать, что у нее все хорошо.

Меня невероятно расстроило, что пришлось узнать о событиях той ночи, когда Ледяной Король был уничтожен в аббатстве, из навязывающей свои идеи газетенки Попечителей. Я выбрасываю скомканную листовку в помятый мусорный бак.

Я тоже должна была быть в аббатстве, но мы в очередной раз отправились в Зеркалье и вернулись только поздно ночью, примерно через час после завершения масштабного решающего сражения. Мы даже не знали, что оно готовится. Если бы я была там, может, никто бы и не умер. Может, я спасла бы Кристиана от Кровавой Ведьмы. Я скучаю по сексуальному молодому шотландцу с убийственной улыбкой, которого встретила едва приехав в Дублин. Отказываюсь верить, что он потерян для нас. Говорят, он полностью превратился в Темного Принца. Слышала, дяди ищут его, но удача пока не улыбнулась им.

Они говорят.

Я слушаю.

Голос моих новостей так же пассивен, как и я.

Мне стоило бы заняться поисками Кристиана. Он винит меня в произошедших с ним изменениях, после того как, ради его же спасения, я накормила его плотью Темных. Это и ритуал, который Келтары проводили вместе с Бэрронсом в Высокогорье на Самайн, и который прошел не так, как надо, определили его судьбу. Он в равной степени винит нас с Бэрронсом за своё превращение. И это полный бред. Из Зала Всех Времен, рискуя собственной жизнью, я отправилась в знойный мир с четырьмя радиоактивными солнцами, чтобы спасти его. И вот какую благодарность получила.

Обеими руками отбрасываю волосы с лица. Ещё немного и от досады начну вырывать их с корнем.

Прошел двадцать один день с тех пор, как Дэни нырнула в Зеркало и попала в Зал Всех Времен. И я понятия не имею, жива она или мертва. Постоянно рискуя, преследуемая своей свитой, я перерыла весь город в надежде обнаружить хоть какой-нибудь признак её возвращения. И всё чаще стою в аллее, глядя на то проклятое место в кирпичной стене, сомневаясь в самой себе.

Я заметила, что между часом и пятью дня, Риодан со своими парнями, равно как и фейри, особой активности на улице не проявляют. А значит у меня есть ещё целый час на поиски свежей витиеватой буквы «Д», нацарапанной на булыжнике на месте ее наиболее впечатляющего убийства, или записки в Почтовом Отделении, на которую она ответила. А быть может я наткнулась на ее приятеля Танцора. Ведь она вряд ли сообщит мне лично о своем возвращении.

Я иду быстрее. Моя стрекочущая армия, окружив меня, не отстает ни на шаг. Я расталкиваю их, активно работая локтями, но это помогает лишь на пару секунд. И вот я снова облеплена грязными зловонными Темными и стряхиваю с рукавов паутину. Дэни была права, они отвратительны.

«Они могут стать твоими жрецами, МакКайла. Повелевай ими.»

Даже знать не хочу.

Я поступаю так, как меня учил Бэрронс: рисую в своем воображении обсидиановую книгу, сверкающую золотом, захопываю ее и запираю. И для правдоподобности картины добавляю мультяшные штрихи: пыль, вырывающуюся из-под обложки, и закрывающийся глаз на

позолоченной книге, как будто лишенный жизни. В качестве завершающего штриха я забрасываю книгу в гигантский туалет.

Это правда. Мои поиски были бы гораздо продуктивнее, если бы я отправила искать ее сотню Темных. Я могла бы послать их в Зал Всех Времен.

Но нет.

Несмотря на тщетность моих усилий, было здорово выбраться из книжного магазина. Дублин возвращается к жизни, благодаря стараниям моей мамы и ее группы по озеленению города. После уничтожения Ледяного Короля, лед растаял опасно быстро, и город затопило. Большинство людей безвылазно сидели по домам, пережидая.

Но не Рейни Лейн. Она наступала по всем фронтам, организовав команду по постройке баррикад из мешков с песком, другую для транспортировки удобрений, агрокультур и редкого домашнего скота из отдаленных районов, нетронутых кровожадными Тенями. Когда достаточно просохло, она собрала новые группы людей, чтобы убрать брошенные автомобили, блокировавшие улицы еще с прошлого Хэллуина, когда пали стены и по всему Дублину прокатилась волна беспорядков.

Когда улицы были очищены от самых больших завалов, мама с усердием принялась за подкормку удобрениями и посев травы, кустов и деревьев. Появление новых насаждений возродило надежду, побуждая остальных присоединиться к восстановлению Дублина. На Оливер Сент-Джон Гогарти снова повесили знаменитые флаги, подвесные клумбы на Набережной вновь заполнены цветами. И, похоже, кто-то собирается заново открыть Темпл Бар.

Мой отец, Джек Лейн, регулирует те гражданские споры, которые не были разрешены с применением силы (так что на его рассмотрение попадает не так уж и много дел), и руководит одной из бригад по восстановлению энергоснабжения и уборки улиц. Уличные фонари снова включаются на закате и отключаются на рассвете, а приюты для бездомных снова заработали. Те немногие врачи, которым удалось уцелеть, открыли полевой госпиталь в Дублинском Замке, по соседству с инспектором Джэйни и бывшими сотрудниками Гарды, которые теперь стали СНД: Стражами Нового Дублина. Папа говорит, что скоро мы сможем совсем отказаться от генераторов. Похоже в Ирландии было не мало инженеров и хакеров, и они, в отличие от большинства, сумели пережить разрушение нашего города.

Еда и лекарства - самые востребованные товары. Дублинские продуктовые магазины пусты, госпитали и аптеки разграблены, и мы потеряли огромное количество плодородных земель из-за Теней, так что восстановление займет время. Один из немногих положительных моментов того, что половина человечества стерта с лица земли - это то, что где-то образовались излишки продовольствия. И если вы сможете продержаться достаточно долго и пережить длинный и опасный путь, переполненный хищными фейри и не менее хищными людьми, то вы найдете их. Попечители пытались выбить себе уголок на рынке продовольствия, но были вытеснены безжалостными конкурентами.

Достать еду в Дублине можно в трех местах, и цены там устанавливают так, как заблагорассудится: в Честере, у фейри и на черном рынке. И если хотите знать мое мнение, то они все черные. Но, конечно, никого не интересует моё мнение, потому что я ни с кем не вижусь, скрываясь, а мой бойфренд не очень разговорчив.

Фыркаю. Я только что подумала об Иерихоне Бэрронсе как о своем «бойфренде». Сомневаюсь, что эта катастрофа когда-либо была мальчиком, и уж точно его нельзя назвать дружелюбным⁶.

Ну все! Теперь я официально свихнулась.

Одиночество и бездействие разрушают меня напрочь.

Спустя сорок пять минут, я возвращаюсь в книжный магазин. Позади очередной бездарно прожитый день, а впереди ещё один унылый вечер за чтением пыльных, ветхих манускриптов. Когда-то я любила читать. Но раньше я читала любовные романы, детективные истории и автобиографии, а теперь же исключительно скучные, древние легенды фейри и их историю.

Я решила срезать через примыкающую к КиСБ Темную Зону. Посмотрю, что там происходит, смогу убедиться, что она всё ещё пуста. Это определенно улучшит мое самочувствие. Раз уж я не в состоянии активно сражаться, то могу хотя бы следить за излюбленным местом обитания моих врагов, чтобы быть уверенной в том, что они не вернулись.

⁶ boyfriend: boy - мальчик, friend - друг

Моя толпа Темных поворачивает за мной, когда я направляюсь к узкому мощеному переулку.

Почти год назад, на второй день после приезда, я заблудилась в этих забытых, заваленных мусором кварталах, переполненных ветхими промышленными складами и доками, полуразваленными дымоходами и заброшенными машинами. Буквально весь район был завален плотными, пористыми обрывками пергамента. Тогда я и не подозревала об угрозе, таящейся во тьме.

Но, избежав в тот день опасности, я тут же влипла в неприятности совсем иного рода, натолкнувшись на «Книги и Сувениры Бэрронса». Это была любовь с первого взгляда. Я имею в виду магазин. Не владельца. С которым у меня война с первого взгляда. С тех пор мало что изменилось. Но мы оба наслаждаемся этой войной.

Позднее той ночью Бэрронс пришел в мой номер в Кларин Хаус и пытался запугать меня, чтобы я вернулась домой. Не сработало. Может я и была розовой, привлекательной и испуганной, но все же смогла настоять на своем.

Я хмурюсь и тру лоб, затем сжимаю переносицу. Как будто что-то зудит в моей голове. Пока я думала о той ночи, произошло что-то очень странное. Такое впечатление, что у меня в голове спрятан аккуратно завернутый сверток, и его что-то побеспокоило, подняв в воздух клубы пыли, привлекая мое внимание туда, куда раньше я ни за что бы не взглянула. Благодаря Синсар Дабх, постоянно пытающейся проникнуть и завладеть моими мыслями, я стала профи в том, что касается путешествий по плохо освещенным коридорам моего сознания. Одни вещи я откладываю в сторону, другие прячу глубоко в укромные уголки, а третьи поднимаю и вытаскиваю на свет божий.

Но это не похоже ни на Книгу, ни на меня. Такое ощущение, что кто-то другой спрятал сверток поглубже, завернув его в плотную оберточную бумагу и оставив в крохотной пещерке, куда я могла бы ни разу...

- Ты поклялась. Предложила перемирие, - шипит кто-то. - Теперь это моя территория.

Мой взгляд фокусируется на местности, и я с удивлением обнаруживаю себя в семи-восьми кварталах вглубь Темной Зоны. Тело в мгновение ока готово к бою, рука сжимает копьё. Моя стрекочущая армия стает и направляется на крыши, очевидно находясь в таком же восторге от покрытой язвами, крадущей красоту Серой Женщины, как и я. Как бы мне хотелось понять, что движет ими в те непредсказуемые моменты, когда они решают покинуть мое личное пространство.

Наслаждаюсь отсутствием ограничений и расправляю плечи, ведь, когда они находятся слишком близко ко мне, я вечно сутулюсь. Несколько месяцев я не стояла на улице одна, ну, кроме той ночи, когда встретила с Дэни.

А сейчас стою лицом к лицу со своим врагом - Темной, один на один, и ничто мне не мешает. Обалденное чувство, прямо как в старые добрые времена.

Трехметровая Серая Женщина, покрытая открытыми и сочащимися язвами, просто омерзительна. Я едва задерживаю взгляд на длинных тощих руках с присосками, почти убившими Дэни той ночью, припоминая, как я заставила мерзкую Темную вернуть жизнь девочке в обмен на грязную сделку, которую мне не следовало заключать. И тем не менее, я бы сделала это снова, только чтобы Дэни могла жить.

Я пристально смотрю в ее гниющее лицо и думаю о шипящих фейри, убивших мою сестру, о том, сколько раз эта сучка наедалась досыта, о бесчисленном количестве разрушенных и утраченных по ее вине жизней.

Я не видела никого из парней Риодана на улицах.

Моя толпа не окружает меня.

Просто идеальный момент. Я ши-видящая и мощный Ноль. И ко всему прочему, у меня есть оружие, уничтожающее фейри. Я не нуждаюсь в услугах своего внутреннего психа. Копья вполне достаточно. В этом всем нет ни намека на Синсар Дабх и ее участие. Порой я задумываюсь над тем, нет ли вины Книги в том, что меня преследует призрачная стая. Что если она приказала им мучить меня в надежде, что я не смогу сражаться на стороне добра слишком долго, что сойду с ума и поддамся ее бесконечным уговорам.

Черта с два.

Сегодня я вернусь домой с легким сердцем и высоко поднятой головой от осознания того, что уничтожила одного из наших многочисленных врагов. Хочу почувствовать себя прежней: той, что

сражается за общую цель, спасает бог знает сколько тысяч жизней, забрав всего одну - отвратительную и злую.

- Ты покинешь это место. Оно принадлежит мне. Ты обещала свободу перемещения и задолжала мне услугу, - шипит Серая Женщина.

Чего мне не хватало все эти месяцы, так это возможности врезать своей неуверенности прямо в зубы, напомнить себе, что даже если Книга и может уколоть меня, я держу все под контролем. Я принимаю решения, а не Синсар Дабх. Она может говорить все, что хочет, вторгаться в мои мысли, бесконечно искушать меня, но в конце концов это я управляю своим телом и командую.

Темные - паразиты. Они истребили миллионы людей, дай им волю, они будут обжираться, пока ничего не останется. Я презираю их. Презираю себя за то, что не убила больше этих тварей.

Мое копьё отливают серебром во время битвы. Я сражаюсь на стороне добра.

- Представь себе, сука, - бросаю я, нанося удар. - Я солгала.

«Наконец-то,» - шепчет Синсар Дабх.

И меня поглощает тьма.

Задышавшись, я пытаюсь прийти в себя. Стою на коленях в сточной канаве, ничего удивительного, ведь у меня состоялось очень близкое знакомство со многими дублинскими канавами - во многих из них меня стошнило.

У меня все болит: ломит поясницу, горят руки, колени все в синяках. И я вся промокла.

Всматриваюсь в небо. Неужели снова пошел дождь? Он здесь частенько.

Нет, все еще солнечно, пока. Отблеск заката догорает над... Я хмурюсь. Что случилось? Где я? Точно не в Темной Зоне, я практически в противоположном конце города.

Мягкий смех раздается у меня в голове.

«На Свободной Земле, МакКайла. Это Дом Отважных, Прекрасных и Смертоносных. Только не говори, что тебе не понравилось,» - мурлычет Синсар Дабх.

Что-то капает мне на голову и стекает по лицу.

Дотрагиваюсь до лица и смотрю на руку. Она покрыта зеленой слизью.

И кровью.

Ногти в чем-то испачканы. Даже рассматривать не хочу, что застряло под ними.

«Не смотри вверх, не смотри вверх.»

«Продолжишь в том же духе, принцесса, и я сама тебя убью. Не думай, что я не смогу.»

Я зажмуриваюсь.

«Не спрятаться, не скрыться,» - напевает Книга и посылает мне видение: я стою на коленях в «Книгах и Сувенирах Бэрронса», приставив пистолет к своей голове. – «Шучу-шучу. Никогда не дам тебе сделать это. Ты моя, малышка,» - гнусавит она слащавым голоском, этаким гротескной пародией на Сонни и Шер⁷.

Скривившись, я открываю глаза и осторожно смотрю вверх.

Черт, черт, черт.

На фонарь, под которым я сижу на корточках, насажена Серая Женщина. Её пытали, освежевали и расчленили.

И оставили в живых.

Части её тела бьются в агонии. Присоски судорожно открываются и закрываются, и, невероятно, но она всё ещё издает звуки. Она стонет и воет от невыносимой боли.

Я склоняю голову, и меня чуть не выворачивает в канаву.

На кисть человеческой руки. Оторванной от запястья.

«Он попался под руку.»

- Нет, - шепчу я, узнав обрывки униформы на запястье. Он один из Стражей инспектора Джейна. Я бы никогда не убила человека, не причинила бы вреда невинному. Мне могут не нравиться методы Джейна. Вроде тех, когда он отобрал меч у Дэни. Он с удовольствием проделал бы то же самое и с моим копьем, если бы был уверен, что сможет это сделать. Но как бы то ни было, он со своими ребятами выполняет опасную и столь необходимую работу для этого города.

⁷ Сонни и Шер — американский поп-рок-дуэт супругов Сонни Боно и Шер, существовавший в 1964—1977 годах. Всего за эти годы было продано около 80 млн записей. Успех коллективу принесла песня «I Got You Babe», выпущенная на их первом альбоме Look at Us. Начало карьеры: 1964 г.

«Да, это твоих рук дело. И ты наслаждалась каждой минутой. Ты называешь меня монстром, но ты такая же, как я.»

Я яростно трясую головой, словно это поможет мне избавиться от Книги в голове.

«Я у руля, - тонким голоском издевается Синсар Дабх. - Я принимаю решения. Милая МакКайла, когда же ты поймешь, что ты - машина, а я - водитель. И я могу управлять тобой, лишь потому что в глубине души ты просто жаждешь быть ведомой.»

Я вся дрожу, чувствуя, как холод подбирается и к моей душе.

«Нет, я не хочу быть ведомой.»

Я уже видела, как Книга «управляет» другими машинами. Да я просто счастливчик, ведь рядом со мной на улице лежит только две оторванные человеческие руки. Стоя на четвереньках, я опускаю голову и закрываю глаза. И вся дрожу от напряжения и ненависти к самой себе, осознавая все те ужасные вещи, что совершила. Какая-то часть меня хочет лечь прямо здесь и умереть. Я была так уверена в себе, так верила в то, что контролирую себя.

Непростительная ошибка.

«Только в двух случаях ваш враг может одолеть вас, мисс Лейн, - сказал мне Бэрронс недавно вечером, обучая как в старые времена. - Вы умираете. Или перестаете сражаться. И потом все равно умираете. Вы этого хотите? Умереть?»

Я хочу жить. Есть столько всего, ради чего стоит жить.

Уверена, у убитого мной человека тоже был смысл жизни. В груди сдавило, бросило в жар, и мышцы свело. Я даже вдохнуть не могу. Корчусь в канаве, пытаюсь втянуть воздух, моя грудь беззвучно вздымается.

«Вставай, Мак, - практически слышу, как он рычит. - Поднимай свою чертову задницу.»

Этот мужчина приказывает мне даже на расстоянии. Я опускаю голову и пытаюсь расслабить сжатые мышцы. Ничего не выходит. От недостатка кислорода начинает кружиться голова. «Я не могу дышать, не могу дышать, не могу дышать!» - у меня начинается паника.

«Иногда, мисс Лейн, если слишком концентрироваться на желаемом, ещё сложнее его достигнуть.»

«Не понимаю, о чем ты,» - говорю я.

«Страх того, что кто-то или что-то имеет над вами власть, не что иное как тюремная камера, в которую вы себя добровольно заключаете. Навязчивое желание избавиться от Книги лишь усугубляет её контроль над вами.»

Я заставляю себя сделать кардинально противоположное тому, чего мне реально хочется, совершенно противоречащее здравому смыслу: выдыхаю вместо того, чтобы вдохнуть.

Воздух проникает в мои легкие со свистом и настолько быстро, что я начинаю задыхаться. Корчусь в канаве, кашляю и стараюсь отдышаться.

Спустя мгновение, пошатываясь, я встаю.

Как это произошло? Как Книга получила контроль надо мной, что я этого даже не заметила?

Медленно осматриваюсь, стараясь запечатлеть в памяти доказательства моих преступлений.

Повсюду разбросаны части человеческой плоти и плоти Темной.

Ни одного фрагмента больше блюда.

Я их перебираю, и через некоторое время мне удастся собрать все части руки убитого мной человека. Бережно прижимая их к груди, начинаю рыдать.

Глава 4

Боль без любви, боли много не бывает⁸

Кристиан

⁸ One Republic/Love Runs Out

В Высокогорье сейчас лето, белый и лиловый вереск ковром стелится по лугам и горным вершинам. Сиреневые цветы чертополоха пробиваются сквозь густые колючие кусты, бледно-розовые бутоны диких роз, разбросанных по скалистой поверхности.

Дьявол кроется в мелочах.

Как порой и спасение.

Фокусируюсь на мягкости травы под моими босыми ногами, на ветре, играющем в волосах, когда я бегу.

Вместе с Колин, моей сестрой, мы несемся по склону, чтобы окунуться в ледяную, поскольку на дворе сейчас лишь раннее лето, синевато-серую воду озера. Это один из тех идеальных дней: между величественными горными вершинами нашего дома простирается на многие километры долина, вся поросшая травой, а над ней безоблачное лазурное небо.

Ничто и никогда не сможет затмить мое Высокогорье. Эта земля приносит мне покой и радость.

И пусть я знаю, когда меня пытаются обмануть, и пусть ко мне относятся с опаской, а деревенские жители почтительно сторонятся, здесь мне комфортно. Келтаров здесь все знают и уважают. Мы неотъемлемая часть нашей деревни, нашего народа. В трудные времена, мы поддерживаем экономику региона, давая работу людям на наших землях и в наших замках. Ведь мы понимаем, что становимся сильнее, когда процветают люди, которые от нас зависят. В этом суть клана, он нечто большее, чем просто семья.

Шотландия - страсть всей моей жизни. Здесь я родился и здесь же умру, а кости мои будут лежать на кладбище за разрушенной башней, увитой плющом, где-то между плитой, покрытой пиктскими рунами, и могилой Зеленой Леди, у изголовья которой корни дерева переплелись в форме прелестного обнаженного, покрытого мхом, тела с прекрасным лицом.

Семья - это все. Я женюсь и буду растить свое дитя за прочными стенами замка Келтар, неподалеку от круга камней, известного как Бэн Дрохад или Белый Мост, где магия словно пульс бьется в почве, и предназначение которого известно только нам. Я научу своих сыновей быть друидами, подобно отцу и дедушке, а дочерей – валькириями, как в давние времена. Я ощущаю острое чувство принадлежности. Я точно знаю, кто я: Кристиан МакКелтар из древнего уважаемого рода.

Родоначальники моего клана ходили по холму Тары ещё до того, как он получил свое название. Ещё до возникновения всех этих названий, мы возделывали земли Скара-Брей и собирали камни, чтобы построить поселения для своих женщин и детей. А ещё прежде этого стояли в пенном прибое Ирландского берега и наблюдали, как небеса разрезают всполохи молний, и Древние совершают свое огненное схождение со звезд. По приказу этих новых божеств, мы переселились в Высокогорье, чтобы поддерживать Договор между нашими расами.

Призраки моих предков, гуляют по коридорам замка в благословенные вечера накануне празднования Бэлтейна и Самайна, когда время истончается, а грани реальности размываются. Они олицетворяют собой долг, преданность и честь.

Мы Келтары.

Мы боремся за правое дело.

Мы защищаем и чтим.

Мы не проигрываем.

Когда Кровавая Ведьма снова вырывает мои внутренности, а пронзающая боль обращает меня в сплошное страдание; когда моя плоть горит в агонии и кричит каждый нерв, пока она снова вырывает кишки из моего распоротого живота; я борюсь. Мое тело пытается умереть, но я отчаянно сопротивляюсь, потому что каждый раз, как я умираю, сознание ускользает от меня, и я теряю свое Высокогорье.

Прикованный к скалистому утесу в тысячах метрах над ужасающим гротом, я глубоко вдыхаю аромат вереска родины и бегу быстрее, чтобы почувствовать упругость весенней травы и мха под ногами. Срываю розы, несясь мимо кустов, и, черт возьми, в этот букет попал чертополох!

Я врываюсь в ледяную воду озера, всплываю на поверхность и стряхиваю воду с волос. Откидываю голову назад и смеюсь, когда Коллин ныряет следом, проплывает совсем рядом и вновь окатывает меня водой.

Где-то глубоко внутри меня есть пропасть. Она заполнена темнотой, покоем и практически граничит с безумием. Если погружусь в неё, то смогу освободиться от мучений.

Но я Келтар.

Я не проиграю.

Глава 5

Мы создаем, чтобы вновь разрушить⁹

Мак

- Что ты им сказал?

Ушам своим не верю. Я вышагиваю по ковру у камина в задней части «Книг и Сувениров Бэрронса», где располагается зона отдыха. Ну вообще-то, официально это уже «Манускрипты и Безделушки Мак», но новое название, красующееся на разрисованной вручную вывеске, не так внушительно. Я разворачиваюсь и шагаю в другом направлении. После того, что произошло сегодня вечером, мои нервы на пределе. Не могу смириться с этим. Только не сейчас.

Он смотрит на меня. Между лопатками начинает покалывать. Даже стоя к нему спиной, я ощущаю силу его пристального взгляда.

- Ваши каблуки портят мой ковер. Ковер за восемьдесят тысяч долларов.

- Тебе нравится, когда я на каблуках. И деньги больше не имеют значения. Я же не прожигаю в нем дыры.

Почуял ли он кровь на моих руках? Обоняние Бэрронса развито как у животного. Вернувшись, я провела в душе целый час, вычищая щеткой под ногтями, пока они не начали кровоточить. Но я все еще чувствую себя запятнанной и грязной.

Перед глазами стоит рука стража. На безымянном пальце серебряное обручальное кольцо с выгравированным знаком бесконечности - кельтский символ вечной верности.

Я нашла его бумажник и выяснила его имя.

Я буду выкрикивать его в своих ночных кошмарах и шептать в молитвах. У Мика О'Лири была жена, маленькая дочка и новорожденный сын.

- Разумная женщина не стала бы мне об этом напоминать. Я всё еще зол.

Кажется, прошла вечность с той ночи, как Фиона пыталась убить меня, впуслав Теней в магазин и выключив весь свет. У меня не было выбора, поэтому в отчаянной попытке выжить я зажигала и бросала горящие спички на один из его персидских ковров XVI века. Учитывая то, как я себя чувствую, он должен быть просто счастлив, что я не прожигаю дыры в самом магазине. Только что он сообщил мне неприемлимые новости, и у меня остается всего пятнадцать минут, чтобы освободить помещение, потому что потом начнется встреча. Другими словами, он сообщил мне: «Я тут решил сунуть вас под микроскоп перед всеми этими людьми, чтобы они выяснили, что с вами не так. И, кстати, два Темных принца, сделавших из вас при-йю тоже будут присутствовать. Так что не падайте духом, маленький ковбой.»

- Я не останусь здесь, - говорю я. - Так что разбирайся со всем этим сам, приятель.

«Приятель.» Он смотрит на меня, и я вспоминаю другую ночь, когда вот так же назвала его приятелем. Тогда он появился в Кларин Хаус, полностью заполнив собой пространство моего маленького номера с крошечной кроватью, общественной ванной комнатой, куда просто невозможно пробиться из-за вечной очереди, и четырьмя кривыми вешалками в шкафу. Моим бережно упакованным в чемодан красивым нарядам и украшениям, не нашлось места ни шкафу, ни вообще в этом городе. Интересно, куда подевалась вся та одежда? Давненько я ее не видела.

Его реакция на мое пренебрежительное прозвище оказалась почти такой же, как и тогда. Не многие из обращавшихся к нему иначе, чем «господин», остались в живых.

В его глазах блестит насмешка.

⁹ Linkin Park/Burn it Down

«Аккуратнее, мисс Лейн. Пол, по которому вы ходите, будет крепким лишь до тех пор, пока вы заботитесь о нём.»

Пол. У меня возникает странное видение, к которому «Синсар Дабх» не имеет никакого отношения: той ночью, падая вперед на деревянные половицы моей комнаты, я упираюсь на руки и перекатываюсь, сильно ударившись головой. Но меня это почему-то совсем не заботит. Я занята чем-то всепоглощающим... Но чем? Может рассматриваю фотографии Алины? Или читаю книгу по истории Ирландии? Или складываю одежду? В той тесной комнатке было не так уж и много захватывающего.

Как я упала? Почему? И почему все еще вспоминаю тот день?

Почему не могу понять, какое событие вызвало во мне всю эту бурю эмоций? Возбуждение. Свободу. Волнение. Стыд. Сожаление.

Прежде я бы не успокоилась, пока не вспомнила, но сейчас моего внимания требуют более насущные проблемы.

Я стяхиваю с себя видение и плюхаюсь на диван, бросая на Бэрронса негодующий взгляд.

- Ты, вероятно, упустил из вида одну маленькую проблемку, Бэрронс. Я прячусь от всех тех, кого ты пригласил сюда. Уже несколько месяцев, - о Принцах я даже упомянуть не смогла. Передать невозможно, насколько меня оскорбило то, что он позвал их в мой книжный магазин. - Зачем тебе эта проклятая встреча? К тому же здесь.

Он впивается в меня пристальным взглядом:

«Смотрите, как Мак трусит. Смотрите, как Мак умирает.»

- Ты пытаешься вывести меня из себя? - рычу я.

Всем своим видом он демонстрирует скуку. Только Бэрронс может при этом умудриться выглядеть ещё и устрашающе.

"Ну и что же вы мне сделаете? Вы же не сможете убить скорпиона, даже если он ужалит вас в зад."

Я рассматриваю свои ногти. Под одним из них я заметила пятнышко крови. Не знаю чья она: Мика О'Лири или моя, после супертщательного мытья рук жесткой щеткой. Он ошибается. Я поднимаю на него взгляд.

- Ты даже не представляешь, с чем мне приходится иметь дело.

«С чем-то вроде внутреннего зверя?» - дразнит он.

- Твой зверь другой, - продолжаю отвечать вслух, сознательно избегая интимности наших немых диалогов. Мы не впервые об этом спорим. И будем спорить вплоть до дня, когда король освободит меня. Никто из нас не готов к отступлению. Я даже не уверена, что мы в состоянии произнести это слово вслух.

«Может не такие они и разные.»

- Может, но мой зверь намного сильнее, - раздраженно отвечаю я. Он достаточно силен, чтобы одурачить даже меня, а уж я-то хорошо знакома с его изощренными, лукавыми методами.

В его темных глазах загорается вызов.

«Может проверим это, женщина?»

От его взгляда спина покрывается мурашками, и я чувствую, что готова выгнуться, согласно и податливо, встав на четвереньки. Ни одна битва не сравнится с теми, что происходят между нами в постели этого мужчины. Мы сражаемся. Вот что мы делаем. С ним я чувствую себя такой живой, как ни с кем больше.

Я безумно влюблена в Иерихона Бэрронса, помешана на нём и просто жить без него не могу.

Конечно, ему об этом знать не обязательно. Бэрронс не из тех, кто любит пооткровенничать. Когда мы, признав взаимное влечение, стали вместе спать, изменилось все.

И в то же время ничего.

В постели мы одно целое.

Вне ее все иначе.

В постели я украдкой наслаждаюсь мгновениями нежности, когда, обессилив от секса, я слишком утомлена, чтобы переживать о невероятно могущественном зле, затаившимся внутри меня. Я прикасаюсь к красно-черным татуировкам, покрывающим его кожу, к точеным чертам лица,

запускаю пальцы в темные волосы, вкладывая в эти прикосновения все свои невысказанные чувства. А он молча наблюдает за мной непроницаемым взглядом своих темных глаз.

Иногда я просыпаюсь в его объятиях, он прижимается к моей спине, уткнувшись лицом в мои волосы. И хотя прикосновения его рук совсем не похожи на мои, они говорят, что обо мне заботятся, уважают и принимают такой, какая я есть.

Вне постели мы словно острова.

Мисс Лейн и Бэрронс.

Было очень больно, когда он впервые отдалился от меня. Я почувствовала себя отвергнутой.

А потом я поняла, что и сама поступаю так же, как он. Словно барьеры просто пришиты к нашей одежде: одеваясь, мы автоматически воздвигаем их, но стоит нам раздеться - и они исчезают.

Иногда мне кажется, что наша страсть настолько всепоглощающая, что нам просто необходимы эти периоды отдаления. Иначе я могу, словно мотылек, сгореть в его пламени. Меня пугает, что я готова ради него на всё. Уничтожить мир. Последовать за ним в ад. Страшно, когда не можешь дышать без мужчины. Когда так сильно любишь его, что он становится важнее собственной жизни.

Поэтому я отлетаю ненадолго, просто чтобы убедиться, что все еще могу. А он исчезает, чтобы сделать что-то, что обычно делает Бэрронс по только ему известным причинам.

Я всегда возвращаюсь. Он тоже. Поступки говорят сами за себя.

Беспокойно поерзав, я меняю тему:

- Ты пригласил сюда моих врагов. Это была плохая идея.

«Вы днями напролет ищите манускрипты ради заклинания, которого, вероятно, вообще не существует. Вы красите ногти. Вы обрезаете ногти. Ах да, вы ещё рассматриваете ногти.»

- Я делаю не только это, - хмурюсь я. - И оставь мои ногти в покое.

«Вы не навещаете родителей. Не посещаете аббатство. Плохо питаетесь, а ваша одежда...»

Я прерываю его, делая вид, что снова рассматриваю свои ногти. На этой неделе цвета чередуются: черный алмаз, белый лед, черный алмаз, белый лед. Цветовая гамма успокаивает меня, так как моя жизнь напроць лишена таких четких разграничений. Я прекрасно осведомлена о плачевном состоянии своих нарядов и не имею ни малейшего желания слушать, что он об этом думает. Трудно заботиться об этом, когда ты постоянно покрыт желтой пылью. Его молчание затянулось, и я, с опаской взглянув на него, обнаружила, что он смотрит на меня тем самым взглядом, которым одаривали женщину с незапамятных времен, словно не может определить, что же я за существо.

«Думаете, я не смогу вас защитить, раз так настаиваете на своем идиотском бездействии?»

Идиотское бездействие, ну-ну. Как сегодня выяснилось, действия могут быть куда более идиотскими и смертельно опасными. Вот почему он устроил мне эту встречу? Чтобы я начала действовать?

- Конечно, я так не думаю, - отвечаю я.

«Время пришло.»

Свои следующие слова он произносит вслух с той нежностью, что выбивает меня из колеи:

- Ты больше не живешь, девочка-радуга.

Я таю, когда он называет меня так. Есть что-то особенное в том, как он произносит эти два слова, будто этих слов тысячи и все они заставляют меня сиять. Это говорит мне о том, что он видит во мне счастливую и розовую Мак, которая приехала сюда, надирающую всем задницы черную Мак, которой я стала (когда не покрыта прахом Темных), и все мои другие воплощения, происходившие со мной - и он хочет их всех.

Я знаю, что больше не живу. И этот факт мучительно осознавать. Это просто сводит меня с ума. Бездействие не в моей природе, я тону и задыхаюсь в нем. Книга крепко держит меня за горло.

Я пристально смотрю на него и мысленно посылаю ему слова, которые не могу заставить себя произнести вслух: «Сегодня я убила Серую Женщину.»

Уголки его чувственных губ приподнимаются.

- Да сегодня долбаный праздник. Наконец-то.

«А еще я убила одного из Стражей.»

- Должно быть, он просто стоял на пути.

«Не помню, что произошло. Все будто в тумане.»

Человек бы был шокирован, пришел бы в ужас, требовал бы объяснения случившемуся. А Бэрронс даже не моргнул, не задал ни единого вопроса. Просто подводит итог:

- Вы забрали две жизни и спасли тысячи.

«Ты слишком упрощаешь, не все средства хороши,» - мысленно отвечаю я, злясь на него за то, что он всё-таки перевел этот разговор на вербальный уровень.

- Спорно.

«Я потеряла контроль над собой. Книга поглотила меня и заставила убивать. Мной управляли, будто водитель машиной,» - произнесенные слова повисли в воздухе острыми лезвиями.

- Мы будем тренироваться упорнее.

«Я ненавижу се...»

- Никогда не говорите этого.

- Я и не говорила, - тихо отвечаю я. Фактически.

- Вы такая, какая есть. Смирись с этим.

- Легче сказать, чем сделать.

- Вам кто-то сказал, что жить легко? И вы ему поверили? - забавляясь, спрашивает он.

- Я просто не понимаю, почему все должны собираться именно здесь. Почему бы не устроить эту милую дружескую встречу в Честере? - быстро меняю я тему.

Он позволяет мне вести в этом словесное танце, и я знаю почему: ему больше нечего мне сказать. На его руках кровь бесчисленного количества жертв, а я из-за одной потеряла покой. Для него этот день ничем не отличается от других: очередной грех, вызванный одержимостью кровожадным демоном. А завтра будет новое начало. И, возможно, новый грех. А, возможно, и нет. Но новый день наступит. И для меня, и для демона. Несмотря на мой провал, мои действия спасли бесчисленное количество жизней. Бэрронс пронителен как бессмертный, и так же бессовестен. А я пока нет. И не знаю, буду ли когда-нибудь. Сегодня я прервала жизнь. Хорошему человеку. У которого есть семья. И должна за это расплатиться.

- В моем книжном магазине стоит защита, нейтрализующая силу принцев в этих стенах, - напоминает он.

- Ты пригласил моих насильников в мой дом, - напоминаю ему сразу о двух вещах. Первое: его не было рядом, чтобы спасти меня в ту ночь, когда Темные поймали меня в церкви. И второе: теперь это мой магазин. Комната будто взрывается.

Воздух вдруг наполняется такой свирепостью, что я вжимаюсь в угол честерфилда. Бэрронс и в хорошем расположении духа заполняет собой все пространство, хотя вряд ли хоть одно из его настроений можно назвать хорошим расположением духа, а когда он в ярости, вообще невозможно вздохнуть. Он сбивает с ног своей энергетикой, надвигается своей мощью и массой, вынуждая все остальное отступить.

- Или ты забыл об этом? - я хочу их смерти. По идее, он должен хотеть того же. Я с любовью поглаживаю копьё в набедренных ножнах. - Мы можем убить их вместе, - я отдергиваю руку и убираю мнимую пылинку со своей черной концертной футболки группы Disturbed¹⁰, которую я ношу вовсе не из любви к их музыке, а потому что именно так я себя сейчас и чувствую. Образы, что мне послала Синсар Дах в тот момент, когда я коснулась копья, были детальными и красочными. И эти образы были как раз из предстоящего вечера.

- Вы не убьёте их, когда они придут сюда. Так же, как и я, - пять гортанных слов сопровождается треск в его груди. Это его зверь пытается вырваться наружу. Я с трудом разбираю его следующие слова: - Пока что.

- Почему?

Его грудь так вздымается, что пуговицы на рубашке вот-вот отлетят. Он ничего не отвечает, его лицо бесстрастно, тело замирает на вдохе. И наконец его ребра опускаются, и он осторожно выдыхает. Восхищаюсь его самоконтролем. Я бы тоже хотела так владеть собой. Возможно, когда-нибудь я смогу относиться к упоминанию о своем групповом изнасиловании сдержаннее. Мне нравится дразнить этого медведя, но не для того чтобы причинить ему боль, а чтобы насладиться его огнем.

Заговорив, он тщательно подбирает слова:

¹⁰ Disturbed - взволнован, встревожен

- Они влиятельны и способны контролировать массы. Наблюдая за тем, как возвышались и падали бесчисленные цивилизации, я определил семь составляющих, необходимых для того, чтоб будущее было таким, каким я хочу его видеть. Уничтожив принцев сейчас, я не смогу этого достичь. В настоящее время они опора всего. Но так будет не всегда.

Каким же он видит будущее? У Иерихона Бэрронса есть планы, и я хочу быть причастна к ним. Я не расспрашиваю. Он поделится со мной сам, когда будет готов, его ответ был и без того достаточно содержательным.

И интересным. Я знаю, что такое опора.

В детстве папа разрешал мне кататься у него на коленях, когда подстригал газон. Я любила эти дни в Джорджии, наполненные запахами свежескошенной травы и цветов магнолии, тяжело раскачивающихся во влажном, липком воздухе. На крыльце заваривался сладкий чай в стеклянной банке, а рядом стояли два стакана со льдом, украшенные мятой из нашего сада.

Однажды я «помогала» папе менять колесо у газонокосилки, и он рассказал мне об опорах. Думаю, на мою любовь ко всему, у чего есть колеса, и повлиял тот летний солнечный день, проведенный с человеком, с которым я всегда чувствовала себя как воином, так и принцессой.

Опора - это задвижка, которая удерживает колесо от выпадения из оси. Она устанавливается крест-накрест непосредственно в конце оси, где и остается, пока ее не снимут вручную. А чтобы это было проще сделать, на конце штыря есть металлическое кольцо.

В широком смысле слова, опора - это ключевой компонент, который держит все элементы сложной конструкции вместе. Некоторые предполагают, что если вытащить опору из социальной, экономической или политической группы, то можно уничтожить это все одним махом, минутным толчком или корректировкой. И наоборот, если определить опоры и беречь их, пока не достигнешь желаемого результата, можно изменить ход событий. Меня не удивляет, что Бэрронс живет и дышит Искусством Войны.

- Я смогу убить их, когда они перестанут быть опорой? - мне хочется все предельно прояснить.

- В тот момент, когда они перестанут быть таковыми, я сделаю это сам.

Мы позже выясним, кто из нас удостоится этой чести. Я просто должна буду убедиться, что поблизости не будет людей, когда это случится.

- Можно было позволить Риодану провести эту встречу. В Честере.

- И позволить твоей призрачной свите поприсутствовать?

- Можно установить защиту от них и для клуба.

- Теперь я ваш личный заклинатель, - фыркает он. - Вы понятия не имеете, как сложна эта магия.

Вообще-то имею. Он уже давно не умирал, и вся его грудь, обе руки и половина спины покрыты черными и красными защитными татуировками. Магия, которой он занимается, опасна. Кстати, о магии.

- Бэрронс, уже три недели прошло с тех пор, как пропала Дэни. Может, есть какое-нибудь заклинание, которое ты бы мог сотворить?

- Защити здесь, поколдуй там... Как вы жили до встречи со мной?

Я пожимаю плечами.

- Прямо как в «Моя жена меня приворожила». И я вовсе не намекаю на брак, - поспешно добавляю я. - Ты же меня понял. Зачем гнуть спину над пылесосом, когда можно, забавно пошевелив носиком, убрать весь дом?

- Я не шевелю носом. Ни забавно, ни как-либо еще. Нелепое сравнение. Усугубление человеческой глупости далеко не единственная расплата за использование магии. Люди, и без нарушения алхимических законов, постоянно порождают хаос.

- О боже, ты смотрел...

- Не смотрел.

- Да, ты...

- Нет.

- Ты только что сказал...

- Неизбежное влияние поп-культуры.

- О, так ты всё-таки смотрел.

Я представила, как этот большой, необузданный мужчина, растянувшись на смятых шелковых простынях, подложив руку под голову, смотрит эту древнюю комедию о Даррине и Саманте Стивенс на большом плоском экране. Эта мысль позабавила меня и в то же время возбудила. Она настолько анахронична, что захотелось раздобыть эти старые DVD и растянуться рядом с ним, растворившись в этом незатейливом зрелище из более незатейливых времён, когда единственной расплатой за колдовство было усугубление человеческой глупости. Мы вместе посмеялись бы, подурачились. Ну а потом, конечно, занялись бы тем, от чего крышу сносит. Хотела бы я провести с ним в постели парочку длинных, дождливых, беззаботных деньков.

- Оттого что вы будете упорствовать в своих заблуждениях, реальность не изменится. Кроме того, вы знаете, что мы не можем отследить её в Фэйри. Поэтому она туда и сбежала.

Прекрасно, теперь саундтрек из «Моя жена меня приворожила» не выходит из головы. От него не так-то просто будет избавиться.

- Когда она вернется, пусть кто-нибудь поставит на неё метку. Как только она вернётся.

- Черт возьми, и вы это заявляете после всего того, через что мне пришлось пройти из-за меток. Вы забыли, что после падения стен они перестали работать. Потерпите. Мы найдём её. На данный момент важнее всего для нас эта встреча.

Эта встреча. Я беспокоюсь, и всё веселье мигом куда-то улетучивается.

- Ты уверен, что мы не можем провести её в другом месте?

- Она состоится здесь. И вы будете на ней присутствовать.

Он не требует многого от меня, а сам многое отдает. Не могу представить жизни без него, да и не хочу. Ведь однажды я почти уничтожила мир, думая, что он покинул его навсегда.

- Да, господин, - язвительно бормочу я.

Он едва заметно улыбается.

- А вы учитесь, мисс Лейн, учитесь.

Первой прибыла Катарина Маклохлин, занявшая пост грандмистрис в аббатстве, после смерти Ровены.

Едва я открыла дверь и почувствовала на себе пронизательный взгляд серых глаз этой стройной брюнетки, как тут же вспомнила, почему старалась держаться от нее подальше. Ее дар - эмоциональная телепатия, и я понятия не имею насколько глубоко она способна проникнуть. В моих ночных кошмарах она продирается внутрь меня, словно сдирает шелуху с луковицы, обнажая гниющую сердцевину.

Затаив дыхание, жду, пока она завершит свой осмотр. Ощущает ли она зло, исходящее от Синсар Дабх, или чувство вины за убийство, совершенное мной сегодня?

- Как ты, Мак? Мы давно тебя не видели.

А в ее взгляде читается: «Тебя не было в аббатстве, чтобы защитить нас». И мне становится стыдно. Но в последнее время меня все чаще одолевает параноя, так что, возможно, я ошибаюсь.

Я облегченно выдыхаю.

- Хорошо, Кэт. А ты как?

- Почему тебя не было в аббатстве той ночью, когда мы сражались с Ледяным Королем? Нам не помешала бы твоя поддержка, - говорит она своим ласковым, певучим голосом с ирландским акцентом.

Вот он, нож прямо в мое израненное сердце. После всего случившегося, приятно осознавать, что я всё же не параноик. Это же надо быть такой прямолинейной.

- Мы с Бэрронсом были в Зеркалье. Я узнала об этом слишком поздно. Мне очень жаль, Кэт.

Она пронзительно смотрит мне прямо в глаза и медленно кивает.

- И мне жаль. В ту ночь мы потеряли многих сестер. Мы не можем позволить себе потерять и тебя. Кстати, о потерях. Ты не видела Дэни? Ее не было в аббатстве с тех пор, как мы уничтожили Ледяного Короля. Я посылала девочек на ее поиски, но они не нашли никаких ее следов, и я не видела ни одной из ее листовок. Такое ощущение, что она просто исчезла.

- Я думала, она у вас, - отвечаю я, даже глазом не моргнув.

- В ту ночь мы поспорили о том, где она должна жить. Я думала, она держится подальше, чтобы настоять на своем, но чем дольше ее нет, тем сильнее я волнуюсь. Жизнь стала слишком опасной,

даже для нее. Не могла бы ты быть начеку? Посматривай вокруг. И, если увидишь ее, передай, что мы скучаем. Я хочу, чтобы она вернулась домой.

- Конечно, - я хочу того же.

- Надеюсь, ты как-нибудь заскочишь в аббатство, Мак. Останешься с нами на ночь или на недельку, если, конечно, захочешь. Я давно хотела услышать рассказ о том, как тебе удалось вернуть нам Синсар Дабх, - она замолкает на минуту и добавляет: - Есть ещё кое что, что я хотела бы обсудить с тобой, если у тебя найдется время. Это касается Крууса. Ты ведь знаешь о Принцах Фэйри гораздо больше нас.

- Его клетка в целостности и сохранности, ведь так? - еще один мой ночной кошмар. Круус освобождается, снова обращает меня в при-йа, и мы убегаем с ним в другой мир, где начинаем размножаться, заполняя все маленькими младенцами-книгами. Серьезно. Книгами с ручками и ножками, вечно хныкающими и требующими молока, которого у меня нет. В последнее время мои сны чересчур извращенные.

- Конечно, - она снова замолкает. - Но есть и другие проблемы, которые я бы хотела обсудить наедине. Придя в аббатство, ты поймешь, о чем я. Это таяние... Я думала, когда огненный мир, угрожающий нашему дому, исчезнет... Ох, но оказалось дело было вовсе не в нём... - ее самообладание на мгновение ускользает.

Я вдруг замечаю в ней неуверенность и думаю: «О, нет, только не она тоже». С теми, кому окружающий мир безразличен, а мы с ней именно такие, свалившаяся на голову власть может сыграть злую шутку. Это всё равно что внезапно заполучить Ламборгини Мурсьёлага LP 640 V-12 со взрывным сцеплением после шести-цилиндрового Мерседеса. С непривычки ты водишь плохо, рывками жмешь то на газ, то на тормоз, не доверяешь собственным ногам, иногда даже «догоняешь» тех, кто едет впереди, просто пытаешься тронуться с места. И так, пока не привыкнешь. Или, как я сегодня, врезаешься в стену, снося все на своем пути.

- Кэт, что творится в аббатстве? В чем дело?

- Тебе нужно... - ее взгляд скользит мимо меня. - Бэрронс.

- Катарина.

Я чувствую его энергию позади себя: сексуальную, электрическую. Каждая клеточка моего тела пробуждается, когда он рядом. Он проходит мимо нас в арочный вход книжного магазина, и я покрываюсь мурашками от желания. Видимо, моя потребность в сексе прямо пропорциональна подавленным эмоциям, а сегодня я подавляла их яростно. Когда я только приехала в Дублин, была болтливой, любопытной и во всё вмешивалась, выставляя напоказ свои чувства, как и свой радужный гардероб. Сейчас я ношу черное и тщательно скрываю то, что чувствую.

Пока меня не разденет Бэрронс. И вот тогда я взрываюсь. Я источаю огонь и ярость тех чувств, что испытываю к нему, и он вдувает их обратно горячим, опасным сирокко¹¹, уносящим нас в священное место, где небу не нужно ни солнце, ни луна, ни звезды. Никого, кроме нас.

Со звоном колокольчика, он открывает дверь. Люблю этот звук, словно слышу каждый раз как он звонит: «Добро пожаловать домой, Мак.»

- Он вернется с Темными Принцами, - предупреждаю я Кэт, глядя, как он уходит.

- И одним Светлым, который глуп настолько, что объявил себя королем, - рычит Бэрронс, и дверь закрывается за ним.

- А он в состоянии держать их под контролем? - спрашивает Кэт.

Она заметно нервничает. Я не виню ее. Темные принцы смертоносны. Те двое, что присоединятся к нам сегодня, вместе с двумя другими из их вида в древние времена участвовали в Дикой Охоте, их знают повсеместно как легендарных Всадников Апокалипсиса. Круус - Война. Подозреваю, что Кристиан становится Смертью. Значит, Мор и Голод в скором времени станут моими «почетными гостями». Чудненько.

- Он говорит, что сможет нейтрализовать их силу внутри магазина.

- Ты ведь осознаешь, что его на самом деле не существует? - сдержанно спрашивает Кэт.

- Прости? - как по мне, этот мужчина несомненно существует. Почти два метра и сто десять килограмм крепких, упругих и эффектных мышц.

¹¹ Сирокко редко широкко, (итал. scirocco, от араб. شرق — шарк — восток) — сильный южный или юго-западный ветер в Италии.

- Бэрронс. Он как Риодан. Я ничего не чувствую, когда пытаюсь найти их с помощью своего дара. Это больше, чем отсутствие эмоций. Они просто не существуют. Место, которое они занимают - пусто

- Возможно, они могут блокировать тебя. Окружать себя щитом. Бэрронс знает защитные заклятия, как никто другой.

Так, он просто обязан научить меня этому трюку. Я блокирую, как умею, но если Кэт решит изучить меня внимательнее, то у меня начнутся проблемы

- А ещё я чувствую присутствие заклятий, Мак. Никто не выходил сквозь эту дверь. Никто, кого можно было бы назвать «живым существом».

- Возможно, мы не восприимчивы к их заклятиям, - хочу сменить тему. Не хочу обсуждать её дар. Не хочу, чтобы она применяла его на мне. - Кэт, я бы с удовольствием приехала в аббатство. Как насчет следующих выходных? – потом найду какой-нибудь предлог и не приду. Я беру ее за руку и, аккуратно подталкивая, веду вверх по лестнице к столам, приготовленным Бэрронсом для встречи. - Может, выпьешь чего-нибудь? У меня есть содовая, сладкий чай и вода. В прошлый раз я принесла из Зеркаля даже немного молока, - это ложь. Бэрронс принес его из Честера, и мне немного неудобно за такие привилегии. Но не настолько, чтобы его не пить.

- Молоко? А на вкус оно как наше?

- Вполне. Немного сливочнее.

- Я бы выпила стаканчик! - отвечает она, и мы обе начинаем смеяться. То, что раньше воспринималось как само собой разумеющееся, стало роскошью. Вот как бывает, когда разрушается мир.

Что имеем, не храним, потерявши - плачем.

У «Книг и Сувениров Бэрронса» пространственные проблемы. Подозреваю, что за это отвечают Зеркала, ведущие в спрятанные этажи под гаражом, в логово Бэрронса, но сомневаюсь, что они единственное, что влияет на его длину и ширину. Иногда я представляю, что в основании калачиком свернулось и дремлет какое-то божество или демон.

КиСБ, в большинстве случаев, четырехэтажное здание, но бывает и пятиэтажным, а в самых редких случаях - семи этажей. Во вторник, росписи на потолке были примерно в двадцати метрах над головой, сегодня кажется будто они в полукилометре, еле видны на таком расстоянии. Чем сильнее я пытаюсь разглядеть их, тем хуже получается. Не понимаю, почему кто-то нарисовал такую размытую картину на потолке. Я спрашивала об этом Бэрронса, но он мне так и не ответил. Однажды я поставлю строительные мостки так, чтобы лечь на них и разглядеть, что там намалевано.

Во время первых месяцев, проведенных мной в Дублине, я обитала в жилой половине книжного магазина и успела привыкнуть к постоянно меняющемуся этажу моей спальни. Иногда даже было весело искать ее.

Я не ожидала, что в этих стенах будет легко. Но здесь прошли и лучшие часы моей жизни.

Мы с Кэт останавливаемся у перилл напротив центрального входа, отсюда весь книжный магазин как на ладони. Главный зал около тридцати метров в длину и двадцати в ширину. Верхние этажи по глубине в два раза меньше первого, на них ведет сложная, изогнутая, покрытая красным ковром двойная лестница, такая же как в Лелло¹² в Португалии. А наверху удивительная коллекция антиквариата и сокровищ в стеклянных витринах и на стенах. За всем наблюдает барельеф Зеленого Человека¹³, а над разбитым войной, потускневшим щитом сияет древний меч. Иногда мне кажется, что все эти «сувениры» Бэрронс сам собирал на протяжении столетий.

¹² Livraria Lello — **один из самых красивых книжных магазинов в мире**. Удивительный интерьер на 2-х уровнях магазина складывается из массивно декорированных стен, потолков из дерева замысловатой резьбы и удивительно изогнутой красной лестницы, ведущей на второй этаж, а также впечатляющей крыши из витражного стекла. Книжный магазин Livraria Lello — главная достопримечательность города Порту. Сегодня он считается национальным памятником Португалии.

¹³ **Зелёный человек** ([англ. GreenMan](#)) — мотив в искусстве раннего Средневековья, скульптура, рисунок или иное изображение человекоподобного лица в окружении из листьев или как будто сделанного из них. Ветви или лозы могут прорасти в нос, рот, ноздри или другие части лица, и эти побеги могут нести на себе цветы или фрукты.

От пола до потолка по всему периметру зала стоят блестящие книжные полки. За изящными перилами - узкие проходы с полированными лестницами на смазанных роликах, скользящих от одной секции к другой.

Взглянув вниз, справа от книжных шкафов можно заметить журнальные столики, заваленные прошлогодними октябрьскими изданиями, а слева - старомодный кассовый аппарат, готовый огласить продажу звоном серебряного колокольчика, и мой розовый Ipod на док-станции с «Bad Moon Rising», «Tubthumping» и «It's a Wonderful World» в списке воспроизведения.

Вполне возможно, в этом списке есть и «Good Girl Gone Bad».¹⁴

Я резко вдыхаю и замираю, увидев, как в сопровождении Бэрронса и Риодана входят Темные принцы.

«СОКРУШИ ИХ, УНИЧТОЖЬ, ПРОНЗИ КОПЬЕМ,» - ревет во мне Синсар Дабх.

Закрываю глаза и использую уже известный прием: думаю о чем-то отстраненном, чтобы книга не могла пробиться к моему сознанию.

Когда я была маленькой, папа читал мне стихи. Чем лиричней и музыкальней они были, тем больше мне нравились. Мне кажется, у меня всегда была какая-то болезненная тяга к ним, видимо, у отца тоже, раз он потворствовал мне. Теплыми летними вечерами мама готовила ужин, слушая нас, и качала головой, изумляясь нашему выбору. Я не понимала их смысла тогда, мне просто нравилось, как льются слова. Меня очаровала «Кремация МакГи». «Сон во сне» казался мне гипнотическим, а «Колокола» завораживающим. Но больше всего без ума я была от «Пепельной среды» Т. С. Эллиота. В седьмом классе для школьного проекта я декламировала «Ворона», заработав себе ярлык «ботаника», чтобы от него избавиться мне пришлось пойти на крайне модные меры. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это был мрачный выбор, но в детстве горе и жестокость принимали карикатурные формы. Мне потребовались недели, чтобы заучить эти сложные строфы.

«Вспомни, что Принцы сделали с тобой, сладенькая. Как они терзали тебя, как превратили в бестолковое животное.»

Словно я могла об этом забыть... Но Синсар Дабх всё равно «забрасывает» меня видениями, настолько яркими, что от них просто раскалывается голова.

Я блокирую их, сосредоточиваясь, как папа учил меня, разбивая на части стихотворение, чтобы выучить его наизусть: восемнадцать строф по шесть строк каждая, большинство состоит из восьми слогов, с гипнотическим размещением ударных слогов, со следующими за ними безударными. Он называл его восьмистопным хореем. А я знала только то, что это звучит смешно, и что он гордится мной. А я на многое готова была, лишь бы Джек Лейн мной гордился.

«Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,

Над старинными томами я склонялся в полусне...»¹⁵

«Сломи их,» - требует Книга. — «Заставь их пасть пред тобой на колени и признать тебя Королевой.»

«Грезам странным отдавался, - вдруг неясный звук раздался,

Будто кто-то постучался - постучался в дверь ко мне.»

Ритм поэмы пленяет меня, как делал это всегда, и я снова чувствую себя девочкой, неведимой, хорошей и любимой.

«Это, верно, - прошептал я, - гость в полночной тишине,

Гость стучится в дверь ко мне.»

И в отличие от По, я не обязана открывать дверь. Я могу задвинуть засов.

Я продолжаю мысленно декламировать, пока не воцаряется блаженная тишина. Только тогда я открываю глаза.

- Какого черта? — тихо шепчет позади меня Кэт, уставившись вниз.

Жуткие, обнаженные, примитивные Принцы с калейдоскопом татуировок, струящихся под кожей, и безумными радужными глазами остались в прошлом.

Они стали более цивилизованными.

Теперь это два брүнета с темными глазами, излучающие власть, похоть и сверхъестественную магию. Торки королевского Темного Двора на их шее сверкают как обсидиан, покрытый алмазами. Я

¹⁴ Хорошая девочка стала плохой.

¹⁵ Здесь и далее перевод поэмы «Ворон» Эдгара По, выполненный К. Бальмонтом.

знаю, какие холодные они на ощупь, какую гипнотическую гортанную какофонию они издают, в то время, как торки Светлого Двора напевают еле слышную соблазнительную замысловатую симфонию.

Они больше не поворачивают головы со своей жуткой, нечеловеческой повадкой. Они переняли человеческие манеры и движения вплоть до мельчайших деталей. Черные крылья, которые я чувствовала на своем обнаженном теле, умирая под ними тысячами смертей, скрыты чарами.

- Я думала, они воюют между собой, - говорю я.

- А я думала, они безумны, внушают ужас и отвращение, - отвечает Кэт. - Мы обе ошибались. Они недавно объединились. Слышала, их беспокоит Кровава Ведьма.

- Кристиан, - шепчу я, стараясь не думать о том, через что ему приходится проходить.

- Ты же знаешь, что он спас нас. А может и весь мир. Дэни колебалась, пытаюсь выбрать между своими сестрами ши-видящими и Ледяным Королем. Она бы не перенесла, если бы на ее совести была гибель нашего аббатства. Его жертва спасла ее от этого ужаса. Мы в неоплатном долгу перед ним.

- Что-нибудь известно о том, где он?

- Его дяди занимаются поисками. Все в аббатстве готовы помочь в спасении, если его найдут.

Меня ужасает то, что он сдался Ведьме, но вместе с тем и утешает. Ведь это значит, что человек, которого я знала, все еще жив и, несмотря на безумие, в глубине души все еще заботится об окружающем мире. Я делаю мысленную заметку обратиться за помощью к Бэрронсу. Он может попросить у Риодана отправить кого-нибудь из Девятки на разведку. Мы не можем бросить Кристиана и допустить, чтобы он подвергался пыткам и умирал снова и снова. За принесенную им жертву, мы просто обязаны спасти его. То, что он страдает в руках садистки-Ведьмы, может лишь усугубить безумие Темных. И мы должны спасти его до того, как он потеряет остатки своей человечности.

Принцы поднимаются по лестнице. Не считая небольшой разницы в росте, они идентичны. Я не плачу кровавыми слезами, хоть и смотрю на них в упор. И как я погляжу, Кэт тоже может безо всяких затруднений разглядывать их. И взгляд её полон восхищения.

- Они уже насытились и могут контролировать себя, - мягко говорю я. Словно бешеные животные после длительного заточения и голодания, они вселяли ужас, когда только прибыли в Дублин. - Они изучают нас. Учатся у нас.

Я, конечно, понимаю, что надо успокоить овечку, которую ведут на убой, а то будет жестковато мясо, но эти двое и так наихудшие из всех Темных, а теперь они ещё и прикидываются плохими парнями. Девчонки будут слепо идти за ними, как те лемминги в своем суицидальном шествии в пропасть¹⁶.

Они меня изнасиловали, вывернули наизнанку, отделили ум от тела и измельчили его. И они, увы, чертовски горячи.

Я хочу их смерти.

«Да, да, да! УБЕЙ!» - книга снова пробуждается к жизни.

«Ясно помню... Ожиданье... Поздней осени рыдания...

И в камине очертанья тускло тлеющих углей...»

Мной завладевает ритм. Я тихо перебираю на языке кучу душевных рифм и ослепительных аллитераций¹⁷, пока разглядываю Принцев, выстраиваю слоги, кирпич за кирпичиком, в мысленную стену.

Мои насильники одеты как Бэрронс. Элегантно. Мужественно. Сексуально. Это меня бесит.

- Подонки, - тихо говорит Кэт. Она никогда не матерится. — Только представь, как мои девочки среагируют на них? Один Круус чего стоит.

¹⁶ Что же до необычного явления среди леммингов собираться в полчища, то оно обусловлено моментом, когда в период максимального роста их популяции, они вынуждены совершать миграции. Если на их пути встанет море, то приличная часть стаи не успеет заметить, как окажется там, так как зверьки смотрят лишь на хвосты друг друга и идут за ведущими. Поэтому если и ведущие увидят обрыв, то даже резко остановившись, не смогут остановить всю массу позади бегущих, которые просто столкнут их и начнут падать сами.

¹⁷ Аллитерация — повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность

- Подонки, - соглашаюсь я

За перилами четыре длинных стола из вишневого дерева образуют квадрат.

Темные Принцы занимают одну сторону.

Бэрронс, Кэт и я располагаемся напротив.

Так хочется, преодолев разделяющее нас пространство, наброситься на них, но меня сдерживают две вещи: они нужны Бэрронсу живыми, и я боюсь снова отключиться. Ну и то, что Кэт по-человечески уязвима.

Через мгновение, Риодан устраивается в кресло рядом. Теперь мы с Кэт зажаты между Бэрронсом и им, их властность почти осязаема. Он запускает руку в густые, темные, коротко стриженные по бокам волосы и смотрит на меня своим ясным, оценивающим взглядом. Но на меня этот взгляд не действует. Точеные черты его лица не тронуты временем. Он прекратил стареть, когда ему было лет тридцать. Последующие прожитые им тысячелетия не прибавили ему морщин.

Как и все остальные из людей Бэрронса, он мускулист и покрыт шрамами, но сильнее остальных бросается в глаза тот, что тянется по его шее от челюсти до груди. Являясь ценителем прекрасного, он неразборчив в методах. Хотелось бы мне узнать их историю, но они вряд ли захотят ею поделиться. В каждом из них таится зверь, но Риодан скрывает своего лучше других. Он бизнесмен, ведет финансовые дела этой Девятки неизвестного вида, именно он управляет их обширной империей.

Бэрронс - молчаливый лидер и основатель этой маленькой бессмертной армии. Он тот, кому все подчиняются. Обычно разговоры он оставляет на Риодана. Возможно, потому что осознает, что стоит кому-то его послушаться, и он тут же, потеряв терпение, разорвет на части каждого, кто попадется под руку. Риодан любого обыграет в шахматы за пять ходов. Бэрронс съест доску. Кровь для него как кетчуп.

- Снаружи магазина полно Темных, Мак, - сообщает Риодан.

- Их полно и в Честере. Внутри, - холодно отвечаю я.

- Он осознает наши потребности, - говорит один из Темных Принцев.

- Но они не таскаются за мной повсюду, - бросает Риодан.

- С другой стороны, ты тоже знаешь наши потребности. Из личного опыта, - вкрадчиво напоминает мне Принц.

Я игнорирую его.

- Наверное, ты не так сладко пахнешь, - говорю я Риодану.

- Наверное, не так сильно прогнил, - отвечает он.

- Я пробовал на них защитные заклинания, - прерывает наш разговор Бэрронс.

Риодан смеется, но позволяет сменить тему.

Мы вшестером молча разглядываем друг друга. В помещении нечем дышать из-за напряжения и враждебности. В поисках утешения рука на автомате тянется к рукояти копья. Но я тут же отдергиваю её, ужасаясь вновь атакующим меня образом.

- Ты уберешь защиту, которая не позволяет нам перемещаться, или отберешь у нее копьё, - обращается высокий Принц к Бэрронсу, скользя жадным, страстным взглядом по моему телу.

Бэрронс замирает, и на мгновение мне даже кажется, что он исчез. Мое дыхание становится прерывистым. Неужели эта встреча закончится, так и не начавшись?

- Мисс Лейн, - мягко и осторожно произносит Бэрронс. Я чувствую напряжение в его теле, которое полностью отражает полыхающую во мне ярость.

- Я не отдам тебе мое копьё, - так же мягко отвечаю я. - А этому придется смириться.

Когда-то Принцы могли создать иллюзию, словно отобрали его у меня, но на меня больше не действуют их чары.

- Я не «этот». Я Принц Раф из второго созданного Королевского Дома Двора Темных, - прохладно произносит высокий Принц. - Это мой брат Киалл из третьего. Когда-то ты стонала, шепча наши имена. И молила нас о большем. Без копья ты ничто. Человечишка. Беспомощная.

На долю секунды ни Бэрронс, ни я не произносим ни слова. Затем он холодно говорит:

- Я не уберу защиту.

- Отлично. Пусть уходят, - также холодно говорю я. Значит я «ничто». Это они пока не знают о моем внутреннем психе.

Бэрронс многозначительно смотрит на меня. Покалывание мочки уха от его взгляда вынуждает повернуться к нему.

- Посмотрите на меня, - приказывает он.

Я хмурюсь, но все-таки поворачиваюсь.

«Вы сказали, что полагаетесь на мою защиту. Если я уберу защиту, другие смогут просеяться в магазин. Это недопустимый риск. Не давите на меня. Мой зверь жаждет их смерти.»

«Ну хоть звери наши находятся в согласии,» - обманчиво ласково отвечаю я. Кипя от гнева, я достаю копьё из ножен и швыряю ему в руку, пытаюсь избежать очередных напоминаний о произошедшем сегодня.

Раф и Киалл издают неестественные свистяще-звонящие звуки. Когда они только прибыли в Дублин, сходя с ума от голода, это был их единственный способ коммуникации. Однажды от этих звуков у меня вибрировали кости и мутился рассудок. Бэрронс передает копьё Риодану, который с невозмутимым видом убирает его во внутренний карман пиджака.

- Ну, конечно. Ему можно иметь копьё, а мне нельзя, - ворчу я.

- Он в состоянии осознать, что выгода которую мы можем принести ему с лихвой окупит причиненный нами в прошлом вред. Женщины в этом плане слабее. Они переоценивают несущественное. И страдают из-за того, что на самом деле приносит им удовольствие, - с самодовольной ухмылкой отвечает Киалл. - Что ты потеряла той ночью? Ничего. Ты только получила. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Забавно, но ради подобной привилегии, человеческие женщины готовы убивать друг друга.

Трудно сказать, кто стал более неподвижным, Кэт или Бэрронс. Такое ощущение, что в комнате вот-вот разразится извержение вулкана.

Я вдыхаю, считаю до десяти, выдыхаю. Настанет день, когда я обуздаю своего демона и навещу жуткий готический дворец на окраине Дублина, где обитают Принцы в окружении своих почитателей. Возьму с собой копьё. И тогда эти увидимся-в-Фэйри-дурочки прекратят убивать друг друга за шанс потерять остатки разума в постели этих монстров.

Когда входит Р'Джан, Светлый принц, провозгласивший себя новым королем, Темные начинают рычать, как дикие звери.

Р'Джан напоминает мне В'лейна, каким он был до тех пор, пока не сбросил чары, явив свою истинную темную сущность принца Крууса. Отливающая золотом бархатная кожа, великолепное тело, безупречное лицо. Он словно могущественный архангел. Длинные светлые волосы распущены и ниспадают до талии. Он тоже принял новый облик, по-человечески элегантный: черные кожаные штаны, темные ботинки и кремовый кашемировый свитер, а вокруг шеи неизменное ожерелье. В ответ Р'Джан лишь смеется и снисходительно отмахивается от своих Темных братьев, как от назойливых мух, посмеявшихся потревожить его во время званого ужина в его честь.

Темные вскакивают со своих мест, Бэрронс поднимается, к нему присоединился и Риодан. На мгновение все мужчины в помещении застывают, словно решая, стоит ли эта встреча того, чтобы лишиться себя удовольствия превратить эту комнату в бойню. И вот, когда я уже практически уверена в том, что всё закончится резней, и нам с Кэт предстоит искупаться в крови, а мне, в конце концов, придется отобрать копьё и воспользоваться им, Бэрронс рычит:

- А ну сели все. Быстро.

Никто и не думает садиться. Я тихо смеюсь. Допуская ошибку.

Риодан вдруг исчезает.

И появляется вновь уже за спиной Р'Джана, сжимая рукой горло фейри. Он склоняется к уху принца и мягко произносит:

- Уже забыл, что я сделал с Вельветом? - Р'Джан в ответ шипит. - Он сказал сесть. Он не повторяет дважды. Как и я.

Риодан толкает Р'Джана к третьей стороне стола. Глаза фейри горят вызовом и ненавистью. Киалл и Раф с показной медлительностью занимают свои места, всем своим видом демонстрируя, что делают это исключительно потому, что сами того хотят.

Я сморю на четвертую сторону стола, задумавшись, кого ещё мы ожидаем. А когда наш последний гость поднимается по ступеням и усаживается за отведенное для него место, наступает моя очередь свирепеть.

Когда я вижу кого-то из мафиози клана О'Банионов, сразу узнаю его. Я участвовала в убийстве двоих из них. Наш последний гость из темных ирландцев: светлокожий, с темными густыми волосами и глазами, в которых угадывается кровь далеких арабских предков. Широкоплечий, его красота грубая, естественная, а движения грациозные.

Кэт бледнеет и приподнимается.

- Шон? - зовет его она. - Что ты здесь делаешь?

Глядя на них, становится понятно, насколько глубоки их чувства, и для этого не нужен дар шивидящей.

- Вот и я хочу узнать, что здесь делает О'Банион? - спрашиваю я.

- Меня зовут Шон Фергюс Джеймсон, - сообщает мужчина с глубоким ирландским акцентом.

- Двоюродный брат Роки О, - поясняет Риодан. - Он предпочитает не упоминать об их родстве в определенных кругах

- Почему он здесь? - снова спрашивает Кэт, медленно усаживаясь.

- Ты видишь здесь трех основных поставщиков продовольствия в городе: меня, принцев и представителя черного рынка, так же известного как Шон О'Банион, продолжившего дело своего отца. Похоже твой мальчишка выучил несколько трюков, работая в моем клубе, котёнок. Отобрал моих поставщиков. Смог затесаться в игру.

- Потому что, для того чтобы купить у тебя еды, надо продать почку и пол печени, - гневно отвечает Шон. - Улицы заполнены женщинами и детьми, которые не могут осилить такую непомерную цену. Они умирают без куска хлеба.

- Вот ты и открыл свое истинное лицо, О'Банион, - отмечает Риодан.

- Доброе и чистое сердце? - резко спрашивает Кэт

Его взгляд красноречивее всяких слов: сразу ясно, что они с Кэт любовники, и отношения эти длятся уже давно. И как он планирует бороться с такой конкуренцией? Он всего лишь человек, окруженный хищниками.

Риодан одаривает Кэт циничной улыбкой.

- Так это обычно и начинается. И дальше будет только хуже. Если бы вы ничего не скрывали друг от друга, до этого бы не дошло.

- Не лезь в мои дела, - мягко предупреждает Кэт.

Риодан откидывается на спинку кресла и складывает руки на груди.

- Так займись сама своими делами. Иначе они так и останутся ничейными, а значит, ими может заняться любой.

- Ты не имел права принуждать его работать в Честере, - говорит Кэт. - Это был мой долг, а не его.

Шон насмешливо смотрит в ответ.

- Принуждение? Долг? Я работал там не из-за тебя.

Кэт, прищурившись, бросает резкий взгляд на Риодана.

- Ты говорил, что плата была востребована с него.

Тот только вскидывает бровь и ухмыляется.

- О какой плате идет речь? - спрашивает Шон.

- Если быть точным, Катарина, я говорил, что мне не хватает персонала из-за высокой смертности, и что твой Шон мне вполне подходит. А ещё я говорил, что он волен уйти. И так оно и было до тех пор, пока он не решил обокрасть меня. Тогда я его уволил.

По его тону становится понятно, что ей ещё повезло, что он не убил Шона. Интересно, почему он этого не сделал? Никто не может обокрасть Риодана и выжить... Разве что у этого манипулятора с холодным взглядом есть какая-то долгосрочная цель, ради достижения которой, он готов мириться с существованием этого бедного глупца. Так же, как Бэрронс мириться с существованием Принцев.

- Вы, свиньи, все говорите и говорите, но ваши слова не представляют для нас интереса. Вас здесь слишком много. И недостаточно нас. И рабов, - произносит Раф. - Мы требуем, чтобы за этим столом было больше Темных.

- Найди ещё одного Принца, и мы это учтем. Возможно, - сухо отвечает Риодан. Круус заперт, а Кристиан у Кровавой Ведьмы. Иными словами, этому не суждено случиться.

Р'Джан молчит. Если и есть еще хоть один Светлый Принц, то он не потерпит конкурентов в борьбе за трон Светлых.

- Что Катарина здесь делает? - спрашивает Шон.

- Как грандмистрисс ши-видящих, она возглавляет защиту и оборону человечества, - отвечаю я. И умышленно умалчиваю о том, что она к тому же следит за тем, чтобы Круус не смог освободиться. Надеюсь, она не рассказала ему об этом. Говорят, что каждый, с кем ты поделился секретом, поделиться им ещё минимум с кем-то одним, и так до тех пор, пока о твоём секрете не узнают все.

Шон окидывает меня оценивающим взглядом:

- А что ты здесь делаешь?

- Она может пригодиться, - отвечает Риодан. - И если у тебя есть ещё хоть один хренов вопрос, задай его Бэрронсу. Не нравятся те, кто сидит за этим столом, придумай, как от них избавиться. Но учти, что совсем не сложно придумать, как избавиться от тебя. Человек.

- Оставь его в покое, - резко отвечает Кэт.

Я смотрю на неё, но она слишком занята тем, что пытается отправить Шону безмолвное послание. Он, к сожалению, этого не замечает, потому что свирепо таращится на Риодана.

Она тяжело вздыхает, и я эхом вторю ей.

Мужчины, сидящие за этим столом, безжалостны. И для того, чтобы составить им конкуренцию в этом бизнесе, Шону придется стать таким же безжалостным. Как Принцам пришлось принять более цивилизованный вид и адаптироваться, ради выживания, так и Шон будет вынужден стать более диким.

И это заставляет меня задуматься, уверена, так же, как и Кэт, что же останется в нём от того мужчины, которого она однажды полюбила?

Глава 6

Я забью последний гвоздь в крышку твоего гроба

Джада

По непроглядно темным из-за плотного тумана, наползающего с моря, улицам идет женщина. Сумерки окутывают и скрывают ее в дымке и тени, словно тайну, которую ночь поклялась оберегать. Лунный свет освещает влажную брусчатку и окна, по которым стекают капли дождя, но будто отражается от женщины, благодаря какому-то невидимому покрову.

Как и Тени, она выглядит размытым пятном в темноте.

Наученная горьким опытом, она по привычке избегает блекло-желтого света уличных фонарей.

Лучше видеть, чем быть увиденным.

Другое дело - быть услышанным. Звук вибрирует и отражается, и только очень опытный охотник может преследовать свою цель, основываясь лишь на свой слух.

Она на это способна. Ведь эта женщина известна не меньше легендарного Охотника Королевы. Она никогда не упускает свою цель.

Её враг не настолько умелый. И хоть цель её беспечна и ослеплена ненасытным аппетитом, чтобы заманить её наверняка, понадобится ещё и привлекательный, по-настоящему сексуальный мужчина.

Её каблуки-шпильки, мерцаая серебром, рассекают туман, превращая его в тонкое кружево с бритвенно-острыми краями. Минуя Темпл Бар, она направляется в ночной клуб Честер. Там она и выберет свою приманку. Она готова убивать, одежда тщательно маскирует оружие: к бедру прикреплен пистолет, ножи плотно прилегают к коже, на бедрах покачивается сексуальный пояс-цепь, привлекающий мужские взгляды - это смертоносная гаррота¹⁸. Звук её шагов намеренно громкий. Так она заявляет о своем присутствии, зная, что увидеть её практически невозможно.

Стремительность - её методика.

¹⁸Гаррота — инструмент для удушения человека.

Отсутствие страха смерти - её кредо.

Она ничего не чувствует.

Чувства - это слабость.

Когда она поворачивает на аллею, мгла на мгновение рассеивается, открывая взгляду длинные обнаженные, слегка покрытые маслом ноги, смелый контур и вырез черного платья из спандекса. У нее гибкое тело танцора, длинные волосы собраны в высокий хвост, лицо с невозмутимым выражением хладнокровного убийцы.

Она красива.

Красота - это оружие.

Она перенесла всё самое худшее, что только есть в мире.

И расцвела.

Она составила список имен.

И будет охотиться на них, один за другим.

И когда, наконец, густой туман рассеется, и она увидит лицо своего врага, она будет безжалостной.

Потому что этот мир был безжалостен к ней.

Глава 7

Эта ночь могла бы убить тебя

Лор

- Кто я? – требовательно спрашивает блондинка, стоящая на коленях между моих ног.

Мне чертовски сильно хочется кончить, аж до боли в зубах.

Я знаю, какой ответ ей нужен. Она хочет, чтобы я назвал ее «госпожой». Словно она Доминант. Она уже дважды пыталась заставить меня назвать ее так, думала, я не замечу ее попыток из-за того, что она вытворяет нечто невообразимое своими губами и язычком, едва ощутимо безупречно скользя зубами, а на это способны далеко не многие женщины во время минета.

Зря время тратит. Она этого не дожидается. Во мне нет ни единой покорной клетки. Я мать твою альфа до мозга костей.

Отстранив ее голову от своего паха, смотрю на нее, ухмыляясь. В Честере полно горячих сексуальных блондинок. Беспорядки на прошлый Хэллоуин разорили город, из-за убийственного холода на какое-то время снизилась активность, но Дублин быстро восстанавливается. Люди вновь наводнили улицы, заселяя оба берега реки Лиффи, привлеченные потеплением, восстановлением энергообеспечения и поставками продовольствия. Но большинство из них манят бесчисленные сексуально-ненасытные фейри, каждую ночь заполняющие до отказа бары и танцполы на Ревемал Стрит, 939 в поисках человеческих любовников. Самый горячий и смертельно опасный ночной клуб Дублина стал еще больше, лучше и круче прежнего. Честер превратился в Средоточие Греха. Здесь можно заполнить всё что душе угодно.

- Ты не настолько хороша, милая, - ухмыляюсь я. После такого ответа возможно два варианта развития событий: либо она встанет и в бешенстве уйдет, либо мне обеспечен еще лучший минет.

Судя по её самоуверенности и голодному взгляду, который был прикован ко мне всю ночь, уверен она не уйдет,

Она смеется и облизывается, увлажняя блестящие от капель смазки губы. Отклонившись назад, опираюсь руками о стол Ри, он пропадает на какой-то многочасовой встрече. Предвкушая ее активные действия, наблюдаю за ней и за клубом, который вижу сквозь стеклянный пол под моими ботинками. Я наслаждаюсь жизнью. Пока на земле есть женщины, я счастливчик. Как только они исчезнут, мне конец. Просто отправлюсь на поиски К'Врака.

Она щелкает языком по головке моего члена, а затем обхватывает ее губами и медленно скользит вниз до самого основания... делает какое-то вращательное движение, возвращается к головке, а затем вновь жадно вбирает.

Я в ауте.

Твою мать, до чего же она хороша.

Она сжимает руками мою задницу и прижимается лицом к паху, мой член глубоко в ее глотке, и я вот-вот взорвусь, словно вулкан. Проблема в том, что я уже двадцать минут как готов кончить, но каждый раз она выкидывает что-то новенькое, и я снова оказываюсь на старте. Поначалу меня это заводило и все такое, а теперь стало занозой в заднице, не говоря уже о яйцах. Они так и лопнуть могут. Пот катится градом, а я ведь даже еще не начинал трудиться, хотя в предвкушении жду своей очереди. У этой женщины просто потрясающее тело.

Обхватив руками ее голову, пытаюсь заставить ее двигаться так, как хочу я.

С приглушенным смехом она сопротивляется.

Я отстраняю ее от себя, и она поднимает взгляд, улыбаясь. На мгновение у меня перехватывает дыхание. Волосы сексуально растрепаны именно так, как мне нравится, такая прическа «только проснулась» всегда заводит меня. С другой стороны, на меня почти все так действует.

- Дай мне кончить, сладкая, - говорю я. - Впереди еще много интересного, так что не беспокойся.

- Я выгляжу обеспокоенной? Я знаю, чего ожидать от мужчины вроде тебя. Так кто я? - она касается языком набухшей головки моего члена.

Я начинаю быстро толкаться в ее рот, приближаясь к финишу, но тут она вновь скользит вокруг одновременно рукой и ртом, и в мой член будто впиваются иглы.

Боль убивает все удовольствие.

Мягкость ее рта.

И иглы.

Это начинает больше бесить, чем нравиться. А я знаю, как вести грубую игру с подходящей женщиной. Или тремя.

- Госпожа, - мурлычет она. - Разве я многого прошу за те ощущения, что дарю тебя?

Я обдумываю ее просьбу. Она блондинка, вдобавок еще и с большими, красивыми буферами. Да все в курсе, что у меня слабость к такому сочетанию. Вот так я и оказался в офисе босса, прислонившись к его столу, со спущенными до лодыжек кожаными штанами и стояком. И это все под «Pussy Liquor» Роба Зомби. И когда она, черт возьми, уже уgomонится? Она же попросту не дает мне шанса продемонстрировать, на что я способен, поразить ее. Стол под моей задницей ходит ходуном из-за басов из одного из подклубов под нами.

Обожаю это место. Одно из наших лучших вложений.

- Я делаю тебе лучший отсос, который у тебя когда-либо был, - говорит она. - Согласись.

Да без вопросов. Я говорю это всем, кто у меня отсасывает. Женщины любят делать то, в чем они хороши. Похвала гарантирует повторение. Каждое повторение – опыт для них, а значит следующий их мужик получит еще более потрясный минет. Учитывая то, как долго я этим занимаюсь, причем на разных континентах, могу с полной уверенностью заявить, что самостоятельно улучшил качество минета во всем мире.

- Конечно, детка. Лучший. Отсос. В истории, - по крайней мере, он очень близок к этому.

- Так кто я? - мурлычет она.

Я стону.

- Сучка, отсасывающая у меня.

Мы договорились обходиться без имен. Она просила называть ее сучкой, когда мы выпивали внизу в баре. Сказала, что это ее заводит. Позже, смеясь, она пожелала быть принцессой. Теперь пришла очередь госпожи. Высокие ожидания. Впрочем, некоторые женщины стоят того.

Она сжимает мои яйца, а затем тщательно посасывает. Мышцы на животе инстинктивно сжимаются, и я судорожно выдыхаю. Похоже, меня ждет лучший оргазм. Если я вообще его нахрен дождусь.

- Ты действительно не понимаешь, да? - спрашивает она. От ее звонкого смеха волосы у меня на затылке встают дыбом. Я бы, может, и обеспокоился тем, как мрачно он звучит, если бы она не была так чертовски горяча.

Кстати о горячем, я вижу, как пот градом стекает по кубикам моего пресса к ногам. Я практически стою в луже собственного пота. Какого хрена сделал Ри? Прикрутил отопление в Честере до ста? Я весь горю. Голова кружится, как при лихорадке. А это исключено.

- Забей. Ты здесь. Я здесь. Повтори-ка еще раз ту штуку своим язычком. Оближи вокруг.

- Я дам тебе подсказку, - говорит она.

Ей каким-то чудом удастся улыбнуться, не выпуская мой член изо рта, и на мгновение мне кажется, что я вижу ряды крошечных, заостренных, как иглы, акульих зубов. Не самая желанная для мужчины галлюцинация во время минета. Я моргаю и вытираю пот, стекающий на глаза. Игра света. У нее идеальные, белоснежные зубы, как у кинозвезды, в идеальном обрамлении алой помады, следы которой остались на моем члене и животе. О, да, теперь семь дней в неделю у меня будет блондинка с вишнево-красной помадой на губах. Жизнь прекрасна. Я смеюсь.

Она не сводит с меня взгляда и толкает на стол. Я ощущаю холод там, где обжигают ее губы. Теперь она сверху, насаживается на меня, и я толкаюсь навстречу. Я как ручная граната, готовая вот-вот взорваться. Ощущения такие, будто мое тело при последнем ударе разлетится на мелкие кусочки от головы до кончиков пальцев ног. Твою мать, у меня еще никогда не было такого секса. Я на взводе, я горю, словно стол подо мной пылает.

Погодите-ка секунду, так и есть.

Вокруг нас взвиваются языки оранжевого пламени, словно мой пот стал чем-то вроде горючего на лакированном черном дереве. Скорее всего мы просто разлили текилу, а на столе стояла свеча. Я лег прямо в огонь и даже не почувствовал. Она наклоняется, присоединяясь ко мне в огне, запускает руки в мои волосы и целует.

Это нереально охренительно.

Не удивлюсь, если зазвучит небесный оркестр. Моя кожа плавится, и мы растворяемся друг в друге. Странная фигня. Но моему члену нравится.

- Так кто я? Неужели так сложно дать мне такую малость? Немного уважения. Это все, о чем я прошу, сладкий. Взамен ты можешь получить намного больше.

Боже, она говорит прямо как я, даже интонацию повторила на обращении «сладкий». Они всегда называют меня так, как нравится мне. Все всегда контролирую я. Мало что сравнится с красивой женщиной, привязанной к кровати, затраханной до бесчувствия. Так в чем проблема? Она права, это такая малость. Чем может навредить одно слово? Черт возьми, ну не настанет же конец света, если я для разнообразия позволю женщине контролировать ситуацию.

Я открываю рот и глубоко всасываю ее язык, скользя и вторгаясь. Я чувствую свой член внутри нее, чувствую то же, что чувствует она: как я заполняю ее, давая ей все, что она желает, кроме самой малости, которая почему-то так важна для нее. Может, какой-то мужчина относился к ней, как к дерьму, и сейчас, назвав ее госпожой, я помогу ей вернуть частичку себя. Я могу быть частью ее исцеления. Может, это доставит ей то же удовольствие, что ждет и меня. Обожаю женщин. Хочу, чтобы им всем было хорошо. Фактически, это цель всей моей жизни.

- Так кто я?

Я дважды попытался выговорить это слово, но безрезультатно. Честно, я бы рад дать ей то, что она хочет, но подчинение не в моей натуре.

Она насаживается на меня и... вот черт, сжимает меня внутри! Этими мышцами она могла бы надоить стадо голштинских коров. Откидываюсь назад и почти кончаю, но она расслабляет мышцы, и мне начинает казаться, что она может делать так всю ночь напролет, если захочет. А эта чокнутая может этого захотеть.

- Госпожа, - удастся прорычать мне. - А теперь дай мне кончить. Или проваливай, и я сделаю все сам.

- Скажи, что я дорожу тебе самой жизни, - мурлычет она, вся такая нежная и чувственная.

- Конечно, сладкая, - я и так зашел слишком далеко. Если Риодан узнает, что я назвал какую-то малышку госпожой, то не даст забыть мне об этом до конца дней.

- И ты умрешь за меня? - спрашивает она, затаив дыхание.

Я начинаю понимать, что у этой горячей штуки с многочисленными талантами, все-таки есть серьезные проблемы. Она ищет большого и сильного мужчину, который стал бы ее героем. Твою мать, а кто его не ищет? Да каждая женщина внизу мечтает об этом. Я преуспел в этой роли. И мне надо кончить. Вполне справедливый обмен.

Я сжимаю ее задницу и глубоко вхожу.

- Я буду защищать тебя. Спасать тебя. Оберегать твою долбанную честь, если хоть что-нибудь от нее останется, когда я закончу, женщина. А теперь сожми.

- Но умрешь ли ты за меня?

Я не говорю ей, что, если вскоре не кончу, могу убить ее. Я могу обратиться в зверя. Она слишком долго держит меня на грани. Еще чуть-чуть и это будет опасно для женщины.

- Конечно, сладкая. Все, что захочешь.

Она ведь не знает, что я не могу умереть. Она даже имени моего не знает.

Она отстраняется и улыбается мне, обнажая ряды заостренных, как иглы, акульих зубов.

Светлые волосы темнеют до черных с кроваво-красным отливом.

Алые губы становятся белыми. Затем льдисто-голубыми.

Языки пламени взвиваются вокруг нас. У меня уходит секунда, чтобы осознать, что они тоже голубые.

Вот черт.

Я смотрю, но не сразу понимаю, в чем дело.

Я слишком близок к финишу, чтобы быстро соображать. А ее буфера, которые так близко к моему лицу, не способствуют скорости мышления.

Темная. Эта сучка оказалась Темной. Поверить не могу, что я этого не учуял. Меня не так-то легко одурачить. Но повелся же на эти светлые волосы и формы.

Она Темная фейри. Они извращенные твари, все без исключения, кто-то больше, кто-то меньше.

И она хотела, чтобы я называл ее Принцессой...

Темная. Принцесса.

Я шуюсь, уставившись на нее.

Да нет!

Тёмный Король так и не добрался до их сотворения. Они - миф. Не существуют. И это здорово. Нам хватает и Темных Принцев.

«О, сладкий,» - мысленно отвечает она: - «ещё как существуем. Целую вечность мы были заперты в библиотеке. Но кое-кто из ваших нас освободил. И это здорово. В этом мире у мужчин чересчур много власти. Мы это исправим.»

- Отвали нахрен от меня.

«Ты назвал меня Госпожой. Сказал, что умрешь за меня. Ты принадлежишь мне.»

Я смеюсь.

- Ага, конечно. Попробуй и дальше развить эту мысль.

Я хочу сбросить ее с себя, но руки мне не подчиняются, они взлетают над головой. И вот я распластан на столе, а мои запястья прикованы к краю.

Цепь обвивается вокруг моей шеи.

Моего живота. Моих лодыжек.

Твою ж мать.

Я скован.

Рыча, я рывком пытаюсь подняться, испытывая цепи на прочность. На меня не действует магия. Так же, как и чары. По крайней мере, так было раньше. Что за фигня происходит сейчас?

«Мы - уникальный рецепт. Его последнее творение, усовершенствованное Чистильщиком.»

Она улыбается, и я снова вижу эти чертовы акульи зубы.

Я обездвижен, штаны спущены до лодыжек, член в полной боевой готовности, а у этой сучки акульи зубы. Что-то мне подсказывает, что это не самая лучшая ночь в моей жизни.

- Скажи это снова, - приказывает она ледяным тоном надменной принцессы. - Кто я?

Да ни за что. Я больше не скажу этого.

Никогда.

Мой рот открывается, и из него вылетает:

- Госпожа,- противореча каждой чертовой клеточке моего тела. У меня даже яйца съеживаются.

Она бьет меня. Прямо по лицу.

- Я убью тебя, чокнутая ты сучка,- ласково обещаю я. Такие, как я, никогда не повышают голос, когда собираются кого-то уничтожить. Мы становимся мягкими и нежными. Увидишь нас такими -

начинай волноваться. Она не знает, что я один из тех немногих, кто действительно может сдержать обещание. Она понятия не имеет, кто я и что я.

Перед своей смертью она назовет меня своим Господином.

- Так кто я? - спрашивает она.

Я сжимаю губы и сопротивляюсь принуждению фейри, но стиснутые голосовые связки выдают:

- Госпожа.

Вот теперь я точно убью ее. Изошренно и медленно.

- Хороший мальчик, Лор.

Что за херня? Откуда она знает мое имя?

- Ну а сейчас мы поиграем по-настоящему, - мурлычет она.

Глава 8

*Этот город не твой и не мой*¹⁹

Мак

Спустя час, после начала нашей встречи, выяснилось, что проблем гораздо больше, чем я думала. И хотя сам Дублин оживает, выжить в нём самому стало сложнее, чем когда-либо.

Мне потребовалось всё мое самообладание, чтобы вести переговоры с двумя Темными Принцами, изнасиловавшими меня; одним Светлым, который смотрел на меня так, словно хочет это сделать; Риоданом, с которым мне сложно разговаривать в принципе; и двоюродным братом мафиози, назначившего награду за мою голову. Ещё и Синсар Дабх постоянно пыталась вставить свои пять копеек, но я заглушала её, мысленно декламируя стих, заученный в седьмом классе.

Часть меня хочет, чтобы они встали и устроили кровавую бойню, уничтожив друг друга. Это всё упростило бы. Не сомневаюсь, что в этой схватке победил бы Бэрронс.

Но в процессе погибнут люди, и, согласно законам Фэйри, появятся новые принцы, подобно тому, как трансформировался Кристиан. Кровавой бойне не будет видно ни конца, ни края, а мы лишь будем продолжать терять людей.

Я начинаю понимать, зачем Бэрронс затеял эту встречу. До падения стен между мирами, существовала налаженная система управления городом, страной, миром. И то, что кто-то или что-то захочет, приравняв всё к рукам, наладить новую систему - лишь вопрос времени. Бэрронс и его люди предпочитают оставаться в тени, но они готовы действовать открыто, чтобы восстановить общественный порядок, который лучше всего удовлетворял бы их запросы.

Когда Риодан сообщил, сколько примерно фейри и людей сейчас в Дублине, я была поражена. Даже не представляла, как сильно увеличилось население города. По данным его источников, тысячи Светлых и Темных ежедневно прибывают в Дублин, привлеченные новостью об осевших здесь Принцах и избытком людей, желающих стать рабами.

Чем больше будет фейри в Дублине, тем больше будет и людей, привлекаемых их силой, сексуальностью и способностью в эти времена нужды и лишений обеспечить комфорт и роскошь или, по крайней мере, иллюзией этого. Наш город растет слишком стремительно, чтобы кто-то один из сидящих за этим столом мог контролировать его.

Тому, кто надеется стать королем или правителем в этом разрушенном и быстрорастущем мире, придется дожидаться, пока не объединятся множество разрозненных территорий.

В такое переходное время мудрые враги готовы объединиться, иначе в последствии попросту нечем будет управлять. Каждый мужчина в этой комнате верит, что именно он будет в итоге стоять во главе, поэтому готов играть по правилам до тех пор, пока не наступит подходящий момент для стремительного и кровавого захвата власти.

Тогда-то ад и развернется снова.

¹⁹ Clare Bowen/This Town

Так что все усилия могут оказаться абсолютно бесполезными. Хотя у этого перемирия, каким бы коротким ему не суждено быть, есть одно безусловное преимущество – возможно за его время обстоятельства изменятся в пользу человечества, и мы раз и навсегда сможем избавиться от всех фейри.

Возможно, даже от того, что скрывается внутри меня.

Ну а пока мы все признали, что не в состоянии сдержать рост населения, поэтому поделили Дублин на зоны контроля и смирились с тем, что ради толики общественного порядка допустима некоторая жестокость. Кажется, Кэт это расстроило не меньше меня, но другого выхода у нас нет. Пока. Эти крайние меры мы оправдываем тем, что однажды сможем одолеть наших врагов, чтобы остаток своих дней люди провели в мире и благополучии.

Мы становимся дипломатами.

Кэт потребовала, чтобы аббатство было закрыто для всех фейри, и чтобы Бэрронс и Риодан без промедления укрепили его периметр сильными охранными заклинаниями. Большинство - пять против трех - с этим согласилось. Затем Темные, желая заполучить больше голосов, пытались убедить нас, что за этим столом должно быть больше Темных. Конечно, большинство проголосовало против, шесть против двух. В этом Р'Джан поддержал нас. Кажется, Темные не знают, что скрывается за стенами аббатства. Значит, Светлые, что были с нами в ту ночь, помалкивают об этом. Молюсь, чтобы так это и оставалось.

Раф и Киалл настаивали на том, что в их логовах действуют только их законы, и чтобы мы туда не лезли. И что всякий, кто туда входит, становится их собственностью. А войти туда может любой, кто захочет.

Р'Джан потребовал, чтобы мы признали его Королем всех фейри. На это Темные Принцы тут же объявили ему войну, и Р'Джан отрекся от своих притязаний. Пока. Война между тремя Принцами неизбежна. Она всего лишь вопрос времени. С этого момента каждый из них будет пытаться привлечь на свою сторону как можно больше фейри.

Песнь Творения может восстановить стены между нашими мирами, закрыть их и устранить угрозу войны, разрушающую нашу планету. У меня появилась одна идея, где Песнь может быть. Но существует две причины, по которым я ни за что не кинусь ее искать: первая – использовать Песнь может только конкубина, она же Светлая Королева, пропавшая вместе с Королем; вторая - я не смею даже приблизиться к Песне, пока Синсар Дабх внутри меня. Я не допущу, чтобы решающая, нереальная сила оказалась в ее власти.

Я чувствую, как глубоко внутри меня засуетилась книга, как она вынюхивает, пытаюсь проскользнуть в мой разум.

Я быстренько задвигаю все мысли о Песне в дальний ящик своего разума, запираю его на ключ и снова декламирую про себя стихи, зарекаясь вспоминать о ней до тех пор, пока Король не вытащит из меня своего паразита.

«И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,

Трепет, лепет, наполнявший темным чувством сердце мне...»

Риодан успешно лоббировал идею о введении евро, как единой валюты. Поначалу меня это сбilo с толку, ведь это бессмысленно... Если только на него не перейдут все без исключения поставщики. Тогда деньги, конечно, снова обретут свою ценность.

Идея денежного обращения чужда для социума фейри, но Риодан смог убедить принцев, что для поддержания порядка введение единой валюты чрезвычайно важно. Соглашусь, что это вернёт такое необходимое жителям нашего города ощущение нормальности. Меня лишь удивляет, что ради возможности править они готовы отказаться от выгодной для них бартерной системы. Но мужчины, собранные за этим столом, будут процветать в любое время, даже в такое буйное, как это.

Бэрронс по большей части молчит. Одно его присутствие говорит само за себя.

Последние двадцать минут мы детально обсуждали, как ввести деньги в оборот и вернуть им статус платежной единицы. Почему-то я не удивилась, узнав, что Риодан подчистил все банковские хранилища в городе практически сразу после падения стен. В деловых вопросах он всегда опережает всех остальных на несколько ходов.

- Что насчет новой группы ши-видящих? - спрашивает вдруг Киалл.

Новой?

- Даже не упоминай ши-видящих, - тут же отвечаю я. - Они мои.

Рядом со мной Кэт деликатно прочищает горло.

- Наши, - исправляюсь я. - Мы это уже обсудили. Вы держитесь подальше от их земель.

- Нас беспокоит не её группа, - ухмыляется он. - А та, что представляет реальную угрозу. Удивлен, что её представителя нет за этим столом.

Я бросаю взгляд на Кэт, но она так же потрясена, как и я. Ночной клуб «Честер» - пульсирующее сердце Дублина, и если в городе появились новые ши-видящие, его владелец точно знает об этом.

- Риодан?

Риодан подтверждает это безмолвным кивком.

- В городе появилась другая группа ши-видящих? - восклицает Кэт. - Почему они не пришли в аббатство? Мы были бы им рады.

- А вот они вам не рады, - забавляется Раф. - Вы совершенно разные. Вы слабые и сговорчивые. Они жесткие.

- Все ши-видящие под запретом для вас, - говорит Бэрронс.

- Пошел ты, - отвечает Киалл. - Одна из них проникла на нашу территорию и, прежде чем мы успели её остановить, лишила меня тридцати лучших. Сейчас она в клетке. В счастливом безумии, - он бросает на меня многозначительный взгляд. - Она сосет мой член с не меньшим рвением, чем одна моя знакомая.

Грудь Бэрронса вздымается, и мне не нужно смотреть на него, чтобы знать: его глаза сияют алым. Я вижу, как меняются в лице Принцы. От ярости моя кровь стремительно закипает, ударяя прямо в сердце, словно кувалда. Бывают дни, когда я сплошной взрывной механизм. Изнасилование оставляет глубокие шрамы.

«Уничтожь их. Знаешь ведь, что можешь,» - мурлычет мой темный компаньон. - «Они унизили и использовали тебя, заставили чувствовать слабой. Тебя. Ту, что обладает такой силой, о которой им и мечтать не приходится. Напомни этим свиньям, что феири всегда правили женщины.»

«Ну ладно, подкинь парочку красных рун,» - шепчу я. Я убью, чтобы заполучить снова эти странные связывающие руны, которыми книга делилась со мной в критические моменты, полагая, что я никогда не догадаюсь использовать их, чтобы запечатать обложку самой Синсар Дабх. Те самые, которые Крус обманом заставил меня удалить. Мне так не хотелось убирать их с книги в ту ночь, когда мы поместили её на каменную плиту. Надо было хотя бы парочку оставить себе на всякий случай, и не позволять Вельвету перемещать их.

Хотелось бы мне испытать их на копии книги, засевшей во мне. Но Синсар Дабх, несмотря на все её подстрекательства, и на то, что сегодня ей удалось оседлать меня, больше не дает мне безвозмездно ни рун, ни заклинаний. Тот, кто однажды обжегся молоком, и на воду дуть будет.

«Хорошая попытка, сладкая. НЕТ.»

Я продолжаю свое мысленное декламирование с той строчки, где остановилась в прошлый раз, бормоча про себя четвертую, пятую и шестую строфу «Ворона». Под столом Бэрронс кладет ладонь мне на ногу. В прикосновении его пальцев - немое обещание уничтожить их вместе со мной, и просьба быть терпеливой. Это охлаждает мою кровь и сохраняет невозмутимый взгляд.

Темные Принцы удерживают при-йей ши-видящую. Интересно, каким даром она обладает, используют ли они его. Я беспокоюсь за ее душу. У нее нет Бэрронса, который мог бы спасти ее. Голос Синсар Дабх внутри меня умолкает.

- Расскажи мне об этих ши-видящих, - прошу я Риодана.

- Они дисциплинированы и тренированы как спецназ. Ими руководит женщина, за которую они готовы отдать жизнь. Говорят, они собрались вместе уже после падения стен. Некоторые из них служили в Ираке, другие родом из Азии и владеют боевыми искусствами.

- Мы хотим их смерти, - рычит Раф.

- Ты видел их лидера? - спрашивает Кэт, опередив меня.

- Мы пытались отследить ее, но пока безрезультатно. Они произносят ее имя, будто она, черт побери, мистический воин, повелевающий самими стихиями. Их дом разрушен, и они намерены обустроиться здесь, - отвечает Риодан.

- Аббатством управляешь ты. Она не сможет его отнять. Если придется, мы применим силу, - успокаиваю я Кэт, чувствуя ее напряжение.

- Я не сильно расстроюсь, если она и отберет его, - шепчет она.

Пораженно смотрю на нее, гадая, правильно ли я расслышала. Она не сводит мрачного взгляда с Шона. Какая ирония. Раньше она осуждала своих родителей-мафиози и хотела убежать от судьбы, а теперь сидит тут с нами, устанавливая жестокими методами жестокие законы для жестоких времен.

Тренированы как спецназ. Мистический воин. Очаровательно. А эго у них, видать, размером с К'Врака. Кто знает, какими дарами они обладают? Возможно, одна из них, как и я, может отслеживать Синсар Дабх. Вдруг сладкая песня книги приведет её прямо к моей двери?

Слышу, как на заднем фоне, Риодан и Бэрронс соглашаются на то, что принцы могут делать всё, что им угодно, с теми ши-видящими, которые пересекут их порог, но они должны держаться подальше от всех остальных.

Мне кажется, этот город недостаточно велик для всех нас.

Глава 9

*Ах, Смерть, ты идешь,
Чтобы жалить своим ядом и причинять боль²⁰*

Джада

Когда она заходит в Честер, все разговоры умолкают. Её провожают мужские и женские взгляды. Кого-то манит фигура. Кого-то - походка.

И абсолютно всех привлекает её манера держаться.

Этот подземный клуб - гремучая смесь из людей и фейри, разящая сексом, специями и сигаретным дымом. В бесчисленных подклубах огромного дворца из хрома и стекла за подходящую цену можно заполучить всё, что душе угодно.

Пока она минует один клуб за другим, музыка волнами накатывает на неё.

Она могла бы найти своего персонального Иисуса на черном шлифованном цементном полу, который затаптывают копытами сотни мясистых клыкастых Темных, смахивающих на носорогов, питающих слабость к женщинам с пышными формами и Мэрлину Мэнсону²¹. Или быть самой собой там, где приглушенное пение Синатры доносится из колонок, установленных на впечатляющей старомодной барной стойке из полированного дерева, оккупированной тремя безобразно толстыми Темными самками с несколькими парами грудей²². Или признать, как Сиа, что она титановая, под вспышки неоновых огней над зеркальным танцполом, переполненным молодыми, по большей части обнаженными мужчинами и женщинами, которым не дают прохода золотистые, сияющие Светлые²³.

Изучающим взглядом она скользит по их телам и лицам в поисках нужного. Чем красивей он будет, тем лучше.

Она бы выбрала одного из таинственной девятки, управляющей клубом из-за кулис, но монстр, на которого она охотится, может счесть их слишком дикими и опасными и не заглотить наживку. Их слава идет впереди них.

Она обнаружила упоминание о Девятке в древних хрониках и смогла по рисункам и фотографиям отследить их путь до наших дней. Идентифицировала имена шестерых, седьмого узнаёт по длинным серебристым волосам и горящим глазам - нашла один из его портретов в Румынии, очень древний, поражающий воображение. Знает, что двое из них - единокровные братья с разными отцами. Хотя по их внешности, этого и не скажешь. Ей знакома скорбь, которую, возможно, испытывает тот, кому она позволит жить. Но ей следует оставаться беспристрастной. Ей

²⁰Skillet/Good To Be Alive

²¹Merlin Manson/Personal Jesus

²²Frank Sinatra/My Way

²³David Guetta feat. Sia – Titanium

не удалось сопоставить с информацией, хранящейся в её памяти, лица и имена оставшихся двух. Одновременно всех девятих она видела лишь однажды, но лицо одного было скрыто капюшоном, а другого - очень сильно раскрашено.

Знание - сила.

Кастео, Бэрронс, Фейд, Риодан, Лор, Даку.

Последнее имя вызывает у неё легкую улыбку. Было время, когда из любви к сражениям он даже стал гладиатором, а в другие времена, в других краях - легендарным самураем. Вторая из самых ожидаемых ею битв - с ним.

Их методы такие же отвратительные, как и у фейри, но двух имен из известных ей шести нет в ее списке. Двоим из них она позволит жить.

Идя дальше, она игнорирует обрывки услышанных разговоров.

- Кто она?

- Никогда не видел ее раньше.

- Черт, а сучка горяча!

- У тебя ни единого шанса, Брюгер. Она тебя порвет.

- И я умру счастливым.

- Думаешь, она фейри?

- Не знаю, но двигается она как одна из них.

Она переняла то, что посчитала полезным, от фейри, которых тщательно изучила. В её списке их много.

Но она не фейри. Она человек.

Минуя подклубы, она, молча, ломает руку глупца, решившего схватить её за задницу. Вслед ей несутся истошные вопли и болезненные крики мужчины, прижимающего к себе окровавленную руку.

На этот раз она улыбается.

Никто не смеет прикасаться к ней. Кроме тех, с кем она вступает в битву по собственному усмотрению.

На самом верху, за стеклянной балюстрадой, отделяющей внутренний периметр частных уровней, она обнаруживает идеальную наживку и замечает аномалию. Человек там, где его быть не должно. На верхние уровни имеет доступ только Девятка и несколько избранных. Но мужчина - человек, и он наверху. Без сопровождения. Он раздевается под музыку, перебрасывая через хромированные перила одежду в восхищенную толпу женщин.

Она оценивает его физические данные, когда он полностью обнажается. Да, он идеален.

Подойдя к стеклянной лестнице, ведущей на те уровни, где по слухам, помимо кабинета владельца и электронного сердца громадного клуба, находятся апартаменты Девятки, она замечает вторую аномалию. У подножия лестницы нет привычных двух охранников из Девятки, к столкновению с которыми она была готова. Невероятно, но факт.

Она бы перешла в режим повышенной боевой готовности, но она из него и не выходит.

Тихо, не испытывая свою удачу - удача всегда благоволит тому, кто знает свою цель - она поднимается по лестнице.

Глава 10

*Внутри нее прячется волчица,
Которая выходит на свободу...*²⁴

Мак

Сейчас полночь. Наша встреча закончилась несколько часов назад, и я осталась одна в магазине. После ухода Кэт и Шона, Риодан сказал Бэрронсу о том, что надо бы прибраться за Ледяным Королем. Бессмыслица какая-то. Последний оставшийся лед растаял еще несколько недель назад.

Бэрронс ушел по своим делам, чтобы вернуться с колотящимся сердцем, сверкающими глазами и утихшей яростью. Он не занимается со мной сексом, когда голоден. И у меня есть свои предположения на этот счет.

Однажды, я спросила у него, что он ест, а в ответ получила нежное:

- Не твоё нахрен дело.

В общем-то, это и не важно. Он такой, какой есть. Надо либо принять это, либо уйти. А уходить я не собираюсь. Да, этот мужчина не вегетарианец. Но у него есть зубная щётка, так что жизнь продолжается.

Несколько часов я потратила впустую над принесенным из Зеркал потрепанным, полуразвалившимся фолиантом, название которого переводится приблизительно как «Мерзкие феи». Затем занялась уборкой, протерла пыль с полок и прилавков, а после проверила все оружие, что припрятала в магазине. И всё это лишь бы не думать об ужасном поступке, который сегодня совершила. Пока я не заставлю Книгу заткнуться навсегда, есть риск, что весь этот ужас повторится. Хотела увидеться с инспектором Джейном, узнать, где живет семья О'Лири и, выяснив, в чем они нуждаются, обеспечить их этим. Но при мысли об этом вина и горе накатывают на меня, и от боли в желудке я сгибаюсь пополам.

Давно я не ухаживала за своим арсеналом. Я скучаю по своему оружию, но не готова носить его. После случившегося сегодня, я могла бы и от копья оказаться, но не хочу оставлять его там, где его могут найти, даже в книжном магазине. Бэрронс терпеть не может эту древнюю реликвию феи, потому что она может убить меня. А мне копье нравится по той же самой причине. Убить и пистолет может. Оружие нужно уважать.

Разбираю свои Глоки, Вальтеры, Сиг и Кимбер, чищу, перезаряжаю и снова кладу на полку, оставляя Фалькон Коммандр сорок пятого калибра напоследок, потому что на данный момент он мой фаворит, а потом перехожу к винтовкам. Любуясь, раскладываю их на прилавке. Я наслаждаюсь, держа в руках металл и пластик, прохладное железо пуль, сделанных вместе с Дэни. Тренируюсь в метании ножей на манекене, который установила в задней комнате. Я даже начищаю свое копье, держа его осторожно, стараясь заблокировать ужасные картинки, навязываемые мне Книгой.

Ну а когда занять себя больше нечем, начинаю ходить туда-сюда, пытаюсь понять, почему Риодан даже не упомянул о Дэни сегодня.

Он наверняка знает, что она пропала. И точно её ищет. Если бы она была поблизости, то попыталась бы заполучить себе место за нашим столом. Она всегда защищала Дублин и ставила его превыше всего, даже тогда, когда Ро угрожала ей, контролировала и направляла её меч.

Вонзив в Ровену Копье, я применила к ней Глас и выяснила, что она своим даром внушения заставила Дэни убить мою сестру. Но мне не известны подробности.

Я думала, что уже простила её за участие в убийстве моей сестры. Но одно дело размышлять об этом, сидя в книжном магазине, и совсем другое, глядя ей в глаза, почувствовать это прощение и суметь выразить его своими действиями. Мне так и не удалось это сделать тем вечером, когда мы встретились впервые после того, как я узнала всю правду.

Я набросилась на неё. Едва смогла отступить. Спасибо ещё, что не отключилась полностью. Интересно, кстати, почему? Чем отличался вечер, в который я направила свое копье на Дэни, от того момента сегодня, когда я занесла его над Серой Женщиной?

- Алина, Алина, Алина, - шепчу я.

Иногда я повторяю её имя словно молитву, будто одного этого достаточно, чтобы воскресить её из мертвых. А ведь никто не предупреждает нас о том, что, когда умирает близкий человек, приходится терять его дважды: первый раз - когда смерть разлучает нас, и второй - когда мы с этим смиряемся. И в этом длинном мрачном путешествии от одной потери к другой мы не одиноки. Рука об руку с нами неторопливо идет горе, соблазняя буйным цветом воспоминаний, способных свести с ума. Как же хочется зарыться носом в этот букет. Но застряв в прошлом, мы перестаем жить настоящим. Общась с призраками, сами становимся призраками.

Но я всё равно тоскую по тому летнему дню в Фэйри. Вокруг песок. Волейбольная сетка неподалеку. В руках бутылка «Короны», по стенкам которой стекает сок лайма. И неважно что рядом лишь иллюзия Алины.

«Так давай воспроизведем этот день,» - мягко мурлычит мой внутренний пассажир. — «Мы ведь можем.»

- Уже проходили, прекрати искушать, - бормочу я. - Придумай что-нибудь новенькое. Ответ все еще «нет».

От входной двери вдруг отлетает колокольчик с треском и скрежетом металла, пролетает по воздуху и обрушивается на пол с последним, непокорным звоном.

С удивлением и негодованием я перевожу взгляд на распахнутую дверь, которая была заперта. Мне был дорог этот колокольчик.

- Мог бы и постучать, - раздраженно говорю я Риодану, стоящему на пороге. - Я бы тебе открыла.

- Полагаю, копые у тебя.

- Конечно, у меня, - я не могла вздохнуть спокойно, пока Бэрронс не вернул мне его по окончании собрания.

Риодан указывает на дверь.

- У нас проблемы. Идем. В Честер. Немедленно.

Я не собираюсь никуда идти с владельцем Честера, он и так всё время достает меня. Следом обязательно пристроится моя темная свита, и он снова начнёт изучать меня под микроскопом. Мне хватило и сегодняшней встречи.

- Ты говорил, что мне нельзя входить в клуб вооруженной, и я не отвечаю за твои...

- Хватит этого словесного поноса. Правила изменились. Меня не волнует, сколько Темных таскается за тобой. Меня даже не волнует, почему они это делают. На сегодня ты получаешь свободный пропуск. Шевелись. Быстрее.

Как же он меня раздражает. Я и Бэрронса не очень-то слушаюсь, а тут Риодан надумал приказывать. Я прислоняюсь к прилавку, сложив на груди руки.

- Не пойду, пока не объяснишь в чём дело.

- У нас нет на это времени.

- Я уже послушалась тебя однажды. Тогда мы убили Бэрронса, - простить это мне тоже очень тяжело.

- Это было нужно, чтобы спасти твою задницу. А вот без моей смерти, мы могли бы и обойтись. Если бы ты не тянула и послушалась меня сразу. Потом ты ещё и с врагом якшалась...

Ну, началось.

- Якшалась? Серьёзно? В каком столетии вы с Бэрронсом застряли? Я не спала с Дэрроком. И вообще не твоё дело, с кем я сплю.

- Пока ты трахаешься с Бэрронсом, это мое дело.

- Я думала, вы убивали женщин друг друга, не интересуясь их верностью или ее отсутствием. И раз уж речь зашла о верности или ее отсутствии, что за дела у тебя с Джо, Риодан? — с сарказмом спрашиваю я. - Когда это волки «якшались» с овечками?

- Она хочет - я даю, - нетерпеливо отвечает он.

- Сомневаюсь, что для нее все так же просто. Последний раз, когда я была в Честере...

- Это было больше месяца назад. Если думаешь, что я не в курсе того, что ты стала верховной жрицей единственной касты Темных, которая прислуживала Королю в его личных покоях, то ты ошибаешься.

Так вот кто они? Откуда он знает? Лучший способ не попасть под окуляр микроскопа - это направить его на того, кто пытается тебя разглядеть сквозь него.

- Я наблюдала за вами, очевидно же, что она влюблена в тебя...

- Она взрослая женщина и прекрасно осознает, что возможно, а что нет. Я никогда...

- Ты просто идешь по жизни, разрушая все на своем пути, ради собственного удовлетворения, да?

- ...не давал повода для заблуждений. На себя посмотри. И если я что-то и делаю, то на это есть причина. Господи, женщина, ты когда-нибудь заткнешься?

- Может быть, если ты начнешь говорить о том, что я хочу услышать.
- Ты меня выводишь из себя.
- Ты будешь удивлен, насколько легко мне живется с этим.

В его оценивающем взгляде я вижу, как он подумывает закинуть меня на плечо и побежать.

- На твоём месте, я бы не стала этого делать. Если ты не забыл, я темная лошадка.

Он фыркает. Плевал он на мои угрозы. Но, судя по глазам, он понял, что я готова препираться бесконечно, и что если он уступит, то сэкономит время и силы.

- В моем офисе Темная. С Лором.
- Ну и?
- Она Принцесса.
- Мне казалось, Король их не создавал, - хмурюсь я.
- Ты ошибалась.
- Так в чем проблема? Вышвырни её.

- Они занимаются сексом. На моем столе.

- погоди-ка. От меня-то ты чего хочешь? Чтобы я вскрыла новую пачку влажных салфеток и протерла стол, когда они закончат?

- Он прикован цепями. Лора невозможно приковать. Он сам сажает на цепь, - Риодан помолчал, и по его следующим словам заметно, насколько он оскорблен. - Были времена, когда нам в этом мире ничто не угрожало. Но феири изменили это. Похоже, она может превратить Лору в при-йю.

У меня от удивления челюсть отвисла. Лор - при-йя? Уму непостижимо.

- Но магия феири не действует на... кем бы вы там ни были.
- Он зовет ее «госпожой». Подчиняется ее приказам.
- Лор называет женщину «госпожой»?

Этот дикарь приручен? Не может быть. Здесь точно что-то не так.

Облокотившись на прилавок, я со скучающим видом рассматриваю свой маникюр. Интересно, что он от меня хочет, и что мне за это будет?

Я хочу, чтобы кто-нибудь из Девятки задолжал мне услугу, и уже какое-то время пытаюсь этого добиться. В конце концов, не все во мне изменилось: на войне все средства хороши.

Мало ли что мне может понадобиться в будущем такого, что один из них сможет с легкостью осуществить. Так почему бы мне не взять расписочку с большой и жирной надписью: «Я должен Мак»? Может, Риодан и жестокий, и бесит меня настолько, что я целую книгу могла бы об этом написать, но он платит по своим счетам.

- Тебе не выгодно, чтобы Темные удерживали кого-либо из нас при-йей. Кроме того, сучка оккупировала мой офис. Шевелись. Живо.

Я до сих пор не могу понять, чего он от меня хочет.

- Почему бы тебе просто не убить ее?

Ведь может же. Я точно знаю, что Бэрронс однажды убил Светлую Принцессу. Я была в его сознании и видела, как это произошло. Он выкинул меня, прежде чем я поняла, как он это сделал и какое оружие использовал.

С минуту он смотрит вдаль, а потом вновь переводит на меня свой тяжелый взгляд.

- Пока есть подозрение, что она может превратить нас в при-йя, мы к ней и близко не подойдем. Никто из моих людей не смог распознать её сквозь чары. Лор понял, кто она, когда было уже слишком поздно. Возможно, сейчас в моем клубе есть ещё такие, как она. Мне нужен кто-то, кто сможет их распознать, и у кого есть оружие, способное их убить.

- Попроси Дэни. Разве она не работает на тебя? - закидываю я наживку. Хочу знать, рассказал ли ему Бэрронс, что я сделала, ищет ли он ее и как усердно. А может она вернулась и прячется от меня.

У меня перехватывает дыхание от того, как меняются его глаза. Они сияют красным. И не из-за того, что в его клубе Темная Принцесса, а от одного лишь упоминания о Дэни.

- Я не видел её уже двадцать один хренов день. С того самого вечера, как мы разобрались с ледяным монстром. Я перевернул город, пытаюсь отыскать её. Искал и допрашивали и... Черт, - на его скулах ходят желваки. - Если она спряталась от меня, то слишком хорошо. Она считает себя неуязвимой, но она всего лишь ребенок. А ты.

Я тут же отрицательно качаю головой. Не хочу, чтобы он узнал о моей причастности к возникновению этих красных отблесков.

- Мы должны найти её.

- Я чертовски стараюсь. Но на данный момент у нас есть более серьезная проблема.

Пора поторговаться.

- Что мне за это будет?

Он насмешливо улыбается, и я не знаю, использует ли он свою силу убеждения, чтобы его слова имели экстра-визуальный эффект на мое воображение, или я и так достаточно мотивирована в отношении того, что меня беспокоит.

- Ах, Мак, представь, чего у тебя не будет, если Бэрронса прикует к столу. Или к кровати. И затрахает до бесчувствия, - он делает паузу, чтобы придать своим следующим словам больше драматизма, но я и без этого понимаю, к чему он клонит. - Кто-то другой.

Я была за дверью, прежде чем он договорил.

Глава 11

*Говорит, видел моего врага.
Говорит, он вылитый я²⁵*

Мак

Мы выходим из книжного магазина под черное бархатное небо с мириадами звезд и почти полной луной в светло-лиловом ореоле. Серебристо-лавандовый лунный свет из царства фейри отражается от влажной мостовой.

Небо Нового Дублина такое чистое и ясное, что может соперничать с небом в моем родном провинциальном городке. С тех пор, как пали стены, и магия Фэйри просочилась в наш мир, некоторые вещи изменили свой цвет. Отныне новая луна, возрастая, окружена ореолом, который сменяется с бледно-золотого к бирюзовому оттенку, затем светло-розовому, и в конце, достигая своего пика, обретает малиновый цвет.

Издалека доносится непривычный шум: разговоры, смех, ритмичная музыка. Видимо, этой ночью Темпл Бар вновь открыт. Я глубоко вдыхаю запах жасмина, цветущего в клумбах на крыше книжного магазина, и с облегчением понимаю, что Дублин тоже цветет, разрастается, наполняется весельем и вновь обретенной силой.

- Последний раз, когда ты видела Дэни, - говорит Риодан, когда я забираюсь на пассажирское сиденье черного военного Хаммера. Чтобы закрыть дверь, мне приходится отпихнуть двух Темных, и я слышу, как они устраиваются на крыше.

Риодан с отвращением смотрит вверх, а затем на меня.

- Это не моя вина, и я ничего не могу поделать.

- Ты воняешь, Мак.

- Ты же говорил, что мы не будем больше поднимать эту тему. Ни под каким предлогом, - отвечаю я, стиснув зубы. Когда-то я была красивой, приятно пахнущей девочкой в розовом. Иногда мне ее не хватает. Особенно приятного запаха.

- Дэни. Когда.

- Я думала ты не повторяешь дважды, - раздражаюсь я.

Он многозначительно смотрит на меня.

- Не уверена.

- Пора тебе уже пережить то, что произошло с твоей сестрой, - от его ледяного и резкого тона у меня перехватывает дыхание.

- Что ты имеешь в виду? – осторожно спрашиваю я. Как много он знает?

- Причастность Дэни.

²⁵ James Blount/Same Mistake

- Как ты узнал об этом? Бэрронс рассказал? Он не должен был. Не имел права. И если ты когда-нибудь кому-нибудь расскажешь, я буду все отрицать, - взволнованно говорю я.

Я не допущу, чтобы её винили в этом. Даже папе с мамой не рассказала и не собираюсь. Когда я рассуждаю здраво - например, когда её не вижу - я понимаю, что Дэни была лишь оружием. А в чём виноват пистолет? Но найдутся те, кто станет обвинять, поэтому я унесу этот секрет с собой в могилу. Это Ровена зарядила тот пистолет, прицелилась и выстрелила. Когда я рассуждаю здраво, то вижу перед собой побледневшее лицо Дэни с огромными глазами и слышу её крик: «А почему, блин, нет? Я заслужила смерти!» Мне так хочется схватить её, как следует встряхнуть и сказать, чтобы она больше не смела говорить такое.

- Я знаю с тех пор, как это произошло. Мы следили за ней. И если ты скажешь кому-нибудь, я буду это отрицать. А если расскажешь Дэни, я убью тебя собственноручно.

Во мне начинает пробуждаться темная сила, а тяжелая позолоченная обложка книги может вот-вот открыться. Я усаживаюсь на нее сверху, поджав под себя ноги, и про себя проговариваю:

«Я толкнул окно с решеткой, - тотчас важною походкой

Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней...»

Пять строк спустя, я достаточно успокоилась, чтобы говорить.

- Ты видел, как Дэни убивала Алину, и не остановил её?

Ладно, возможно, не очень-то я и успокоилась. Ринувшись через весь салон, я практически залезла к Риодану на колени, вцепившись рукой в его глотку, сжимая.

Его пальцы сжимают мое запястье так сильно, что скорее всего останутся синяки. Другой рукой он тоже сдавливает мою шею, и между нашими носами остается не больше пары сантиметров.

Его серые, отливающие серебром глаза холодно смотрят на меня. Быть к нему настолько близко так же волнительно, как и быть рядом с Бэрронсом. Он так же сексуален, но более сдержан. Когда Риодан входит в комнату, ты не чувствуешь будто на тебя давят. Больше похоже, что все твои атомы ласкает чувственный электрический заряд.

- Прекрати делать поспешные выводы, Мак. Они приводят к заблуждениям. И я позволю тебе пребывать в них. Той ночью за Дэни следил я. Но упустил. А когда нашел её, было уже слишком поздно.

- Это невозможно. Дэни не может обогнать тебя, - она всегда кичилась, что однажды у нее получится.

- Если она захочет, то всегда может дать мне фору.

- Нет, не может. Она постоянно жаловалась мне.

- Убери руку нахрен с моего горла.

- Ты первый.

Мы одновременно опускаем руки, и я возвращаюсь на свое сиденье. С запозданием до меня, наконец, доходит:

- Погоди-ка, ты знал, кто убил мою сестру, когда я только приехала сюда, и не сказал мне? - недоверчиво спрашиваю я. - Ты позволил мне впустую тратить время и охотится на других?

- Дэни не убивала Алину.

- Она сама мне сказала, что убила, - тут же опровергаю я.

- Всё было не так.

- А как же всё было? Темные, сожравшие Алину, в этом не сомневаются. Они спросили у Дэни, привела ли она им ещё одну «блондиночку», - вспоминая об этом, я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Теперь кроме крови Мика О'Лири на моих руках ещё и моя собственная кровь.

Я рассматриваю его профиль. Его левый глаз дергается в нервном тике, руки сжимают руль так, что белеют костяшки пальцев. На какое-то мгновение я вижу в нем Бэрронса - невероятно страстного мужчину, который контролирует свои эмоции настолько, что весь остальной мир считает его бесчувственным.

- Ответь мне, - требую я. - Она убила мою сестру или нет?

Его единственным ответом становится треск в груди, как у Бэрронса, когда тот сильно взволнован.

- Я что, упала в кроличью нору и попала в альтернативную реальность, где у тебя есть какие-то чувства?

Риодан одаривает меня диким взглядом, и я замечаю клыки. Он быстро закрывает рот, оставаясь неподвижным какое-то время, а затем осторожно произносит:

- Я защищаю самых лучших и самых ярких.

ЕНМСМ - так Бэрронс сокращенно назвал «Если Не Можете Связаться со Мной». На мои звонки по этому номеру всегда отвечал Риодан. Но пользы от него пока не было никакой. И, сузив глаза, я ему об этом сообщаю.

- Совершенно верно.

- Ты подбираешь такие слова нарочно, чтобы вывести меня из себя?

- Могу сказать тоже самое и о тебе, детка. Когда ты видела ее в последний раз.

Почему он не хочет, чтобы она знала о том, что он следил за ней в ту ночь? Почему говорит, что Дэни не делала этого? Что имеет в виду под «всё было не так»?

Поскольку он уже отказался отвечать на все эти вопросы, я пробую задать другой:

- Почему ты станешь отрицать, если я расскажу ей? - не дождавшись ответа, я продолжаю: - Услуга за услугу, Риодан. Или так, или никак.

- Кое-чего Дэни не знает о самой себе, - наконец, выдает он. - И это очень щекотливый вопрос.

Я хмурюсь. Мне не нравится, как это звучит.

- И что это? О чем ты говоришь?

- Я ответил на твой вопрос. Ответ на мой.

Я хочу найти Дэни. Теперь еще больше. Неужели я не знаю чего-то о той ночи, когда убили Алину? Того, что может изменить все. Мне стоило привлечь его с самого начала. У него есть свои методы. Я вздыхаю.

- В ту ночь, когда я загнала ее в портал, ведущий в Фэйри.

Он стискивает зубы.

- Говори. Сейчас же.

Подъезжая к Честеру, мы уже не разговариваем друг с другом. Между нами выросла стена враждебности. Он обвиняет меня в ее исчезновении. Говорит, что если она умрет, то по моей вине. Будто я этого не знаю. Он настаивает, что я должна пойти за ней. Я отвечаю, что Бэрронс счел это не лучшей идеей.

Он хватается свой сотовый, который по идее не должен работать, и рычит в трубку приказы своим людям. Говорит, что для них же лучше оказаться сейчас в Фэйри, а не в клубе. И приказывает им начать поиски Дэни.

Затем договаривается о встрече в Честере с Бэрронсом. Мне это совсем не нравится. Не сомневаюсь, он нарочно тянет Бэрронса туда, где есть минимум одна темная принцесса, чтобы я поскорее разобралась с этим делом. И, конечно же, я не стану ему в этом противиться. Я сама так изголодалась по нему, что вряд ли смирюсь с мыслью, что к нему может прикоснуться другая.

Я направляюсь в Честер, сжимая рукой копьё, а за мной по пятам следуют, словно отвратительный свадебный кортеж, мрачные, неуклюжие, жуткие, костлявые и зловещие Темные.

Джада

На вершине лестницы из хрома и стекла женщина останавливается и смотрит вниз. Атмосфера в Честере изменилась, будто зарядилась от могущественного присутствия вновь прибывших.

Она очень тонко чувствует едва уловимые нюансы, благодаря годам тренировок и медитаций. Она сражалась, будучи слепой и глухой. И побеждала.

Эти ауры далеки от «едва уловимых».

Трое вошли с двух разных сторон. Она внимательно осматривает танцпол в поисках их: вот тот, кого зовут Риодан - холеный, развращенный владелец этого клуба; второй из девятки, известен как Бэрронс, обычно он держится в тени, он коллекционер древностей, из них всех он наиболее сведущ в темной магии; и молодая женщина, блондинка, за которой следует небольшая армия Темных, таких же мрачных, как призрачный нимб, окружающий её.

От каждого из них веет огромной силой.

Она смотрит на свою обнаженную, идеальную, превосходно подходящую для ловушки приманку, а затем переводит взгляд вниз.

Она видит возможности. Перед ней стоит выбор.

На который никогда не влияют эмоции.

Двое из троих вошедших в её списке, но убить любого из них будет непросто, даже с её многочисленными способностями, а попытка напасть на двоих сразу равносильно самоубийству.

А она намерена победить их, поэтому сама выберет подходящее время, место и метод.

Они идут по клубу, приближаясь к ней, один с востока и двое с запада. Она отменяет свою миссию, спускается вниз по ступеням и покидает Честер.

Она созовет остальных, обозначит задачи на сегодняшнюю ночь и перейдет к следующему имени в списке.

Мак

Когда-то на 939 Ревемал-стрит располагался элегантный наземный ночной клуб, часто посещаемый скучающей, красивой дублинской молодежью. Сейчас это мечта фетишиста, подземный бал-оргия с картин Сальвадора Дали.

Впервые я пришла сюда с Дэни. С тех пор всё стало только хуже. Или лучше, в зависимости от точки зрения.

Для увидимся-в-Фэйри девушек, считающих фейри новыми вампирами и готовых на всё ради плоти Темных, тут рай. Каждую ночь все больше фейри используют это странное место для секс-торговли.

Проталкиваясь через толпу смеющихся, выпивающих и поедающих то, на что я старюсь не смотреть, людей, я холодно бросаю через плечо:

- Как ты оправдываешь то, что ради роста твоей проклятой империи, каждую ночь здесь убивают и порабощают людей?

- Как в любой тюрьме, темная сторона Честера могла возникнуть только в полном вакууме морали. Не я не создал это вакуум, - шепчет он мне на ухо и, придерживая за талию, направляет меня в обход шумной и тесной группы, в большинстве своем обнаженных людей.

- Но ты используешь его. Это тоже плохо.

- Все мы животные. Волки или овцы. Акулы или морские котики. А некоторые бесполезные напыщенные павлины.

Я не устаю отвечать ему колкостью. Пусть считает меня напыщенным павлином. Лучше так, чем ходячей Синсар Дабх.

- Я всего лишь даю им право выбирать, какими животными они хотят быть. Если бы меня спросили: «Извините, мистер Риодан, можно мне стать овцой на убой?» Я бы ответил: «Скатертью-мать-твою-дорога. Хватит тратить кислород, который другие заслуживают больше.»

- Ты презираешь их.

- Не их, а то, что презирает каждый воин.

- Слабость? Не все такие сильные, как мы.

Он мягко смеется мне на ухо, потому что я отнесла себя в одну категорию с ним.

- Я презираю их готовность умереть. Люди приходят в Честер по собственной воле. Я даю им то, чего они хотят. И не несу ответственности за то, какие охрененно бездушные у них желания, - он сжимает рукой мое плечо. - Не торопись. Определи сначала, есть ли другие принцессы в моем клубе. И если нет, тогда можешь подняться по лестнице.

Меня это бесит, но он прав, я слишком тороплюсь, не изучив как следует обстановку. Спеша уничтожить любого, кто мог бы приковать Бэррона к кровати, я совершенно забыла о поиске других принцесс.

Я останавливаюсь и замираю. Ну, насколько могу замереть, учитывая вереницу Темных, которые никогда не могут предугадать мои действия и постоянно врезаются в меня, обдавая клубами желтой пыли.

Я отталкиваю их и позволяю разврату и безумию вокруг нахлынуть на меня, принимая их. Открываю себя и ищу прекрасный и прохладный центр ши-видящей в моем сознании.

«Используй меня. Я лучше,» - мурлычет Синсар Дабх.

Я позволяю Эдгару По говорить за себя, отказываясь вступать с ней в полемику. Ведь она цепляется за любой мой ответ, даже самый безобидный, словно бывший парень-псих, который никак не может разорвать эмоциональную связь. Читая эти сложные строки, я не слышу Книгу, а значит нет риска машинально ответить ей, пока я сконцентрирована на происходящем вокруг.

Когда я только приехала в Дублин, меня тошнило от фейри. От присутствия некоторых сильнее, чем от других. Я чувствовала их своим нутром. В тот вечер, когда я зашла в прилегающую к «Книгам и Сувенирам Бэрронса» Темную Зону, последние несколько кварталов я практически ползла на коленях, так меня рвало.

Но повторяющееся воздействие уменьшает чувствительность. Правда с Бэрронсом этот закон не действует, он даже имеет противоположный эффект. Теперь иногда я убираю свою тщательно выстроенную блокаду против непрекращающегося шума и пытаюсь почувствовать фейри. Не отвлекаясь на тошноту, я обнаружила, что каждой касте присуща своя особая частота.

В этой громаде из хрома и стекла, известной как Честер, звучит тайная симфония, которую человеческий слух уловить не в силах. Это музыка фейри: гортанный, воинственный гул Носорогов; режущий слух звон крошечных, летающих, шаловливых, убивающих смехом фейри, обманчиво похожих на жизнерадостную Динь-Динь; зловещий звон охранника в красно-черной униформе, который когда-то служил Дэрроку; сладкозвучная песня Дрии-ли и ее нового супруга, который так похож на погибшего Вельвета, что мог быть его братом.

Я отстраняюсь от разнообразия мелодий каждого подклуба и настраиваюсь только на одну песню: совместное звучание Светлых и Темных.

Это неприятная, неблагозвучная мелодия. Действующая на нервы. Интересно, слышат ли они её сами, и если да, то становится ясно, почему Темные и Светлые Дворы пытаются уничтожить друг друга на протяжении целой вечности: они просто не могут вынести музыку друг друга. Люди и за меньшее убивали.

Если бы я могла слышать только Светлых, было бы прекрасно. Темные в одиночку тоже были бы хороши, правда это зловещая музыка. Но вместе они раздражают, противодействуют, вселяя и усиливая напряжение. Интересно, как долго протянут Темные и Светлые, прежде чем снова развяжут войну, во время которой уничтожат наш мир. Пока они одурманены бесконечной чередой удовольствий. Но я не настолько глупа, чтобы верить, что это продлится вечно.

Я определяю различные касты и быстро отбрасываю их. Здесь, по крайней мере, одна Темная Принцесса, и если я изолирую ее частоту, то могу отыскать и других.

Вероятно, вы думаете, что она такая могущественная и уникальная, что ее легко обнаружить.

Это не так.

Я стою там, цепляясь за звуки целых пять минут, и в итоге остаюсь ни с чем. Я начинаю беспокоиться, что она может спрятаться и от меня.

За моей спиной Риодан и моя армия Темных начинают волноваться.

- Мак, мы теряем время. Что ты делаешь.

- Я работаю. Тише.

Только что я обнаружила вспышку аномальной частоты наверху. Аномалия исчезает. А затем словно приближается.

- Чувствуешь что-нибудь, - вдруг говорит Риодан.

И она вновь исчезает.

- Мак, я чувствую... Черт, упустил.

Неужели у Риодана есть ещё и способности ши-видящих? Невозможно. Я погружаюсь в себя, отстраняюсь от всего и всех, изолируюсь от происходящего вокруг, от собственных чувств, ухожу глубже, туда, где под слоями кожи и мышц скрывается первобытная суть ши-видящей, безликая, ничем не сдерживаемая, ничем не ограниченная.

И вот снова там, наверху этой лестницы, нечто темное, хаотичное и грохочущее, невероятно притягательное, бодрящее, возбуждающее - вариация «Марша Валькирий» Вагнера. Словно из ада. И на стероидах.

После того, как я запечатлела в памяти эту мелодию и настроила свой слух только на неё, я вновь стала плотью и кровью, открылась для окружающего мира.

Не удивительно, что мне было так сложно настроиться на принцессу.

Я не заглашала себя.

А ведь от меня исходит такой же тёмный марш.

Открыв глаза, я вижу, как Риодан сосредоточенно наблюдает за мной.

- Здесь только одна, - говорю я и начинаю пробираться сквозь толпу.

Пока мы поднимались по лестнице и шли по длинному стеклянному коридору, я нашла этому простое объяснение. Внутри меня полная копия Синсар Дабх. Я обладаю всей магией Темного Короля и всеми заклинаниями, которыми он создал свои бесчисленные касты. Скорее всего, я могу звучать, как любая из них. И просто никогда не обращала на это внимание, потому что мне не было нужды прислушиваться к себе.

И все же, когда я прикладываю ладонь справа от двери, ведущей в офис Риодана, меня посещает внезапное видение. Словно та, что находится внутри, поворачивает голову и говорит:

- Привет, сестренка, как дела?

С тех пор, как я попала в Дублин, я никогда не была уверена в том, кто я и что я. Понимаю, почему Бэрронс ненавидит ярлыки. Ведь познать себя мы можем лишь в противостоянии, когда решаем, за что сражаться и против кого. Остальное неважно.

- Погоди минутку.

Я оборачиваюсь и не без иронии обнаруживаю, что даже мои темные жрецы покинули меня. Они толпятся, шумят, будто нервно споря, в нескольких метрах позади Риодана, который остановился посреди коридора, не давая Принцессе ни малейшего шанса превратить себя в бездумного секс-раба. Мысль об этом так увлекла меня, что я позабыла, что собиралась сказать. Я моногамная женщина. И не люблю делиться. Но образ этого мужчины в качестве бездумного секс-раба... Я трясусь головой. «Это же Риодан,» - напоминаю я себе.

Тут к нему присоединяется Бэрронс и затмевает собой. Глаза сверкают, от него исходит тепло и энергия. Если я прильну ухом его груди, то услышу, как сильно и ровно бьется его сердце.

- Откуда ты знаешь, что там происходит, если не видишь, что внутри? - спрашиваю я Риодана. Двустороннее стекло снаружи затемнено, прозрачное оно только изнутри.

Риодан опускает свой сотовый на пол и подталкивает его, телефон скользит по стеклянному полу, останавливаясь у моих ног.

- Нажми на иконку с черепом и скрещенными костями.

Ну, конечно, у него есть приложения на любой случай. Он в состоянии наблюдать за центром своей вселенной с телефона, который не должен работать, через потустороннюю сеть Wi-Fi, которой даже не существует.

Я открываю приложение и таращусь в телефон, не мигая.

- О, Господи, он... Не может этого быть... Боже правый.

Мое лицо начинает пылать.

- Ну всё, хватит, - раздраженно говорит Риодан. - Верни мне телефон.

Пожалуй, придержу его. Посмотрю, что еще там есть такого. Слышала, что в клубе существует уровень только для Девятки.

Бэрронс фыркает. У него есть на это полное право. Я заполучила лучшего из них. Поднимаю глаза и посылаю ему полный желаний взгляд.

«Да, вы заполучили лучшего.»

- Хватит медлить, - говорит Риодан. - Избавься от этой сучки. Мой телефон, - он протягивает руку.

Размечтался. Мало ли как на меня отреагирует Принцесса.

Я касаюсь ладонью стены, и дверь открывается в сторону с легким шипением гидравлики. На меня обрушивается запах секса, жгучий, дурманящий, живой.

- Телефон, я сказал.

Останавливаюсь на пороге и заглядываю внутрь. Принцесса спиной ко мне, а Лор не замечает ничего вокруг. Риодан и Бэрронс - другое дело. Они слишком наблюдательны. А когда дело касается Бэрронса, я становлюсь жуткой собственницей.

Захожу внутрь и касаюсь панели управления.

Двое мужчин рычат в унисон:

- Мисс Лейн, вы не закроете...
- Мак, отдай мне мой чертов...
Позади меня закрывается дверь.

Глава 12

*Мы - семья, со мной все мои сестры*²⁶

Мак

Раньше я бы подумала, что происходящие в офисе Риодана является лишь тем, чем кажется: Темная королевских кровей подчинила человека и упивается удовольствием, выкачанным из его души. Ведь бессмертные, пресыщенные, бесстрастные фейри королевских домов могут испытать эмоции, лишь черпая их из людей. Во время секса. Или пыток. Предпочтительно, если и то, и другое происходит одновременно. Так они либо доводят человека до полного истощения и убивают, либо оставляют от него лишь сексуально ненасытную оболочку. Но смерть всё же лучший вариант.

Темные Принцы до чертиков шокировали меня, продемонстрировав амбиции и целеустремленность, готовность, ради достижения цели, принять цивилизованный облик, и способность, обуздав свою ненасытность, действовать обдуманно.

Учитывая, что фейри всегда придерживались матриархата, есть все основания полагать, что Принцессы способны к развитию не меньше, чем их Темные братья. Интересно, где они были до сих пор? Тайно питались? Учились самодисциплине и контролю? Планировали захват нашего мира?

От неё не веет безумием и ненасытностью, с которой Принцы набросились на наш мир, вырвавшись из своей тюрьмы, нет в ней и тяги к жестокости, как у Кровавой Ведьмы, которая одержима желанием завершить свое платье из потрохов. Она кажется сдержанной, хладнокровной даже. Возможно она, как и человеческие женщины, менее подвержена влиянию гормонов или их фейрийского аналога, чем мужчины. Не исключено, что у однополых представителей различных видов есть сходные черты. Насколько я знаю, именно фейрийские женщины выносили их немногочисленное потомство, и, возможно, они более прагматичны, потому что им пришлось заботиться о выживании своих отпрысков. Надеюсь, я права, потому что не хочу её убивать. Сейчас, когда вокруг так много людей. Как бы я ни желала её смерти, придется найти для этого другую возможность.

И более безопасное место.

Я делаю глубокий, медленный вдох и выдыхаю.

- Перейдем сразу к делу, - говорю я ей в прекрасную спину. Радужные, сверкающие татуировки мерцают по обе стороны от ее позвоночника, сворачиваясь и разворачиваясь, словно ласкаемые знойным бризом Фэйри, который только она может чувствовать. Отдаленно они напоминают крылья.

Вдоль позвоночника сверкают серебряные украшения, словно у нее металлический пирсинг в спине и вокруг шеи. И хоть я больше не восприимчива к порабощающему влиянию фейри, глядя на то, что вытворяет с ней Лор, я завожусь, исключительно по-человечески. Не удивительно, что блондинки занимают очередь, чтобы попасть к нему в постель. Он - громадный, мощный, смертельно опасный, властный, сексуальный лев. И, вонзаясь в неё, он рычит. Этот звук настолько первобытно-сексуальный, что мое сердце начинает бешено биться где-то в горле, а во рту пересыхает. Я с трудом сглатываю и увлажняю губы, перед тем как продолжить.

- Что тебе нужно?

Она оглядывается через плечо, выдающим её нечеловеческим поворотом головы, оценивает меня и не удостоивает ответа.

Ей следует присмотреться внимательнее.

- Мак, сними ее с меня на хрен, - рычит Лор, а затем, противореча себе, стонет.

²⁶ Sisters Sledge/We Are Family

- Ты будешь молчать, - отдала приказ Лору Принцесса, и он тут же потерял контроль над своим голосом. Милый дар. Сама бы от такого не отказалась.

- Я спрашиваю, что тебе нужно? - ледяным тоном повторяю я.

- И ты тоже будешь молчать, - шипит она через плечо.

Не чувствую никаких изменений в своих связках. И проверяю все ли в порядке, прочистив горло. Все работает.

Она вновь поворачивает голову и окидывает меня властным ледяным взглядом с головы до ног. Ее бедра не перестают двигаться.

- Кто ты такая?

- Та, кто не убьет тебя, - ответила я, стараясь игнорировать секс, происходящий прямо передо мной. - Пока что. Чего. Ты. Хочешь, - я откидываю волосы назад, не удивляясь, что они влажные. Я реально вспотела, наблюдая, как они занимаются сексом. У меня самой его давно не было.

- Ты не человек.

- Ошибаешься, - категорично отвечаю я. Уж в чем, а в этом я уверена. Я была рождена. Меня выносили в матке. И там же заразили.

- Моя сила действует на всех, кроме фейри королевской крови.

- Ты здесь не ради секса, - увиливаю я. - Ты могла заняться этим и в другом месте. Но пришла именно в этот клуб и выбрала именно его. Почему?

Это смелый шаг, вломиться в Честер в одиночку и, выбрав одного из Девятки, превратить его в при-йя в кабинете владельца. Почему мы раньше не встречали Принцесс? Круус утверждал, что все Светлые мертвы. Так же он утверждал, что Темных Принцесс не создавали. Было ли правдой хоть что-нибудь из того, что он мне говорил? Где она была? Недавно прибыла и пытается пристроиться получше, прибрав к рукам одного из самых могущественных мужчин в городе?

Она облизывает синие губы и наклоняет голову. Ее глаза темнеют, становясь чернильными омутами, внезапно вспыхивают неоновым цветом кобальта. Под длинными и густыми ресницами вертикальные зрачки расширяются, сжимаются и снова расширяются, словно она пытается разглядеть во мне то, чего не видят люди. На мгновение мне кажется, я замечаю в этих зрачках звезды. Она отличается от Принцев. В ней есть... необъятность, которая возвышает ее над ними.

«Он создал нас последними. Мы лучшие из его творений. Усовершенствованные.»

Неосознанно, я ищу подтверждение этому в единственном месте, где его возможно получить.

«Да, открой меня, прочти,» - соглашается она мгновенно.

Я вздыхаю, возобновляя свое декламирование, представляя, как обрадовался бы По, узнав, что хоть его рассказчик и не смог заставить птицу замолчать, его поэма всё же заглушает мою книгу.

«Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,

Кресло я свое придвинул против Ворона тогда...»

Глаза Принцессы сужаются, словно она слышит мой внутренний диалог, но не может придать ему смысла.

- Круус сказал, что был последним творением короля, - говорю я. - И лучшим.

- Есть то, чего Круус не знает. Где наш брат?

- Мертв, - лгу я.

- Ты убила его?

- Да, - отвечаю я.

И снова зрачки сужаются и расширяются.

- Похоже ты хочешь что-то предложить. Не уверена, что ты можешь меня чем-то заинтересовать.

- Возможно, наши интересы совпадают, - почему я такая жесткая? Может, потому что мне пришлось сегодня заключить союз со своими насильниками? Или потому что мне есть, что терять? – Поверь, мне есть, что предложить. За подходящую цену. А вот тебе как раз, возможно, нечего предложить мне взамен.

Она убирает с лица кроваво-черные волосы, скручивает их в длинный хвост и завязывает узлом на затылке, прежде чем изящно соскользнуть со стола.

Не могу перестать глазеть на то, что она там оставила. А какая темпераментная женщина смогла бы? Лор голый, прикован к столу, ноги разведены, все интимные подробности выставлены на показ. Он великолепен. Высокий, накаченный викинг с густыми светлыми волосами, но на теле ни единого

волоска. Хоть его живот и бедра испещрены шрамами, остальная его кожа гладкая и бархатистая, как и головка его... Хватит глазеть!

С трудом отвожу от него взгляд и перевожу его на Принцессу.

- Я не торгуюсь с людьми. Я приказываю. Но в тебе есть... Хм-м-м, в тебе есть что-то... Что в тебе есть?

Я ничего не говорю. Ничем не выдаю себя. Училась этому у лучших. Я спокойно встречаю и удерживаю её взгляд.

Время тянется.

- Темные Принцы - дураки, считающие, что смогут управлять этим миром, - говорит в итоге она и сплёвывает на пол. - Мы пришли поработить этого мужчину, чтобы использовать его в качестве оружия, потому что на Темных Принцев наши методы не действуют. До нас дошли слухи, что этот может убить тех, кого убить тяжело, даже наших братьев. Магия фейри матриархальна. Светлые Принцессы мертвы. Этот мир принадлежит нам.

Раз она, чтобы уничтожить конкурентов, пришла к Лору, а не ко мне или Дэни, то скорее всего не знает о копье и мече.

- Этот мир принадлежит нам, - отвечаю я. - Попробуйте его отобрать - будет война.

- Война, которую ты проиграешь.

- А ты проверь.

Обнаженная она медленно, словно хищник, обходит меня по кругу. Я поворачиваюсь вслед за ней, и она смеется.

- О да, тебе бы однозначно не понравилось, окажись одна из нас у тебя за спиной.

- Тебе бы тоже не понравилось, окажись я за твоей, - сладко отвечаю я.

Она снова смеется, и это услада для моих ушей. Она усиливает свою фейрийскую убийственную сексуальность. Я ощущаю, как она исходит от неё, но на меня это не действует.

Когда я не реагирую, ее глаза расширяются, а рот принимает идеальную форму буквы «О» от удивления. Сексуальная энергия, излучаемая ей, становится жарче. Лор на столе сопротивляется и натягивает цепи.

Интересно, смогу ли я поглотить энергию, которой она так великодушно (и глупо?) разбрасывается, минуя её сексуальный компонент? Пока я об этом рассуждаю, она останавливается передо мной. Мы одного роста. Она склоняется, словно для поцелуя.

- Какая ты... аппетитная, - говорит она, облизывая губы. - Не похожа на них, не такая как мы, и все же такая же. Ты пахнешь... - она замолкает и останавливается прямо передо мной, глубоко вдыхая, прильнув к моей шее. Я не шевелюсь, чувствуя ее дыхание на своем горле. - О да, мне очень нравится этот запах, но есть... что-то... более...

Она определенно не знает, что у меня есть копье. Интересно, знает ли она вообще о существовании такого оружия? Она явно отстала от жизни.

Отшатнувшись, словно кобра, она выпрямляется, выгибает спину, прищуривается и шипит:

- О! Ты пахнешь ими. Мы не вернемся. С нами покончено. Так было сказано. Мы никогда не вернемся.

Она исчезает.

- Наконец-то, черт возьми, ты избавилась от нее, - рычит Лор, вновь обретая способность говорить. Он охрип, словно от многочасового крика.

Я стою, хлопая глазами. Её внезапное исчезновение удивило меня.

Как она смогла переместиться из клуба? Как она вообще смогла в него попасть? Либо охранные заклинания Риодана не работают, либо они на нее не действуют.

И чем же, по её мнению, я пахну, что это так её спугнуло? Вариантов немало. Может, её братья-насилъники оставили след в моей душе? Или дело в зеленой слизи Серой Женщины, которую я расчленила? А, может, она учуяла, что во мне течет кровь ши-видящей - заклятого врага всех фейри. А, может, виноваты жирные следы, оставленные Темными, преследующими меня, которые, стоило мне лишь подумать о них, начали один за другим появляться в комнате. Они снова облепили меня, но от Лора держатся подальше. Скорее всего, они не появились раньше, потому что избегали Принцессу. Интересно почему? Если бы была уверена, что это поможет, я бы из неё все соки выжала и сделала себе духи «Темная Принцесса».

Она сказала «ими». Так что, очевидно, она почувствовала внутри меня не Книгу. А также сказала, что не вернется. Вернется куда? И кто изначально ее туда отправил?

На столе Лор издает стон, настолько полный желания, что я мурашками покрываюсь.

- Мак, - рычит он. - Я хочу. Тащи свой зад сюда.

При-йя - ужасное состояние. Оно превращает вас в жалкого, сломленного секс-наркомана попрошайку, который вечно клянчит новую дозу и готов ради неё на что угодно, с кем угодно и когда угодно. У меня остались воспоминания, которые я глубоко закопала. Поместила в те уголки своего разума, куда никогда не загляну.

«Сломленный попрошайка» - ключевые слова.

- Чего ты хочешь, Лор? - сухо спрашиваю я.

- А что, чёрт возьми, ты думаешь мне нужно? Секс. Постоянно. Я умру, если не буду заниматься им все время. Я при-йя.

- Хм. При-йя.

- Так и есть, эта сучка превратила меня в при-йя. Ты видела ее. Темная Принцесса оседлала меня. Мой член так болит, что просто готов взорваться. Мне нужен секс. Я не могу жить без него. Это пытка. Так что забирайся на него или найди мне блондиночку, которая сделает это. Любую горячую блондиночку в этом клубе, - добавляет он жизнерадостно.

Мне нравится Лор. Он агрессивный, доминирующий, слегка пещерный человек, но в нем нет жестокости, и он всем сердцем обожает женщин и детей. Иногда мне кажется, что, если бы рядом с ним не было остальных восьмерых, Лор бы был совершенно другим человеком.

И, конечно же, он пытается извлечь выгоду из визита Принцессы и использовать его как предлог для того, чтобы провести следующие несколько месяцев в постели с нескончаемой вереницей женщин, единственная цель которых - заниматься сексом с ним 24 часа в сутки, 7 дней в неделю.

Я знаю, как выглядят при-йя, и он не один из них. И хоть частично магия Принцессы подействовала на него, но, очевидно, Девятку невозможно превратить в при-йя. Интересно, может они изначально слишком сексуальны. Возможно, энергия, излучаемая ими, нейтрализует ее сексуальность или частично гасит её эффект. Мне не следует выпускать Бэрронса из вида, пока я не пойму, как избавиться от Принцессы и ей подобных, если они есть. Может, она и не превратила Лора в постоянного раба, но и временное порабощение - это плохо. Глубоко, в своем центре ши-видящей, я настраиваю своего рода антенну, которая в любое время сможет уловить готический, темный марш.

Я иду к двери. Пусть Риодан сам освободит Лора. Я и близко не подойду к этому мужчине, пока он голый. Однажды он сказал мне, что предпочитает «ударить женщину дубиной по голове», потому что лучше потратить силы на трах, чем на ухаживания. И я ему верю. Хотя не вижу тут дубин, в офисе полно других тяжелых объектов.

- Ну, Мак, - говорит он огорченно: - неужели тебе так сложно позволить им думать, что я при-йя? Чем я тебе не угодил? Это был тяжелый вечер. Сучка вынудила меня назвать её «госпожой». Мне нужен старый добрый трах, чтобы унять мою боль. Сексуальное «Да, господин» может помочь, если его повторить раз двести. Что в этом плохого?

Я поднимаю ладонь, готовясь прижать её к стене.

- Seriously, детка, я обещаю через пару недель мне станет лучше. Я не стану затягивать. Я могу сорвать джек-пот. Только скажи, чего ты хочешь. Что угодно. Ну, не все, что угодно, конечно. Но думаю, мы сможем договориться.

Я улыбаюсь и отвожу руку от панели.

Через пять минут я, качая головой, открываю дверь. На глаза наворачиваются слезы.

- Мы не успели вовремя, - сообщаю я Риодану. - Она ушла, но я опоздала. Она успела превратить его в при-йя. Пришлите всех блондинок, которых сможете найти, и дайте им уединиться. побыстрее. И если бы я была на вашем месте, то близко бы к нему не подходила. Это не красиво. Вы не захотите запомнить его таким.

- Она может превратить нас в при-йя.

- Боюсь, что так.

Я решительно направляюсь к Бэрронсу. В конце концов, я получила сегодня то, чего хотела. Услуга от одного из Девятки ценится на вес волшебной пыли. А сейчас я собираюсь пойти и заняться сексом с Бэрронсом, и, судя по его взгляду, эта ночь будет горячей и очень длинной.

- Вы не туда идете, - говорит Риодан нам в спину.

Я оглядываюсь через плечо.

- Что ты имеешь в виду? Мы собираемся вернуться в книжный магазин. Я сделала, что ты просил. Избавилась от нее.

- Ты только что сказала, что она может сделать из нас при-йя, и наши заклятия не мешают ей просеиваться внутри клуба. Ты останешься в этом здании, охраняя нас от всех Принцесс, пока мы не разрешим ситуацию. Вот там ты найдешь достаточно подходящих комнат, - он указывает в противоположную сторону. - Возможно, в следующий раз, ты сделаешь то, что должна, и убьешь ее.

Моя решимость исчезает.

- Ты не просил убивать ее.

- Это было очевидно.

- Нет, не было, - раздраженно отвечаю я. - Я сверялась с твоей книгой «Переговоры с Принцами». Ты же отправил всех остальных в Фэйри. Здесь некого защищать.

- Я все еще здесь.

Я смотрю на Бэрронса. Он остановился и пристально смотрит на меня, прищурившись и скрестив на груди руки. Он выглядит так, словно хотел что-то сказать, но передумал.

- Мог бы и заступиться за меня, - ворчу я. - Скажи ему, что мы возвращаемся в магазин, и точка.

На его губах - легкая улыбка.

- Вряд ли будет справедливо, если вы будете «защищать» только меня.

То, как он выделил слово «защищать», выдает его. Не знаю как, но он понял, что я солгала. И это его забавляет. Он собирается молча наблюдать за тем, как я увязну в паутине, в которую сама же влипла.

Кажется, он действительно сыт по горло моей «идиотской пассивностью».

Как и я.

Но как выяснилось сегодня, она гораздо лучше идиотской активности.

Взаперти в Честере без возможности избавиться от своих отвратительных сталкеров, мне не избежать конфронтаций с Риоданом, и, боюсь, в окружении монстров, будучи одержима монстром, я ещё и не такого натворю.

Глава 13

Я просто затаился, чтобы сделать передышку²⁷

Джада

Она должна убить.

Она видит цель и не остановится перед препятствиями.

Когда закрывается одна возможность, открывается иная.

В том направлении, в котором она движется, есть двое из её списка. С ними она разберется по-другому, проявив милосердие, которого они не заслуживают. И хотя их преступления многочисленны, в отличие от Темной, которая была изначально её целью сегодня, они люди. Людей она уничтожает быстро.

Убийство не приносит ей удовольствия. Её удовлетворяют оплаченные долги и восторжествовавшая справедливость. Поэтому есть те, кого она будет защищать любой ценой.

Повернув за угол, она попадает на слабо освещенную улицу, поднимает взгляд на разбитый фонарь, потом опускает его на мостовую, по которой стелется легкий туман, и поднимает его снова.

Она останавливается, чтобы изучить открывшуюся сцену: кровь Темной капает с зазубренных краев стеклянного плафона; обездвиженные части плоти фейри собраны в кучу; на небольшой грудке человеческих останков лежат увядшие цветы; посреди всего этого беспорядка следы из крови и липкой зеленой жидкости, по которым можно вычислить движения.

²⁷ Linkin Park/Lies Greed Misery

Она подходит ближе. Кто-то положил удостоверение личности мужчины поверх цветов, чтобы нашедший смог его идентифицировать, давая близким возможность попрощаться и не мучиться в неведении о том, вернется ли домой их муж и отец.

Если бы не цветы, она бы подумала, что это сделали ради мести, а не сострадания.

Милосердный прохожий, пришедший после убийцы?

Она закрывает глаза, анализируя, оценивая, сопоставляя увиденное с теми фактами о людях и монстрах, которые стали ей известны за годы сражений. Методично, используя логику, она воспроизводит события, произошедшие на этой улице.

Она исключает вероятность причастности двух действующих лиц. Это дело рук одного.

Кто-то убил фейри и по неосторожности ещё и человека.

Кто-то убил ее фейри.

Если бы она могла чувствовать, её эмоции бы сменялись бы от ошеломления до ярости.

Но она остается безмятежной.

Кто-то другой восстановил справедливость.

И она хочет знать, кто.

Она подходит ближе к груде плоти Темной, замечая пальцы присоски и серую кожу.

Единичные раны от копья на каждом кусочке гарантировали стопроцентную смерть расчлененной-но-все-еще-живой Темной.

По форме ран она вычисляет убийцу.

Ее имя тоже есть в списке.

Она жаждет заполучить это оружие. Когда она его получит, ее уже никто не сможет остановить.

Она поднимает голову. К ней стремительно направляется фейри. Могущественная. Темная. Она охотилась на неё, но не для того, чтобы убить.

- Ты желаешь смерти Темным Принцам, - говорит она в ночь. Она знает, что ночь всегда слушает. - Я сделаю это для тебя. Но взамен ты сделаешь кое-что для меня.

Ей трижды пришлось повторить, прежде чем Принцесса с белоснежной кожей и синими волосами предстала перед ней на туманной улице.

- Что заставляет тебя думать, что я не убью тебя прямо здесь? - от слов Принцессы веет надменностью.

- Возможно, убьешь. Возможно, и нет. Не лучше ли заручиться помощью союзника в этом городе, где нельзя проявлять слабость? Нам обоим не помешают союзники. Не то, чтобы у нас было много слабостей. Но все же они есть. Вы с братьями не можете ни уничтожить, ни околдовать друг друга. И, по-моему, это слабость.

Принцесса, прищутив свои сияющие глаза, присматривается к ней.

А Джада, тем временем, продолжает:

- Заключая сделку с дьяволом, стоит убедиться, что он не только в состоянии помочь тебе, но и не поглотит тебя в процессе. Мы с тобой именно такие. И я обещаю не поглощать тебя.

По глазам Принцессы становится понятно, что она изменила свое изначальное суждение.

- Возможно, мы можем быть полезными друг другу. На выгодных условиях.

- Найди для меня одну Темную, - она поясняет, кого ищет.

- Я к ней и близко не подойду, - шипит Принцесса.

- Тогда я не стану убивать твоих братьев.

- Её нереально убить!

- Я сказала «найди», а не «убей». Таковы мои условия. И это не обсуждается.

- Как ты планируешь уничтожить Принцев? Ты всего лишь человек.

- Я знаю, где достать оружие, убивающее фейри.

- Такого оружия не существует.

- Существует.

- Оно убивает всех фейри?

- Да.

- И ты можешь его достать?

- Да.

На какое-то время Принцесса замолкает и, в конце концов, произносит:

- Возможно, у тебя есть полезные знания. Сегодня я не убью тебя. Ты покажешь мне это оружие и продемонстрируешь, как оно работает.

- Сначала ты найдешь для меня ту, что я ищу. И отведешь меня туда.

- Найду и на этом всё.

- Или всё. Или ничего.

- Это две услуги. Оружие достанется мне.

- Двое принцев за две услуги, - решительно отвечает она.

Древние, холодные глаза внимательно смотрят на неё. Она отдает себе отчет, что находится в опасности. Но кто не рискует, тот не побеждает.

Наконец, Принцесса отвечает:

- На войне союзники не помешают.

- Мои услуги будут доступны и в будущем. Оружие будет частью этих услуг.

- Я учту, - говорит она и исчезает.

Глава 14

Вы глупцы, - сказал я так, - ведь молчанье, словно рак²⁸

Кэт

Мой дар - если его, конечно можно, так назвать - чуткое сердце. Я начала плакать, едва родившись, и рыдала, пока мне не исполнилось пять лет, три месяца и семнадцать дней - до того самого дня, когда Ровена пришла в дом моих родителей и начала обучать меня, как ограждать себя от нескончаемого натиска чужих эмоций.

Часто я думаю, что так ничему и не научилась, кроме как сдерживать слезы и прятаться за маской, притворяясь, что этот мир не слишком тяжелое для меня бремя.

Я знаю, насколько мы хрупкие, и насколько не равны силы в войне, разрывающей эту планету, где ангелы - из стекла, а демоны - из камня. Урони нас ненароком, и от нас останутся только осколки.

Вчера, глядя на Шона, сидящего в опасном удалении от меня за тем столом переговоров, я поняла, что наша любовь тоже стеклянная. И чтобы укрепить её, я должна стать алмазной пылью.

Еще до уничтожения Ледяного Короля, Марджери заручилась поддержкой Риодана, чтобы привязать опасный дрейфующий фрагмент мира Фэйри, который мог разрушить наше аббатство. В ту ночь, когда я пришла к Риодану, чтобы выплатить наш долг, он назвал свою цену: Шон должен был поработать официантом в Честере какое-то время.

Так кости домино начали падать.

Шон, как и я, не может спокойно наблюдать, как страдают люди, поэтому стал помогать нуждающимся. За это я восхищаюсь им.

Но наши с ним семьи изначально тоже руководствовались благими намерениями. Наши отцы чувствовали огромную ответственность за своих людей. И те приходили к ним с проблемами, которые становилось все сложнее решать.

Со временем это испортило их. Едкость убийств и вязкость мести ожесточили их сердца, превратили их в каменные.

Я иду по Честеру с четкой целью, пытаюсь оградить себя по максимуму, но чувство одиночества, отчаяние и жажда в этом забитом до отказа месте настолько непомерны, что у меня не получается игнорировать их. Сколько ангелов, и сколько трещин. Их и ронять не надо, любого неосторожного движения будет достаточно.

На моем попечении двести семьдесят одна женщина. Старшая из них, Танти Анна, мой мудрый и деликатный советник, чей взгляд, казалось, был устремлен в небеса, месяц назад была убита Кровавой Ведьмой. Тем вечером Кристиану пришлось заплатить невероятную цену за нашу свободу,

²⁸ Simon & Garfunkel/Sound of Silence

а я бессильна помочь ему. Одна из самых младших подопечных, Дэни, невероятно одаренная и невероятно импульсивная, исчезла несколько недель назад, и я подозреваю худшее. Марджери мутит воду каждый день, пытаясь прибрать власть к рукам, которую я бы с удовольствием отдала, но только не ей.

Шон, моя вторая половинка, возглавил черный рынок, вступив в соревнование с двумя Темными Принцами и безжалостным мужчиной, который не привык делиться.

А теперь появились еще и новые ши-видящие в Дублине. Их предводительницу не может выследить даже Риодан. Еще никогда в жизни я не чувствовала себя такой бесполезной. Я хочу восстановить мое аббатство. Хочу, чтобы за его стенами снова стало безопасно, как прежде. Хочу стать каменной, но чтобы за это не пришлось заплатить непомерную цену.

Несколько месяцев назад, когда я пришла сюда, чтобы вернуть свой долг Риодану, он сказал одну вещь, о которой я не перестаю думать:

- Сними свои розовые очки и посмотри правде в глаза, признай, что ты по уши в дерьме. Пока ты не поймешь, что застряла в канализации, а в твоём направлении полным ходом несется дерьмо, ты не сможешь увернуться от него.

Я пришла для того, чтобы узнать, как выбраться из коллектора и превратиться в сливной бачок.

Под окном моей спальни растет невероятно высокая и зеленая трава, прямо над ледяной темницей Крууса. Я молила бога, чтобы причиной этому был фрагмент огненного мира Фэйри. Но тот исчез, а луг по-прежнему остается неестественно зеленым, и на нем яркими пятнами алеют маки. Их цветы, пропитанные опиумом, теплыми вечерами опьяняют меня, когда величественный принц с черными крыльями окутывает мою постель иллюзией.

Я оградила свою постель от него, благодаря магии крови, искусству, которое я поклялась никогда не практиковать. Я не хотела переступать эту черту.

Но теперь мне нужно защищать не только себя.

Замысловатые золотые решетки выросли из-под земли по периметру аббатства, они увиты черными розами, источающими запах экзотических специй и далеких берегов.

В саду появилось множество каменных обелисков, покрытых знаками, которые я не могу расшифровать. Пара мегалитов станет дольменом, если их дополнит каменная плита сверху. Меня дрожь берет каждый раз, когда я прохожу мимо.

Жемчужные скамейки окружают огромный, сверкающий, многоуровневый фонтан, в котором вода переливается всеми оттенками Карибского моря.

Невиданные животные, выглядывают из-за стволов деревьев, увитых лозой, странным образом разросшейся за нашими стенами. На коричневой коре она словно серебристые прожилки под низко свисающей кроной из темно-синих листьев.

Пол в моей части аббатства сменился с каменного на полированное золото.

По ночам по коридорам и залам разносится мужской смех. И днём, и ночью аббатство освещено мягким золотистым светом, несмотря на то, что подачу электричества ещё не восстановили. Наши костры горят без дров. Далеко не все горящие лампочки подключены к генераторам. Мы пытались их выкручивать, но они продолжали светить. Что-то нечистое питает их.

Круус меняет наш дом, подчиняет его себе. Безо всяких сомнений, наш заключенный берет нас в плен. Наш рай потерян.

Мы обсуждаем это между собой, но пока ничего не рассказываем посторонним. Это наш дом, и для многих из нас единственный. Но если мы не найдём способ остановить эти изменения, нам придется уйти из него.

Скоро.

Но мы пока не готовы признать поражение.

Кто будет присматривать за аббатством, если мы будем вынуждены его покинуть? Стоит ли нам остаться, просто молиться и надеяться, что заключенный не сможет вырваться на свободу?

Одной рукой, в защитном жесте, я прикрываю свой живот. Его совсем ещё не видно. Большую часть своей энергии я направляю, чтобы укрыть ребенка. Я обязана обезопасить наше будущее.

Когда я подхожу к подножию стеклянной лестницы стеклянного здания, которое каменный демон Риодан называет домом, он уже ждет меня.

А как же иначе.

- Почему ты солгал мне о Шоне? - спрашиваю я.

- Я не обманывал тебя. Ты перекрутила мои слова, вырвав их из контекста. И вспомни, я советовал тебе поговорить с ним. И если бы ты последовала моему совету, то выяснила бы всё сама, вы же вроде родственные души, значит и секретов быть не должно.

- Не дразни меня.

- Не провоцируй меня.

- Ты сказал, что взыскал мой долг с него.

- Я сказал, что готов принять его на вакантную должность и списать долг, и этим снял тебя с крючка.

- Тут же поймав на другой.

- Ты сама на него попала. Переходи ближе к делу, Катарина. Ты ведь до сих пор не сказала Шону, что во снах трахаешься с Круусом.

На это я ничего ему не отвечаю, чем вызываю его смех.

- И все же ты здесь. Снова пришла ко мне. За советами, к которым не прислушиваешься. Я не собираюсь снова впустую тратить на тебя время. Уходи.

Я продолжаю стоять на месте.

Он меряет меня своим холодным серебристым взглядом, вскинув бровь.

- Надеюсь ты знаешь, что делаешь, Катарина, - мягко предупреждает он. - Когда меня о чём-то просят, я не останавливаюсь, пока не почувствую, что удовлетворил просьбу. Тем способом, который посчитал нужным.

Я цепляюсь к его словам.

- Ты ничего не чувствуешь.

- Это ты, моя милая кошечка, отказываешься от своих чувств и подвергаешь себя опасности, отвергая желания своего сердца.

- Тебе не понять ни моего сердца, ни чьего-либо еще.

- Выкладывай зачем пришла. Моего внимания требуют срочные дела.

Глядя в лицо мужчины, которого не существует, которого, согласно моим эмпатическим ощущениям, тут просто нет, я тщательно подбираю слова. Я должна четко следовать выбранному курсу и вполне осознаю, что этот путь либо разрушит, либо спасет меня. Хотела бы я знать, к чему он приведет, но этого невозможно предугадать.

Я сдерживаюсь от того, чтобы положить руку на живот. Я не должна выдать себя ничем перед этим мужчиной. Мне нужно измениться. А у него твердая рука. Я готова стать глиной в руках этого скульптора. Ведь этот мужчина, кем бы он ни был, обладает силой, превосходящей мои способности. Он и его люди знают то, чего не знаю я: как защитить то, что принадлежит им. Они безжалостные и жестокие. И успешные.

И если я хочу, как следует позаботиться о своих подопечных и о своем ребенке, мне нужно научиться быть такой же успешной.

- Я пришла признать, что по уши в дерьме.

- Давно пора, Кэт, - с улыбкой отвечает он.

Я страдала от того, что стала разочарованием для отца с самого момента своего рождения, правда тогда я не понимала, что происходит, и лишь чувствовала отвержение. С годами его злость и отвращение к своей бесполезной дочери, которая никак не могла помочь ему укрепить свое положение, стала невыносимой настолько, что я научилась избегать его во что бы то ни стало. Алчность и нетерпеливость, поверхностность и страхи моей матери были моими детскими друзьями.

Потом появился Шон, мы росли вместе, он любил меня и принимал даже мое бесконечное нытье. Но даже с ним мне сложно, ведь у него столько эмоций. Что вырезка, что рибай - мы все несовершеннолетние, в нас всех, даже в самых лучших, есть прожилки страхов и неуверенности.

Чем глубже мы продвигаемся в Честер, тем меньше ощущается натиск эмоций, интенсивность бесконечного потока чужих чувств снижается с десяти до четырех баллов, и это дает мне такую желанную и благодатную передышку. Мы минуем стеклянные коридоры один за другим, и я понимаю, что он ведет меня в ту часть клуба, куда доступ посторонним воспрещен. В конце концов, он проводит рукой по гладкой стеклянной стене, и перед нами появляется лифт.

- Куда ты меня ведешь? - спрашиваю я, когда двери лифта закрываются, изолируя меня в слишком маленьком помещении со слишком большим мужчиной. Я чувствую себя Данте, нисходящим по кругам ада, вот только у меня нет проводника в лице древнеримского поэта.

- С этого момента, вопросы задаю я. Учитывая, что ты хочешь стать каменной, и чтобы при этом не пришлось платить непомерную цену.

Я уставилась на него. Как он узнал?

- Ты читаешь мысли.

- Люди думают слишком громко. И мы берем то, что нам предлагают. А вы столько всего предлагаете.

- Что ты собираешься делать? Научишь меня драться?

Я смотрю на свои хрупкие руки. Пусть они и окрепли от садоводства, доения и другой работы на нашей земле, сомневаюсь, что смогу причинить боль другому человеку. Я же почувствую её. А я этого не хочу.

- Не я.

От лифта он ведет меня по самому благословенно тихому коридору в моей жизни. Я медленно оборачиваюсь по сторонам, прислушиваясь, но ничего не слышу. Видимо, на этом уровне отличная звукоизоляция. Здесь не слышна музыка, нет даже белого шума. Потрясающая тишина.

- Тогда кто?

Он направляет меня дальше по коридору, мягко подталкивая в спину, открывает еще одну дверь, и мы входим в тускло освещенную длинную комнату с проходами в дополнительные помещения.

Здесь нет мебели: ни стола, ни дивана, ни стульев, ни даже ковра. Пол из полированного черного дерева, стены цвета слоновой кости. Рассеянный свет исходит по периметру высоких, украшенных кессонами²⁹ потолков со вставками басменной кожи³⁰ над калевками³¹ в романском стиле. В двух стенах огромные ниши, как будто когда-то там демонстрировались сокровища. Комнату модернизировали.

В отличие от ее обитателя.

На полу, скрестив за головой руки, лежит мужчина. Он смотрит вверх. Как и все остальные парни Риодана, он высокий, широкоплечий, с хорошо развитой мускулатурой и покрыт шрамами. И, как и все остальные, его тоже не существует. На нем черные камуфляжные штаны с низкой посадкой, и он босой. Руки в татуировках, пострижен под машинку и не брит. Он выглядит как командир повстанцев, о которых мир никогда не слышал.

- Кастео будет твоим учителем.

Я недоуменно смотрю на него. Джо рассказывала мне о девятке, правда, толку от этого было мало. Кастео - это тот, кто не разговаривает. По словам Джо, очень давно случилось что-то такое, после чего он не проронил больше ни слова.

- Это что шутка? Он же не разговаривает!

- А ты не слушаешь. Вы просто созданы друг для друга, - Риодан подходит к Кастео и смотрит на него сверху вниз. - Кастео будет твоим инструктором, - повторяет он, но на этот раз это приказ и предостережение мужчине, лежащему на полу. - Женщина чувствует всю боль мира. Ты научишь ее абстрагироваться от неё. А затем сможешь научиться контролировать себя. И, наконец, ты научишь ее сражаться.

Кастео, понятное дело, молчит. Я даже не уверена, слышит ли он. Он словно в трансе, где-то очень далеко отсюда.

Риодан направился к двери.

- Ты пробудешь с ним до тех пор, пока я не решу, что ты получила то, за чем пришла.

Дверь закрывается за ним, и какое-то время я просто смотрю на неё отсутствующим взглядом, а затем перевожу его на Кастео.

А потом бросаюсь к двери и прикладываю ладонь туда, куда нажимал Риодан, но ничего не происходит.

²⁹Кессоны (фр. caisson — ящик от итал. casseta — кассета) — углубления прямоугольной или другой формы в своде, куполе, потолочном перекрытии или на внутренней поверхности арки.

³⁰ Басменная кожа – вытанутая на болванке и тисненая орнаментом кожа для обивки стен.

³¹ Калевка – это декоративный профиль из пластика или дерева, разделяющий дверное полотно на несколько частей.

Я начинаю колотить по двери.

- Риодан! Мне нужно вернуться в аббатство! Риодан,пусти меня!

Но ответом мне служит лишь самая невероятная тишина, которую я когда-либо испытывала.

- Это не то, чего я хотела!

Я бью по двери, пока мои кулаки не становятся синими.

- Риодан, ты не имеешь права! Мои подопечные нуждаются во мне! Есть вещи, о которых ты не знаешь! Я пришла сюда, чтобы рассказать тебе!

У меня такое ощущение, будто я нахожусь в недрах земли, всеми забытая.

Я кричу, пока горло не начинает пылать.

Мужчина на полу лежит не шелохнувшись.

В этой абсолютно тихой и абсолютно пустой комнате не заметно течение времени.

Спустя какое-то время, я опускаюсь на пол, прислоняюсь спиной к стене, и кладу руку на живот.

Ему, безусловно, придется кормить меня.

И конечно же, здесь есть ванная комната.

Он наверняка вернется, и я смогу сообщить ему о своих неотложных делах в аббатстве.

Я сижу и смотрю на неподвижного и немигающего мужчину, лежащего на полу. Спустя время я начинаю ощущать всю простоту момента. На этом уровне не только нет звуков, здесь нет и ни единой эмоции.

Осторожно я опускаю защитные барьеры, которыми с пятилетнего возраста, оградила себя от окружающего мира.

Ничего.

Я опускаю их все ниже и ниже. И осознав, что все равно ничего не чувствую, я делаю глубокий вдох, собираюсь с силами и полностью сбрасываю их.

Судорожно вздыхаю.

Я ничего не чувствую!

Ничего: ни злости, ни алчности, ни похоти, ни страха, ни боли, ни нужды. Эти потребности худшие из всех, они болезненные, сокрушительные, их невозможно удовлетворить. Здесь, глубоко под Честером, вообще нет ни единой эмоции, которая пропитывая воздух, давила бы на меня, заставляя защищаться.

Это невероятно. Так легко на сердце.

Впервые в жизни я ощущаю только себя.

Даже не знала, каково это.

Впервые в жизни, я слышу свои мысли.

Глава 15

Я лишь маленькая трещина в этом замке из стекла³²

Мак

Во снах я слышу музыку. Эти мелодии настолько изысканные, что однажды, будучи подростком, я решила, что мне судьбой предназначено стать великим композитором, писать песни и делиться ими со всем миром. В тот же день я вступила в школьный оркестр, даже записалась на дополнительные занятия и попросила маму с папой нанять мне репетитора, который научил бы меня нотной грамоте. Я погрузилась в музыкальный мир с огромным энтузиазмом, уверенная в своем предстоящем успехе.

Меньше чем через месяц мой наставник покинул наш дом и отказался возвращаться, а директор школьной музыкальной группы попросил сделать всем одолжение и уйти.

Я ни капли не музыкальна.

³²LinkinPark/CastleofGlass

Кларнет в моих руках звучал как истеричный як. В те несколько дней, что я играла на трубе, раздраженной группе аккомпанировало агрессивное хрюканье свиньи, причём исключительно невпопад. Я никак не могла понять, когда из инструмента появится звук, и всегда пугалась, когда это происходило. Моя скрипка издавала звуки, похожие на крик трех взбесившихся лишенных слуха баньши. А вместо флейты я могла с таким же успехом дуть в бутылку из-под газировки. У меня ну никак не получалось правильно сложить губы. За барабанами мои руки сворачивались в крендель, который невозможно было распутать. Я бы попробовала себя в игре на бубне - думаю, что в этом я бы преуспела - но, к сожалению, в нашем школьном оркестре его не было. Думаю, именно поэтому я так люблю свой iPod. Музыка в моем сердце, и я не могу без неё.

Но уже три утра подряд после пробуждения в моем сознании звучат отголоски мелодии, которую назвать «просто ужасной» будет мало. Прошлая ночь была наихудшей из всех. Такое ощущение, что я настроена на эту мелодию, слышу и ощущаю её всё острее.

Эта новая песня не похожа на те, что я слышала во снах раньше. Она не придает мне необыкновенную легкость и приподнятое настроение, и её не сопровождают фантастические сновидения. Она терзает мою душу. От неё меня мутит.

У меня нет слов, чтобы описать её. Лежа в кровати, с головой под одеялом, пытаюсь понять, что такого ужасного в этой мелодии. У меня даже руки свело от напряжения, потому что полночи я прижимала подушку к ушам.

Подбираю подходящее слово. Пугающая? Нет. Хуже

Гнетущая? Нет. Хуже.

Способна свести с ума, если слушать ее слишком долго?

Хуже.

Но что может быть хуже сумасшествия?

Я переворачиваюсь и высовываю голову из-под вороха подушек и одеял. Я одна в кровати, и это не удивительно, ведь Бэрронсу спать не нужно.

Однако, в комнате я не одна.

Здесь нет защитных заклинаний, которые держали их за пределами книжного магазина (Бэрронс сказал, потребуются недели, чтобы собрать необходимые ингредиенты), и ничто не мешает моим зловещим преследователям держаться поближе, окружив меня с трех сторон кровати. С четвертой стороны, они уселись на изголовье как на насест и ссутулились, втянув головы в плечи. Двое сидят на кровати прямо рядом со мной. Моя пижама вся в паутине. Приходится спать в пижаме, потому что я не рискую быть без сознания и голой в присутствии Темных.

Конечно, о сексе даже речи быть не может. Они отступают, когда Бэрронс прикасается ко мне или просто находится рядом, но я не собираюсь становиться эксгибиционисткой, да ещё и перед Тёмными.

Мало того, что я раздражена, мне скучно, и могущество явно не пошло мне на пользу, так ещё и нет возможности выпустить пар на большом и крепком теле Бэрронса. Мне начинает казаться, что это своего рода вселенский заговор, призванный выяснить, когда же у МакКайлы Лейн лопнет терпение.

Они, словно стая стервятников, все до единого уставились на меня.

Если они вообще могут уставиться, ведь я никогда не заглядывала под их капюшоны и не могу точно сказать, есть ли у них лица и глаза. Как оказалось, пыльные, покрытые паутиной плащи, по текстуре напоминающие черную куриную кожу, вовсе не одежда, а часть них самих.

Риодан сказал, что они - каста, служившая Королю в его личных покоях. Может, они преследуют меня не по призыву Книги, скрытой во мне, а потому что, как и К'Врак, чувствуют во мне то, что принадлежало Королю, которому они служили? Если так, то, когда Король извлечет из меня Книгу, они тоже исчезнут.

Сейчас они не издают ни звука: ни чириканья, ни шуршания.

Их молчание беспокоит меня не меньше темной симфонии из моих снов. Неужели она звучала в моей голове так громко, что они тоже слышали её? Неужели она заткнула рты моим щебечущим мучителям?

Интересно, если они так напоминают стервятников, значит ли это, что у них и сок желудочный едкий настолько, что они могут переваривать разлагающиеся трупы, зараженные опасными для них бактериями и паразитами?

По крайней мере, они не блюют, как стервятники, когда напуганы. И не мочатся прямо на ноги, чтобы охладить себя и уничтожить бактерии, которые подхватили у гниющих трупов.

Доброго мне, мать вашу, утра.

Такого же унылого, как и всегда.

- Отвалите, придурки, - бурчу я, свешивая ноги с края кровати.

Но они не уходят, трутся о мои штаны, покрывая их паутиной и желтой пылью.

Побыстрее бы вернуться в КиСБ. Там я, по крайней мере, могла спать спокойно, заниматься сексом и просыпаться в комнате, свободной от паразитов.

Сажусь на край матраца, разглядывая эту стаю. Синсар Дабх утверждает, что они мои «жрецы», и я могу командовать ими. Я не на столько глупа, чтобы верить Синсар Дабх. Боюсь, если дам им даже крошечную команду, такую как: «Убирайтесь ко всем чертям и это приказ!», - Книга сможет завладеть частью моей души.

А вдруг они разозлятся и съедят того, кто рискнет командовать ими. Или начнут блевать и писаться. На мне только запаха рвоты и мочи не хватает для полного счастья. Нет уж спасибо, я из-за них и так уже воняю.

В одном я уверена: когда ты думаешь, что хуже уже быть не может, скорее всего, ты ошибаешься.

Этим и вызвано мое, выражаясь словами Бэрронса, идиотское бездействие.

Я вздыхаю и начинаю одеваться. Кажется, я бы убила за чашечку крепкого эспрессо из Старбакса.

В Честере я потеряла чувство времени. Проведя здесь, где нет окон, некоторое время, теряешь суточный ритм. Думаю, прошло уже три ночи, как я прислушиваюсь к музыке Темной Принцессы и пытаюсь обойти защитные заклинания Риодана, чтобы разгадать бесчисленные тайны Честера.

Но каждый раз, сталкиваясь с непреодолимым препятствием, я разворачиваюсь и ухожу вместо того, чтобы искать внутри себя способ обойти его. Не хочу давать Книге повод подстрекать меня.

За те два с половиной часа, что Книга контролировала меня, могло произойти что угодно. Возможно, всё то время я потратила на пытки и убийства, а возможно... Я не стала развивать эту мысль. Нет смысла возвращаться к этому. Что было, то было. Я не могу ничего изменить. Главное не позволять этому случиться снова. От этих мыслей мне становится только хуже, а когда мне плохо, Синсар Дабх болтает без умолку.

Проходя вдоль перил к лестнице в окружении тощих упырей, я поняла, что сейчас раннее утро. Ведь в клубе, за исключением толпы официантов и официанток, наводящих порядок, никого нет. Надеюсь, они используют дезинфицирующие средства, потому что буквально каждая горизонтальная поверхность здесь используется как кровать. Танцполы пустуют всего несколько часов в сутки. Риодан закрывает клуб на рассвете и не пускает посетителей до одиннадцати утра. По слухам, как раз в это время он делает свой знаменитый кивок и ведёт к себе наверх одну из женщин. Поговаривают, что непривычно долго этой женщиной остается ши-видящая Джо. И что за отношения у них, по её мнению, если он всё ещё продолжает «выбирать» её?

Стоило мне только подумать об этом, как, завернув за угол, я увидела Риодана, стоящего на вершине той лестницы и глядящего вниз.

Да я счастливица. Стану свидетельницей кивка. Ю-ху. Могло ли утро быть еще лучше?

Я резко останавливаюсь, и мои тощие стервятники врезаются в меня. Они до сих пор молчат. Меня это нервнрует.

Я перевожу взгляд вниз, в зал, и вижу Джо, в ожидании смотрящую наверх. В который раз задаюсь вопросом: что, черт возьми, он делает? И о чём она думает? Ведь ясно же как божий день, что они не пара. И нет никакого сомнения в том, чем всё закончится. Однажды утром Риодан выйдет на эту лестницу.

Посмотрит вниз.

На какую-нибудь другую женщину. И кивнёт.

Джо никогда больше не окажется в его постели.

Бэрронс и его парни - это нечто особенное. Может мне и наплевать на Риодана, может не всё гладко между нами, но я не могу не признать, что любая, глядя на него будет заинтересована. Любая его захочет. На подсознательном уровне ты понимаешь, что если дело дойдет до секса с одним из девятки, то тебя ждет что-то ни с чем не сравнимое. Неповторимое. Ну, а ради повторения придется стать одержимой фанаткой девятки. И если честно, то в этом есть свои преимущества.

Что бы я сделала на месте Джо, если бы там наверху был Бэрронс? Согласилась бы я на самый горячий, грязный, впечатляющий секс в своей жизни, зная, что после него, мое сердце будет разбито?

Ведь её сердце несомненно будет разбито.

Она смотрит на него голодным взглядом, её глаза сияют. В каждом изгибе её тела угадывается нежность, желание и то, как он ей нужен.

А в нем этого нет.

Она не цепляет его. А сама для него пылает.

Я хочу схватить его, хорошенько встряхнуть, попросить остановиться, пока он не уничтожил ее. Хочу схватить ее, хорошенько встряхнуть, попросить остановиться, прежде чем ее уничтожат.

Но сдерживаюсь и не вмешиваюсь. Это её выбор. Да я и сама не уверена, что выбрала бы, будь на месте Джо.

Жизнь коротка. И придя на её праздник, кто же откажется от сладенького?

Риодан кивает, намекая Джо бросить свою тряпку, подняться к нему и упасть в его объятия. Они пройдут мимо меня и скроются в его офисе или ближайшей спальне, а я спущусь вниз, стащу на кухне Девятки драгоценные яйца, состряпаю на скорую руку омлет и сделаю эспрессо в их кофемашине. Может, я даже найду для кофе немного молока. Отличный день!

Джо долго удерживает взгляд Риодана.

А затем опускает ресницы, пряча глаза.

Медленно поворачивается к нему спиной и снова начинает вытирать столы.

У меня челюсть отвисает от удивления.

Ничего личного, но не думала, что у Джо хватит решимости. Я готова вскочить на перила и поддержать её в том, что она всё-таки не бросилась в этот омут с головой.

Риодан стоит не двигаясь, смотря в спину Джо.

Я начинаю пятиться назад, внезапно почувствовав себя вуайеристкой, не желающей быть пойманной.

Джо разворачивается и смотрит на него. Я знаю, что она хочет увидеть. Но она не найдет этого на его безжалостном лице. Я хочу прокричать ей снова отвернуться. Хочу, чтоб она поняла, что ей с ним ничего не светит. Вновь перевожу взгляд на Риодана.

И в очередной раз за сегодняшнее утро у меня от удивления отвисает челюсть.

Я не ожидала этого. Не от него.

Он склоняет голову, демонстрируя сожаление. Затем медленно поднимает её, давая понять, что принимает и уважает решение Джо, и я вижу ее облегчение оттого, что он признает в ней ценную потерю.

Затаив дыхание, ожидаю, что ублюдок кивнет другой женщине. Все официантки жадно смотрят вверх, сгорая от волнения, понимая, что кровать босса снова пуста, а значит у них появился шанс. Одной из них повезет, и она возвысится над остальными официантками. И не важно, что это лишь на время. Не важно, что впереди ждет отвержение. Ради этого положения они готовы на всё. Как готовы ради того, чтобы похудеть, запустить себе под кожу этих отвратительных Темных тараканов.

Риодан отворачивается от перил и идет прямо на меня.

У меня в очередной раз отпадает челюсть. Наверное, стоит намордник надеть, чтобы удержат её на месте этим утром.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь хоть что-то на нём прочесть.

- Напрасный труд, Мак.

- Хватит рыться в моих мыслях.

- Было бы в чём рыться.

- Придурок, - сердито бросаю я в его удаляющуюся по коридору спину.

Когда я, позавтракав, поднимаюсь по лестнице, открывается дверь в кабинет Риодана, и Бэрронс кивком зовет меня внутрь. А я и не знала, что он уже вернулся. Глубоко вдыхаю. Неужели мы не сможем тайком от Риодана сбежать в книжный магазин? Хотя бы на пятнадцать минут, ради всего святого. Я же не прошу много. Его шея частично покрыта татуировками. Чем же он занимался, пока я спала?

В кабинете симпатичный парнишка. Высокий, худой и долговязый, с темными нестриженными волосами и красивыми голубыми глазами за стеклами очков. Ему лет восемнадцать-двадцать. И даже в джинсах и синей футболке он выглядит как студент престижного университета. Когда я вхожу внутрь, он оценивающе скользит по мне взглядом и, словно пытаюсь разгадать загадку, склоняет голову набок.

- Расскажи ей то, что сказал нам, - говорит Риодан парню, закрывая дверь перед моей жуткой компашкой. Я не говорю ему, что это бесполезно. Он и сам скоро это поймет.

- Кто ты такая? И почему ты так отвратительно пахнешь? – обращается ко мне юноша. - Здесь что, нет душевых? Я могу установить для тебя.

С трудом разжимаю челюсть, чтобы ответить:

- Я Мак. А ты кто такой?

Мальчишка тихонько свистит.

- Так ты та самая, что разбила ей сердце.

Я не уточняю, о чьем сердце идет речь. Не хочу углубляться в эту тему.

Но парень всё равно продолжает:

- Дэни часто звала тебя во сне. А иногда и Алину.

Риодан словно заполняет собой всё пространство так же, как иногда это делает Бэрронс.

- Ты этого больше не услышишь. Теперь она будет спать в Честере.

Я молчу, нацепив на себя маску безразличия.

- Она уже давно нигде не спит, старик. Думал, мы уже выяснили это, когда ты искал её у меня в прошлый раз. И в предыдущие двадцать раз перед этим.

- Малыш, тебе стоит быть поосторожнее со мной.

- А тебе со мной, - мягко отвечает юноша. - Старик.

- Ты тоже ее не видел? - поспешно вмешиваюсь я, пытаюсь предотвратить абсолютно неравный бой.

- Неа, - отвечает парень. - Но она исчезала и прежде, как я уже говорил главному здесь боссу. И его лакеям. И лакеям его лакеев. Ненавижу, когда она так делает.

Он почти заставил меня улыбнуться, назвав людей Риодана лакеями. Он уже мне нравится.

Темные начинают просеиваться в офис, не сумев пройти в дверь. Комната не может вместить их всех, учитывая на каком расстоянии они держатся от этих троих. Не только от Риодана и Бэрронса, к которым они не подходят ближе, чем на три метра, но и от парня, который должно быть Танцор, раз он слышал, как Дэни разговаривает во сне. Я злюсь, когда они начинают прижиматься ко мне сзади. Серьезно? Танцора они тоже сторонятся?

Судя по взглядам Бэрронса с Риодана, они удивлены этому не меньше.

Танцор пожимает плечами.

- Похоже, им не нравится запах моего мыла. Но им, очевидно, нравится что-то в тебе. Чувиха, ну они и воняют. Ну, так в чем дело? - спрашивает он меня. - Почему ты им так сильно нравишься?

- Я тоже хотел бы это выяснить, - говорит Риодан. - Ответь мальчишке.

Бэрронс бросает на него предупредительный взгляд и говорит Танцору:

- Расскажи ей все, о чем только что рассказал нам.

Танцор поправляет очки на носу, умудряясь выглядеть восхитительно умным и сексуальным, на свой ученый манер. Понимаю, что Дэни нашла в нем. Он идеально ей подходит. Было бы в нем ещё что-то супергеройское. Ведь, когда Дэни вырастет, она станет просто кошмаром для мужской самооценки, и, хотя у Танцора с этим нет никаких проблем, в нашем мире связь с обычным человеком может стать для неё помехой.

- После того, как мы победили Ледяного Короля, меня не покидало чувство тревоги. Я теряю покой, когда не всё сходится, или факты указывают на то, что грядет очередная катастрофа. Я просто должен...

- Никого не интересуют твои личные проблемы, - обрывает Риодан.

- Боже, у кого-то с нервами не в порядке, - говорит парнишка Риодану, а затем вновь обращается ко мне: - У каждого Темного свои предпочтения в еде. Темный, замораживавший Дублин и его жителей, предпочитал поглощать определенную звуковую частоту.

Ну да, это довольно странно.

- С чего бы это Темному питаться звуком?

- Мы с Дэни предполагаем, что он просто пытался усовершенствовать себя. Зная, что он был создан несовершенной Песней Творения, он пытался получить недостающие элементы, чтобы эволюционировать во что-то другое.

- Продолжай.

- Я смог определить эту частоту, это уменьшенная квинта.

Теорию музыки я изучала не больше месяца.

- Что за уменьшенная квинта?

- *Mi contra fa est diabolus in musica*³³, - поясняет Танцор. - И "ми", и "фа" в этом трезвучии относятся не к привычным для нас третьей и четвертой ступени музыкального ряда, а к средневековым принципам модуляции гексахордов.

- Поясни, - нетерпеливо прошу я.

- Всем известная музыка Сатаны или дьявольский тритон - интервал, охватывающий три тона, например, от До до Фа диеза или от Фа диеза до До. Его используют в сиренах. Его можно обнаружить в гимне «A Mighty Fortress Is Our God»³⁴, «For Whom The Bell Tolls»³⁵ Металлики, «Purple Haze»³⁶ Джимми Хендрикса, «Black sabbath»³⁷ группы Black Sabbath, «Гибели Богов» Вагнера, «Сонате Данте» Листа, Бетховеновской...

- Мы поняли. Давай дальше, - рычит Бэрронс.

- Последовательность гармоник определяется строгим математическим соотношением основного тона с обертоном. Трезвучие Дьявола в натуральном строе обозначается как 64:45 или 45:32, в зависимости от того, увеличенная кварта это или уменьшенная квинта... Но у тебя глаза уже стеклянные, а я ведь еще даже не дошел до сути, - говорит Танцор. - Ладно, хорошо, проще говоря, это диссонанс, режущий слух, дезориентирующий, некоторые считают его даже подавляющим. Существует мнение, что духовенство в Средневековье запретило его использование из-за страха, что оно могло вызвать Дьявола, кем бы он... - он обрывает сам себя и, широко улыбаясь мне, продолжает: - или она ни был. Как воспринимают этот интервал миряне? Лично я считаю его пробуждающим и воодушевляющим...

- Как я уже говорил, это никого-нахрен-не-колышет, - перебивает Риодан. - Скажи ей то, что сказал нам.

Улыбка Танцора меркнет.

- Любая материя, как и музыка, состоит из частот. И там, где Ледяной Король забирал из мира свои «куски» мелодии, совершенно исчезала эта частота.

- О чем ты говоришь? У нас больше не осталось уменьшенных квинт?

Он смотрит на меня так, будто у меня две головы. Я никогда не была сильна в математике и физике.

- В замороженных им местах стало тише? - продолжаю гадать я.

- В некотором смысле. В космическом масштабе. И это только часть проблемы, - отвечает Танцор.

- И что же реально угрожает миру? - рычу я. Никто не любит чувствовать себя глупо.

- Я уже подхожу к этому. У меня было предчувствие. Я каждый день возвращался к заледеневшим сценам. И несколько дней назад я кое-что обнаружил, и с тех пор продолжаю наблюдать, вести расчеты и строить предположения о возможных последствиях... - он замолкает и

³³ Уменьшенная квинта — дьявольский интервал.

³⁴ «A Mighty Fortress Is Our God» - Твердыня наша - вечный Бог

³⁵ «For Whom The Bell Tolls» - По ком звонит колокол

³⁶ «Purple Haze» - Сиреневый туман

³⁷ «Black sabbath» - Черный Шабаш

смотрит на Риодана. - Думаю, нам лучше ей показать. Разговором тут не поможешь. А ты говорил, она умная.

- Я поверил Бэрронсу на слово.

- Очевидно, его ввели в заблуждение.

Голова начинает раскалываться.

- Заткнитесь оба и просто покажите мне, о чем говорите.

- Думаю, церковь - ближайшая точка, где она сможет все хорошенько осмотреть, - предлагает Танцор. - Та, что рядом с Честером все еще формируется.

Риодан кажется раздраженным.

- У меня есть и поближе, - что бы это ни было, и где бы оно не находилось, он от этого не в восторге.

Я следую за ними к двери одного из скрытых стеклянных лифтов клуба.

Мы заходим внутрь, и я получаю временную передышку от своих стервятников, которые вынуждены держаться на расстоянии от мужчин, и поэтому в кабине для них не находится места. Я слышу, как они усаживаются на крыше лифта.

Мы спускаемся все ниже и ниже. Сквозь стены лифта я вижу, как мы проезжаем уровни клуба, словно спускаемся в хромированное и стеклянное чрево чудовища. Приватная часть Честера просто огромна, как и город, скрытый под аббатством. Она просто не могла быть построена недавно. Интересно, она существует так же долго, как и священный анклав ши-видящих или, может, даже дольше? И если так, то откуда у них в то время были необходимые строительные материалы.

Мы спустились уже, наверное, метров на восемьсот, а то и больше. Я чувствую вокруг и над собой тонны земли и начинаю дрожать. Всегда ненавидела подземелья, а мое погребение в логове Мэллеса под Бурреном³⁸ превратило эту ненависть практически в клаустрофобию. Мне тут даже дышать тяжело.

Когда мы начинаем замедляться, Риодан произносит:

- Никто не выходит, пока не выйду я. Следуйте за мной и держитесь позади.

Лифт останавливается, и двери открываются.

Я выхожу в темный, безмолвный коридор, прячась за его широкой спиной.

Воздух невероятно холодный.

Здесь так темно, что я инстинктивно использую свои чувства ши-видящей, чтобы обнаружить уникальную частоту, свойственную Теням (этот трюк я усовершенствовала в прошлом месяце, когда обнаружила корабль возле доков, где затаилось несколько кровожадных Темных), и в то же мгновение моя голова просто взрывается от боли.

Я падаю на колени, хватаясь руками за голову и кричу.

Я не ощущала такой боли с того вечера, как шла на встречу с Кристианом в Тринити Колледже. Я успела пройти всего пару кварталов, когда Синсар Дабх превратила меня в корчащееся в агонии, бормочущее и пускающее слюни нечто в канаве на Темпл Бар.

Острые шипы пронзают мою голову. Желудок скручивается в узел, а спина словно горит огнем, распространяющимся по всему телу.

Боль заполняет меня, и я превращаюсь в гигантский оголенный нерв, который сперва поджаривают на углях, затем тонко нарезают и замораживают, а затем начинают все сначала.

Бэрронс обнимает меня своими сильными, гарантирующими защиту руками.

- Какого хрена, Мак? - рычит он. - Что происходит?

Мы определенно не занимаемся сейчас сексом, а значит я умираю, потому что он назвал меня по имени.

- Музыка, - выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. - Эта... чертова... музыка!

- Ты слышишь здесь музыку? - спрашивает недоверчиво Танцор.

Я скулю в ответ.

Рассеянно, сквозь боль, я понимаю, что Бэрронс несет меня обратно в лифт.

- Сфотографируй это место, - говорит Риодан Танцору.

- У меня уже есть дюжина фотографий с других мест.

- Когда я говорю тебе сделать что-то, не думай. Не говори. И даже не дыши.

³⁸ (Буррен - национальный парк Ирландии)

- Так, для справки: чтобы фотографировать жизненно необходимо думать и дышать. В противном случае, я могу сфотографировать...

- Да просто нахрен сделай это.

- ...твои волосы в носу или мои, или...

- Ты вообще останешься без носа, если продолжишь болтать.

Я слышу звук фотокамеры мобильного.

Что бы это ни было, я хочу увидеть это своими глазами. Не для того я спускалась в подземелье, страдая от боли, чтобы даже не взглянуть на нашу первоочередную проблему. Медленно я отстраняю свою гудящую голову от груди Бэрронса и всматриваюсь в темноту.

Стоя в дверях, Риодан освещает пространство мощным фонарем. Мои преследователи начинают просачиваться в коридор.

Посреди коридора я замечаю низко висящий черный шар. И не потому, что фонарь Риодана осветил его, а потому что луч фонаря охватил все вокруг, кроме этой сферы, зависшей в воздухе.

Один из Темных просеивается слишком близко к черной сфере и, уступая место вновь прибывшим, он отступает назад, ненароком задевая ее.

Едва коснувшись, кровопийца начинает корчиться, вытягиваясь в длинный и тонкий кусок черного плаща и костей. От его крика, наполненного ужасом, у меня мурашки по всему телу. Когда его капюшон растягивается, я вдруг замечаю проблеск чего-то яркого, металлического в том месте, где по идее должно находиться его лицо.

Черная сфера целиком поглощает его. Что само по себе невозможно, ведь она по размеру раз в двадцать меньше Темного.

Упыри толкаются в панике, распикивая друг друга. Каждого, кто касается сферы, постигает та же участь. Они удлиняются, истончаясь, а затем и вовсе исчезают. Их крики просто оглушительны, гораздо хуже отвратительного стрекотания. Некоторые из них просеиваются, другие просто застывают на месте.

Двери лифта закрываются.

- Теперь понятно? - спрашивает Танцор.

Я бы покачала головой, но она тогда просто взорвется, поэтому я просто смотрю на него затуманенными болью глазами и шепчу:

- Нет.

- Поглотив определенные звуковые частоты нашего мира, Ледяной Король создал космический дисбаланс. Материя нашей вселенной начала разрушаться. Само по себе это уже является глобальной проблемой и ко всему прочему усугубляется тем, что в каждом месте, где он побывал, он оставлял что-то после себя. Как переевший падальщик избавляется от ненужного балласта в виде непереваренных костей. Что бы он не выбросил, в астрономическом аспекте это имеет свой удельный вес и плотность, - он замолкает на время, но, когда меня по-прежнему не осеняет, терпеливо продолжает: - Это. Искажение. Пространственно-временного континуума.

- По-твоему, я только что увидела черную дыру? - с трудом выдавливаю я. Чем дальше мы от сферы, тем легче мне становится.

- У меня недостаточно возможностей, чтобы сделать все необходимые тесты, - отвечает Танцор. - Но, если опустить все домыслы, могу констатировать следующее: их характеристики практически в точности совпадают с характеристиками черных дыр, изначально они не больше булавочной головки, поглощают все, что с ними соприкасается. И растут. Самую большую из них мы только что видели.

- Это первое оледеневшее место, - произносит Риодан.

- Ты ничего мне об этом не рассказывал, - сердито бормочу я Бэрронсу. Он отвечает мне сдержанным многозначительным взглядом.

«Я не осмелился прервать ваши печальные размышления. Боялся мотивировать вас на действия, мало ли что из этого бы вышло.»

Я морщусь нос, не удаивая его ответом.

- Я и не знал, что одно из них было у тебя в клубе, - говорит Танцор. - Я-то думал, что все лавры достанутся тому, что находится у входа в клуб. Но, чувак, судя по всему, Честер будет поглощен изнутри!

- Назовешь меня чуваком еще раз, и ты покойник.
Оставшуюся часть пути наверх мы проделываем в тишине.

Глава 16

Темный Король устраивается в гигантском, если его можно так назвать, кресле, обитым красным тисненым бархатом, стоящим в помещении, отдаленно напоминающим театральный зал со сценой огромной настолько, что её границы плавно переходят в ночное небо, полное звёзд. Слева мерцает Млечный Путь. Справа межзвездная туманность окрашивает небо во все цвета радуги.

Он склоняет свою, если её можно так назвать, голову, на свою, если её можно так назвать, руку, предаваясь печальным размышлениям.

Его женщина ничего не помнит о нем.

Для неё он всего лишь величайший враг Светлой Королевы. Она думает, он пришел завершить то, что не удалось Темному Принцу - убить её.

Но за её вызывающим поведением кроется страх.

Даже если он разделится на части, чтобы иметь возможность общаться с людьми, этими ничтожными, чудными созданиями, чьи усилия до абсурда бессмысленны, он не сможет подобрать слов, чтобы описать то, что чувствует, когда его возлюбленная смотрит на него со страхом. Как не может подобрать их, будучи богом.

Радость от встречи с ней сгорела дотла.

Он переключает канал, если его можно так назвать, пультом, если его можно так назвать, на другой, показывающий один из самых интересных городов в одном из самых интересных миров.

Этот мир умирает, как он и предполагал.

Это не важно, он сотворит другой.

Но другой, подобной ей, уже не будет. Ни одна другая за всю вечность так не затрагивала его душу. И вот она снова с ним, но в то же время совсем не с ним, и это, пожалуй, даже хуже, чем думать, что её больше нет. Словно к жизни вернулась её точная копия, но это лишь пустая оболочка. Может, стоит забрать её в Белый Дворец? Продемонстрировать ей отголоски их любви?

- Это Дублин?

Как красив ее голос. Раньше она всегда называла его ласковыми именами. Он бы уничтожил целые миры, лишь бы снова услышать их от неё.

Она стоит позади него. Так близко, что при желании могла бы положить руку ему на плечо, если бы он не был размером с небоскреб, а она - с горошину. Когда-то она облекалась в иллюзию, которая была одного с ним размера, крыло к крылу, корона к короне. Он не достаивает её ответом. Красный Темпл Бар, серебристая река Лиффи. Всё у неё перед глазами. Она знает этот мир.

- Я узница здесь?

- Так и есть.

Он никогда не отпустит ее. И не обернется, чтобы посмотреть на неё с высоты пятидесяти этажей крыльев и темноты. В противном случае он не отвечает за себя.

- Что ты делаешь с Дублином? Он страдает. Я чувствую это.

Он не хочет видеть белое полупрозрачное платье под ее мантией из горностаевого меха, неспособное скрыть изящную фигурку, платиновые волосы, заплетённые в косу. Он бы уничтожил дюжины планет, только чтобы увидеть ее в кроваво-красном платье, с распущенными волосами длиной до лодыжек, радостно сияющими глазами и приветственной улыбкой на губах.

- Я ничего не делаю. Это дело их рук.

- Займись этим делом, - требует она. - Там мои друиды.

- Заинтересуй меня.

- Там мои друиды.

- Не заинтересован, - он даже не пытается скрыть свою горечь. Может ему стоит прижать её к себе? И выяснить, возможно ли заставить её вспомнить?

- Силой близости ты не добьешься, - резко отвечает она.

Он замирает.

- Я и не собирался.

- Собирался.

Она все еще способна его чувствовать. Она, может, и не помнит ничего о нём и об их грандиозной любви, но она чувствует его желания, как и прежде.

- Я бы не стал.

- Стал бы. Ты Темный Король. Ты уничтожил ту, что правила передо мной. Тебе всегда все безразличны. Считаешь, что творишь, но на самом деле только разрушаешь. И это всё, на что ты способен.

От ярости и какого-то более глубокого чувства его крылья встрепенулись. Ее слова слишком близки к словам записки, той самой, что он до сих пор хранит.

- Это неправда.

- Докажи мне. Помоги моим друидам.

- Бог не опускается до исполнения чьих-то прихотей.

- Ты не Бог. Ты Темный Король. И когда-то был спутником истинной Королевы, но сотворил чудовищную армию и повел её на войну против моего народа. Как я и сказала, ты способен лишь разрушать.

Когда-то она помогала ему скрывать эту чудовищную армию. Верила, что они достойны света. Что их возможно усовершенствовать и освободить.

- Я сделал это ради тебя, любовь моя.

- Я не твоя любовь. Я Эобил, Королева фейри. Верни меня моему двору. Они нуждаются во мне.

- Ради чего вернуть тебя? Ты не сможешь восстановить разрывы между вашими мирами, слишком уж они многочисленны. Откажись от этого и оставь свой глупый, ограниченный двор,- говорит он, так и не сказав вслух: «Выбери меня, а не этот ничтожный мир. Не этих крошечных, непоследовательных существ.»

- И жить с глупым, ничтожным королем?

Она считает его глупым и ничтожным. Ее выпад он не воспримет как вопрос. Она называет его разрушителем, не замечает его великолепия, не помнит ничего о тех мирах, которые однажды они создали вместе. Эти миры были настолько прекрасны, что они часто отдыхали на близлежащей звезде, наблюдая за их расцветом и не чувствуя течения времени.

- Ты говоришь, что любишь меня, - напоминает она. - Покажи свою любовь. Восстанови Дублин. Исцели их мир и мой.

- Почему ты всегда так беспокоишься об этих крошечных мирах?

- А почему ты никогда этого не делаешь?

Когда-то беспокоился. Когда она заботилась о нем. Он уменьшил себя до ее размеров, заботился о незначительных вещах, совсем как она. Но быть маленьким гораздо сложнее, чем быть Богом.

- Если я сделаю это ради тебя, ты согласишься со мной лежать добровольно?

Он чувствует ее ярость, ее молниеносный отказ.

На сцене он сплетает для неё внушающие ужас образы того, чему предстоит случиться. Падение Дублина, гибель прекрасной бело-голубой планеты. Исчезновение во тьме связанного с ней орбитальной пуповиной мира фейри.

За его спиной она выдыхает и холодно спрашивает:

- Такова твоя цена?

- Такова моя цена.

- И ты восстановишь наши миры?

- Да.

- А ты сможешь?

- Смогу.

- Но лишь однажды.

- Продолжительность устанавливаю я.

- Не дольше двух человеческих недель. А потом ты оставишь меня в покое. Перестанешь искать меня. И никогда не встанешь больше на моем пути.

- Предоплата.

- Нет, оплата по факту. И это не обсуждается.

- Все подлежит обсуждению, если правильно надавить.
- Она бросает на него взгляд, полный ненависти и холода.
- Он уступит. Всегда ей уступает.
- Подтверди свое согласие, - требует он.
- Я согласна, - шипит она.

Она сказала «согласна». Даже сказанное с яростью, это слово звучит как ария для его ушей, однажды утративших слух. Никто не будет целовать ее так ласково, как он. Он ощутит вкус ее согласия прежде, чем оно исчезнет, как и ее память.

- Я требую задаток в виде поцелуя, - он стал уменьшаться до ее размеров, чтобы получить его. Он обернется и прикоснется к ней, заключит ее в свои объятия.

Только вот он скрыл от неё, что уже слишком поздно.

Но хотя бы единственный поцелуй он получит.

Без Песни Творения, которой она никогда не знала и от которой он отвернулся давным-давно, никто не сможет спасти эти миры: ни Землю, ни Фэйри.

Глава 17

Предпочёл бы бутылку под рукой³⁹

Мак

Я - бесцельно болтающаяся, загнанная в ловушку «тусовщица», преследуемая Темными призраками, вновь пополнившими свои ряды. Я прикована к Честеру требованием Риордана предотвратить угрозу, которая на самом деле таковой не является, и схожу с ума, беспокоясь о реальной угрозе катастрофических масштабов.

Прямо под моими ногами растет черная дыра или что-то в этом роде. И кто знает, сколько еще таких же формируется за стенами клуба? В Дублине было немало замороженных мест, ещё больше - за пределами города, и, по словам Риодана, сотни таких же разбросаны по всему миру.

Неужели невинные люди умирают так же, как и Тёмные призраки, случайно столкнувшиеся с ними? Насколько большие другие сферы? Был ли клуб Риодана первым замороженным местом, или Ледяной Король приходил в наш мир задолго до того, как мы узнали о нём? Возможно, всё началось в Китае или в Австралии, или даже в Америке. Насколько надёжна наша информация? Как скоро мы сможем послать разведчиков, чтобы узнать больше?

А, может, я прошла мимо одной из этих квантовых дырочек, не осознавая, что Смерть находится в одном неверном шаге от меня?

Я устала слоняться от одного танцпола к другому, все больше раздражаясь на посетителей, поэтому решила обосноваться в подклубе Синатры. Изящество старого мира привлекает меня, да и зал почти пуст или, по крайней мере, был таковым, пока не пришла я со своей темной армией.

- Кыш со стульев! - пытаюсь их отогнать, но они вновь усаживаются, и их объёмные капюшоны, кажется, скрывают пренебрежительные взгляды. Это напоминает мне о металлическом блеске, который я заметила, когда одного из них поглощала невероятно плотная сфера искаженного пространственно-временного континуума, и мне становится интересно, что произойдёт, если я попытаюсь резко сорвать капюшон с одного из них, чтобы разглядеть лицо.

Решаю этого не делать. Лучше не знать, насколько омерзительны мои призраки-тени. Кошмаров мне и так хватает.

Протискиваюсь между ними и усаживаюсь на кожаный барный стул, наблюдая, как явно нетрезвый бармен в грязном, мятом костюме, в котором, похоже, он спал, делает худший мартини в моей жизни.

³⁹ Randy Hanzlick/I'd Rather Have a Bottle in Front of Me

Сейчас в клубах мартини называют любое пойло, и сразу ясно, что он приобрёл свои навыки в школе под названием «жизнь». Ему должно быть стыдно. Я достаю таблетку аспирина из сумочки, закидываю в рот и разгрызаю её, чтобы унять головную боль.

Бэрронс присоединился к Девятке в Зеркалье, чтобы найти Дэни. Всё лучше, чем бродить по городу без меня. И хотя я пока не получала никакого сигнала от моей внутренней антенны, уверена, что в скором времени Принцесса снова объявится. Но оседлать Бэрронса ей не удастся.

Танцор говорит, что сейчас Дэни нужна нам как никогда. Ведь это она вычислила, что именно искал Ледяной Король. Он надеется, что вместе они смогут найти ключ к разгадке страшной тайны зияющих чёрных дыр по всему миру.

Если такой ключ вообще существует...

По законам физики того, что мы ищем, попросту не существует. Но с тех пор, как между мирами людей и фейри пали стены, человеческие законы физики уже не действуют. Интересно, а фрагменты миров Фэйри, которые я называю МФП, тоже поспособствовали этой проблеме с черными дырами? Границы между нашими мирами размыты уже достаточно долго, так что окружающее пространство нестабильно, и всё что угодно может пойти не так, так же как миллиарды лет назад с древним Залом Всех Времен и Зеркалами. Так что произошедшее вовсе не удивительно.

Я раскусываю оливку, чтобы избавиться от вкуса аспирина на языке.

- Эй, ты не заказывала выпивку! Держись нафиг подальше от моего подноса с добавками к ней! - прикрикнул враждебно настроенный и неопрятный бармен.

А как же угостить красотку выпивкой? Или хотя бы оливкой.

Я смотрю на свое отражение в зеркале позади барной стойки. Ну вот она я: блондинка с голубыми глазами, потрясающей белозубой улыбкой (спасибо маме, папе и брекетам!), красиво очерченным ртом и пухлой нижней губой, прекрасной кожей. Я нахожу себя красивой.

- А вы, ребята, - рявкает бармен моим кровопийцам, а я ему мысленно желаю удачи: - заказывайте выпивку или валите нафиг с моих стульев!

- Последние десять минут ты налегаешь на засахаренные вишенки, - отвечаю я. - Съел уже половину банки. Так что помалкивай.

В Дублине люди голодают, а в Честере есть даже добавки к выпивке.

Бармен лишь взмахнул передо мной средними пальцами обеих рук.

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть его, и возвращаюсь к своим размышлениям. Мой любимый город, наконец-то, возрождается к жизни, и мои личные проблемы, по сравнению с недавно обретенной глобальной угрозой, кажутся уже не такими ужасными.

Мой темный спутник пытается воспользоваться моментом.

«Открой меня, прочти, у меня есть ответы, которые ты ищешь,» - искушает она ложью. — «Я покажу тебе, как спасти этот мир.»

Ну нет уж, на эти грабли я снова не наступлю. Ну не верю я, что Темный король заложил в свою книгу черной магии хоть какие-то знания о том, как латать вселенские дыры. Это просто очередная приманка в бесчисленном арсенале Синсар Дабх.

Кроме того, она и пальцем не пошевелит ради спасения мира. Она просто покинет его и найдет следующий, и следующий. И так до бесконечности. Я никогда не забуду однажды сказанных ею слов:

- Любой акт творения начинается с уничтожения. Деревни исчезают, и на их месте возникают города. Люди умирают, а из земли, где они покоятся, прорастает жизнь. И лишь время разделяет разрушение и созидание.

Наши переживания о восстановлении зданий, разделение сфер влияния и восстановление денежного обращения сейчас кажутся несущественными, хотя Риодан все же настаивает на необходимости всего этого. Бэрронс не просто соглашается с тем, что мы должны создать иллюзию нормальности, но и настаивает на необходимости скрывать от населения реальную опасность, угрожающую миру. Они утверждают, что если люди поверят в конец света, то вновь повторятся беспорядки Хэллоуина.

О, да. Мы стали политиками.

Очень сомневаюсь, что нам удастся скрывать это долго. Пока они достаточно маленькие, чтобы их заметить, но это всего лишь вопрос времени, и когда они вырастут, люди начнут их замечать, совать туда свой нос и исчезать.

Не удивлюсь если Бэрронс и Риодан скажут: «Да пошло оно, собираемся и сматываемся отсюда.» Они бессмертны, а во вселенной существует бесчисленное множество миров. И ничто их не удержит от того, чтобы собрать вещишки и отправиться покорять просторы Дикого Запада необжитой части мироздания.

Но пока они остаются здесь, и я бесконечно рада этому, потому что никогда не откажусь от своего мира. Именно за него мы все и сражаемся с тех пор, как впервые на нашу планету прибыли фейри, и начали твориться беспорядки. Земля принадлежит нам. И я не позволю им завладеть ею, не позволю разрушить.

Пока я жива.

Печально, но я понятия не имею, как вернуться в игру. Но я и раньше бывала в, казалось бы, безвыходных ситуациях, и все же находила из них выход.

Не удержавшись, я краем глаза приглядываю за этим жалким подобием бармена, даже не заметив, как снова повернулась к нему лицом. То, что он творит, в голове не укладывается.

- Ради всего святого, прекрати переводить выпивку! Кто учил тебя наливать?

- Да пошла ты, сука. Это не твой бар.

Я встаю и направляюсь за стойку с шелестом своей свиты за спиной.

- Теперь бар мой. Проваливай. Я заступаю на смену.

Не могу больше смотреть, как он позорит мою профессию. Когда он начал делать дымный martini, это выглядело многообещающе, в джин он добавил капельку солодового шотландского виски... Но потом забыл, какой коктейль делает, и добавил вермут, а чтобы добить меня наверняка, дополнил это всё оливкой и горошинкой перца вместо завитка лимонной цедры, которую нужно использовать для украшения этого коктейля. Желтый был любимым цветом Алины, и прежде я не жалела времени, вырезая закрученные и прекрасные спиральки из цедры, какими они и должны быть, крошечные оригами из фруктовой кожуры. Мой рот кривится от сочувствия к седому джентльмену, потягивающему напиток. Не удивительно, что мир больше не знает, что такое настоящий martini.

- Ты кем себя, нахрен, возомнила? - пьяно рычит бармен с осоловелым взглядом, когда я приближаюсь к нему. - Это мой бар. Возвращай свою задницу на стул и покупай выпивку или вали отсюда, тупая сука. И забирай своих вонючих дружков с собой!

У меня все плывет от ярости перед глазами. Словно я выпила все, что он наливал. И я на самом деле ненавижу слово на букву «С». Понятия не имею, почему. Оно меня выводит из себя. Видимо, у меня уже наступила точка невозврата: бездействие, беспокойство и неудовлетворенность исчерпали мое терпение, и его засосало в глубокую черную дыру, откуда оно может никогда не вернуться.

Я подхожу прямо к нему и бью кулаком в лицо. Не сильно, но достаточно, чтобы убраться с дороги.

У него из носа течет кровь...

«О ДА, КРОВЬ, ДА!» - взрывается Книга. – «Убей его, этого жалкого куска человеческих отбросов! Отбери этот бар и клуб, и мы К'ВРАКНЕМ ИХ ВСЕХ!»

Выуживаю из памяти свое представление из седьмого класса. Где я там остановилась? Кажется, на одиннадцатой строфе. Тогда я была счастлива и жила в мире, который был гораздо проще нынешнего. Или мне так казалось.

«Кроваво-красная, как и кровь Мика О'Лири, которого ты РАЗОРВАЛА на кусочки голыми руками, а затем ПЕРЕЖЕВАЛА...»

На какую-то секунду я теряюсь, от слова «пережевала» мне становится тошно, и вместо того, чтобы сосредоточиться, я вспоминаю была ли кровь у меня во рту в тот день, и могла ли я ее не заметить. В панике я начинаю декламировать с первого попавшегося отрывка и кричу:

- И вскричал я в скорби страстной: «Птица ты - иль дух ужасный,

Искусителем ли послан, иль грозой прибит сюда...»

Бармен хватается за нос и смотрит на меня так, словно у меня три головы. Я бросаю ему определенно грязное барное полотенце, которым он вытирал чистые стаканы. Ну, насколько

чистыми они могут быть, учитывая, что вода в раковине за баром отвратительно черная с едва заметной серой мыльной пеной. И тут я понимаю, что до сих пор декламирую поэму и уже на середине двенадцатой строфы.

- Да ты блин с катушки слетела!

- Ты и представить не можешь насколько. У меня даже нет этой гребаной катушки, на которую можно намотать нить, и шкатулки, в которую её можно убрать. Она осталась в доме с медленно вращающимися вентиляторами и цветущими магнолиями, - боже, иногда я так скучаю по Югу. По солнечным денькам, по бикини в горошек и бассейну. Однажды я вернусь в Эшфорд. Я буду прогуливаться и представлять, что я обычный человек. Всего на день или два. - И я снова врежу тебе. Так что шевелись.

Я отесняю его и выталкиваю в свою личную толпу Темных, через которых ему придется пройти. Я выгнала его из прекрасного бара, за которым собираюсь присматривать.

Это придает мне спокойствия и ощущение того, что я возвращаюсь в старые добрые времена, когда я была настоящей Мак Лейн.

- Я расскажу боссу, чокнутая сука!

- Конечно-конечно, не забудь назвать имя Мак, когда будешь говорить с ним, и посмотришь, чем все закончится. А теперь проваливай. И даже не приближайся сюда.

Я поворачиваюсь к джентльмену, который не обращает внимания на нашу странную стычку - ну это же Честер - и изучает свой ужасный мартини, словно пытаюсь понять, что с ним не так. Я забираю у него рюмку, даже она была выбрана для этого коктейля неправильно.

- Дымный? - он кивает. - Сейчас сделаю.

Я спускаю грязную воду, ищу под баром чистые полотенца, мою руки, беру бокал из закаленного стекла и смешиваю дымный мартини в идеальных пропорциях. Я так привыкла к своим призрачным духам, что просто скольжу среди них.

Попробовав коктейль, джентльмен благодарно улыбается, и от этого моя уверенность в себе только крепнет. Обычная рутинная работа действует как бальзам на израненную душу.

Я начинаю расставлять спиртное на полках в правильном порядке, напевая себе под нос.

Внутри меня книга захлопывается с глухим звуком. По крайней мере, на какое-то время. Судя по всему, я обнаружила еще один способ, как ненадолго заставить ее замолчать. Поэзия и смешивание коктейлей. Кто бы мог подумать? Но мне не нужен лейкопластырь на рану, мне нужен хирург и операция, после которой останется надрез там, где находилось что-то очень мерзкое. Мне нужен шрам, который всегда будет мне напоминать о пережитом и о том, что я все-таки выжила.

А для этого нужен немного сумасшедший король. И за барной стойкой заклинание, которое может его призвать, я точно не найду.

- Эй, Мак, - говорит Джо, усаживаясь на стул. - Что это за Темные у тебя за барной стойкой?

- Даже не спрашивай. Не будем на эту тему.

Она пожимает плечами.

- Ты давно видела Дэни?

Этот вопрос - как нож мне в сердце. В один из таких дней я просто взорвусь: «Да, это я та идиотка, которая загнала ее в Зал Всех Времен, поэтому убейте меня за это и избавьте от страданий.»

И как всегда я уклоняюсь от ответа:

- А ты Кэт?

- Тоже не видела уже несколько дней.

Под шапкой коротких темных волос со светлыми и золотисто-каштановыми прядями утонченное лицо Джо очень бледное, глаза заплаканы. Я качаю головой и решаюсь заговорить о том, свидетелем чему я была сегодня утром.

Понимаю, что об этом лучше помалкивать, но у меня что на уме, то и на языке:

- Я видела, что ты сделала сегодня утром, - и это лишь убедило меня в правильности моих предположении, что дорога отношений между этими двумя такая же непростая, как и автомагистрали вокруг Атланты - нагромождение опасных конструкций.

- Что ты имеешь ввиду? - настороженно спрашивает она.

- Риодан кивнул тебе, а ты отвернулась. Ты отшила его.

Она делает резкий вдох, какое-то время молчит, а затем выдает:

- Ты, наверное, считаешь меня сумасшедшей.

- Нет, - отвечаю я. - Я считаю, что ты красивая и умная, и очень одаренная. И определенно заслуживаешь иметь рядом с собой такого мужчину, который будет думать не только своим членом.

Она удивленно моргает, и это выводит меня из себя, потому что она и сама должна была это прекрасно понимать.

- Я с самого начала знала, на что соглашаюсь, Мак, - устало говорит она. - Знала, какие отношения нас ждут. Но он такой... А я никогда не чувствовала себя... И я поверила вопреки всему, что знала. Стала обманывать саму себя. Поэтому я ушла раньше, чем это сделал он. Гордость - это все, что у меня осталось.

- Но от этого тебе легче не становится, так ведь? - сочувственно спрашиваю я. Да, я прямо чувствую, как мои навыки бармена достигают своего апогея: я наливаю, слушаю, удерживаю от использования алкоголя в качестве анестезии, предлагая взамен то, что может действительно помочь, меняю в лучшую сторону человеческую жизнь.

- Не думаю, что мне хватит силы воли, чтобы держать с ним дистанцию, Мак. Мне придется уволиться. Не могу сталкиваться с ним каждый день. Ты знаешь, какие они. Сегодня утром он может никого и не пригласил к себе наверх, но он сделает это. Хочу спросить у Кэт, могу ли я вернуться в аббатство.

- Знаешь, самый лучший способ забыть о мужчине?

- Фронтальная лоботомия?

Я фыркаю, вспоминая песню, которую мы напевали дома на кирпичном заводе: «Я предпочитаю бутылку фронтальной лоботомии.»

- Нет. Переспать с двумя мужчинами одновременно.

Она улыбается, но эта улыбка быстро исчезает.

- Боюсь, что мне понадобятся десять мужчин, чтобы забыть этого.

- Или, возможно, - продолжаю я: - один, но потрясающий.

Сногсшибательный секс, как наркотик, он вызывает привыкание и полностью поглощает. Знаю из личного опыта.

- Звучит так, будто у тебя есть кто-то на примете. Я совершенно не в настроении, Мак. С ним никто не выдержит никакого сравнения.

- Может и выдержит, - я наклоняюсь через стойку и шепчу ей на ушко.

Она уходит, погруженная в раздумья. Надеюсь, семена, что я только что посеяла, взойдут и принесут здоровые плоды. Рассчитываю на это. Уверена, это именно то, что ей сейчас нужно, чтобы освободить душу и тело от жажды прикосновений того, кто, как мы обе знаем, никогда не будет ей принадлежать.

К тому же возможно это взбесит Риодана, заденет его собственнические чувства, и немного облегчит боль разбитого сердца Джо.

Видит бог, мужчина, к которому я ее отправила, точно не будет против.

Я улыбаюсь и выстраиваю в ряд на стойке несколько выбранных бутылок, эффектно наливая в рюмки с высоты. Клиенты любят красивые шоу.

Когда я перевожу взгляд, чтобы поприветствовать парочку новых посетителей, то резко выдыхаю и пристально смотрю на того, кто находится прямо позади них. Я потрясена тем, что вижу, и просто не могу поверить, что удача мне улыбнулась. Кстати говоря о высоком, темном и совершенно неожиданном.

Время остановилось, и все вокруг меня замерло, все посетители отошли на второй план, кроме одного: Парня с Мечтательными Глазами. Он на расстоянии трех залов от меня и с усмешкой наблюдает за тем, как я виртуозно подбрасываю бутылки. Я тут же вспоминаю ночь, когда наблюдала за тем, как он делал то же самое.

Он наклоняет голову, темные глаза сияют как звезды.

«Прекрасное шоу.»

Темный король вернулся в город, снова надев свои старые личины.

Мы месяцами прочесывали древние книги и свитки в попытке отыскать заклинание, которое сможет призвать его. А в итоге хирург, в котором я так нуждаюсь, прибыл как гром среди ясного

неба! Появился тот, кто своими порхающими пальцами создает и разрушает миры, кто точно сможет извлечь эту громадную испорченную темноту, которая поселилась внутри меня!

Я и предположить не могла, что он явится добровольно, думала, он проводит свое время где-то со своей возлюбленной, пробуждая ее память и возрождая ее любовь.

Я в эйфории. Я могу вернуть свою жизнь, а заодно избавиться и от моих мерзко пахнущих Темных. Могу приблизиться к королеве и узнать о Песне... Но я быстро обрываю эту мысль и снова запираю ее на замок.

Я перепрыгиваю стойку, разбрасывая стаканы и прогоняя испуганных клиентов со своих стульев. Но, приземлившись по ту сторону стойки, понимаю, что Парень с Мечтательными Глазами уже исчез.

Глава 18

*Когда жизнь давит на меня, я давлю сильнее
То, что меня не убивает, делает меня сильнее⁴⁰*

Мак

Прошедшие несколько дней были самыми обнадеживающе спокойными за последние месяцы. Несмотря на царящий в Честере беспредел, книга продолжает хранить молчание. Не знаю, чем это вызвано, может, её заткнула встреча с Королём, может, я, вернувшись к привычному занятию, окрепла, а может, она считает, что, находясь в этой помойке - Честере, как в ловушке, я долго не выдержу и сорвусь.

В окружении своего Тёмного ковена я занимаюсь баром, слежу за тем, не объявился ли Король в одной из своих форм, выглядываю Принцесс и жду возвращения Бэрронса, желательно вместе с Дэни. Мне не терпится рассказать ему, что Король вернулся, и нам больше не нужно терять время в Зеркалье.

Когда властелин Темных фейри проявлял интерес к Дублину в прошлом, его различные воплощения частенько заходили в клуб. Темный Король слишком огромен, чтобы его могло вместить одно человеческое тело. Поэтому ему приходится делиться на несколько частей, и когда он это делает, его все видят по-разному. Для меня он молодой, привлекательный мужчина с самыми красивыми глазами, Бэрронс видит в нём немощного старика, для Кристиана он похож на Моргана Фримэна, а для Джо он французенка-красотка. Всего лишь вопрос времени, когда мы увидим одного из них или услышим о том, что кто-то видел МакКейба, или где-то на улицах натолкнемся на старичка-продавца газет. В следующий раз я не буду медлить, он не застанет меня снова врасплох своим неожиданным появлением.

Мне невыносима сама мысль о том, чтобы жить вот так, разделившись на части, каждый день бороться с искушением воспользоваться собственной властью и бояться того, что может натворить монстр внутри тебя, если над ним хотя бы на мгновение потерять контроль.

- Невозможно избавиться от собственной сути, - сказал однажды Король. Но копия Книги - это не моя суть, а его.

И будь я проклята, если не избавлюсь от неё.

По крайней мере теперь мне больше не нужно рассматривать рискованный план «Б». Однажды Король уже прибыл в Дублин, когда его книга сбежала. Логично предположить, что, если бы сбежал Круус, он вернулся бы, чтобы вновь заморозить его. Тогда бы я и потребовала, чтобы он освободил меня. Но, к сожалению, я не уверена, что Король вернулся бы, и в том, что ему не наплевать на всё. Его приоритеты - звезды и вечность, а не наши человеческие несущественные жизни. И в этом случае, мы останемся наедине с освобожденным Круусом.

Опасный план.

⁴⁰ Skillet/Not Gonna Die

Напевая себе под нос, я заканчиваю приготовления в баре. Уже одиннадцать утра, и я только что открыла свой подклуб. Стеклянная посуда сияет и скрипит от чистоты. Лёд на месте, бокалы охлаждены, добавки к коктейлям готовы, запасы спиртного пополнены

Я наклонилась, чтобы достать из холодильника лимоны, и срезать с них кожуру, но меня отвлекает глубокий баритон:

- Лафройг⁴¹. Безо льда.

Шотландский акцент, и мне знаком этот голос. Я заглядываю в глаза, невероятно похожие на глаза Кристиана, какими они были до его превращения в Темного Принца. Кошачьи, золотые, наблюдательные. Такая же щетина, точеные черты и безупречная смуглая кожа. От мужчины так и веет могуществом.

Это дядя Кристиана, Келтар, которого они называют Одержимым. Однажды он позволил тринадцати древним, темным друидам войти в него. Изгнать их он так и не смог.

Как же я его понимаю.

В последний раз я видела его тем вечером, когда мы захоронили Синсар Дабх под аббатством. Он был там со своим близнецом Драстеном, сгоревшим друидом, но каким-то чудом вернувшимся к жизни, и у которого якобы неподкупное сердце; ещё одним дядей Кристиана, Кейоном, который тысячу лет был заперт в Зеркале; и отцом Кристиана, друидом Светлых. Та ещё семейка.

- Ты Дэйгис, если не ошибаюсь?

- Ага, - он поднимает стакан, который я придвинула ему, и делает глоток. - Отчего эти Темные толпятся вместе с тобой за стойкой, девушка?

Тошнит меня уже от этого вопроса. Мне его по сто раз на день задают. Каждый посетитель, усаживаясь на стул, считает своим долгом, хотя бы раз спросить меня об этом, ну а пьяные - раз по десять. А сколько сальных шуточек на эту тему я выслушала. Какой только бред не лезет в их опьяненные и озабоченные головы.

- Это призраки, - отвечаю я: - тех Темных, которых я убила. Они меня преследуют.

Я заметила, что обычно после этого все затыкаются. Но он не выглядит удивленным, да и не должен. Ведь его собственные призраки не покидают его.

- Куда подевался ублюдок, которому принадлежит этот клуб?

- Где-то тут. Вам удалось найти Кристиана? - с надеждой интересуюсь я.

- Неа. Мы все пытаемся призвать Королеву, чтобы попросить у неё помощи, но она не реагирует на наши ритуалы.

Интересно, а нет ли в их бесчисленных записях и летописях заклинания, способного призвать Короля? Может сейчас оно мне не так уж и нужно, но на всякий случай не помешало бы узнать. Отложим это дело, сейчас я не горю желанием привлечь внимание нескольких пар пронизательных глаз Келтаров к своей персоне.

- Теперь, когда Договор расторгнут, мы никак не можем повлиять на Фэйри. Кристиан исчез без следа. Одно мы знаем точно: он не в Ирландии уже. Мы вдоль и поперек всю страну обыскали.

- Может стоит отслеживать Кровавую Ведьму?

- Для такого заклатья нужна её плоть, кость. Ну, кишки из её платья тоже подошли бы.

- И никому на глаза она не попадалась?

- Темные Принцы утверждают, что она пыталась захватить их после того, как забрала Кристиана. Но они объединили усилия, и с тех пор её больше никто не видел, - он потирает колючий подбородок. - Всё пошло не так, как я предвидел, - мрачно говорит он. - Не за теми предзнаменованиями я следил.

Я собираюсь спросить, что он имеет в виду, но Риодан вдруг усаживается на стул рядом с ним.

- Келтар. Слышал, ты искал меня.

Перевод: он сидел у себя в офисе, следя за происходящим через свои бесчисленные камеры, и подслушивал. Удивлена, что он спустился. Видимо уважает горца, раз явился, не дожидаясь особого приглашения. Интересненько.

Дэйгис так же холодно отвечает ему,

⁴¹Laphroaig (рус. Лафр́ойг[1]) — марка одного из известных шотландских односолодовых виски. Название можно перевести как «живописная долина на берегу широкой бухты».

- Слышал, ты встречался со Светлым Принцем. Вел с ним переговоры. Ты устроишь нам встречу с ним.

Риодан с усмешкой смотрит на него.

- Хорошо подумал.

- Ага.

- Подумай еще.

- Зачем тебе Р'джан? - спрашиваю я у Дэйгиса.

- Он может просеиваться и контролирует Светлый Двор. Я хочу, чтобы он отправил других просеивателей отслеживать Кровавую Ведьму.

- А ты не хочешь послать кого-нибудь из своих? - притко переключаюсь я на Риодана. - Если бы Кристиан тем вечером не отвлек Ведьму, и она продолжила бы убивать, кто знает, чем дело бы кончилось. Мы обязаны ему, Риодан. Все мы. Мы не можем оставить всё как есть и позволить ему умирать снова и снова.

- Он неплохо справляется, отвлекая её внимание от меня, - отвечает Риодан.

Угораздило же меня подойти к нему с этой стороны. Плевать ему на эмоции. Он не шелохнётся без стоящей причины.

- Если мы не спасём его от Ведьмы сейчас, то он станет для тебя и для всех нас ещё большей проблемой, когда сбежит. Ему хватило здравого смысла на самопожертвование. Уверена, в её руках он быстро растеряет его остатки.

Риодан пожимает плечами.

- Если он вернётся, мы разберемся с ним. Как с любым другим Темным Принцем. Если он бесполезен, мы от него избавимся.

- Темный Принц не стал бы жертвовать собой, - огрызаюсь я.

- Он Келтар, и этой причины достаточно, - произносит Дэйгис. - В обмен на твоё участие, мы поможем тебе разобраться с теми, кто захватил контроль над аббатством, - мягко ошарашивает он.

- Что? - едва не выкрикиваю я. - Кто-то захватил контроль над аббатством? - взглянув на Риодана, я сжимаю кулаки. Конечно же он был в курсе! И ничего мне не сказал. - Когда ты узнал об этом? - спрашиваю я. - И почему ничего мне не сказал? Или ты забыл, что под ним скрывается?

- Я разберусь с этим, когда вернутся остальные. И не смей больше об этом говорить здесь.

Я стискиваю зубы. Сама поверить не могу, что сказала это. Да ещё и здесь. И пусть я не назвала, что именно скрыто под аббатством, но любая услышавшая любопытная Варвара может теперь сунуть туда свой нос.

Дэйгис продолжает:

- Уже трое мертвы. Чем дольше ты будешь тянуть, тем больше будет могил.

Не будет, если я возьму это дело в свои руки. Я снимаю фартук и начинаю закрывать бар, с содроганием ожидая ответа на свой следующий вопрос. Любой переворот начинается с устранения лидера.

- С Кэт всё в порядке?

- Уверен, с ней всё в порядке. Она боец, - отвечает Риодан..

Я свирепо смотрю на него. Обо мне он так лестно не отзывался.

Дэйгис допивает свой виски и придвигает мне стакан, требуя повторить.

- Я не знаю имён убитых. Во время сражения за контроль над территорией, одна из ши-видящих сбежала. Мы нашли её на дороге в Дублин, сильно израненную, она еле передвигала ноги. Друстан отвез её в госпиталь дублинского замка. Инспектор Джейн сказал, что предоставит нам в помощь своих стражей, но только если ши-видящие отдадут им копьё или меч. Навсегда.

Я закрываю крышками упаковки с добавками и убираю их в холодильник. Не дожждётся.

- Что там произошло, Риодан? Ты должен был оградить аббатство более мощными охранными заклинаниями. Таков был уговор.

- Мои люди были заняты, или ты забыла. Кроме прочего, ты просила оградить аббатство от фейри, а не от людей.

- Его захватили люди? - час от часу не легче. - Кто?

- Новые ши-видящие говорят, что теперь это их дом.

Я рычу, сощурившись. Эти ши-видящие заявили в наш город и отобрали наш дом? Я обещала Кэт, что мы этого не допустим. Обещала, что мы защитим аббатство. Мы - городская команда, и это наш стадион.

- Сколько их? Как они захватили аббатство? Кэт не оказала им сопротивление?

- Если твоя Кэт - это та, что была с нами тем вечером, и она там главная, то это многое объясняет, - отвечает Дэйгис. - Женщина, которую мы нашли, рассказала, что их грандмистрисс исчезла неделю назад, и некто изнутри, по имени Марджери, пригласил новых ши-видящих.

- Неделю назад? Это значит, что она исчезла на следующий день после нашей встречи! Ты видел её? - спрашиваю я у Риодана.

- Думаешь, она пришла бы ко мне, - отвечает он. - Это же Катарина.

- Бар закрыт, - резко говорю я парню, который собирается присесть.

Он оглядывает Риодана и Дэйгиса.

- Но они-то здесь.

- Я сказала, бар закрыт.

- Налей мне выпить, сучка. Это свободный, нахрен, мир.

Он снова пытается сесть. Риодан бьет его наотмашь кулаком в лицо, при этом даже не взглянув на него, и продолжает разговор:

- Предположим, я организую встречу, Келтары помогут вернуть контроль над аббатством вне зависимости от её результатов.

Парень с грохотом падает со стула на пол.

- В отличие от вас, мы держим свое слово. В отличие от вас, - рычит Дэйгис, - мы мужчины. Люди.

- Люди слабы, - Риодан не продолжает свою мысль, но всё ясно и без слов: «А мы нет.»

Парень, которого ударил Риодан, поднимается на ноги, смотрит на нас, как на сумасшедших, и убирается восвояси.

- Встреча с Р'джаном состоится после того, как мы освободим аббатство, - говорю я Дэйгису.

- Она состоится до этого, - решительно отвечает он.

- Но может погибнуть ещё больше ши-видящих! - раздражаюсь я.

- Ага. Один раз. А Кристиана расчлениют снова и снова, день за днём, - его шотландский акцент усиливается. - Кто знает, может, он уже сто раз погибал. Ты хоть понимаешь, как это может на нём отразиться?

Меня передергивает. Я понимаю. Это так похоже на тот ад, в котором жил сын Бэрронса. Возрождаться лишь для того, чтобы снова умирать. Это превратило маленького мальчика в животное, загнало ребёнка в безумие, из которого он уже не смог выбраться. Что если подобная участь ожидает и Кристиана, который и без того был крайне нестабильным? С тех пор, как он приехал в Дублин, ему пришлось нелегко: после неудачного ритуала его, безоружного, на несколько лет забросило в Зеркалье, где я самолично накормила его плотью Темного, после чего ему пришлось сражаться с самим собой, а теперь он ещё и в плен попал к чудовищу, которое вырывает у него кишки каждый раз, как они регенирируются

- Его разум хрупок, в отличие от тела. Этот смертельно опасный дисбаланс, который может привести к ужасным последствиям.

Безусловно может.

Поэтому я и говорю Риодану:

- Вызывай Принца для Дэйгиса, или я возвращаюсь в книжный магазин и оставляю тебя одного с Темными Принцессами. Бэрронс в Фэйри, и кроме тебя тут некого защищать, - и обращаясь уже к Дэйгису: - Готовь свой клан к битве.

- Ой, МакКайла, нам к этому готовиться не нужно. Мы рождаемся с этой готовностью.

Глава 19

Э-эй, красотка, ты так зажигаешь⁴²

Лор

- Ты, кажется, вот здесь пропустила, - говорю я роскошной блондинке, полирующей мой член.

Я при-йя, и, понятное дело, не могу мыться самостоятельно. Поэтому они обтирают меня влажными губками, ведь я почти весь, от макушки до пят, покрыт женскими соками. Они кормят, трахают и моют меня. Напоминает те старые-добрые времена, когда мужчина защищал женщин своей дубиной, а они взамен заботились о нем.

Эта неделя была лучшей за всю мою жизнь или, по крайней мере, за последнее столетие. Настоящая трахательная вечеринка 24/7, в комнате постоянно находятся от пяти до десяти женщин, и единственная цель их существования - выполнять все мои желания. Все они чертовски сексуальные пышногрудые блондинки. Жизнь прекрасна. Это даже лучше, чем Вудсток⁴³.

По началу я делал вид, что совсем не в себе и даже разговаривать не могу, но мне это быстро надоело: я не мог сказать женщине, чего хочу, не мог спросить, чего хотят они, хотя с этим у меня никогда не возникало проблем. Достаточно наблюдать за их лицами, прислушиваться к звукам, которые они издают. Стонут ли они или вдруг делают резкий вдох, который перетекает в убийственно хрипкое урчание? Или, может, они рычат, превращая и без того классный трах в потрясную борьбу. Современным женщинам, чтобы снять стресс, нужно много секса, главное, чтобы попался стоящий мужчина, который способен выдержать такой натиск. Бывают среди них и такие, которые стараются вообще не издать ни звука, словно они слишком круты для этого. Такие для меня как красный флаг для быка. Поэтому в этой комнате женщины всегда шумно кончают, когда я с ними заканчиваю. Особенно я люблю тех, которые шипят как кошки и выгибают спину, когда я жестко трахаю их сзади. Они такие сексуальные, страстные и дикие.

Черт, как же я люблю женщин.

Кое-что свойственно абсолютно всем: после жесткого траха, они любят откинуться на спину и предоставить себя во власть мужчины, ласкающего их от макушки до пальчиков ног, лижущего, тискающего, говорящего им, что они невероятно красивы, заставляя их кончать снова и снова, особенно со связанными руками, хотя я не большой любитель всей этой садо-мазо фигни. Мне приятно осознавать, что женщина в моей постели хочет называть меня господином. Как уже говорил, я люблю цепи. Тяжелые путы на нежной, шелковистой коже говорят мне о том, что я могу делать все, что пожелаю. Например, испытывать их сексуальные пределы.

- Вот еще одно липкое место, - я показываю на свой пах, где еще остались следы меда. Она слизывает его с кошачьей грацией, а затем принимается сосать. Иисусе.

Когда я понял, что босс повелся и не проверяет меня, я перестал ломать комедию. Исходя из нашего договора с Мак, у меня есть ещё неделька, а потом придется вернуться к серым будням.

Я хочу извлечь из всего этого максимальную пользу. А затем найду и убью Темную суку, чья странная магия так подействовала на меня.

Превратить меня в при-йю? Невозможно усилить мой сексуальный аппетит. Он и так находится на своем максимуме.

Ох, твою ж мать, эта блондиночка может и трубу вылизать дочиста! Я хватаю ее голову и притягиваю к себе, сцеловывая мед с ее губ. Когда я подминаю ее под себя, собираясь глубоко погрузиться в неё, среди сплетения обнаженных, чертовски сексуальных тел, раздается строгий женский голос:

- Выметайтесь отсюда. Все.

⁴²LedZeppelin/BlackDog

⁴³Вудстокская ярмарка музыки и искусств (англ. *WoodstockMusic&ArtFair*, в разговорной речи **Вудсток**) — один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел (англ.)русск., штат Нью-Йорк, США. Событие посетило около 500 тысяч людей. Во время проведения фестиваля умерло 3 человека: один от передозировки героина, второй был сбит трактором, третий упал с высоких конструкций^[2]; произошло 2 неподтверждённых рождения ребёнка. Вудсток стал символом конца «эры хиппи» и начала сексуальной революции.

Какого хрена? Я даже не слышал, как открылась дверь. Неужели босс раскусил меня? Или Мак выдала?

Я не обращаю внимание. Им придется стаскивать меня с этой кровати.

- Вы знаете, что я девушка Риодана. Знаете, что он прислушивается ко мне. Вы хотите здесь работать?

Я замираю, более-менее понимая, что к чему. Это Джо. Какого хрена она здесь делает?

Неохотно, со звуками раздражения, женщина в моих руках пытается высвободиться из моих объятий. Я стону и не отпускаю ее.

- Если кто-то останется в постели Лора через пять минут, считайте, что вы уволены.

За две секунды моя кровать пустеет. Никто из этих женщин не способен отказаться от столь ценной привилегии как постоянная работа, еда и пристанище. Тем более в нынешние времена. Никто не захотел рискнуть даже ради величия моего члена.

Я вздыхаю, и затем вздох переходит в другой идиотский стон. Я никогда не стону. Рычу да, но нахрен не стону. Вся эта фигня быть при-йей слишком обременительна.

Я переворачиваюсь и демонстрирую Джо свою задницу, надеясь, что она просто скажет все, что хотела, и свалит отсюда, прислав обратно моих цыпочек.

Я пытаюсь жалобно захныкать, но раздраженный, сексуально-неудовлетворенный хрип выдает мое истинное настроение. Мой член мог достичь благословенной гавани, но вместо этого очутился под мостом в одиночестве и холоде. Он набух и болезненно зажат между кроватью и моим бедром.

Предполагается, что я сексуальный раб, поэтому едва ли могу повернуться к ней и спросить, какого хрена она тут забыла.

Я слышу шелест, а затем чувствую, как под ее весом прогибается кровать рядом со мной.

А потом до меня доносится звук того, как смачивают губку, выжимает ее в таз, и тут до меня доходит, что какого-то черта Джо собирается закончить купальную процедуру, которую начали блондинки.

Когда она касается рукой моей спины, я вздрагиваю. Это же Джо. Это территория Риодана. Я не путаюсь с пассиями босса. Никто из нас не путается. Это почти так же глупо, как и выводить из себя Бэрронса.

- Мак сказала мне, что ты стал при-йей, - говорит Джо. - Она утверждает, что не помнит ничего из того времени, когда сама была такой. Это всего лишь секс.

Я моментально занимаю оборонительную позицию: она что, изменяет боссу? Женщины не изменяют Риодану. Черт, они не изменяют никому из нас. От лучшего не отказываются.

Она скользит рукой вниз по моей спине к заднице. Я напрягаюсь, но остаюсь совершенно спокойным. Я думаю.

- Боже, какой же ты красивый, - мягко говорит она.

Погодите, по идее я должен стонать. Я пытаюсь, но из меня снова вырывается раздраженный хрип. Черт.

- Мне нужен просто секс, - продолжает она свою речь, касаясь меня.

А кому он не нужен? Мой член твердеет ещё больше. А она даже не мой типаж. Она крошечная, у нее темные волосы и огромные глаза. А еще у нее слишком утонченное лицо. Она из тех, кого я как раз избегаю.

Но ведь предполагается, что я при-йя.

Я вздыхаю. Судя по всему, моя игра закончится раньше, чем планировалось. Я издаю звук полнейшего неудовлетворения и поворачиваюсь, смотрю на нее, собираясь сказать, чтобы она несла свою задницу обратно боссу, и мы просто забудем об этом. Мой член вздрагивает и встает торчком, как будто нацеливаясь прямо в рай, выражая свое полное несогласие с моими намерениями.

Я снова закрываю рот, раздумывая. О нет, нет, нет, только не делай этого, сладенькая, все что угодно, но только не это. Она смотрит на меня огромными, прекрасными глазами, блестящими от слез.

- Твое сознание действительно не здесь, да?

Она тянется к моему лицу, и я заставляю свой взгляд остекленеть. Я целыми днями практиковался, так что теперь это стало моей второй природой. Она смотрит на мой член, и я

пытаюсь сделать так, чтобы он обмяк, но это ни черта не работает. Женщина - это шанс, к которому стремится мой член.

- Я бы не смогла вынести это, если бы думала, что ты будешь все помнить. Просто я порвала с Риоданом и... - о, черт. - Не то, чтобы это можно было назвать настоящим разрывом, потому что я с самого начала знала, что мы не были вместе на самом деле...

Иногда босс реально бесит меня. Мы никогда не проводим с женщиной больше пары недель. Человеческие женщины влюбляются. От этого никуда не деться, поэтому с самого начала нужно дать понять, что это ненадолго. А Риодан занимался всякими глупостями, типа обрядов. Я-то знаю, что он делал это только для того, чтобы эффективнее следить за Дэни, мы все готовы на что угодно ради этой малявки. Годами следили за ней, оберегая, давая ей шанс вырасти. А это было нелегко, она та ещё заноза в заднице. Конечно же нам всем интересно, какой она вырастет. Когда живешь так долго, как мы, ничего удивительного, если окажешься в постели с женщиной, рождение которой видел собственными глазами. Это одновременно странно и нет. Понимаю, что нужно защищать свое любой ценой, но когда ты можешь вызывать зависимость, как мы, то следует с осторожностью и большой избирательностью впускать людей в свою кондитерскую. И не пускать их слишком глубоко, и уж тем более не выставлять на полки некоторые виды конфет. Потому что они не для людей.

- Я все время знала, что он просто присматривает за Дэни и аббатством, - к моему удивлению сообщает она. - Сначала я делала то же самое. Была начеку, пытаюсь выведать ваши секреты, пытаюсь понять друзья вы или враги. По крайней мере, так я говорила самой себе. Кэт нужен был свой человек в Честере, и я чувствовала себя особенной из-за того, что она доверила это мне. Из-за того, что он захотел меня. Я долго не раздумывала. Да ни за что в жизни я бы не упустила такой шанс. Великолепный секс, венчающий шпионскую миссию? Я чувствовала себя женской версией Джеймса Бонда.

Ее тихий и печальный смех закончивается всхлипом.

- У меня нет дара, как у других ши-видящих. Нет суперсилы. Всего лишь эта чертова суперпамять. И та не работает так, как надо: я запоминаю все, что вижу, и, в конечном итоге, не могу отыскать что-то стоящее в этом нагромождении бесполезной информации. Я знаю значение каждого слова, но не могу их вспомнить, потому что мои знания не упорядочены. Тоже мне исследователь. Если честно, то я не могу выудить из памяти нужную информацию, а всего лишь знаю, где стоит поискать, - она легонько стучит пальцем по лбу. - Я не понимаю сути своего дара. Он бесполезен. Другие спасают мир, пока я роюсь в книгах в поисках ответов. Я всего лишь хотела чувствовать себя особенной. Делать что-то для разнообразия. И я не понимала, как трудно будет вернуться к действительности. Ничего не изменилось. Кроме того, что мне сделали больно.

Она начинает сильнее всхлипывать, и я чертовски напуган. Не выношу слез. По крайней мере, женских. И единственный выход, который я вижу - поцелуями убраться с ее лица.

Она не в моем вкусе.

Она касается своими крошечными руками моего лица и наклоняется надо мной, ее рот всего в нескольких сантиметрах от меня.

- Сотри его из моей памяти, Лор. Заставь забыть. Сотри его вкус с моего языка. Наполни меня своим вкусом. Ты и знать не будешь, что помог мне забыть. Пожалуйста, Лор, займись со мной любовью.

Охxxx! Как же я ненавижу эту чертову фразу. Я не занимаюсь любовью. Я трахаюсь. И точка. Всё очень просто. Трахаюсь. Четкое определение процесса: никаких обязательств; туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно. Я пещерный человек. Сексуальный дикарь. Я открываю рот, чтобы сказать ей об этом, но внезапно она отстраняется, стаскивает через голову свою рубашку, и я вижу охрентельно идеальные небольшие груди, которые внезапно вырываются на свободу.

Даже не помню, когда я последний раз видел небольшие груди. Я даже не помню, как они выглядят. Я пристально смотрю на них и прямо чувствую, как мои глаза самопроизвольно стекленеют. Тонкая талия, кремовая кожа, зарумянившаяся от смущения и желания, и прекрасные розовые соски... О, черт, была не была.

Чертовы соски. Я всегда веду на них.

- Лор, пожалуйста, - говорит она, горячие слезы, как дождь, орошают мою кожу. - Займись со мной любовью, заставь меня забыть.

Медленно и сладко, она наклоняется надо мной и касается моих губ своим язычком, теплым дыханием с едва уловимым ароматом мяты.

Я не связываюсь с такими женщинами.

Никогда не связываюсь.

И я не смогу нахрен дать ей то, что ей нужно.

Но всё равно я поднимаю эту сладенькую короткую юбку, оголяя сладенькую круглую попку, нарушая все свои правила, собираясь переспать с брюнеткой. Прямой дорогой я направляюсь в Ад.

Глава 20

Мама, я возвращаюсь домой⁴⁴

Мак

Арлингтонское Аббатство занимает четыреста гектаров плодородной земли всего в двух часах езды от Дублина. Это самая настоящая крепость, способная сама себя обеспечивать всем необходимым, со множеством артезианских скважин, маслобойней, животноводческой фермой, фруктовым садом и огородами.

То ли Ровена защитила его сильными заклинаниями, то ли Тени предпочли двигаться в другом направлении, покинув город несколько месяцев назад, но в тридцати минутах от старинного аббатства их зверский аппетит иссяк.

В это трудно поверить, но я не была здесь с середины мая, с того самого вечера, как мы запечатали Синсар Дабх в огромной, покрытой многочисленными рунами пещере под крепостью.

Время летит быстро.

Особенно, когда проводишь его в Зеркалье.

После победы над Синсар Дабх, мы с Бэрронсом удалились в его логово под гаражом, покидая кровать только при угрозе голодной смерти.

Через несколько дней мы упокоили его сына, наконец, избавив отца от вечных мучений, и начали задумываться о том, чтобы вернуться в обитель и найти способ защитить мир от чернокрылого принца, заключенного в самом сердце ирландской земли, в подземелье аббатства, которое по сути является тюрьмой с того самого злополучного дня, когда Король выбрал нашу планету для этой цели.

Я предложила залить пещеру цементом, как только Король заморозил Крууса. Позднее Бэрронс высказался за то, чтобы переместить принца вместе с его ледяной тюрьмой в Зал Всех Времен, переложив таким образом это бремя на какой-нибудь другой, ничего не подозревающий мир.

Ни один из вариантов не был претворён в жизнь.

Одержимая желанием избавить мир от другой книги, выйдя однажды из Зеркал, скрытых за книжным магазином, я обнаружила, что город настолько засыпан снегом, что стал практически непроходим. Нашего нового врага физически уничтожить было невозможно, да и толку от меня в этом плане всё равно не было. Только привлекла бы к себе лишнее внимание, и пришлось бы объясняться по поводу моих преследователей, а ещё быть к Дэни гораздо ближе, чем мне того хотелось. Доверить другим решать эту проблему, занимаясь своей собственной, было моим сложнейшим решением.

Я устала в окно, разглядывая проносящиеся мимо пейзажи. То, что не сожрали Тени, уничтожил Ледяной Король. Но весна уже начала преображать опустошенные льдом участки, выталкивая почки из тонких, словно окостенелых, веток, а в лунном свете мерцает тонкий травяной ковер. После жестокого, убийственного холода, пройдут годы, прежде чем Изумрудный остров полностью восстановит свою легендарную зелень.

⁴⁴Ozzy Osbourne/Mama, I'm Coming Home

Я развалилась на пассажирском сиденье Хамви, закинув ногу прямо в обуви на приборную панель (Риодан не дал мне вести, что не удивительно - мы оба помешаны на контроле), настраиваясь на предстоящую битву. Моя темная стая устроилась на крыше.

Предстоящее противостояние я рассматриваю как игру в покер, где может быть разыграно огромное количество комбинаций.

Вполне подходящее сравнение, учитывая, что блеф - мое сильнейшее оружие.

Люблю померяться силами, особенно зная, что я на правильной стороне. Аббатство принадлежит нам. Предположим, я смогу туда проникнуть, какие карты мне следует разыграть?

Копье бесполезно. Я всё раздумываю о том, как отогнала свою стаю на крышу, дважды воспользовавшись им: сначала против Дэни, потом против Серой Женщины, - и пытаюсь понять, что же толкнуло меня за край в тот второй раз, что послужило для Книги толчком. Пока не выясню наверняка, почему потеряла контроль, пользоваться копьем я не буду.

Я оставила свои пистолеты в книжном магазине, правда у меня в каждой ботинке по складному ножу, но ими я тоже не воспользуюсь. Жестокость - дверь, в которую Книга просовывает ногу и протискивается наружу.

Бэрронс запер амулет в хранилище под гаражом. В любом случае, к нему я тоже не прикоснусь. Ещё несколько месяцев назад мы решили, что слишком рискованно пытаться обмануть ее дважды одним и тем же способом. Кроме того, я слишком много думала об этом, и вполне вероятно, что эта идея принадлежит самой Книге. Практически все мои умозаключения под подозрением. В дни, когда она затихает, я начинаю волноваться.

- Вам не найти против неё оружия. Вам нужно стать этим оружием, - неустанно повторяет Бэрронс.

Я знаю Глас. В нем я тоже хороша. Это очень полезный навык. Если завяжется бой, я смогу держать на расстоянии других, просто отдавая приказы. Так и вижу, как я безоружная и пассивная в самом разгаре битвы выкрикиваю:

- Держись от меня подальше! Не трогай меня! Брось оружие!

Разочарованно вздыхаю.

Я могу обнулять, но это срабатывает лишь на фейри. Присутствующая призрачная компашка - исключение.

Я хороша в рукопашном бою. Если не наступает помутнение рассудка.

В этой игре мне выпали отстойные карты. Нужна пересдача. Или, по крайней мере, парочка шальных карт.

С нетерпением жду встречи с якобы легендарной предводительницей ши-видящих, чтобы встать напротив нее и оценить. Интересно, какие они - женщины, которыми она командует - каковы их таланты? Вполне возможно, что одна из них, как и я, способна чувствовать Синсар Дабх. Успокаиваю себя тем, что это маловероятно.

Но если Темный Король действительно сотворил нас в качестве тюремных стражей для своей темной катастрофы, то логично было бы создать больше таких, как я, на случай если она освободится.

Я тяжело вздыхаю и списываю все на паранойю. Ши-видящие рассказывали, что за всю историю аббатства, никто не мог чувствовать Книгу, как мы с Алиной, и обнулять. А учитывая, что мы происходим из той самой обители на изначальной земле, где Король её собственноручно похоронил, то я очень сомневаюсь, что «заезжая команда» такая же одаренная. Они, скорее всего, ослаблены из-за того, что тысячелетиями жили на отдаленных землях и были оторваны от своего наследия. Хорошие войны, но не более.

- Господи, прекрати вздыхать, ты сдуешь нас с хреновой дороги. Хочешь о чем-то поговорить, Мак.

Я смотрю на Риодана, он, как всегда, непроницаем в тусклом освещении приборной панели.

Сомневаюсь, что моя угроза прекратить его «защищать» стала мотивацией. Риодан преследует свою собственную цель.

- Почему ты согласился помогать в освобождении аббатства? Ты никогда ничего не делаешь без выгоды для самого себя.

- Я хочу, чтобы их новая командирша убралась с улиц. Она и ее последователи убивают фейри. Плохо для бизнеса.

- Что ты собираешься с ней делать? Убить? - мне не нравится эта идея. Я тоже хочу ее свержения, хочу, чтобы ее нейтрализовали, но не убили. В Дублине и так слишком много смертей.

- Вероятно, ее можно превратить в полезное оружие. Если нет, то убью.

- А что произошло, когда ты и Дэйгис встретились с Р'джаном? - Дэйгис настоял на частной встрече в офисе Риодана, а я околачивалась снаружи, мечтая о телефоне с приложением «Череп и кости» и наушниках. - Он согласился отправить армию, чтобы выследить Ведьму?

- В обмен на дополнительное место за нашим столом.

- Для кого? Других принцев ведь нет.

Интересно, а где те, кто их заменит? Может, как Кристиан, попали в ловушку в тюрьме для Темных и уже в процессе превращения? Действительно ли поедание плоти Темных ускорило его трансформацию?

- Советника, чей голос сравнит шансы между Светлыми и Темными.

- И ты согласился?

Он не отвечает, но мне это и не нужно. Конечно, он согласился.

- Светлые и Темные всегда голосуют друг против друга из чисто дурацкого принципа, давая остальным преимущество.

Он сохраняет молчание, и я снова отворачиваюсь к окну. И вздрагиваю, восклицая:

- Какого черта?!

Риодан смотрит на меня, а затем переводит взгляд на то, что находится за окном, и так резко жмет на тормоз, что мои упыри слетают с крыши, превращаясь в один запутанный клубок черных мантий на дороге прямо перед нами.

- Черт, я даже не заметил.

Пейзаж изменился. Радикально. Здесь, всего в десяти минутах от аббатства, весна вступила в свои права не нежными мазками кисти, а дикими брызгами красок безумного художника.

- Сдай назад, - требую я, но Риодан и так уже отъезжает.

Мы обнаружили демаркационную линию, похожую на ту, что оставили за собой Тени в двухстах метрах позади.

Я выскакиваю из Хамера и расставляю ноги по обе стороны от границы. Мои упыри толпятся рядом и позади. Я отключаю их, чем больше вонюче-пыльного времени мы проводим вместе, тем легче это делать.

Слева - тонкий ковер из травы и сорняков. Справа - травяные заросли, плотные и высокие настолько, что остричь их сможет разве что силач с косой. Созревшие маковые коробочки кажутся черно-бархатистыми в лунном свете, а над высокими колосющимися зарослями раскачиваются силуэты лилий.

С левой стороны только недавно деревья распустили молодые, нежные листочки.

Справа от меня - огромные древние дубы, чьи массивные ветви оплетены пышными виноградными лозами, часть которых тянется ввысь, а оставшиеся касаются земли, подметая ее.

Здесь слабо стрекочет сверчок, пробудившийся после неожиданной и зверской зимы в поисках какой-нибудь еды.

А там доносятся трели птиц, распевających экзотические арии, слышны песни древесных лягушек, обильно оплетенные лозой ветви шелестят, когда по ним прыгают маленькие существа.

У меня дурное предчувствие.

«Придя в аббатство,» - говорила Кэт: - «ты поймешь, о чем я. Это таяние... Я думала, когда огненный мир, угрожавший нашему дому, исчезнет... Ох, оказалось дело было вовсе не в нем...»

Она пыталась сказать мне. Просила моей помощи. Но я, поглощенная своими проблемами, её не слышала.

«Есть еще кое-что, что я хотела бы обсудить с тобой, если у тебя найдется время. Это касается Крууса. Ты ведь знаешь о принцах фейри гораздо больше нас.»

Она сказала, что его клетка все еще цела.

Неужели она солгала? Как по-другому объяснить происходящее?

Я бросаю на Риодана мрачный взгляд.

- Думала, ты в курсе всего, что там происходит.
- Похоже, мои источники умолчали о некоторых деталях.
- Зачем твоим людям скрывать от тебя что-либо? - выуживаю я.
- Эти источники не мои парни.

Мне нужно знать больше.

- Кто тогда?

Он молча уклоняется. «Хорошая попытка. Отстань.»

Я возвращаюсь в Хаммер.

Сажусь за руль.

И блокирую двери.

- Ну нет, Мак, я так не думаю, - смеется он.

Я тянусь вдоль широкой панели, распаиваю пассажирскую дверь и выжимаю педаль газа.

До упора.

Риодан чертыхается и делает то, что и я бы сделала на его месте: прямо на ходу забирается в машину, умудряясь при этом заполнить собой всё пространство внутри автомобиля.

- Сожжёшь сцепление, и ты покойница.

- Я не сжигала сцепление с десяти лет.

Я с усмешкой смотрю на него, поддаю газу и умело переключаю передачу.

- Трехколесные велосипеды не в счет, - поддевает Риодан.

- Папин Мустанг второй половины 64 года.

После того фиаско, мама с папой больше никогда не оставляли ключей на двери гаража. Шериф Боуден привел меня домой. Я проехала полкилометра, визжа тормозами и дергая машину. Думаю, все ашфордцы были свидетелями этого, высунув в окна свои любопытные носы. Подушки, которые я утрамбовала, чтобы дотянуться до педалей и рулевого колеса, сработали как подушка безопасности, когда я врезалась в телефонный столб.

Папа долго не мог отойти.

А потом поступил, как и любой мудрый родитель: научил меня водить.

Ни за что не откажусь от этой первобытной, дикой, грубой мощи.

Нутром чую сцепление.

Я паркуюсь возле новых искусно выполненных ворот в огромной каменной стене, которой не было еще пару месяцев назад.

Риодан читает мои мысли. Учитывая мою отпавшую челюсть, это не сложно. И почему я до сих пор чему-то удивляюсь? Возможно, выйдя из комнаты и закрыв за собой дверь, мне больше не стоит ожидать, что стены, ковер и потолочные светильники останутся на месте. Их, по большому счету, могло там и не быть. Возможно, они появляются, когда нужны мне, а после исчезают в каком-то космическом накопителе квантовой энергии.

- Месяц назад ее здесь не было. Этой чертовой стены не было три недели назад. И она ничего не сказала. Кажется, у нашей грандмистрисс были секреты.

- Так же, как и у твоих ненадежных источников.

Хотела бы я знать, кто они. Хотела бы, чтобы они работали на меня. Я бы вытащила из них больше информации.

«Ну да. Если бы тебе было нужно больше информации, - уколола меня совесть, - ты бы пришла сюда сама. Например, когда она просила о помощи. Неужели ты думала, что все кончено? И на самом деле верила, что Крус обезврежен?»

Могло ли зло, заточенное в камне в трестах метрах под кроватью Кэт, соблазнить ее, как и Ровену? Я задрожала. Только не ее. Но тогда где она? И почему ничего нам не рассказала?

- Возможно, по соседству поселилась каста Светлых, и это они так влияют на окружающую среду, - предположила я в качестве весьма сомнительной альтернативы. Не хочу я никаких фейри возле аббатства.

- Круус соблазнил ее, - произнес Риодан.

- Ты не можешь знать наверняка, - защищаю я ее.

- Это началось в тот день, когда мы остановили Книгу. Он пришел к ней во сне.

Я изумленно смотрю на него.

- Ты знал об этом? И молчал? Хотя бы Бэрронсу мог сказать.

- Я думал, она держит все под контролем.

- Неужели великий Риодан ошибался? - с притворным удивлением спрашиваю я. - Ну всё, это конец света.

Почему она не сказала мне? Просила прийти, чтобы я смогла увидеть воочию ту силу, которую он использовал на ней и аббатстве, и понять, с чем ей приходится бороться? А молчала, потому что, как и я, боялась осуждения и надеялась, что сможет исправить всё, прежде чем кто-то об этом узнает?

- Был немного занят, отслеживая Дэни и пытаюсь залатать черную дыру под моим клубом, - раздраженно отвечает Риодан. - Пока ты и Бэрронс пропадали, занимаясь неизвестно зачем и неизвестно чем с личной прислужкой Темного Короля, преследующей тебя неизвестно почему. И, кстати, я готов выслушать объяснение этому всему. И да, конец света наступит, если мы не найдем способ предотвратить его.

Разговоры о конце света меня больше не нервируют. Частенько просыпаясь по утрам, я удивляюсь, что он всё ещё не наступил. И считаю, что мне крупно повезло, если просыпаюсь там же, где засыпала.

Подъехал черный внедорожник с тонированными окнами. Прибыли Келтары. Из машины выходит небольшая армия могучих, темноволосых, смуглокожих мужчин. Один из них Драстен - брат-близнец Дэйгиса - с более развитой мускулатурой, чем у его на целую минуту младшего брата, у него короче волосы, хотя и достают до поясницы, а его глаза холодные и серебристые, в отличие от золотых тигриных Дэйгиса. За ним следует Киан - огромный горец, покрытый татуировками, с отстраненным взглядом человека, пережившего трудные времена. За ним - Кристофер, сорокапятилетняя версия Кристиана, единственный из них, кто выглядит хоть отдаленно цивилизованным.

Выйдя из машины, мы присоединяемся к ним и слышим, как рычит Дэйгис:

- Все выглядит совсем не так как в прошлый раз. Это место разит фейри.

Риодан поднимает голову и смотрит на колючую проволоку поверх стены. Он отламывает ветку ближайшего дерева и высоко подкидывает ее. Ветка начинает искриться и трещать, когда попадает в цель, а затем обугленная падает на землю.

За воротами аббатство светится, словно освещается тысячами светильников. Огромный фонтан, которого тут раньше не было, выстреливает в небо струей воды, которая ниспадая рассыпается рябью золота и серебра в бассейне. Сады кажутся сюрреалистическими, друг за другом простираются обширные клумбы ароматных, напоминающих драгоценные камни цветов, которое я видела в одном единственном месте, кроме этого. Я больше не задаюсь вопросом, что за эгоистичный Пикассо нарисовал это чувственное лето поверх холста с анорексичной Дублинской весной.

За воротами новые ши-видящие держат в тюрьме, и, судя по всему, не совсем успешно, величайшее зло, известное миру (не считая меня) в теле наиболее могущественного из созданных Темным Королем принцев. Мне следовало догадаться, что его не удержать. У Крууса скорее всего был запасной план на случай непредвиденных обстоятельств. Типа скрепки в кармане, чтобы освободиться от наручников или разжечь огонь.

- Он смог освободиться, девушка? - спрашивает Дэйгис, глядя на меня.

Осторожно тянусь к погребенной в подземелье Книге, надеясь, что это не пробудит скрытую во мне.

«УБЕЙ ПРИНЦА, СОКРУШИ ЕГО, ПОГЛОТИ ЕГО, УНИЧТОЖЬ ЕГО, СОЖГИ ЕГО!!!!!!»

Стиснув зубы, с трудом сдерживаю стон, схватившись за голову. Да, она все ещё под аббатством, и, судя по всему, моя Книга презирает Книгу Короля не меньше, чем он презирает её сам. Куда подевались те старые-добрые времена, когда книги мирно сосуществовали, уютно устроившись по соседству на книжных полках в ожидании, когда их прочтут?

- Она все еще под аббатством, где мы ее и оставили.

- Ты чувствуешь какие-то изменения? - требовательно спрашивает Кристофер.

- Сложно сказать отсюда. Нам нужно увидеть все своими глазами.

Но я-то этого делать не собираюсь. Найду причину, чтобы отказаться. Последний раз, когда я стояла в этой подземной комнате, я и понятия не имела, что внутри меня существует копия Книги. И все еще свято верила, что это всего лишь очередная ложь Синсар Дабх, призванная заставить меня засомневаться в себе. С той ночи меня постоянно преследовали кошмары, как меня заключают в тюрьму рядом с Круусом.

Соглашусь ли я добровольно спуститься в подземелье аббатства, вместе с ши-видящими и друидами-Келтарами, у которых хватит силы, чтобы заточить меня?

Ни за что.

Я ощущаю присутствие Бэрронса позади себя, хотя он не сказал еще ни слова. Моя призрачная свита отступает, а мое тело начинает пылать как суперкар, который застоялся в гараже и просто жаждет услышать, как его двигатель нетерпеливо возрождается к жизни.

- Вот черт, - он приближается ко мне, но не прикасается. Да ему и не нужно. Порой мне кажется, что радость от встречи мы ощущаем на клеточном уровне, посылая друг другу импульсы, создающие напряжение, усиливающие желание и любовь, объединяющие между собой острова, которыми мы являемся. - Так и знал, что нужно было переместить его, - рычит он.

- Или как минимум залить бетоном, - продолжаю я.

- Где остальные, - обращается Риодан к нему.

- Когда ты позвонил, со мной был только Фейд.

И пока я пытаюсь понять, как Риодан смог связаться с Бэрронсом в Фэйри, из тени выходит высокий, мускулистый и тоже покрытый шрамами Фейд. Он двигается в той полужаметной манере, которую Бэрронс использует, когда рядом нет посторонних. И если вы никогда не видели этого прежде, то это выглядит устрашающе и совершенно не по-человечески.

Горцы смыкают свои ряды.

Фейд смеется, его клыки сверкают в лунном свете.

Двое из горцев тянутся руками к древним необычным ножам в ножнах на поясе. Интересно, обладают ли они такими же фантастическими характеристиками, как и мое копьё.

Риодан бросает на Фейда взгляд, на который тот отвечает рычанием, но все-таки начинает передвигаться, как и все мы.

У нас небольшая, но впечатляющая армия. Мы стоим, разделившись на две группы: Бэрронс, Фейд, Риодан и я, а рядом с нами Дейгис, Драстен, Кейон и Кристофер - и готовимся к встрече с неизвестным врагом.

И с уже известным нам, который умудряется действовать из своей ледяной клетки.

Вероятность того, что сегодня мы избавим аббатство от одного из наших врагов, достаточно велика, если только в наших рядах не начнется междоусобная война, угроза которой вполне реальна, учитывая количество тестостерона на квадратный метр площади.

Новые ши-видящие захватили не простое аббатство, а радиоактивное.

Не знаю, что меня беспокоит сейчас больше всего: опасность в Честере, в аббатстве или же внутри меня. Хотелось бы, чтобы они все исчезли, и желательно в обратном порядке.

- Думаешь, когда-нибудь все снова станет нормальным?

Бэрронс смотрит на меня:

- А когда-то было нормально? Я что, пропустил столетие?

- Нахрен нормальность, - бросает Риодан. - Предпочитаю хорошую войну.

- Дело говоришь, босс. - соглашается с ним Фейд.

- Да вы просто идиоты, - фыркает Драстен. - Я бы отдал свое левое яйцо за столетие мира.

Остальные Келтары охотно соглашаются, добавляя для разнообразия и другие части тела.

Окруженная альфа-самцами, владеющими гораздо большей магией, чем все преподаватели Хогвартса, я собиралась спросить у них, как они планируют пройти через ворота, когда вопрос просто утратил смысл.

Ворота стали медленно открываться, будто влекаемые невидимой рукой.

Глава 21

Этому дому не сгореть медленно дотла⁴⁵

Мак

Обычно я точно знаю, куда направляюсь и что предприму, когда доберусь туда.

Потому что перед любым событием рассматриваю все возможные варианты его развития и обдумываю, что скажу, если случится X или Y, или даже Z. Хотя вероятность того, что в маленьком городке в Джорджии произойдет нечто настолько экзотическое как Z ничтожно мала. Мы закрываем школу и проводим парад, если что-то подобное всё-таки случается.

К свиданиям в старшей школе я готовилась так: стоит мне согласится сразу, когда Били Джеймс пригласит меня, или заставить его ждать; одеть топ с глубоким вырезом или что-то миленькое; когда он попробует поцеловать меня, позволить ли ему; если он позовет меня на отстойную вечеринку к Эми Танхаузер вместо мегакрутой у Хизер Джексон, нужно ли его бросить; готова ли я к сексу с ним?

Эх, мои беспечные деньки.

Тогда всё было так предсказуемо. Я одела что-то миленькое и бросила его, когда он пригласил меня не на ту вечеринку, и не стала спать с Били, зато переспала с его старшим братом тем же летом.

Мои тщательные приготовления больше не работают.

Каждый раз, когда я думаю, что готова ко всем возможным сценариям, центр тяжести смещается, траектория движения изменяется, ядерное топливо попадает в бак и всё заканчивается тем, что я на бешеной скорости мчусь к очередной катастрофе, о которой и не подозревала, и уже ничто не может спасти меня от крушения на большую и мерзкую планету, словно из ниоткуда появившуюся на пути.

Как можно подготовиться к столкновению с невероятным?

Чем ближе мы к аббатству, тем знойней становится. По обеим сторонам дороги над пышными лужайками стелется туман. Такое ощущение, что мы попали на дорогу, ведущую в Изумрудный город, в котором нас поджидает вовсе не шарлатан, а невероятно могущественный, ошеломляюще опасный волшебник хаоса.

И хоть до рассвета ещё два часа, и, ради всего святого, это же Ирландия, я уже безбожно потею, а волосы липнут к лицу. Здесь гораздо жарче, чем в Дублине. Фонтан тут далеко не единственное новшество. Золотые изгороди, увитые черными розами, манят в свою тень, на мраморные скамейки. Подозреваю, запах цветущих бутонов действует опьяняюще на глупцов, завлечённых в эти беседки.

- Теперь у них есть камни, - говорит Драстен, разглядывая скопление, возвышающееся над туманной дымкой, словно огромные закаменелые пальцы, тянущиеся к небу.

- Не думаю, что они тут для красоты, - бубнит Кейон.

- Я тоже так не думаю, - соглашается с ним Дэйгис.

Кейон, темноволосая версия Лора, издает хриплый звук и указывает на два громадных черных мегалита. Думаю, они бы ладили с Лором. Этот хриплый голос и всё такое.

- Добавь верхнюю перегородку, и выйдет дольмен, - бормочет Риодан.

- В следующий раз, возьмем с собой отбойные молотки, - отвечает Бэрронс. - Хочу разрушить эти камни.

Согласна. Своими глазами видела, как Дэррок провел целую орду Темных через портал на 1247 ЛаРу в самое сердце Темной Зоны, прилегающей к КиСБ. Потом я попросила В'Лейна/Крууса разрушить его. Этот я тоже хочу разрушить, причем до того, как он будет завершен. Мало ли что может заявиться на нашу планету сквозь него.

Проходя мимо фонтана, я спрашиваю:

- Вы хоть понимаете, что это ловушка? План-то какой? Меня кто-нибудь просветит?

Этим вопросом я добила пристального внимания семерых мужчин.

- Не мог бы ты заткнуть её, - обращается к Бэрронсу Риодан.

Бэрронс отвечает ему холодным взглядом, который затыкает самого Риодана. Зуб дала бы за то, чтобы овладеть таким мастерством. Хотя не исключено, что такие навыки даются только таким, как они - обладателям длинных, нечеловечески острых зубов.

⁴⁵ImagineDragons/It'sTime

- Всё в толк не возьму, почему ты позволил женщине быть тут. Мы своими в сражениях не рискуем, - акцент Кейона такой сильный, что я с трудом понимаю, что он говорит.

- Расскажи об этом Колин, - мрачно отвечает Кристофер. - Она уже внутри.

Драстен недоуменно смотрит на него.

- Ты позволил ей прийти? Она уже внутри? Как?

- Если мы хотим спасти Кристиана от Ведьмы, нам пригодится любая информация. А эти женщины знают о Светлых не меньше нашего, о Тёмных и того больше. Колин присоединилась к новым ши-видящим неделю назад, чтобы проникнуть в аббатство и исследовать их архивы.

- К новой группе? Но как? - требую ответа я. - Она ведь не ши-видящая.

- Ты позволил ей? - вскрикнул Кейон.

- Не ори. Они могут нас услышать, - предупреждаю я.

- Сладенькая, они сами открыли нам ворота, - отвечает мне Фейд. - Они и так знают, что мы здесь. Вспомни. Это же ловушка.

- Попробовал бы ты её остановить, - говорит отец Кристиана, фыркнув.

- Так что там с ней, - не успокаиваюсь я.

- А что? - не сдаётся он.

- Она ши-видящая?

- У неё другие... способности.

- Какого черта эти Темные таскаются за тобой, девушка? - требовательно спрашивает Драстен. - Сначала я думал, они почему-то следуют за всеми нами, но стоит Бэрронсу отойти от тебя, и они тут же липнут к тебе словно мухи. Ничего не хочешь нам рассказать?

И снова я стала объектом пристального внимания всех семерых мужчин.

- Она утверждает, что это призраки убитых ею Темных, - сообщает Дэйгис.

- Что-то она темнит, - сухо добавляет Риодан.

- Отстаньте вы от меня, - раздраженно отвечаю я и придвигаюсь ближе к Бэрронсу, чтобы заполучить побольше личного пространства.

Мы продолжаем идти к аббатству молча.

Но спустя несколько мгновений я снова спрашиваю:

- Так какой у нас план?

- Дойти до центрального входа и войти внутрь, - отвечает Бэрронс.

- Это не план. Это самоубийство.

- Нас сложно убить, - сообщает Фейд.

- Не то что некоторых, - намекаю я. - Не уверена, что Келтары смогут так же легко вернуться в игру... - и когда четверо Келтаров смотрят на меня убийственными взглядами, прикусываю язык.

Я явно задела их гордость, хотя всего лишь пыталась напомнить моей команде, что козырной туз в игре со смертью достался им.

- Напомни мне, зачем ты взял её с собой? - спрашивает Дэйгис.

- Когда до нее, наконец, дойдет, в чем суть дела, она будет полезна не меньше остальных, - отвечает Бэрронс.

- Все было бы гораздо проще, если бы я знала, в чем заключается эта гребаная суть... - бормочу я.

- Кроме прочего, мы сможем использовать её Темных в качестве щита, - добавляет он.

А я до этого даже не додумалась.

Парадная дверь раньше была из дерева, обшитого сталью, теперь же это черный полированный обсидиан, испещренный древними рунами. Я уже видела их прежде.

Под аббатством, в темнице, где заточен Круус.

Дверь беззвучно отворяется.

Я иду вперед и останавливаюсь у порога, заглядывая внутрь, чтобы разведать обстановку, чтобы, так сказать, не нарваться случайно на мину.

Семеро мужчин проходят мимо меня, каждый их шаг по каменному полу отдается гулким эхо.

Я поспешно следую за ними. Ну, почти поспешно. Мгновение я любуюсь бесстрашием их походки, расправленными решимостью никогда не сдаваться плечами, и это укрепляет мою веру в себя, укрепляет мою решительность. Я должна соответствовать планке, так высоко установленной этими мужчинами. Им всем приходится бороться с собственными демонами. У них получается.

Получится и у меня.

В огромном прямоугольном зале с таким высоким потолком, что видны балки перекрытия, у трёх стен - огромные камины, размером с целую комнату, от них веет жаром и в без того теплое помещение.

По потертым и выцветшим диванам разбросаны рукодельные подушки и вязаные покрывала, полы утеплены старинными коврами, на стенах - антикварные гобелены. На столах с расставленными вокруг стульями лежат раскрытые книги и стоят запотевшие стаканы с холодными напитками.

Но комната пуста.

- Куда, черт подери, все запропастились? - ворчит Дэйгис.

- Тихо. Кто-то приближается, - отвечает Бэрронс.

Я слышу приближающиеся шаги лишь через несколько секунд. Вот бы моему монстру иметь такие же сверхъестественные способности.

«Зато мои способности могут перенести тебя с этой жалкой планеты, и ты будешь править вселенными. Но ты отказываешься от них. Прими свою судьбу, и мы уничтожим принца, прежде чем покинуть эту планету. Это будет нашим прощальным подарком.»

Ага. Ни одна из Синсар Дабх не пожалеет мою планету. Батюшки, стоило лишь подумать об этом, и она тут же засуеилась. Я тихонько цитирую По, наблюдая за четырьмя женщинами, входящими в помещение. С облегчением замечаю, что они из наших. Не так давно я сидела с ними за одним столом.

Группу возглавляет Джози, худенькая темноглазая девушка с платиновыми волосами и готическим макияжем, за ней следует Шауна, миниатюрная зеленоглазая брюнетка с милой улыбкой, и близняшки Клэр и Сорча МакСвинни. Они приходили вместе с Кэт на встречу со мной в пабе, после того как Ровена отправила группу девушек отобрать мое копьё. У них ничего не получилось. Тогда я случайно убила ши-видящую. Мойру. Я не забываю имен, убитых мной людей. Ловлю себя на том, что инстинктивно тянусь к копьё, и вовремя останавливаюсь. Только комментарии Книги мне не хватает, да ещё и в непосредственной близости от её копии, когда вокруг так много беспомощных людей.

- Зачем ты привела Темных в наши стены, Мак? - сурово интересуется Шауна.

Я вздыхаю.

- Это не я. Они... - черт, как ей объяснить? Я выпаливаю: - Я пыталась сделать заклинание, но кое-что пошло не так, и теперь они ходят за мной по пятам, - я сама чуть глаза не закатила. В жизни не использовала такую нелепую отмазку.

Дэйгис кидает на меня многозначительный взгляд.

Риодан смеется.

- Они безобидные, - продолжаю я. - Они даже никого не убивают. Просто преследуют меня.

- Нет таких Темных, которые не убивают, - холодно отвечает Джози.

Сорча проходит мимо меня, изучая их с безопасного расстояния, и удивляет меня, говоря:

- Не уверена, что они Темные, Мак.

- И кто же они тогда? - спрашиваю я, нахмурившись.

- Не знаю, но они какие-то...другие.

Это объясняет, почему я не могу их обнулить, но не объясняет, почему мои чувства ши-видящей определяют их как Темных. Они ведь определяют? Или это очередное мое предубеждение, основанное лишь на том, что они выглядят как Темные. Я поняла, что даже не пыталась вслушиваться в их щебетание, чтобы определить, к какой из каст принадлежит их темная мелодия. Но сейчас мне не до этого.

Бэрронс нетерпеливо вмешивается:

- Какая нахрен разница. Они преследуют ее. Где та, что держит вас в заложницах?

Смех Джози очень неприятный.

- С чего это вы решили, что нас держат в заложниках? Она наша спасительница!

- Спасительница? - повторяю я.

- Да. Спасительница. И нам не нужна твоя армия, Мак. У нас всё прекрасно. Так что можете уходить. И Темных своих заберите.

- Говорю тебе, - повторяет Сорча, - они не Темные.
- У нас всё было бы ещё лучше, если бы мы знали, что с Кэт всё в порядке, - продолжает Клэр.
- И с Дэни, - добавляет Шауна. - Пропали двое из наших лучших.
- Дэни не одна из лучших, - резко отвечает Джози. - Она наше уязвимое место, сорвиголова, ребенок. А Кэт... Сама видишь, до чего она нас довела.

Джози и сама выглядит не намного старше Дэни. А Кэт помогла им выжить.

Клэр не соглашается с ней:

- Как ты можешь такое говорить, когда именно Дэни с Риоданом спасли нас от Ледяного Короля?

- Но они не спасли нас от Круса, - отвечает резко Джози. - Это сделала Джада.

Я прищуриваюсь.

- Кто такая Джада? - так зовут мистическую воительницу, их новую предводительницу? - И что значит, что у вас всё в порядке? Здесь полный беспредел. Тут явно правит...

- Нет, не правит. Уже нет, - обрывает меня Джози. - С тех пор как появилась она.

- Джада? - сухо предполагаю я.

Готка-худышка складывает руки на груди и задирает нос, глядя на меня сверху вниз.

- Ага, она освободила нас из этой тюрьмы. Когда исчезла Кэт, изменения усилились. Двери и окна закрылись, поймав нас в ловушку. Но Джада знает толк в его рунах. Она смогла открыть их. С тех пор, как она появилась, все изменения остановились. Полностью.

- Да ну, - с насмешкой говорю я, - а отчего тогда свет горит без лампочек, каминны пылают без дров или другого топлива, вокруг цветут фэйрийские цветы, и по владению разбросаны монументы? И всё это за каменной стеной, которой тут не было ещё три недели назад.

- Я сказала, что она остановила изменения. А не отменила их. Пока, - добавляет она с фанатичной верой новообращенного.

- Где Колин? - требовательно спрашивает Кристофер.

- Ты должно быть её отец, - отвечает Клэр. - Она твоя копия. Сказала, что, если не пошлет весточку в скором времени, ты объявишься. Она с группой женщин в Красной библиотеке изучает наши древнейшие книги. Темный Принц или нет, но твой сын пожертвовал собой ради нас, и мы поможем тебе вернуть его обратно. Джада согласилась, что это наш приоритет.

Её последние слова задели меня неопишимо.

- Одна из ваших сбежала и рассказала нам, что аббатство захвачено, и трое ваших убито.

Они покорились захватчице и позволяют ей определять приоритеты. Как быстро они позабыли Кэт.

- Мы не сразу поняли, что происходит, это правда, - отвечает Шауна. - И с обеих сторон были потери. Но мы быстро осознали, какую ценность представляет Джада

- Она прирожденный лидер, - гордо сообщает Джози. - Она ничего не боится. Никогда прежде не встречала никого с таким непредвзятым взглядом на вещи. Она планирует и действует, и её планы приводят к конкретным и молниеносным результатам. Ты хоть понимаешь, сколько времени мы потеряли? Боясь собственной тени! Ты и представить не можешь, чего она достигла за то короткое время, что провела здесь. Я готова идти за ней хоть на край земли.

Сорча согласно кивает.

- Мы не первая группа ши-видящих, которая к ней присоединилась. Те, что прибыли в аббатство вместе с ней, рассказали нам, что потеряли своего лидера несколько недель назад. Джада нашла их, когда они слонялись по Дублину в раздумьях о возвращении домой. Она отговорила их.

- Вы хоть знаете, откуда она взялась? - требовательно спрашиваю я.

Джози с насмешкой смотрит на меня.

- Какая разница? Она самая могущественная из всех ши-видящих. Даже тебе далеко до неё, копьё должно быть у неё, а не у тебя. Они нас обучают. Боевым искусствам и владению оружием. Учат сражаться.

Я не тянусь к нему. Копьё у меня под рукой. Там оно и останется.

Глубоко внутри меня Книга рисует мрачные, холодные картины мучений и проклятий, предлагая всевозможные виды силы.

Они мне не нужны. Сама разберусь.

- Кэт смогла уберечь нас до сих пор. Но в будущее нас поведет Джада, - говорит Шауна.

Я смотрю на Бэрронса. Он неподвижно наблюдает и обдумывает. Мы пришли свергнуть захватчика, но она не оказывает нам сопротивление, и выясняется, что аббатство добровольно приняло её.

И хочет, чтобы она осталась с ними.

Типа, она лучше Кэт.

Кем бы эта Джада не была, я ни грамма не доверяю ей.

- Немедленно приведите её к нам.

Джози снова задирает нос:

- Мы проинформируем Джаду, что вы хотите встретиться с ней. После того, как Мак и её Темные покинут наш дом.

Семеро мужчин проносятся мимо неё так быстро, что её платиновые волосы взлетают в воздух. Один из них, наверное, толкнул её локтем или кулаком - готова поспорить, это был Бэрронс - потому что она упала на диван, перекатилась через него и свалилась на пол.

Я вместе со своим сопровождением, кем бы они ни были, нахмурившись, следуя за мужчинами.

Когда мы добрались до крыла, в котором жила Ровена – уверена, именно там и обосновалась эта Джада, считая, что утверждает этим свою власть, словно это Овальный Кабинет⁴⁶ - наша группа сократилась до Бэрронса, Риодана и меня.

Горцы настояли на том, что в первую очередь заберут Колин из Красной Библиотеки, а затем проверят темницу Круса. Риодан, не доверяя никому, настоял на том, чтобы Фейд сопровождал их. Клэр и Сорча, догнавшие нас к тому времени, настаивали на том, чтобы мы, прежде чем спускаться в подземелье, попросили разрешение у Джады, а когда мужчины снова прошли мимо них, не знали, куда им кидаться в первую очередь, но, в конце концов, отправились вслед за ними. Я помалкивала всё это время, обдумывая, как бы отбрехаться, если они захотят, чтобы я спустилась туда, где Круса удерживает липкая силовая паутина, в которую я и сама могу попасть.

По мере приближения к покоям Ровены, тускло-серый каменный пол сменился сначала на слегка мерцающий, словно припорошенный серебристой пылью камень, и в конце концов на сплошное золото с символической гравировкой и драгоценными камнями, мерцающими темным пламенем, инкрустированными вдоль стен

Риодан внезапно останавливается.

- Что случилось?

- Мак ты что-то чувствуешь.

Я тянусь своими чувствами ши-видящей, испытующе.

- Например?

- Я чувствую то же, что и в тот вечер в клубе, когда тебе следовало убить Темную Принцессу.

- Ты не уточнял, что я должна была её убить, - с раздражением напоминаю я. - И ты не ши-видящий, как же ты можешь это чувствовать? - я кошусь на Бэрронса. - Ты что-нибудь чувствуешь?

Он один раз качает головой, глядя на Риодана, который на время замирает, а потом произносит:

- Ладно, забудь.

Но по его виду не скажешь, что он забыл. Его явно что-то тревожит. Я снова тянусь своими чувствами, исследуя, но так ничего и не нахожу. Склоняя задумчиво голову, я разглядываю своих преследователей, держащихся неподалеку. Слева, справа, позади.

Ничего не чувствую ни в одном из направлений, не считая подземелья. Так что же они такое?

Покои Ровены состоят из полудюжины комнат: спальни, по-королевски обставленного кабинета, двух библиотек, большой, дивной ванной комнаты со старинной огромной ванной на ножках, и контрастно мрачной, неудобной приемной, по типу тех, что можно встретить в кабинетах врачей. Однажды я смогла порыскать у неё, но не так обстоятельно, как бы мне того хотелось. Подозреваю, за этими заколдованными панелями и половицами секретов больше, чем крупниц в песочных часах. А сколько раз мы с Дэни вламывались в двойные французские двери лишь для того, чтобы обнаружить, что сердитая грандмистрисс уже поджидает нас.

⁴⁶Овальный кабинет (англ. Oval Office) — рабочий кабинет президента США в Белом доме.

Вот и сегодня не вышло явиться незамеченными. Как только мы завернули за угол, увидели четырёх вооружённых женщин на страже у дверей.

Они впечатляют. Понятно почему аббатство их приняло, у них и выбора-то не было. Ровена не тренировала своих ши-видящих, ей было выгодно, чтобы они оставались слабыми и беспомощными. Женщины Джады вооружены до зубов, сжимая автоматы, они бесстрастно смотрят на то, как мы приближаемся, крепкие тела и уверенная выправка выдают в них военных.

Встретить я их на улице, они бы мне понравились. Очень. Сильно уважаю наших военных, мужчин и женщин, безымянных героев, оберегающих наш покой.

Но мне не нравится, что они преграждают вход в эту дверь.

Эти покои принадлежат Кэт, а не какой-то самозванке, чьи преданность и намерения подлежат сомнению.

Они осматривают нас, уделяя особое внимание Темным за моей спиной, но остаются безмолвными. Если им, чтобы добраться сюда, пришлось пересечь континенты, они и не такое видели. Господи, если они служили за океаном, то побывали в аду.

Они слажено поднимают автоматы, направляя их на нас.

- Она не принимает посетителей, - отрезает высокая женщина с короткими темными волосами, высветленными на концах.

Я отступаю, укрываясь среди роя своих Темных, словно пчелиная матка. Мне понравилась идея с живым щитом. Я практически обнимаю этих вонючек. Меня, может, и сложно убить, и даже глотку как-то перерезали, но, уверена, автоматная очередь - жутко болезненное ощущение.

Бэрронс и Риодан внезапно исчезают из вида. Иногда я забываю, что они могут стать буквально невидимыми, слиться с окружающей средой, а потом объявиться без предупреждения.

Раздаются выстрелы, оружие взлетает и ударяется о стены, выпуская пули рикошетом. Я устраиваюсь среди своих пчелок, из-за их капюшонов наблюдая за короткой потасовкой, которая заканчивается тем, что на полу лежат без сознания четыре женщины. Бэрронс распахивает двери.

Когда я переступаю их, темноволосая женщина молниеносно хватается за ногу и валит на пол.

Бэрронс тут же налетает на неё, но я всё-таки падаю на спину.

И что-то странное происходит со мной, когда я падаю. Я вижу свой номер в отеле Кларин, время будто замирает, и я словно нахожусь в двух местах одновременно.

Падаю на спину в аббатстве.

И в то же время падаю вперед в тесной гостиничной комнатке.

Бэрронс смотрит на меня сверху вниз, нейтрализуя нападающую и пытаюсь поймать меня.

И в то же время он тот, кто толкает меня на пол в гостинице.

Здесь я одета.

В отеле Кларин я без джинсов, прохладный воздух обжигает мою голую задницу.

Я падаю на пол аббатства так сильно, что у меня клацают зубы. Я встряхиваю головой, моргнув.

Что за хрень?

Я возвращаюсь к реальности.

Я в аббатстве, всего лишь в аббатстве.

Хмурясь, я поднимаюсь, наблюдая за тем, как Бэрронс и Риодан оттягивают женщин в комнату дальше по коридору.

- Пришло время встретиться с Джадой, - Бэрронс произносит её имя с пренебрежением и ненавистью, которые я полностью разделяю.

Я встаю на ноги, с беспокойством разглядывая его, пытаюсь понять, что именно только что произошло. Единственный раз, когда он был в моем номере в Кларин, был тем вечером, когда он пришел, чтобы попытаться вынудить меня вернуться домой. Мы спорили, он схватил меня, но отпустил. На следующий день у меня болело всё тело.

Я хмрюсь всё сильнее.

Помню, тогда мне показались странными те синяки на ребрах, ведь он сжимал меня больше спереди под грудью, и я несколько дней не могла носить лифчик. Но болели то у меня не только ребра. У меня ныли бедра. И задница. Я думала, что отсидела её за время длительного перелета. До этого так далеко я не летала и не ждала так долго пересадок на жестких скамейках аэропортов. Я

чешу голову, глядя на него. Такое ощущение, что я пытаюсь собрать пазл из половины фрагментов, а у меня даже картинки на коробке для образца нет.

Он многозначительно смотрит на меня.

- Вы ударились? В чём дело?

Я всматриваюсь в его лицо, заглядывая в свою память, пытаюсь сопоставить свое видение с теми воспоминаниями, которые у меня сохранились о том вечере.

Что-то не сходится.

- Шевелись, твою мать, Мак, - вмешивается Риодан.

Я просто не в состоянии объяснить, что творится, поэтому, ради исключения, молча повинуюсь ему.

- Смотри не привыкай, - бормочу я.

Мы входим в спартанскую приёмную и направляемся к следующим двойным дверям. Я собиралась предложить остановиться и прислушаться, чтобы понять, что ожидает нас за ней, но Бэрронс пинает её с такой силой, что дверь, раскрываясь, отлетает и, ударяясь о стену, раскалывается пополам.

Раздаются женские крики, но мне ничего не видно из-за спин Бэрронса и Риодана.

Молча, я захожу в комнату, чувствуя себя... бесполезной. Может, я и обладаю уникальными дарами ши-видящей и, бесспорно, могу постоять за себя, если мне, конечно, не мешают мои призраки, но Бэрронс и его люди быстрее, сильнее и гораздо безжалостней.

Раньше самой моей востребованной способностью было то, что я могла чувствовать Синсар Дабх, но теперь этот навык бесполезен. Раньше я была лучшей из лучших по уничтожению Темных, а теперь даже не прикасаюсь к своему копы, чтобы не дать возможность монстру вырваться наружу. Вот и возникает вопрос: что особенного есть во мне, чего нет у других ши-видящих? Вынужденное бездействие заставляет меня частенько задумываться над этим.

«Я. И поэтому ты сильнее их всех вместе взятых,» - вкрадчиво отвечает мой демон.

Вместо того, чтобы сопротивляться приступу неуверенности, вызванному комментарием Книги, вздохнув, я возобновляю свое мысленное декламирование.

Меня злит, что я ничего не вижу, поэтому я проталкиваюсь между мужчинами, и мне на мгновение открывается вид на десяток вооруженных женщин, окружающих одну, стоящую в центре за резным столом Ровены. Бэрронс тут же отпихивает меня назад и рычит:

- Оставайся на месте.

Его глубокий голос вновь возвращает меня в состояние раздвоенной реальности.

«Оставайся на месте, - рычит он, в моем номере в Кларин. - Я хочу тебя в такой позе.»

«Но ты сказал, я могу...»

«Можешь, но позже.»

«Ты не забыл, что это ради меня? Ты же сам так сказал. Я знаю, чего хочу, и хочу я этого немедленно.»

Я задерживаю дыхание. Что-то пытается вырваться наружу из темной воды моего подсознания, встречая сопротивление, словно груз тянет его назад ко дну; словно этому пловцу суждено навечно оставаться в той темной пещере.

Вот только... камень, блокировавший проход сместился... открыв его, высвобождая фрагменты памяти, которые словно головастики рвутся к поверхности моего сознания.

- Она сказала, что не принимает посетителей, - резко произносит женщина.

- Опустит хреново оружие, пока я не засунул его тебе в глотку, - приказывает Бэрронс.

- Отступите, и мы отпустим вас, - парирует она. - Не приближайтесь.

- Попытайтесь остановить меня.

«Попытайтесь» отдается эхом в моем сознании. В альтернативной реальности я слышу, как он говорит мне: «Ну что ж, мисс Лейн, попытайтесь.»

- Отступите от неё, - рычит Бэрронс. - Покажись, Джада.

- Сами отступите, - отвечает женщина. - Что вы прячете? Покажите немедленно!

«Двигайся, ублюдок,» - рычу я в Кларин.

- Вы уйдете немедленно, - раздается новый монотонный голос.

Бэрронс смеется.

- Я уйду только тогда, когда буду готов, черт возьми.

«Только когда я буду готов.» И в моем тесном номере Бэрронс сжимает мои ребра.

- Джада, она здесь. Они принесли её с собой! - кричит одна из женщин.

- Вам здесь не рады. Я не вмешиваюсь в ваши дела. Не вмешивайтесь и вы в мои. Иначе пожалеете об этом, - произносит тот же монотонный голос.

В обеих реальностях у меня внезапно начинают болеть ребра. Из-за спин Бэрронса и Риодана мне удастся рассмотреть прекрасную женщину, её длинные волосы собраны в высокий хвост, ниспадающий до поясницы.

Но она отходит на второй план, когда видение поглощает меня, я снова вижу только спину Бэрронса.

А потом только его лицо, потому что сам он распластался надо мной. Большой и сильный.

Образы атакуют меня, врываясь в сознание один за другим, и я закрываю глаза, морщась.

Бэрррнс расстегивает мою ширинку.

Мы заключаем сделку: если я не мокрая, то секса не будет.

А если мокрая, то будет.

Я мокрая. Я очень мокрая, черт возьми. Никогда я такой мокрой еще не была.

Он прав. Со старшим братом Били Джеймса, и со всеми остальными до него самого, после того, как все кончалось, я не могла понять, к чему была вся эта возня

Он прав: если секс «нормальный», то он недостаточно хорош.

Я смотрела на него той ночью и знала, что, как только прикоснусь к нему, мой мир и моя душа уже никогда не будут прежними, он изменит меня, и от секса с ним у меня просто снесет крышу.

У меня умерла сестра.

Это разбило мне сердце.

Жизнь казалась мне абсолютно бесполезной и бессмысленной.

Мне нужна была встряска.

Вот я и оказалась на полу, а его огромное, тяжелое, прекрасное тело - надо мной. В пылу страсти, которой я сама от себя не ожидала, я хватаю его за пояс, быстро расстегиваю молнию, чувствую, как он входит в меня. И рычу, откинув голову.

Боже, я живая. Чертовски живая.

- О, боже мой, - выдыхаю я: - мы занимались сексом в ту ночь. Всю ночь напролет. Я даже толком не знала тебя, и ты мне совершенно не нравился.

- Вот черт. Только не сейчас, - бормочет Бэрронс.

- Джада, они освободили ее!

- Ты уверена? - спрашивает холодный монотонный голос.

- Да, постойте... Нет, это... Подождите, да... Какого черта?

- Я хочу видеть Джаду, - гремит голос Риодана. - Убирайтесь прочь с моего пути.

«Прочь с моего пути» отдается эхом. В Кларин Хаусе Бэрронс произносит: «Я даю вам время до девяти вечера завтрашнего дня, чтобы убраться к дьяволу из этой страны и с моего пути.» А затем он наклоняется надо мной и шепчет древние слова голосом, который звучит как тысячи голосов.

Здесь, в аббатстве, я замираю.

Он не делал этого.

Он не стал бы.

Некоторые вещи священны. Пока ты не начинаешь пренебрегать ими.

- Ты применил ко мне Глас, - мои губы немеют, а язык будто распухает. - Ты стер мне память.

- Сейчас совсем не время для всего этого, мисс Лейн, - кратко сообщает Бэрронс.

- Время для всего этого, - недоверчиво вторю ему я. - Для этого никогда не будет подходящего времени.

- Да, Джада, я уверена, - быстро говорит женщина. - Они освободили ее!

- Бриджит, собери все необходимое и сразу же возвращайся с ними обратно, - отдает приказ все тот же холодный и спокойный голос. - Приведи Сорчу и Клэр.

- Не делали мы этого, черт возьми, - резко отвечает Бэрронс. - И я сказал, что мы обсудим это позже, мисс Лейн.

Бэрронс и Риодан исчезают и появляются вновь уже среди группы вооруженных ши-видящих, и снова оружие взлетает в воздух. Мне, наконец-то, больше ничего не заслоняет обзор! Над неясными очертаниями потасовки раздаются звуки ударов и дикие женские вскрики. И в скором времени около десятка женщин лежат на полу, с кровоточащими носами или заплывшими глазами, одна из них прижимает к себе явно сломанную руку. Их оружие лежит бесполезной грудой металла у дальней стены.

Риодан неподвижно стоит среди распластавшихся по полу ши-видящих, словно статуя, не сводя взгляда с женщины, которая видимо и является той самой Джадой. Он издает звук, напоминающий приглушенный взрыв. Никогда не слышала ничего подобного ни от кого из девятки. Это резкий вздох переполненный изумлением и... мукой.

Я не в состоянии постичь, что могло вызвать подобную реакцию у этого бесчувственного и сдержанного мужчины. Поэтому, обуздав свои эмоции: чувство предательства, шок, ужас, замешательство и с трудом сдерживаемую ярость, я подхожу поближе, чтобы лучше рассмотреть то, что приковало его внимание.

Она моего возраста или чуть моложе, высокая, со сногшибательным телом, стройным, подтянутым и соблазнительно изогнутым во всех нужных местах, но то, от чего просто невозможно отвести взгляд, это ее глаза. Они словно изумрудный лед. От ее холодного взгляда, сфокусированного на мне, меня кидает в дрожь, а меня сложно испугать.

Опустив глаза, я обнаружила, что взгляды всех женщин в комнате, включая Джаду, обращены ко мне.

С опозданием до меня доходит то, о чем они переговаривались, пока мой мир рушился.

Видимо, «заезжая команда» не такая уж и «слабая». И моя способность чувствовать Книгу не такая уж и редкая. Очередное доказательство того, что я вовсе не исключительна.

- Черт, черт, черт, - бормочу я.

- Синсар Дабх у неё! - кричит брюнетка в зеленом камуфляже, поднимаясь на ноги. - Хватайте ее!

- Черт. Меня. Подери! - произносит Риодан.

Женщины вскакивают и бросаются на меня.

Бэрронс загораживает меня собой, словно он - мой личный щит.

- Только через мой труп.

- Такое уже не раз бывало, - безучастно произносит Джада, - И еще не раз произойдет. Так ваш вид устроен, не так ли.

- Черт. Меня. Подери, - снова повторяет Риодан.

- Поверить не могу, что ты сделал это со мной, - оторопело говорю я.

- Дэни, - шепчет Риодан.

- Сейчас нахрен не время для всего этого. Это касается вас обоих. Я сказал, что мы обсудим это позже, мисс Лейн. Риодан, мы обязательно найдем ее, - Бэрронс рычит. - Сосредоточьтесь.

- Я сосредоточена, - отрезаю я. - Прости уж, нахрен, что именно в этот момент я вспомнила то, что ты украл у меня.

- Легко украсть то, что плохо лежит, - огрызается он резко и враждебно.

- Мы уже сделали это, - осторожно говорит Риодан.

- Что сделали? - раздраженно спрашиваю я, совершенно его не понимая. Я не успеваю следить за происходящим. Я торможу и ничего не воспринимаю.

Мне стоит бежать. Я в аббатстве. И они знают, кто я. Они запрут меня. Рядом с Круусом.

- Нашли Дэни, - отвечает Риодан.

- Что ты там гонишь? - орет на него Бэрронс.

- Кто вообще использует слово «гонишь»? - как я могла забыть? Конечно, тот, кто ворует чужие воспоминания.

- Я не гоню.

- Объяснись нахрен уже, - рычит Бэрронс.

Четко выговаривая слова, Риодан произносит:

- Джада это Дэни.

Часть II

Я углубляюсь в себя и превращаюсь в ту, другую себя, о которой никому не рассказываю.

Превращаюсь в наблюдателя.

Ей неведом голод и усталость мышц от долгого сидения в клетке.

Она не Дэни.

Она может выдержать все? что угодно, ей неведомы чувства.

И видит все так, как оно есть, ни больше ни меньше.

Ее сердце не разбивается каждый раз, когда мама уходит.

Она выживет любой ценой.

Я не часто углубляюсь в себя и выпускаю её, потому что однажды я застряла, а она, вырвавшись на волю, такого натворила...

Боюсь, что однажды Дэни может просто не вернуться.

- Из дневника Дэниэль О'Мэлли.

Глава 22

Я жил за стеной и был так одинок⁴⁷

Кэт

С тех пор, как пять дней назад Риодан запер меня в утробе своего клуба, я не слышала ни чужих голосов, ни чужих эмоций.

Я должна волноваться. Должна переживать. Должна тарабанить в дверь, требуя освобождения, но в этих комнатах я впервые за свое существование испытала покой.

В отличие от первой комнаты, все остальные меблированы. Их четыре: спальня с ортопедическим матрасом, им, судя по его нетронутому виду, до моего появления никто не пользовался; ванная комната с большим и мягким ливневым душем; и кухня с запасами еды и напитков, которая наряду со обличающими словами Риодана указывает на то, что он уже давненько планировал отправить меня сюда.

Четвертая и последняя комната самая большая. Это ультрасовременный тренажерный зал со стенами, увешанными зеркалами.

Кастео не произнес ни слова.

Я тоже.

Эти пять дней я провела, прислушиваясь к себе и своему нерожденному ребенку, ведь меня впервые в жизни ничто не отвлекает.

Кастео лежит на полу.

Встает, тренируется.

Периодически принимает душ.

Он не разговаривает, и я не видела, чтобы он ел. Возможно, он готовит, пока я сплю. Если это так, то грязной посуды он не оставляет.

А у меня прорезался зверский аппетит. Ем за двоих.

Я превратилась в гедониста: сплю по десять часов подряд, позволяю себе по долгу принимать душ, закрывшись в ванной, готовлю себе блюда из мяса и картофеля, и снова из мяса, я изголодалась по нему за прошедшие месяцы.

Ничто и никто не беспокоит меня здесь. Ни эмоции, ни голоса, ни соблазнительный темный принц.

Эти пять дней и ночей изменили меня.

⁴⁷ Dire Straits/The Man's Too Strong

За этот единственный в моей жизни неожиданный и короткий отпуск от этого мира я поняла, в чем состоит моя проблема.

Я никогда не могла полностью закрыться от чужих эмоций, потому что не знала, что такое настоящая тишина. Теперь я поняла, что бесполезно стремиться к тому, о чем не имеешь ни малейшего представления. Не нарисовать слепому небо, солнце и облака.

Теперь, когда я знаю, что такое внутренний покой, что он реален, и где его искать, смогу обрести его и на неистовых дублинских улицах, в аббатстве и даже в переполненном акулами Честере.

Мужчина, которого я не ощущаю, привел меня в благословенно тихое убежище другого мужчины, чьего присутствия я также не чувствую. Он сделал мне самый неоценимый в моей жизни подарок: время и место, где я могу глубоко вздохнуть, исследовать свой внутренний мир, постигнуть свои сильные стороны, которые помогают мне жить, и изучить слабые, которые разрушают меня.

Понятия не имею, зачем ему это. И почему мужчина, которого сложно назвать добрым, проявляет ко мне такую доброту.

Он помог мне найти то, к чему я всегда стремилась. Священное место внутри, что принадлежит мне одной. И теперь, находясь в самом эпицентре бури, я могу оставаться невредимой, неуязвимой для острых и огромных обломков, пролетающих мимо.

Он запер меня не для того, чтобы мучить, а чтобы дать то, чего я так отчаянно жаждала.

Он обескуражил меня. Заставил сомневаться во всем, что я о нем знала. Прокручивая в памяти наши с ним разговоры, я поняла, что мужчина, которого я считала в меру сообразительным манипулятором, способным принести лишь вред и разрушение, оказался невероятно сообразительным манипулятором, который точно знает, как исправить то, что исправить нужно. Он видит всё словно с высоты птичьего полета и способен на жесткие, каталитические действия. И те из нас, кто на такое не способен, опрометчиво считают его бессердечным ублюдком.

Но зачем ему всё это нужно?

Одно из двух: либо ему ради какой-то цели нужны те, кому он помогает, либо, насколько бы невероятным это не казалось, ему безразличен этот мир и люди, населяющие его.

Зачем тогда ему нужен Честер, этот рассадник порока?

Хотя... Места лучше для того, чтобы отделить зерна от плевел, сыскать трудно.

Даже я понимаю, что в военное время невозможно спасти каждого. Ради всего святого, это невозможно и в мирное время. Неужели этот ночной клуб - его винокурня, где он отбирает лучшие сорта винограда, заполняя свой погреб самыми сложными и интересными винами и самыми крепкими и потрясающими сортами виски?

И он считает, что я представляю ценность.

Гораздо легче поверить в то, что ему от меня что-то нужно, хотя я даже представить не могу, что именно.

Я жажду проверить себя, испытать эмоциональное потрясение. Понять, смогу ли я сохранить свой новообретенный баланс.

Да, я заужала мужчину, который привел меня сюда.

«Ты пробудешь с ним до тех пор, пока я не решу, что ты получила то, за чем пришла,» - сказал он.

Конечно пробуду. Ведь я пришла сюда за силой, не желая платить за её обретение непомерную цену. И если Риодан человек слова, то уходя отсюда, я буду её иметь.

Пробуду здесь столько, сколько понадобится, чтобы достичь своей цели.

Придя к нему тем вечером, я уже смирилась с тем, что толку от меня в аббатстве никакого. Я осознала, что не ровня Ровене спустя неделю после её смерти. Но Марджери пускала яд, и Синсар Дабх создавала проблемы. Я была нужна своим сестрам, поэтому продолжала сражаться изо всех сил. Я была безоружной и неспособной на хитрость и уловки, которые иногда так необходимы в этом деле.

Никчемный из меня был лидер.

Потому я и не тарабаню в дверь, взывая о спасении.

Спасение мое лежит, растянувшись на полу и смотрит в потолок. На нем черные камуфляжные штаны, его крепкое тело покрыто татуировками. Он хранит молчание.

Риодан привел меня сюда, чтобы одарить безмолвием.

И понимая, насколько он умен, предполагаю, что ещё и для того, чтобы отобрать безмолвие у этого мужчины.

Что такого могло произойти, что он уже тысячу лет не разговаривает? Я с трудом представляю и до сих пор поверить не могу, что возможно жить так долго.

Каково это, будучи безразличным к этому мужчине, понимать, что он ушел в себя? Видеть его каждый день, но не иметь возможности общаться? Знать, что он может, но не хочет разговаривать с тобой? День изо дня быть с братом по оружию, до которого можно дотянуться, но которого нельзя достичь.

Риодан приказал этому безмолвному мрачному мужчине стать моим наставником.

Но подчинится ли он?

Мне нужны инструкции, чтобы упрочить мой новообретенный центр. Мне нужны тренировки, дисциплина и сила. Без них я отсюда не уйду.

Я прислонилась к стене и принялась снова его изучать. Я этим уже почти неделю занимаюсь. Он не то, чтобы в кататоническом ступоре, он просто не общается ни с кем из окружающих.

- Кастео, я перестала чувствовать боль мира. Помоги мне научиться блокировать чувства окружающих. Научи меня сражаться, - обратилась я к тому, кто перестал жить тысячелетие назад. - Научи меня жить.

Мужчина, который целую неделю смотрел в потолок и игнорировал мое присутствие, медленно повернул голову и посмотрел на меня.

А затем снова перевел взгляд на потолок.

Глава 23

*Длится череда ночей в ожидании света,
что никогда не наступит⁴⁸*

Кристиан

Мне четырнадцать. Я, наконец, достаточно взрослый, чтобы впервые войти в круг стоящих камней. Бан Дрохад, или Белый мост (так называются камни), когда-то служил мостом сквозь время для подходящего Келтара и по подходящей причине. Но мой клан злоупотребил этим даром, и даровавшая его Королева Светлых забрала его.

Но камни все еще хранят древнюю силу. Лишь один путь закрыт для нас.

Я стою со своим отцом и дядями между двух костров нашего великого майского празднования, и переполненный торжественной гордости готовлюсь помочь им вступить в сезон возрождения, посредством ритуала и песнопения.

Наши женщины, не уступающие по силе мужчинам, собираются вокруг. Они одеты на старый манер: в яркие юбки, кружевные блузы и с босыми ногами - в честь предстоящего праздника, в котором принимает участие вся деревня, раскинувшаяся у подножья нашей горы.

Ночное небо черное и кристально чистое, со сверкающими на нем тысячами звезд, что сияют словно бриллианты, разбросанные на норковой шубе. Бриллианты.

«Я хочу девчонку, чей ум, как бриллиант...»

- Дэни, - шепчу я потрескавшимся от недостатка воды губами. Я чувствую вкус крови, она бурлит в моем горле, удушая. Боль пронзает ребра, живот и пах.

«Сосредоточься.»

Еще не начал цвести вереск, и, хотя трава еще не оправилась от неожиданно морозного апрельского поцелуя, распустились желтые майские цветы, которые можно встретить повсюду: на дверях и окнах, на скотном дворе, на шеях и в волосах наших женщин, вокруг камней.

⁴⁸ Linkin Park/A Light That Never Comes

Мой отец и дяди вселяют в меня трепет, дразнят меня, побуждают, учат. Я хочу быть похожим на них: широкоплечим, всегда готовым посмеяться, со стальным стержнем и преисполненным несравненного мужества.

«А стояла она того, чтобы умирать из-за неё снова и снова? Ты пожертвовал собой, чтобы она могла защитить тех овец. Гребанных овец. Ты уже не пастушья собака. Теперь ты бешеный волк.»

Я сдался, чтобы видеть её сияние, поскольку знал, что сделает с ней гибель стольких любимых людей. Это загасило бы свет в её глазах. А я хочу видеть, как она спасает мир и чувствует себя на его вершине.

Я резко вдыхаю. Споткнулся просто, когда, проходя между моих дядей, получил по невнимательности локтем в живот. Всего-то.

Здесь Тара - дочка нашей экономки и лучшая подруга Коллин. Позже вечером мы группой пойдем на полуночное купание в озере, где будем визжать от холода после погружения. Я постараюсь не пялиться на мокрую блузку Тары, когда она выйдет из воды, но, блин, эта девушка растет в нужных местах, поэтому, вопреки доброй воле, я всё равно буду пялиться. Она как всегда найдет меня своим сверкающим взглядом, откинёт копну огненных кудрей, поймает кончик своего розового языка губами и улыбнется.

Рядом с ней стоят Джейми, Куинн и Джона - внуки пожилого, обедневшего МакБина, год назад потерявшие родителей в автокатастрофе. Это их первый Белтайн без них. Они ужинают у нас почти каждый вечер, ведь еды в нашем доме больше, чем у них. И пусть они и одинокие, но они не одни. Старый МакБин получил травму лет десять назад и теперь ходит с тростью, питаюсь лишь тем, что дает земля.

Я осматриваюсь, улыбаясь, преисполненный планов. Однажды я стану лэрдом, как мой отец. Буду жить в громадном, старом, просторном, каменном замке, полном истории и традиций, возьму в жены красивую девушку...

«Дэни осталась без защиты, а этот ублюдок Риодан...»

Боль разрывает мои внутренности, и я кричу.

Я знаю, почему одержим ей. В ней есть невинность, которую я потерял. Пока я становился темнее, она становилась все ярче. Она позитивный четырнадцатилетний подросток, который смотрит на мир как одно длинное, невероятное приключение. Она всё ещё мечтает. В ней есть всё то, что я уже утратил. Она переполнена жадной жизни, живет одним мгновением, никогда не сдается.

Она напоминает мне о Таре, которая умерла три года назад от редкого заболевания костей. Я плакал на похоронах девушки, которая улыбалась на протяжении своего короткого, стремительно увядающего существования. Для нее слишком рано наступили сумерки.

Я видел призраков в глазах Дэни. Только слепой не заметил бы их.

Я хочу изгнать их, ведь моих изгнать уже невозможно.

Хочу сделать так, чтобы она никогда не превратилась в ужасное существо, которым я стал.

Хочу защитить ее от жестокой правды, что жизнь обкрадывает нас, сводя на нет надежды и сдирая плоть с костей. Она настолько меняет нас, что мы уже не в силах узнать свое отражение в зеркале.

Я хочу, чтобы она всегда оставалась той Дени, какой является сейчас, но то, во что я превратился, слишком облажалось в этом вопросе. Надеюсь, последнее предпринятое мною в качестве свободного человека действие, уравнивает некоторые мои поступки.

Думал, превращение в Темного Принца - это самая тяжелая битва, с которой я когда-либо столкнусь.

Но я был не прав. Я думал, что побывал в аду. А потом понял, что такое ад на самом деле. Этой мысли достаточно, чтобы из моих потрескавшихся губ вырвался смех, несмотря на нелепость момента.

Боль пронзает мой живот, опаляет, разрывает и глодает крошечными, острыми зубами прямо в паху, пока с меня заживо сдирают кожу. Я снова кричу, возвращаюсь обратно в Нагорье, и вижу...

Костры.

Свежий воздух пахнет жареной свининой и приготовленными на углях картофелем и перцем. Прежде чем вести скот на летнее пастбище, мы проведем его между двух костров-близнецов. Таких же близнецов как Коллин и я, а также мои дяди Дэйгис и Драстен. Мы вновь зажжем потушенные

огни в нашем замке от священного, защитного огня Белтайна. Мы будем пировать, а моя семья и друзья танцевать, и жизнь будет казаться одним прекрасным, длинным сном, и я не собираюсь пробуждаться от этого сна.

Понятия не имею, как долго я прикован к этому утесу. Я оживляю в памяти каждый день, который могу вспомнить, в мельчайших подробностях.

Это удерживает меня от падения.

Не дает сойти с ума.

На удивление, это умиряет монстра, в которого я превращаюсь.

Меня больше не страшит и не отвращает то, что происходит со мной, ведь то, что уже произошло со мной, гораздо хуже. Все познается в сравнении. Иногда думаешь, что из ситуации нет выхода, но потом происходит что-то, что по-настоящему ставит тебя в тупик, и предыдущая угроза бледнеет.

Сейчас я просто Келтар. Да я мутировал и обладаю нереальной силой, и, возможно, останусь таким навсегда. Я вновь и вновь умираю на этом утесе, но остаюсь вменяемым, напоминая себе о своем наследии и о том, для чего я рожден. И с каждым разом безумие Темного Принца отступает всё больше. Это испытание укрепило меня. На этом долбаном, богом забытом утесе, принц, завладевший мной, потерял свою власть.

Теперь я уже не тот горец, которого поглотила развратная и смертоносная мания убивающих сексом фейри.

Я - друид Келтар, обладающий силой Темных и огромным сексуальным влечением. Похоже, в этом плане я не сильно изменился.

Моя голова свисает вперед, кровь хлещет из растрескавшихся губ. Ведьма снова принимается за дело. Орудуя спицами, она выдергивает мои внутренности и лихорадочно вяжет платье, которое никогда не будет окончено.

Жестокость этого невыносима. Все мое тело горит огнем от боли.

Огни.

Горцы.

Бельтейн.

Я вспоминаю именно эту ночь своего четырнадцатилетия по трем причинам.

В ту ночь меня впервые признали друидом Келтаров. Опыняюще для молодого парня.

Так же в ту ночь дядя Дэйгис предостерег меня, заставив думать, что мой счастливый сон окончится быстрее, чем я буду к этому готов.

Как у Тары.

Но я не позволю, чтобы то же случилось с Дэни.

Когда отец и другие помещают священную чашу с прочими принадлежностями на плиту, дядя Дэйгис подходит ближе, кладет руку мне на плечо, а затем отводит меня в сторону и пристально смотрит. Золотые глаза, точно такие же, как и у меня, глядят в мои.

- Огонь очищает, - говорит он. - Преображает. Помни это, особенно когда будет казаться, что он лишь опустошает и разрушает.

То же касается и боли.

- Однажды ты пройдешь сквозь огонь, парень.

- Огонь Белтайна? - любопытствую я. Мне не знакома эта традиция, но более сложные ритуалы друидов до определенного возраста хранят в тайне.

- Другой огонь. Адский. Ты будешь думать, что не справишься с такой агонией.

В четырнадцать я задрожал, пораженный серьезностью и скорбью в его взгляде. От обреченности в его интонации мне стало не по себе. Юноша, считавший себя храбрецом, испытал приступ паники.

- Я не могу предотвратить это. Камни теперь закрыты для нас. Я оградил бы тебя, если б мог.

- Ты предсказываешь мое будущее? - спрашиваю я с опаской. - Я потеряю девственность в этом году? - добавляю быстро. Я бы не задал этот вопрос другому дяде, но Дэйгис отличается от них. Женщины провожают его взглядом. Я хочу однажды стать таким же: поражать женщин (но не убивать их) такой же медленной, сексуальной улыбкой, которая постоянно заставляет таять мою (чертовски горячую, и всего лишь на десять лет старше меня) тетю Хлою.

Я готов. Хочу, чтобы это была Тара.

Он грустно улыбается.

В клане шепчутся, что Дэйгис видел мельком некоторые моменты наших следующих лет. Это произошло, когда он путешествовал сквозь время (еще до того, как Светлая Королева забрала нашу способность при необходимости перемещаться в столетиях), и тогда увидел часы и даже дни нашей жизни. Он никогда не говорил, но мы всегда подозревали об этом. Он обладает предчувствием, что не раз оказывало нам бесценную помощь.

- Я не знаю, как и где это произойдет, и не знаю, как это предотвратить, кроме как посадить тебя под замок, но тогда это будет не жизнь. Это может произойти, а может и нет, но если это случится, то будет испытанием за гранью возможного. Когда настанет этот час, ты должен помнить об одной вещи.

Дрожь вновь охватывает меня.

- Какой?

- Любовь. Без нее тебя можно сломить. Покуда в тебе существует крошечный огонек чистой, защищающей, прекрасной любви, Келтар в тебе будет жить. Ты вернешься.

Вернусь.

Я осознаю жестокую правду.

До тех пор, пока разумом я буду оставаться в великолепном Нагорье, я не смогу вернуться.

- Не избегай этого огня. Не знаю, как долго тебе придется терпеть. Но ты должен держаться, оставаться в сознании. Ты должен быть готов, когда появится шанс, или ты упустишь его, - дядя Дэйгис тихо рассмеялся. - Для каждого человека наступает конец. Но он не настанет для тебя. Если повезет, ты будешь жить вечно.

Я смотрел на него, не желая принимать его слова, отказываясь верить в его дар пророчества. Убеждая себя, что никто не может жить вечно (тогда я не знал, что обращусь в Темного Принца). Я считал, что бессвязные бредни тринадцати мертвых Драгаров, которыми он одержим, сводят его с ума. Поэтому вырвался и умчался прочь, отказываясь разговаривать с ним в течении многих дней.

Теперь я жалею, что не расспросил его. Жалею, что не узнал о том, что именно он видел. И в чём будет заключаться мой шанс, потому что я ни черта не вижу, ничего подобного.

Любовь?

Но чувствую ли я её?

Я возненавидел всех и вся с тех пор, как начал превращаться. Сбежал от тех, кому небезразличен. Возможно, моя ненависть ускорила изменения, подпитывая неправильные вещи, истощая правильные. Но любовь? Как я могу чувствовать её здесь? Не уверен, что это возможно.

Ох, ну, конечно, возможно.

Это то, что я делал все это время. Как и мой отец и весь моей клан до нас. Нагорье - наша великая любовь. Я неосознанно укрылся в ней. Я не из тех, кто может жениться и переехать в другую страну. Я женат на своей родине, на Шотландской земле.

Я добавляю к этим горам и долинам лица тех, кто мне дорог и кого бы я хотел защитить, запечатлевая в ярких деталях образы матери и отца, братьев и сестер - Коллин, Кары, Кору и Тары, моей милой, милой Тары. Она третья причина, по которой я так ясно помню ту ночь, потому что я отдал ей свою девственность под звездным небом на ложе из мха возле озера. И, черт возьми, я люблю ее за это, а любовь не умирает вместе с человеком, которого ты любишь, хотя так бы было бесконечно легче. Я добавляю образы моих друзей и сельских жителей и прекрасной, блестящей, рискованной, дерзкой Дэниэль О'Мэлли, которая скрывает свое разбитое сердце за мальчишеской усмешкой. Я сворачиваю из всех этих образов один клубок света и держусь за него.

В последний раз я смотрю на клан, вдыхая запах жареной свинины и картофеля, шепчу прощальные слова моей давно мертвой Таре и бросаю свое благословенное убежище, вынуждая себя вернуться в реальность.

Я буду готов, когда мой шанс на спасение придет.

Открываю глаза и смотрю в упор на отвратительное лицо Кровавой Ведьмы, вырывающей мои внутренности.

Снова.

Глава 24

*Меня нет, нет, и ты знаешь это*⁴⁹

Мак

У меня случился небольшой нервный срыв из-за всех этих шокирующих новостей. И я буквально оцепенела.

Пора бежать. А для этого нужно заставить себя двигаться. Но мои ноги словно приросли к полу и реально не слушаются меня.

Мысли мечутся, сменяя друг друга, словно кадры из трёх разных фильмов-катастроф, которые я вынуждена смотреть, потому что у меня сломался пульт: «я переспала с Бэрронсом, но он стер мне память/он изнасилует тебя Синсар Дабх/Джада это Дэни/что захреть?»

Я переспала с Бэрронсом в день нашего знакомства. И он украл мои воспоминания об этом, словно воришка, будто у него было на это право. И несколько месяцев до того, как мы переспали (снова!), он разгуливал, зная обо всех интимно-диких подробностях той ночи - о Боже, они были такими дикими и интимными - пока я ничего об этом не помнила.

Он прекрасно знал, как выглядит моя задница со всех возможных ракурсов. Знал, какое выражение лица у меня, когда я кончаю, и знал, что я глотаю. В ту ночь, страдая от горя и одиночества в незнакомом городе, который неприветливо встретил меня спервых же минут, я оторвалась по полной, забила на все запреты и попробовала всё, что мне хотелось попробовать, с огромным энтузиазмом и самозабвением. Такого секса у меня никогда прежде не было.

Не удивительно, что он всегда смотрел на меня так, словно хотел заняться сексом. Хотел заняться сексом снова. Я не виню его. Секс был мы-все-по-натуре-гедонисты феноменальным. Диким. Грязным. Умопомрачительным. Вызывающим привыкание. Я разукрасила ту убогую комнатную болью и страстью, используя секс как перевязку кровоточащей душевной раны, вызванной смертью Алины.

И будто этого маленького взрывного секрета, всплывшего из моего подсознания было недостаточно, ещё выяснилось, что среди новых ши-видящих есть та, что сродни страшному сну. Стройная брюнетка в зелёных камуфляжных брюках и топе также, как и я, может чувствовать Синсар Дабх. Я не просто не уникальна, но и раскрыта.

О да, мне нужно бежать.

Но мои ноги приросли к месту.

А самое ошеломляющее из всего то, что я видела Дэни три недели назад. Дерзкой самонадеянной девчонке было четырнадцать.

А теперь я должна поверить, что эта взрослая, невозмутимая, красивая женщина тот самый неутомимый подросток с сияющим взглядом, которого я загнала в Зал Всех Времен?

- Невозможно, - шепчу я, разглядывая её, пытаюсь найти хоть что-нибудь от той необузданной, веселой, талантливой, смешливой девчонки, которую я знаю. И люблю.

Но нет и следа.

Если это она, я должна чувствовать облегчение от того, что она жива и снова здесь.

Если это она, то почему я этого не чувствую?

Этой женщине около двадцати, и она совершенно бесчувственна. Кажется, словно она не смеялась ни разу в жизни.

К тому же эта Джада уже несколько недель как в Дублине. В черных кожаных брюках, правильно подобранном топе (с глубочайшим вырезом, и если это грудь Дэни, то жизнь несправедлива) и черной кожаной куртке она выглядит невозмутимо и равнодушно словно прирожденный лидер. Она проводит рукой по своим идеальным (прямым, без единого завитка) рыжим волосам, собранным в высокий хвост, раскачивающимся при движении у поясницы, и я замечаю блеск серебра и золота на её запястьях, и это единственное украшение на ней. Не то, что бы

⁴⁹BlackLab/Gone

ей они нужны. Она холодна как статуя и также прекрасна. У неё поразительные высокие скулы. Над сияющими глазами - прекрасный изгиб бровей. Неужели это действительно дэнино кукольное личико так изменилось, приобретя эти четко выраженные, утонченные линии и точеные черты.

Неужели Дэни, потеряв в Зале Всех Времен годы, вернулась всего спустя неделю по нашему времени настолько повзрослевшей? И сразу же начала собирать маленькую армию ши-видящих?

После падения стен всё стало возможно, тем более в том переменчивом зале. Повзрослев, Дэни обязательно попыталась бы возглавить ши-видящих. Дублин и её сестры ши-видящие всегда были для неё на первом месте.

Но я так и не вижу в этой холодной женщине «Мегу».

Риодан начинает медленно кружить вокруг неё, напоминая мне Бэрронса в ту ночь, когда он решил отобрать у меня то, что принадлежало мне по праву.

Она остается неподвижной, совершенно не беспокоясь, что такой как он у неё за спиной.

И это всё решает. Это не Дэни. Она никогда бы не позволила Риодану зайти ей за спину. Она бы разворачивалась вместе с ним. Как тогда я с Бэрронсом.

Женщины начинают подниматься с пола, но Джада жестом останавливает их и командует:

- Они снова обезвредят вас. Оставайтесь на полу. Не хочу, чтобы они ранили вас.

- Мы лучше бойцы, чем ты о нас думаешь, - отвечает ей Зеленый Камуфляж, рассекретившая меня.

- Это двое из той девятки, которую я с вами обсуждала раньше. Не поднимайтесь.

Зеленый Камуфляж и я может и враги, но я хорошо понимаю гнев и недовольство на её лице. Принять поражение? Смирно лежать на полу, даже не пытаюсь бороться? Что это за жизнь?

Риодан внезапно переходит в этот молниеносный режим перемещения, а вслед за ним и Джада, и вместе они создают маленький вихрь посреди кабинета, который сопровождают невнятные яростные звуки. То ли крики, то ли рычание. Такое ощущение, что я смотрю мультфильм про двух тасманских дьяволов. Так же резко они останавливаются лицом друг к другу: он дышит яростью, она всё так же невозмутима.

- Не смей снова ко мне прикасаться, - с арктической холодностью произносит она. - Мужчины расставались с жизнью и за меньшее. Особенно те, кто не был людьми.

- Ты вырезала его, - взрывается Риодан. - Поэтому я не смог отследить тебя на прошлой неделе в Честере. Ты нахрен вырезала мое тату. И изувечила себя в процессе.

- У меня не было тату на затылке.

- Я не говорил, что оно было на затылке.

- Но ты прикоснулся к нему.

- Я прикоснулся и к другим местам.

- И заплатишь за это. Трюки. Отвлекающие маневры. Навязывание действий. Тебя легко вычислить.

- Повторяешься, Дэни. Могла остановиться и на трюках.

- Я не Дэни. И у меня никогда не было тату. Но если бы кто-нибудь вздумал пометить меня без моего ведома и согласия, то я безусловно вырезала бы эту метку. Я не скотина, чтоб на меня ставить тавро.

Помассировав татуировку на затылке и кинув гневный взгляд на Бэрронса, я съязвила:

- Муу.

- Даже не начинайте, - ответил он. - Она неоднократно спасла вам жизнь.

- Она была нужна для твоей защиты, - ответил ей Риодан.

- Согласен полностью, - отрезает Бэрронс.

- Мне не нужна и никогда не была нужна защита, - сообщила Джада. - Я защитница. Я охотница. Я хищница. Я не жертва. И я разрешаю вам уйти. Но мы ещё встретимся.

Я смотрю вверх.

- Согласна полностью.

- «Разрешаю», - дразнит её Риодан. - Поясни, откуда у тебя гиперскорость. Дэни.

- Если единственной отличительной чертой этой Дэни, на которой ты так заиклен, является этот талант, то любой, обладающий им, и даже ты, может быть этой персоной.

Джада внезапно исчезла из вида, и я почувствовала, как она на скорости света ошупала меня, проверяя нет ли со мной Книги. И ничего не нашла. К тому времени, как Бэрронс ринулся к ней, она уже вернулась к своему месту у стола.

Риодан говорил, что Дэни легко может обогнать его. Если захочет. А ещё он говорил, что есть кое-что, чего Дэни не знает. И чего же она не знает?

Женщины, лежащие на полу, пристально смотрят на своего лидера, ожидая следующей команды.

- Она не у нее, - сообщает Джада Зеленому Камуфляжу.

А та в свою очередь отвечает:

- Я ощущаю две. Одна находится там, где и должна. А вторая находится в ней.

- И ты уверена в этом.

- Несомненно.

- Сейчас вы уйдете, - сообщает Джада Риодану и Бэрронсу. - А она, - Джада смотрит на меня: - останется.

Мне показалось или я заметила проблеск чего-то в ее ледяных изумрудных глазах? Я прищуриваюсь и пристально смотрю в ответ в поисках малейшего намека на Дэни О'Мэлли. Но ее там нет.

- Она, - рычит Бэрронс: - без меня не останется.

- Может, я хочу остаться здесь с ними, - говорю я, хотя на самом деле так не думаю. - В конце концов, ши-видящие всего лишь пытались убить меня. Они хотя бы не крали моих воспоминаний.

- Ничего я не крал. Припрятал их до времени. Не моя, черт возьми, вина, что вы так долго не были готовы, взглянуть правде в глаза. Если бы я захотел, то удалил бы их безвозвратно.

- Не тебе решать, что удалять. Ни временно, ни безвозвратно.

- Отведите ее вниз, - отдает приказ Джада женщинам.

- Не давите на меня, - предупреждаю я.

- Ты пойдешь туда добровольно или тебя отведут силой. Я не понимаю, как ты стала второй Синсар Дабх, и мне нет до этого дела. Я видела и более странные вещи.

Глядя на Риодана, я понимаю, что его совершенно не впечатлила новость о том, что я ходячая Синсар Дабх, точнее планирующая сбежать.

- Чтобы усыпить животное, совсем необязательно понимать, как оно стало бешеным, - продолжает Джада. - С тобой поступят в соответствии с ситуацией.

- Удачи, - невозмутимо говорю я.

Моя внутренняя копия упрямо молчит. И я знаю почему. Хочет посмотреть, что я предприму. Ничего. Большое и жирное. Ей придется самой защищать себя, предложив мне что-то безвозмездно.

«Блефуешь МакКайла, - шепчет она. - Придумай что-нибудь поубедительней. Ты никогда не позволишь им запереть тебя, и ты прекрасно знаешь это.»

«А ты никогда не позволишь запереть нас, - безмолвно возражаю я. - Я не стану убивать этих людей. Дай мне кровавые руны. Я использую их против других, не против тебя. Клянусь.»

«Ты убьешь каждого и уничтожишь все вокруг ради того, чтобы выжить. Так ты устроена. Уж я-то знаю. Я твой создатель.»

Я лихорадочно начинаю декламировать стихи:

«И сидит, сидит зловещий, Ворон чёрный, Ворон вещий,

С бюста бледного Паллады не умчится никуда...»

- Посмотри вокруг. Ты не можешь контролировать даже одну Книгу. Как ты собираешься управиться с двумя, - говорит Риодан.

Джада, или Дэни, невозмутимо отвечает:

- Тому, кто хочет получить ответы, стоит поучиться с правильной интонацией задавать вопросы.

Риодан смеется.

- О, Дэни, а вот и ты. Убегай. Тебе всё равно не спрятаться.

- Если под этим ты подразумеваешь, что эта Дэни, к которой ты ошибочно и без устали взываешь, так же указывала на твое умышленное пренебрежение интонацией, как тактическим приёмом преднамеренного ненавязчивого принуждения, то из этого следует логический вывод, что несколько женщин считают твои методы недейственными, - выдает она.

Если бы Джада не угрожала мне, то могла бы за эти слова даже понравиться. Мне нужно бежать, но я застряла на этих каналах с фильмами-катастрофами. Я пытаюсь понять, может ли Джада быть Дэни, безуспешно пытаюсь заглушить внутреннего демона. Он терзает меня, пугает, утверждает, что меня лишат свободы, и никому до этого не будет дела. Никто меня не спасет.

Бэрронс не допустит этого.

«Бэрронс стер твои воспоминания, - напоминает Синсар Дабх. - Он продажный до мозга своих массивных костей. И ты не исключение для его корыстолюбия. Для него нет исключений.»

- Ты подписала контракт, который я храню в офисе, - говорит Риодан Джаде. - Заходи, и я покажу его тебе.

- Я ничего не подписывала. А если бы и подписала, то клятва, данная по принуждению, теряет силу, когда принуждаемый становится сильнее принуждающего. В этой комнате нет никого сильнее меня.

- Святые клубнички, Дэни, мы вляпались в джем, - мягко произносит Риодан.

Я смотрю на него так, словно он отрастил себе вторую голову. Святые клубнички? Джем? Даже Бэрронс выглядит озадаченным.

- Но не переживай, - продолжает он. - Святая бесценная коллекция этрусских ленточек - кстати, тут ты загнула - я тебя вычислил. А как тебе это: святой книжный червь, айда в библиотеку, - Джада едва различимо шурится. - Ах, но этого я не должен был слышать, не так ли. Разве что я был там, а ты об этом не знала. Я всегда был рядом, Дэни. И я знаю, что с тобой. Мы это исправим.

- Меня зовут Джада. И со мной все в порядке. Я превосходна во всех смыслах.

Сейчас она говорит, как Дэни.

- Я пробовал на вкус твою кровь. Я знаю твою чертову душу. Я чуял тебя в Честере и учуял сегодня.

- Как и у тебя, у меня нет души. Как и ты, я тщательно взвешиваю «плюсы» и «минусы». И ты в «минусе». И в отличие от тебя, я не сижу за столом, перекладывая бумажки.

- Говоришь так, словно знаешь меня.

- Наслышана. Пробуя чью-то кровь против его воли, будь готов, что этот человек убьет тебя за это.

- Ну так давай, Дэни.

- Джада.

- Думаешь, так ты защитишь себя. Думаешь, ничего не чувствуешь.

- Я взвешиваю. Потом я либо убиваю. Либо вознаграждаю. Я эффективна.

- А раньше ты была эффектна. Ты была легендой.

- Я до сих пор легенда, - холодно отвечает она.

- Дэни - легенда, - отвечает Риодан. - Не ты.

- Кажется, эта Дэни важна для тебя.

- Всегда.

- Ты выбирал забавные способы, чтобы продемонстрировать это.

- Откуда тебе знать.

- Наслышана.

- Наслышана она, чёрт возьми. Я знаю, кто ты. Видел тебя, когда Дэни было десять. Джада. И ты меня видела. Мы боролись той ночью. Я отбил ее у тебя тогда и сделаю это снова. Я видел тебя еще несколько раз. Женское тело, в котором ты находишься, принадлежит Дэни. Ты не имеешь права быть здесь.

Недоуменно смотрю на Риодана. Что он хочет этим сказать? Неужели Дэни не просто вернулась, повзрослев, а еще и стала кем-то другим? Этому есть определение... Я роюсь в памяти в поисках остатков знаний начального уровня психологии, которую изучала... Ага! Диссоциативное расстройство. Он хочет сказать, что у неё раздвоение личности? И что он знал об этом? Не может быть. Я бы заметила. Ведь так?

Джада переводит свой изумрудный взгляд на меня.

- Это она не имеет права здесь быть. Нелогично держать в заточении одну Синсар Дабх, а другой позволять разгуливать по Дублину. Мы то, что мы есть, не зависимо от оболочки.

- О, не тебе об этом говорить, - скидываюсь я. - Дэни.

- Я. Джада.

- Кем бы ты не была, мать твою, - рычит Бэрронс, - к Мак ты не притронешься.

- Ну, ты ко мне тоже не притронешься, - рычу ему в ответ.

- Смирись, мисс Лейн.

- Смириться? - ошарашенно переспрашиваю я. - Мисс Лейн, твою мать. Ты называл меня Мак в ту самую ночь, когда мы впервые встретились и переспали, а что я получила после? Я скажу тебе...

- Не после, а во время. Вы изменились. Стали другой женщиной. Лошадкой, которая из стойла вырвалась на свободу. И я ожидал от вас...

- О, так всё дело в неоправданных ожиданиях...

- Вы как раз превзошли все ожидания. Поэтому то, как вы повели себя после...

- ...дало тебе право лишиться полученных переживаний участника...

- ...стало огромным разочарованием, и если бы...

- ...события, словно...

- Это было не «событие». А хреново откровение.

- ...у него нет права помнить о совершенной ошибке...

- Поэтому я и поступил так. Вы считали, что допустили ошибку, и ...

- ...на которую имела право, как и на то, чтобы помнить о ней, потому что, в конце концов, воспоминания эти мои. А право собственности это девять десятых...

- ...превратились в обиженную девчонку, и я знал, если...

- закона.

- Я и есть закон.

- Безусловно. Хайль! - я щелкаю пятками друг о друга и салютую.

- Вы можете отложить свои разборки, - натянуто произносит Риодан.

- Вот-вот, - соглашается Зеленый Камуфляж.

- Не лезьте в мои дела, - огрызаюсь я.

- Так не втягивай нас в них, - парирует Риодан.

- А тебе значит можно всех втягивать. Ты потому и бесишься, что наша перепалка с Бэрронсом прервала твою с Дэни.

- Мак может делать всё, что захочет. И когда захочет, - отрезает Бэрронс. - И даже нахрен всех втянуть в свои дела.

- Иерихон решил поиграть в защитника. А от тебя меня кто защитит? - приторно сладко интересуюсь я.

- Давайте сосредоточимся на главном, - отрезает Риодан.

- Я сосредоточена. И главное это то...

- Что я не Дэни, - холодно сообщает Джада. - И важно то, что вы трое - дисфункциональны, опасны, бесполезны и стоите на моем пути. Не говоря уже о том... - она пронзает меня изумрудным ледяным взглядом: - что вы являетесь угрозой для нашего мира.

- Это я дисфункциональна, мисс Альтер Эго? Серьёзно? Чья бы корова мычала, - я тут же пожалела о сказанном. Ведь если Джада это Дэни, то это моя вина, что она дошла до такого состояния.

Позади меня в фойе раздаются решительные шаги, и Джада переводит взгляд на вновь прибывшего.

- Я не нашла Клэр и Сорчу, - произносит женщина за моей спиной.

- Не важно. Размести их так, как я тебе говорила. Живо.

Меня пугает выражение лица Джады. Она уверена в своей победе.

Разместить? Что разместить? Я судорожно перебираю возможности, и прихожу к ужасающему выводу: если Джада в самом деле Дэни, она знает, как обездвигить Синсар Дабх - с помощью четырех камней, которые мы установили в пещере. Тех самых, которые Кэт позже спрятала. В них отпала необходимость, когда мы обезвредили Синсар Дабх, а оставлять вожаки-объекты силы в пещере, которую невозможно закрыть, было опасно. Джада пробыла здесь достаточно долго, и могла найти их.

В последнее время я отключаю свои чувства ши-видящей, моя антенна настроена исключительно на Темных Принцесс. Я осторожно открываюсь для этих чувств.

И задыхаюсь.

Я чувствую их! И это пульсирующее иссиня-черное сковывающее присутствие камней в одной комнате со мной!

«Схватят и свяжут, под землю запрячут» - воркуя, говорит Синсар Дабх.

«Впрочем. как и тебя,» - безмолвно парирую я.

- Она принесла камни, - говорю я Бэрронсу. - Останови ее!

Я не успеваю закончить, как он уже начинает действовать. И когда он устремляется к той, кого Джада называет Бриджит, я вижу лишь размытое пятно. Джада блокирует его, и они сталкиваются с такой силой, что оба отлетают в противоположные стороны и врезаются в стены.

Тогда Бэрронс и Риодан бросаются к Бриджит, которая уже успела поместить один из камней в дальний угол, но врезаются в Джаду, которая оказывается там на долю секунды раньше. Она хватает Бриджит и стоп-кадром перемещает ее туда, где стоит расположить второй камень, но сталкивается с Бэрронсом, и один из камней взлетает в воздух, врежется в картину на стене и падает на пол. Картина падает сверху. Я тянусь к нему, пытаюсь заполучить хотя бы один из этих проклятых камней, чтобы они уже не смогли стать для меня тюрьмой, но остальные отбрасывают меня от него на приличное расстояние.

Я снова бросаюсь к нему, но врезаюсь в стену, отброшенная размытым пятном тел. Добрых полминуты я одержимо гоняюсь за камнем, но заканчивается все разбитым носом и тремя сломанными пальцами.

Наконец, я сдаюсь и наблюдаю, как по комнате со свистом носятся три размытых фигуры. Я даже не вижу их сражения, что уж говорить о том, чтобы поучаствовать в нем. И я странным образом чувствую себя невидимой.

Женщины Джады заняты тем же, за исключением Бриджит, которая служит хоккейной шайбой в игре троих человек, наносящих и блокирующих удары со скоростью света. С каждым разом, как она появляется и снова исчезает, она все больше напоминает кровавое месиво.

Я стараюсь пройти незамеченной к двери. Если меня не будет в комнате, то они не смогут поймать меня в ловушку.

Каждая ши-видящая в комнате кидается чтобы остановить меня. Ледяное выражение их лиц без труда можно расшифровать.

Я - цель.

Я - враг.

Зеленый Камуфляж осуждающе смотрит на меня, и один этот взгляд вызывает желание задушить сучку. Я глушила Книгу так долго, проделала превосходную работу, но здесь я бы сделала исключение. Я с удовольствием посмотрела бы на то, как успешно она справляется с ситуацией, будучи под властью самых мрачных демонов Темного Короля.

«Достань свое копьё, - мягко говорит Синсар Дабх. - Уничтожь их. Ты ведь знаешь, что можешь.»

«И позволить тебе подчинить меня и поубивать их всех? Да ни за что.»

Я останавливаюсь, прислоняюсь к стене и вздыхаю, поражаясь тому, как быстро все изменилось. Совсем недавно я была самым ценным игроком в Дублине, охотником, и все просто мечтали заполучить меня в свою команду. А сейчас охотятся уже на меня, я стала досадной обузой, убивающей невинных людей. И теперь весь мир жаждет обезвредить меня.

Ши-видящие знают мой секрет. Они будут преследовать меня так же безжалостно, как я преследовала Синсар Дабх.

Только их цель - убить Мак.

Если Джада и правда Дэни, она опубликует классный обличительный Дневник Джады и расклеит его по всему городу задолго до рассвета, изолируя меня тем самым от всего мира. Мне негде будет спрятаться, разве что собраться и покинуть ради всеобщего блага эту планету вместе с Бэрронсом...

А с ним я сейчас даже не разговариваю.

Мои мама и папа узнают то, что я скрывала от них месяцами. Одна их дочь мертва, другая проклята.

Рычащие размытые фигуры ускоряются, двигаясь туда-обратно. Бриджит врезается в стену, и я вздрагиваю вместе с ней. Мои кости уже начали срастаться. А вот у нее точно нет этой моей особенности.

Особенности? Мое долгожительство смогут использовать против меня же так же, как с сыном Бэрронса. Круус, влияющий на окружающий мир, вероятно осознает, что его тело находится в ледяном плену в холодной каменной пещере глубоко под землей. Неужели для него минуты текут словно часы? И каждая секунда для его бессмертного тела растягивается в дьявольскую бесконечность?

«Очень скоро ты сама узнаешь,» - мягко сообщает Синсар Дабх.

«Впрочем, как и ты.»

«Да борись же, чертова тупица.»

«Лучше предоставлю это тебе,» - я уверенно стою на своем, выжидая, противопоставляя свою человечность ее психическому расстройству. Бьюсь об заклад, ее инстинкт самосохранения сработает быстрее моего, хотя бы даже и на доли секунды.

«Если это сделаю я, сладкая моя, тебе точно не понравится.»

Как раз понравится гораздо больше, чем если бы мне самой пришлось убить всех этих людей. Они и так считают меня врагом. Если я освобожу Синсар Дабх и безжалостно уничтожу этих женщин в попытке освободиться, тем самым лишь докажу, что я действительно враг для каждой, оставшейся в живых. Да и для самой себя тоже. Вся оставшаяся часть аббатства будет преследовать меня по вполне понятным причинам. Но я даже не буду знать об этом, потому что превращусь в книжного червя в смиренной рубашке, роющегося в безумной, одержимой жаждой убийства книге. Я буду беспомощно наблюдать со страниц книги за своей собственной жизнью, которую пишет кто-то другой, совершая такие зверства, за которые проклянут даже душу святого.

Вдруг появляется израненная Бриджит и падает в обморок. Я наблюдаю за размытыми фигурами и прихожу к выводу, что камни теперь у Джады, и она пытается расставить их по местам.

В то время, как они проносятся по комнате, словно небольшое торнадо, разлетается мебель, падают светильники и разбиваются лампочки. Величественный кабинет Ровены превращается в руины разрушенной мебели и уничтоженной обстановки.

Внезапно в меня врезается поток энергии, и я вздрагиваю. Знакомое чувство. В ту ночь, когда мы погребли Синсар Дабх, я должна была прикоснуться обеими руками к полю, которое создали камни, чтобы убрать кровавые руны с обложки книги. И сразу почувствовала сонливость и тошноту. Тогда я подумала, что это очередная особенность моего дара ши-видящей. А теперь понимаю, насколько мне повезло, что мы заточили Книгу на вершине алтаря. Если бы мне той ночью действительно пришлось вступить в энергетическое поле, то я попала бы в ту же ловушку, что и Синсар Дабх.

В восточной части кабинета, практически у самой стены, вспыхивает и застывает иссиня-черная линия. Два камня уже создали связь. Они начинают сиять и издавать пронизывающий перезвон.

Предположим, Бэрронс с Риоданом справятся с Джадой и предотвратят размещение оставшихся камней. Предположим, я не почувствую, как пробудится к жизни третий камень, и мои психопатические наклонности не обнаружат себя. Куда мне бежать?

Стоит ли мне остаться с Бэрронсом и позволить защитить себя? Поскольку сама я не в состоянии позаботиться о себе. Я не могу использовать копье, пока не буду до конца уверена, что не начну убивать снова. Не могу обогнать Джаду. Боже, как же меня раздражает собственная бесполезность. Просто невероятно раздражает.

Лучший игрок канул в Лету.

О, да, я чувствую себя невидимкой.

Я снова вздрагиваю.

Третий камень только что соединился с двумя другими, и я вижу, как у северной стены кабинета появляется вторая линия.

Если последний камень займет свое место, у южной и западной стен кабинета появится еще две иссиня-черные линии, которые завершат создание ловушки, где я буду заключена, как и Круус, вполне осознавая свое состояние. Они соберут камни, приблизив их максимально ко мне, как мы сделали это с Книгой, затем переместят меня вниз, глубоко под землю, где я ненавижу находиться. Чтобы запечатать мою Книгу кровавые руны не нужны, достаточно того, что мое тело в ловушке.

Никто не сможет вскрыть мою кожу и прочесть ее страницы. Могущественные заклинания и руны, нанесенные на возвышающиеся стены пещеры объединятся с полем, образованным камнями, усилив его.

Я буду лежать на плите и смотреть на высоченный потолок (разве что они решат меня dokonать и поместят лицом вниз; о Боже, это будет просто отстойно), неспособная двигаться и говорить, ну прям как Спящая Красавица в ожидании поцелуя своего принца (только не Крууса!).

Я что, действительно собираюсь торчать здесь и позволить им схватить меня? Стану диснеевской героиней, которая не может позаботиться о себе сама?

«Признаешь, что превосходишь их? - насмехается Синсар Дабх. - И все равно будешь стоять, даже не попытавшись бороться? Что же это за жизнь такая? Сейчас или никогда, сладкая моя.»

Впервые с того самого момента, как я устояла перед искушением прочесть заклинание, способное освободить сына Бэрронса, я серьёзно задумалась над тем, чтобы раскрыть эту проклятую книгу и сделать всё необходимое, чтобы выбраться отсюда живой. Но на этот раз в моей голове нет Бэрронса, поддерживающего советами.

На этот раз я лицом к лицу столкнулась с самым большим испытанием за все двадцать три года своей жизни. На что я готова пойти, чтобы выжить? Какую цену готова заплатить?

«Зло - это не наша сущность, - как-то сказал Бэрронс. - Это наш выбор.»

Жизнь проносится перед глазами: кем я была, кем стала и кем могла бы стать. Смогу ли жить спокойно, если, конечно, однажды получу контроль назад? С нечистой совестью... Ведь я могу прийти в себя на пепелище. Помню, как Книга, убивая, превращалась в Зверя, невероятно ужасного и могущественного, и тогда она была аморфной.

А захватив контроль надо мной, она заполучит материальное тело. Практически бессмертное тело.

Мне известно, чем занималась Книга в прошлый раз на улицах Дублина. Убивала с маниакальным ликованием.

Выбор прост: я или мир.

Сможет ли Бэрронс спасти меня от ши-видящих? Станет ли спасать?

Необъяснимое спокойствие нисходит на меня от понимания того, что это на самом деле и не важно.

А важно то, что мы сами себе пишем эпитафии.

«Наши поступки определяют, кем мы являемся на самом деле, - сказал мне однажды один мудрый человек, хотя не такой уж он и мудрый, раз украл мои воспоминания: - и важно определить, с чем мы можем жить, а без чего не можем.»

Я не смогу жить, осознавая, что ради собственного спасения, выпустила на волю Синсар Дабх, искромсав в процессе бог знает сколько людей. Кто знает, скольких я уничтожу, прежде чем меня остановят? Не допущу, чтобы на урне с моим прахом была подобная надпись. Никаких надгробий. Не собираюсь целую вечность провести под землей. И если уж без урны никак не обойтись, то я, по крайней мере, сама решу, что на ней будет написано.

«Герои сражаются, - высмеивает мое решение Книга. - А жертвы сдаются. Прав Бэрронс, ты жертвенный ягненок в этом городе волков. Ты заслуживаешь смерти.»

Я не отвечаю. Иногда ваш самый героический поступок окружающим может показаться бездействием. Иногда о самых сложных и длинных заданиях истинных героев мир остается в неведении.

«Они будут думать, что перехитрили тебя, загнали в ловушку. Они никогда не поверят, что это был твой выбор. Твоя «благородная» жертва будет напрасной, потому что они не узнают о ней,» - подстрекает Книга.

Отстой. И скорее всего, так и будет. Поймут они или нет, это не умаляет значимости моих действий. Я либо уничтожу это место, выберусь на волю и, возможно, уничтожу целый мир, сохранив свою жизнь, либо позволю им заковать меня в лед в надежде на то, что те, кто меня любят, найдут способ спасти меня.

Здесь надо признать, что меня могут никогда не спасти.

Возможно, это и не лучший выход для меня.

Но это правильный выход.

Грусть наполняет меня. Я не хочу умирать.

Надеюсь, мама и папа все поймут. Хочу, чтобы они гордились мной. И надеюсь, Бэрронс... Боже, я так зла на него сейчас, что даже не могу сформулировать мысль! На глаза наворачиваются слезы, но я сдерживаю их.

Четвертый камень вырывается из размытого движения, скользит по полу прямо в четвертый угол, катится...

Настраиваюсь на то, что сейчас произойдет.

Я понимаю, что это необходимо.

Мне страшно. А я терпеть не могу это состояние.

Я не застыну в этом состоянии. Я расправляю плечи, выпрямляю спину, втягиваю живот и слегка задираю подбородок. Как там говорят? Умри молодым и красивым.

Хотела бы я стать такой же невидимой, как разразившаяся вокруг меня битва, в которой участвуют противники, с которыми мне никогда не сравниться. Тогда бы я могла по крайней мере...

«Ну, наконец-то, - ревет Синсар Дабх. - Слушаю и повинуюсь, - и тут же орет: - БЕГИ!»

Часть III

Если ты знаешь своих врагов и знаешь себя, ты можешь победить в сотнях сражений без единого поражения. Если ты знаешь только себя, но не знаешь своего оппонента, ты можешь как победить, так и потерпеть поражение. Если ты не знаешь ни себя, ни своего врага, ты всегда будешь проигрывать.

- Сунь Цзы «Искусство войны»⁵⁰

Глава 25

*Никто не видит моего лица, не замечает моего приближения*⁵¹

Мак

После падения стен на прошлый Хэллоуин (когда я уже не была при-йей), большинство жителей Дублина погибли или уехали, а я, наконец-то, решила воплотить в жизнь свою самую большую глупую подростковую мечту: заглянула в магазин «Brown & Taylor» и стащила оттуда все, что душа пожелала.

Розовый шарф из шелкового шифона с принтом «Черные черепа» от Alexander McQueen, пару обалденных туфель с серебряными шипами от Christian Louboutin, которые прекрасно сочетались с маленьким черным платьем, которое я умыкнула со стойки Chanel, и вдобавок ко всему еще и классический плащ от Burberry с клетчатой шелковой подкладкой, который прекрасно дополнял эффектный палантин из искусственного меха дымчатого цвета. Ко всему этому прилагались также сумка-портфель от Louis Vuitton лимитированной серии, кошелек и сумочка Prada, полусапожки из кожи питона от Dolce & Gabbana, а еще белье, за которое и умереть не страшно!

Затем я вошла в соседнюю дверь и совершила набег на прилавок с косметикой Estée Lauder, прежде чем перейти к Lancôme. Я набила свой рюкзак до отказа всеми этими дорогостоящими увлажняющими кремами, которые я никогда не могла позволить себе купить, а второй я заполнила тональными основами и румянами, тенями для век и тушью.

Я присвоила себе две комнаты на четвертом этаже Книг и Сувениров Бэрронса (последний раз я видела их на пятом этаже в противоположной стороне). В них я устроила свой собственный склад всяких женских предметов первой необходимости: от лака для ногтей и жидкости для снятия этого самого лака до ватных дисков, лосьонов, косметики и парфюмерии, а еще баснословно дорогих украшений. (Со временем я пополнила свою коллекцию сокровищ тремя часами Ролекс, инкрустированными бриллиантами. Подобрала их на улице)

Я доверху забила четыре огромных шкафа коробками с тампонами и теми бесценными тоненькими прокладками для таких тяжелых дней, когда тампонов недостаточно. Я притащила домой ящики, полные витамина D, аспирина, лекарств от простуды и мыла. Затем я вернулась назад, чтобы взять еще больше, и затарила вторую комнату горой туалетной бумаги. Я опустошила три аптеки, набрав антибиотиков и прочих лекарств, а также десятилетний запас презервативов и противозачаточных. Тогда я думала, что мне повезет, если протяну хотя бы столько.

У меня есть еще одна мечта, которую я не могла воплотить в жизнь и которую точно никогда не перерасту: побывать там, куда мне запрещено ходить, и увидеть то, что мне видеть нельзя.

Теперь могу.

Я невидима.

Я ОФИГЕННО НЕВИДИМА!

⁵⁰перевод академика Конрада Н.И.

⁵¹Danzig/Stalker Song

Невероятно сложно иметь внутри себя что-то, что обладает чувствами и гениальным разумом. И еще более неприятно от того, что оно может с легкостью копаться у тебя в голове, и ты совершенно не в состоянии контролировать степень его доступа. Оно наблюдает за всеми твоими поступками, изучает, анализирует и может вечно выжидать подходящего момента, чтобы подчинить тебя.

Это хуже, чем спать с врагом, это как жить с паразитом внутри, который патологически одержим единственной целью: подчинить тебя, подавить твою волю и вытворять с твоим телом все, что захочет он. Мы как сиамские близнецы, которые вынуждены делить кровь и кислород. И мы ежедневно украдкой сражаемся за власть.

Прошлой ночью я стояла в кабинете Ровены и блефовала перед Книгой, выжидая и пытаюсь заставить ее спасти нас. С самого начала я только этим и занималась.

Блефовала.

Но мой блеф стал приговором. И когда его начали приводить в исполнение, вмешалась Книга и спасла наши задницы, сделав меня невидимой.

Я не просто невидима, меня невозможно обнаружить!

Меня прекратили преследовать удушающие дурно пахнущие призраки. Они исчезли еще прошлой ночью, и я не видела их в течение восемнадцати благословенных часов.

Я выскочила из кабинета за долю секунды до того, как четвертый камень был помещен на место, и самым первым делом выяснила, что у меня по-прежнему есть тело. Я не оглядывалась и бежала быстрее демона, вырвавшегося из ада, за которым по пятам следовал Цербер. Я бежала до тех пор, пока не выскочила через парадные двери аббатства в душную, почти тропическую ночь. Задышавшись, я стояла на подъездной дорожке. Посмотрев вниз и не увидела ничего, кроме двух небольших вмятин на траве там, где должны были находиться мои ноги.

Я направилась напрямик к фонтану, зачерпнула воды и с облегчением вздохнула, когда у меня получилось. И хотя теплая вода стала невидимой, когда я зачерпнула ее, тем не менее я чувствовала влагу. И когда я тоненькой струйкой пропускала ее сквозь пальцы, она снова становилась видимой. На какое-то мгновение я испугалась, что стала призраком. Я поспешила к одному из огромных стоящих камней, заставив себя положить руку на его мрачную обсидиановую прохладную поверхность. И как бы там ни было, он не исчез. Очевидно, исчезают только вещи небольшого размера.

Всю долгую дорогу в Дублин пешком - я не стала угонять внедорожник, чтобы не вызывать подозрений, Синсар Дабх настаивала на том, чтобы я покинула этот мир, так как они никогда не перестанут охотиться на меня.

Я отказалась.

Мы спорили большую часть ночи, возвращаясь в Дублин. Она угрожала, уговаривала, издевалась и даже пыталась очаровать.

Я была непреклонна.

Пока я не использую свое копьё, пробуждающее безумную жажду убивать, я контролирую себя. И остаюсь в этом мире до конца и точка.

Я провела черту, и Книге, лучше бы её не переступать. Несомненно, это война. И хоть на данный момент вялотекущая, но все же война.

Мы установили своего рода перемирие. Книга преподавала мне жестокий урок: если я использую копьё, чтобы убить, то она сможет заставить меня совершить массовое убийство. Но теперь она готова немного помочь мне, ведь прошлой ночью я преподавала ей куда более жесткий урок: я готова пожертвовать собой ради спасения мира от самой себя и того, что могу с ним сделать.

Я никогда не позволю этому случиться.

Поэтому она продолжает сохранять мою невидимость. Любой небольшой предмет в моих руках так же исчезает из поля зрения.

Добравшись ранним утром до города, первым делом я решила проверить степень своей невидимости, окликнув двух увидимся-в-Фэйри девочек, зависающих возле Честера, и бросив в их сторону пару камешков. Они слышали меня, и вдобавок в них попали непонятно откуда взявшиеся камешки. Прodelывать все это было безумно весело. Затем я вернулась в книжный магазин, продолжила экспериментировать и поняла, что по неосторожности могу выдать свое присутствие, даже просто присев на мягкий диван, потому что оставляю отпечаток своей петунии. Еще я выяснила,

что небольшие вещи становятся невидимыми, когда я прикасаюсь к ним, а вот на крупные вещи это правило не распространяется. Когда я шагаю по ковру, моя невидимость на него не распространяется, и даже когда смываю за собой воду в туалете, спусковая кнопка остается видимой.

Подозреваю, что, если бы я решила выдать себя, Книга постаралась бы всячески воспрепятствовать мне. Но не стоит беспокоиться на этот счет. Я, конечно, пожертвую собой, если не будет другого выхода, но на рожон сама лезть не собираюсь.

И пока Синсар Дабх продолжает маскировать меня как клингонскую «Хищную Птицу»⁵².

- Вот и отлично, меня это устраивает, - бодро говорю я, громко хлопнув входной дверью «Книг и Сувениров Бэрронса». Сейчас два часа дня, а значит поблизости нет бывшего владельца моего магазина и по совместительству мужчины, который возглавляет мой длинный черный список. Я только что приняла душ (потом осторожно вытерла кафель, прежде чем спрятать влажные полотенца поглубже в шкаф) и переоделась (в единственный за долгое время понравившийся мне наряд, жаль правда, что никто не сможет оценить его, включая и меня. И дополнила образ милым розовым шарфом с черепами, радуясь, что теперь можно не переживать, что он запачкается и будет вонять.) Обула сапоги на мягкой подошве и захватила парочку протеиновых батончиков из своего тайника. Я даже заглянула в зеркало, собираясь наносить макияж. Но не тут-то было. Ну и ладно, теперь в этом нет необходимости. Как, впрочем, и в укладке волос. А вот прием пищи стал для меня своеобразным испытанием, поскольку я не вижу ни себя, ни еду, которую отправляю в рот. Вы даже не представляете себе, насколько полагаетесь на периферическое зрение во время еды. Парочку раз я заехала себе в нос и щеку, но поесть все-таки изловчилась (и решила снова не умываться, даже если у меня на лице и есть шоколадные разводы, их все равно никто не увидит).

Пора выяснить, что творится в мире, узнать в подробностях все, что я пропустила. Пришло время для долгого слегка запоздалого расследования.

МакКайла Лейн - неудержимый суперсыщик.

Впервые за несколько месяцев забавно быть собой.

К сожалению, невидимость не освобождает от влияния стихий, а в Дублине снова дождь, проливной весенний дождь, столь полезный для вновь посаженных растений и такой нежелательный для меня.

Как только я прикоснулась к зонтику, он тоже стал невидимым, и с ним я просто превратилась в более громоздкое невидимое препятствие. В Дублине появились не только новые растения, но и пешеходы, как в старые-добрые времена, снующие туда-сюда, с опущенными головами под шляпами и зонтами.

Дважды прохожие наталкивались на меня, когда я не успевала достаточно быстро сориентироваться и отойти в сторону, и оба этих раза я чуть не потеряла свой зонтик и основательно намочила, хоть и была без зонта совсем недолго. Быть невидимой не так-то просто. Потребуется время, чтобы привыкнуть. И я сделала мысленную пометку, что, когда доберусь до конечного пункта своего маршрута, мне необходимо будет обсохнуть, чтобы не оставлять мокрые следы.

Я была уже на полпути в Честер, когда, завернув за угол, натолкнулась на Парня с Мечтательными Глазами. Он стоял перед старым особняком, реконструированным в квартирный дом, и смотрел вверх.

Я замахала руками, чтобы сохранить равновесие, вымокнув в третий раз, но едва ли обратила на это внимание.

Мой спаситель во плоти стоит передо мной! Он заберет свою Книгу, я снова стану видимой и смогу, не спеша, продефилировать прямо перед Зеленым Камуфляжем, тем самым доказав, что больше не представляю никакой угрозы!

- Вот ты где! - взволнованно восклицаю я.

- Не совсем, - отвечает Парень С Мечтательными Глазами. - Но и ты не совсем здесь. Из нас получается милая пара. У тебя шоколад на лице.

Ох уж этот внешний вид. Я раздраженно вытираю подбородок и щеку.

- Нам надо поговорить, - я хватаю за руку человеческое воплощение Темного Короля, пока он снова не исчез. Как и другие крупные объекты, которых я касаюсь, он остается видимым.

⁵²(«Хищнаяптица», б.д.) - корабль из Стар Трека

Темный Король пристально смотрит на меня своими невероятно прекрасными глазами, как будто сквозь мой плащ-невидимку, но почему бы и нет? Это ведь всего лишь иллюзия, которую создала его частичка.

- И что ты снова натворила, красавица?

- Не я. Ты. Это все твоя вина.

- Вина-шмина. Виноваты звезды.

У меня нет желания вступать в пространственные дебаты, поэтому сразу перехожу к делу,

- Избавь меня от Книги.

- Разговариваешь с ней?

- Нет, - тут же отрицаю я. - Она разговаривает со мной. Я почти никогда не отвечаю.

- Ледяной огонь. Гигантский карлик.

- Чего? - мне не нужен полубезумный король. Мне нужен адекватный.

- Почти никогда. Это оксюморон. Рискованное сочетание. Полутона обманчивы, - он убирает мою руку со своего плеча. - Это не моя Книга.

- Чушь собачья. Ты ее создал, - я снова беру его за руку. На этот раз я не дам ему уйти, так и не избавив меня от Книги.

- Ты так говоришь.

- Это факт.

- Гадкие маленькие твари. Носят маскарадные маски. Не доверяй ни одной из них.

- Вытащи. Ее. Из. Меня, - выдавливаю слова через силу.

- Сколько раз твой король должен повторяться? Невозможно избавиться от собственной сущности.

- О! Я так и знала, что ты это скажешь! Но это не моя сущность. А твоя. И ты не мой чертов король.

- Я не говорил, что я чертов король. Хотя иногда и могу пройти колесом.

В его словах нет смысла. Но с ним такое часто бывает. Есть у меня такое предположение, что практически всемогущему существу гораздо сложнее общаться, когда он находится в одном из своих многочисленных человеческих обликов. Единственный доступный способ для Темного Короля расхаживать среди людей - это разделить свои бескрайние сознание и силы на дюжину частей и поместить их в человеческие тела.

- Я не могу жить с твоим монстром внутри. И не должна.

- Ах, - он хмыкает с наигранным сочувствием: - потому что это несправедливо. Но такова жизнь. Это все, как говорится, «грехи отцов».

- Ты не мой отец. И это действительно несправедливо.

- В некотором роде ты действительно часть короля и всегда ею будешь. Учти: твой самый большой страх может уничтожить тебя.

- Вот именно. Поэтому вытащи ее из меня.

- Перестань бояться ее.

- Ты избавился от нее. Почему же тогда я не могу?

- Мы возвращаемся на круги своя. Очнись на фиг, красавица, невозможно избавиться от собственной сути.

Я уставилась на него.

- Что ты хочешь этим сказать? Ты так и не избавился от неё? Ты перенес всё свое зло в книгу, заразил меня, и так и не освободился сам?

- Найди к ней подход.

А затем Парень с Мечтательными Глазами пропал. Просто исчез из вида. А его последнее загадочное высказывание повисло в воздухе:

- Опасайся Чистильщика, красавица. И не разговаривай с его прихвостнями. Это тебе не конфетки есть. Не разбрасывайся словами, - раскаты невероятного и такого мягкого смеха разносятся по мокрым улицам как гром, - даже этого угрюмого поэта.

Найти подход? Что за бесполезный совет? Чистильщик? Прихвостни? Конфетки? О чем он, блин, говорит?

Я топаю ногой по бордюру, но она соскальзывает, и я приземляюсь задницей прямо в переполненную сточную канаву.

- Гребанные фейри! - ору я, убирая мокрые волосы с лица. - Ненавижу вас! Всех вас! Иди ты к черту, Парень с Мечтательными Глазами!

Внезапный бриз вырывает зонт у меня из рук. Он снова становится видимым, устремляется кувырком по улице и врежется в кирпичную стену. Металлические спицы ломаются, и он складывается. Сверкают молнии и гремит гром.

Не уверена, но мне кажется, Темный Король мне ответил: «Сама иди к черту, ничтожная промокшая человечка.»

Спустя мгновение я заставляю себя подняться, подбираю сломанный зонт и сквозь дождь тащусь к Честеру.

Как следует обсохнув в одной из ванн, я целеустремленно направилась сквозь один из переполненных танцполов. Если бы я была видимой, и кто-нибудь наблюдал бы за моим продвижением со стороны, то увидел бы хаотичное зигзагообразное перемещение с трудом держащегося на ногах пьянчужки. Невозможно избежать столкновения с людьми, которые тебя не видят.

Меня дважды толкнули локтем в бок, стукнули ладонью в челюсть (ну кто так танцует?) и ударили кулаком по бедру (серьёзно, зачем так крутиться?), пока я шла по первому подклубу.

Найдя свободное пространство между клубами, я остановилась чтобы оглядеться и выбрать наиболее просторный проход.

Это не сложно. Просторнее всего за спиной у высокого темного мужчины, перед которым толпа расступается, как Красное Море перед Моисеем.

- Бэрронс, - ворчу я.

Благодаря навалившимся на меня напастям в виде моего преображения, бесконечных причитаний Синсар Дабх о том, что мне следует немедленно покинуть Землю, усиленных тем, как взбесило меня то, что Король даже не воспринял всерьёз мою просьбу – видимо, проявления Короля отличаются друг от друга, некоторые из них более вменяемы, чем другие, и мне стоило бы поискать Мак Кейба - мне даже некогда было подумать о том, что Бэрронс натворил.

Подогреваемая праведным гневом, я ринулась в расступившееся Красное Море и смогла подобраться к нему поближе без особых происшествий. Несмотря на мою невидимость, я по-прежнему реагирую на его присутствие, и это бесит меня ещё сильнее. Сначала я чувствовала скованность, боялась, что он почувствует меня или унюхает, но проделки Книги скрывают меня от него так же хорошо, как и от моих преследователей. Интересно, что он здесь делает? Куда, по его мнению, я делась? Жутко интересно, что произошло в аббатстве после того, как я сбежала.

Я вздохнула с облегчением, когда мы начали подниматься на верхние уровни по изящной хромированной лестнице, миновав двух охранников (Фейда и светловолосого здоровяка с горящим взглядом). Теперь надо быть поосторожнее, чтобы ненароком не налететь на Бэрронса, если он резко остановится. И хоть на данный момент я и не фанатею от него, не скрою, его спина - прекрасное зрелище, черт возьми. С решимостью, которой я завидую, он подходит к кабинету Риодана, прижимает ладонь к двери и входит внутрь, не подозревая о супершпионке мисс Лейн, преследующей его по пятам.

Когда дверь со свистом закрывается за нами, до меня доходит, что мне предстоит стать свидетелем разговора с глазу на глаз между Бэрронсом и Риоданом. Сказать, что я вся внимание, это не сказать ничего. Смотрю вниз, чтобы убедиться, что с меня не капает, и не могу нарадоваться стеклянному полу, ведь на ковре могли бы остаться вмятины, выдающие меня.

Риодан сидит за своим столом и играет с ножом. Черная рукоять, черное лезвие - что-то древнее. Кроме ножа на столе ничего нет. Что-то подсказывает мне, что после того, как Лор на прошлой неделе устроил на нем свидание, этот стол протирали ни раз. На полированной рукояти из черного дерева играют блики света, когда он вращает нож в своих руках.

Он одет как всегда безупречно, в темные, сшитые на заказ, брюки и рубашку в тонкую полоску, с завернутыми рукавами, открывающими взору крепкие, покрытые шрамами руки и серебряный браслет, такой же как у Бэрронса. Я тут же вспоминаю тот, что был вчера на Джаде. Интересно, где она взяла его? Я его толком не рассмотрела из-за того, что он был прикрыт рукавом.

Аккуратно, чтобы ни на что не наткнуться, что гораздо сложнее, чем можно подумать, когда себя не видишь, подхожу ближе и с любопытством его рассматриваю. Я ни за что не признаюсь в этом, но считаю Риодана чертовски привлекательным. Никогда не стала бы его так пристально разглядывать, будь я видимой. Что-то в нем отбивает всякую охоту. Точеные черты его лица застыли больше обычного, подбородок покрыт щетиной. Сейчас он больше похож на безжалостного наемника, вынужденного носить костюм, чем на цивилизованного бизнесмена. Виски практически выбриты, а густые короткие волосы взъерошены, словно он запускал в них пальцы. Не раз. Эти мелочи демонстрируют, как глубоко Риодан обеспокоен.

- Больше не прикрываешься бумажной работой, - издевается Бэрронс.

Риодан даже глаз не поднимает.

- Она прислала мне утром послание. Говорит, что уничтожит Честер, если я не отдам ей Мак. Представь себе. Угрожает мне. Пару недель назад была ребенком. А теперь женщина. Охренеть. Взрослая, хладнокровная женщина с острым, как мой нож, умом, холодная и обжигающая одновременно, как лед. И чертовски опасная. Она и ребенком была опасной.

- А я отправил послание им, - сообщает Бэрронс. - Сказал, что если не вернут Мак, то я сравняю на хрен с землей аббатство.

О, так они подозревают друг друга в том, что другая сторона смогла меня каким-то образом умыкнуть. Вечер, наверное, закончился враждебным противостоянием. Удивлена, что первым делом по утру Риодан с девяткой не вернулся в аббатство и не похитил Джаду, чтобы запереть её в своем подземелье.

- Думаешь, они схватили Мак, - говорит Риодан.

- Не уверен. Я резко перестал чувствовать её присутствие. И не чувствую его с тех самых пор.

- Волнуешься за нее, - это вопрос, хотя интонация Риодана не изменилась. Выжидаю, что же ему на это ответит Бэрронс.

- Нет.

Я в шоке. И это всё? Одно несчастное «нет»? Ему что, всё равно? Неужели наши отношения закончатся тем, что я, будучи невидимой выясню, что безразлична ему?

- Она вернется, - произносит Бэрронс.

- Храня в себе Синсар Дабх и имея в своем распоряжении фактически безграничную силу, ни ты, ни я не удержались бы от соблазна.

Он не удержался бы? Вот же дерьмо. Ну всё. Я обречена.

- Однажды у нее получилось. Получится и сейчас. У Мак внутри есть свет, который невозможно погасить.

Я засияла, словно крылья за спиной выросли. Пуленепробиваемые. Если вера Бэрронса в меня настолько непоколебима, я всё смогу. Но тут же скривилась. Если он так в меня верит, стоило доверять мне и дать самой разобраться с тем, что произошло между нами в ту первую ночь. Прищурившись, я показываю ему средний палец.

- По виду ей лет восемнадцать-девятнадцать, - произносит Риодан.

- В физическом плане я бы дал ей двадцать, - говорит Бэрронс. - А по умственному развитию - все тридцать, причем прожила она их в годы жестокой войны.

Если они говорят о Джаде (она же Дэни), я согласна с Бэрронсом.

- Она холодна, как лед.

- Раньше ты волновался, что она не доживет до зрелости, - отвечает Бэрронс. - Больше об этом можешь не переживать.

- Она чертовски красива.

С мгновенье Бэрронс изучает его, а затем говорит:

- И подходит тебе по возрасту.

- Я не для того оберегал её.

- Чушь. Мы все прекрасно понимали, какой женщиной она станет. Просто не думали, что это произойдет так быстро.

- Я хотел, чтобы у нее было... О, черт, это не важно!

- Детство, которого она была лишена. Этому не бывать. Смирись.

Риодан улыбается.

- Любил наблюдать за ней. Такой юной. Дерзкой. А нос так задирала, словно была неуязвимой. И на это у неё были ещё годы.

- Она до сих пор важничает. И считает себя неуязвимой.

- Она шла на поправку. Но они разругались с Мак, и это очень навредило ей. Я должен был быть для неё центральной опорой, на которой держится крыша. Должен был дать ей время прийти в себя, понять, кем она хочет быть. Думал, если уберегу её от трудностей хотя бы на несколько лет, она сможет стать цельной. Позволял ей быть непокорной, давая возможность воевать со мной, а не с целым миром. Теперь этот подход не работает, - Риодан надолго замолчал. А когда заговорил снова, его голос был низким и резким. - Такое ощущение, что моя Дэни умерла.

Я с трудом удержалась от шумного вдоха. Я, может, и невидима, но не неслышима. Скорбь в его голосе напомнила мне о моей собственной. Если Джада это действительно Дэни, то я больше никогда не увижу ту озорную улыбку, те сияющие глаза, никогда не услышу, как она коверкает английский. Тот день, когда я загнала её в Зеркалье был прощальной, последней возможностью побыть с девчонкой, которую я полюбила как сестру. Он прав: такое ощущение, что моя Дэни умерла. Четырнадцатилетняя девочка исчезла. Исчезла безвозвратно. Навсегда.

- Когда мы захватим ее?

Риодан аккуратно кладет темный клинок на пустой стол и поднимает взгляд.

- Мы не будем этого делать. С Джадой это не работает. Она лишь станет сопротивляться сильнее. Лор с ума сойдет, когда увидит её. Он обожал малявку, - он потер подбородок, и офис наполнило шуршание щетины под рукой. Я затаила дыхание, прислушиваясь к звукам собственного тела. - Кстати, как мне вытащить Лора из состояния при-йя.

- Он не при-йя, - сообщает Бэрронс.

- Мак сказала...

- Она солгала, - сухо произносит Бэрронс

Вот так сразу взял и сдал меня.

- А ты не сказал мне.

- Ты тоже скрыл от меня кое-что. Ты знал об альтер-эго Дэни.

- Мак знает слишком много, - меняет тему Риодан.

- Как и Джада. Мир уже не тот. И женщины уже другие. Мы изменились. Как и наш кодекс.

- Как удобно. А теперь расскажи об этом Кастео. Прости, но ты, тупица, выбрал неподходящее столетие для того, чтобы оставить при себе приглянувшуюся женщину.

- Мы сделали то, что сделали, не по этой причине, и ты знаешь это.

- Я знаю лишь то, что ради Мак ты нарушил всевозможные правила, брат.

- Ты и сам такой, Ри. Только вот я тебя поддерживаю.

- Лор не при-йя, - Риодан с отвращением качает головой. - Принцессы не могут обратить нас. Сукин сын, а Мак...

- Моя, - категорично отрезает Бэрронс. - Не лезь к ней. Если у тебя проблемы с Мак, решай их со мной. Я её щит, её чертова вторая кожа.

Ух ты. Мне пока защита не очень-то и нужна, но всё равно приятно.

Риодан с ревом подпрыгивает и так быстро вылетает в дверь, что я в нерешительности замираю, не зная, с кем из них остаться. Но Бэрронс решает за меня, отправляясь вслед за Риоданом, и мне приходится бежать, чтобы не отстать. Я кошусь на свои туфли. Хоть у них и прорезиненная подошва, они всё равно издают звук. К счастью, так же, как и их обувь.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, куда направляется Риодан, и я ни за что это не пропущу.

Если Лор думает, что это освобождает его от долга передо мной, то он глубоко заблуждается. В его распоряжении были почти полные две недели, о которых мы договорились.

Это Бэрронс сдал его. Не я.

Глава 26

*У меня под каблуком эта сиамская кошечка*⁵³

Лор

- Ты определенно трахаешься лучше всех, - сообщает Джо, обессиленно откидываясь на кровать. Короткие темные волосы растрепаны, макияж стерт, она скользкая от пота, а её взгляд стеклянный из-за недосыпа.

Она и сама чертовски классно трахается.

- Боже, ребята, откуда вы родом? Там есть ещё такие как вы?

Я не буду уточнять. Не буду.

- Даже лучше босса?

Она напрягается и закрывает глаза. Я мысленно пинаю себя. А учитывая, что мыслей у меня сейчас не так уж и много, пинать особо сильно не приходится. Так легонечко. Одной ногой. Носочком.

Джо со мной уже сутки. Она покидает кровать, чтобы поесть и в туалет сходить, но всё время возвращается за продолжением. Она то страстная тигрица, то хрупкая женщина, тесно прижимающаяся к моей груди. Она и не подозревает, что лежит в объятиях кровожадного монстра, которого в древних городах прозвали Костоломом. Вечно по локоть в крови, предпочитая на завтрак убийство, живя по принципу: если не можешь трахнуть, съесть или использовать кого-то вместо оружия, просто убей его. Я был ночным кошмаром,

Мне не нужно лезть в её голову за ответом, которым она меня не удостоила. Люди считают, что мы можем читать мысли. Это не так. Мы просто слышим то, о чем они очень громко думают, некоторые из нас лучше, некоторые хуже, каждый в меру своих возможностей. Они все время выдают какую-то информацию, их самые жуткие секреты как тату светятся неоновым светом для всеобщего обозрения. Порочные распутники. Думают о том, о чем не следует думать, и, наоборот, не размышляют над тем, над чем стоило бы.

- Какого хрена ты подразумеваешь под этим «невозможно»? - возмущенно рычу я.

Она ложится на бок, кладет голову на согнутую в локте руку, изящным кулачком подпирая щеку, и смотрит на меня с восхищением. Ее короткие волосы обрамляют утонченное лицо. Она выглядит чертовски привлекательной.

- Ты что, читаешь мои мысли? Ты это умеешь?

Она вовсе не обеспокоена такой вероятностью в отличие от большинства людей на ее месте. Я разжимаю челюсть и рычу:

- Твои последние мысли настолько громкие, что с тем же успехом ты могла бы написать их на чертовом билборде.

Ее глаза сверкают от восхищения.

- Ты сможешь мне отыскать в моей голове необходимую информацию? Может даже, создать файловую систему?

- Твою мать, ты что, шутишь?

Она откидывается на подушки, улыбаясь.

- Ты не пожалеешь ни о секунде потраченного времени. Боже, не могу передать тебе, насколько я рада, что послушалась Мак и пришла сюда! Она была права. Ты именно то, что мне нужно.

- Мак посоветовала тебе потрахаться со мной? Поэтому ты здесь?

Тяжело определить что меня больше бесит: то, что она считает босса круче, или то, что Мак воспользовалась моим предполагаемым состоянием при-йи и направила свою подружку получить незабываемый трах. Ох уж эти женщины.

- Как я рада, что ты ничего не будешь помнить из всего этого, - весело говорит она. - Я могу говорить все, что угодно. Делать все, что вздумается. Ты хоть представляешь, какое ощущение свободы это дает? Я могу неделями здесь находиться!

Такое впечатление, что она уже в хренов тысячный раз повторяет эту хрень, и меня просто охренительно тошнит от того, что я слышу. «Как я рада, что пришла повидаться с тобой! И еще

⁵³Rolling Stones/Under my Thumb

больше меня радует то, что ты ничегошеньки не будешь помнить!» Да пошло оно все нахрен. Я-то буду помнить каждую чертову деталь.

- А чем это Риодан круче? - не верю я в это. - Что он такого может, чего я не могу? - поверить не могу, что я сказал это. Но сейчас я делаю кучу всякой фигни, которой раньше не страдал: попался в магическую ловушку, договорился с Мак, трахнул брюнетку впервые за целую вечность.

Понимаете, я разделяю женщин на определенные категории, и если бы блондинки знали, по какому принципу, они бы наверняка перестали штабелями укладываться в мою постель. Чем светлее волосы у женщины, тем светлее должны быть корни её волос, и тем меньше у меня соблазна удерживать такую. Трудно найти ту, у которой натуральный платиновый цвет от кончиков волос до корней и которой больше двадцати пяти, разве что цыпочка фейри. Женщины, которые идеально освещают волосы, ищут как раз то, и только то, что я способен им дать: трах.

Чем темнее волосы, тем сложнее с ней иметь дело. Если женщина не содержит в идеальном состоянии свои волосы, ногти, одежду, это значит, что у неё куча лишнего времени на разговоры, свидания, огласку отношений. Она требует уважения, черт возьми. И я с удовольствием его предоставляю. Я уважаю их все то время, когда они находятся в моей постели и после того, как покидают ее. Я флиртую с ними, говорю им какие они красивые, ненавязчиво направляя их к другому мужчине, который поможет им забыть меня. Я даже достаю еду, лекарства и всякую всячину для их детей, потому как времена сейчас тяжелые. Но если одна из них начинает быть навязчивой, то у меня сразу появляется куча работы на горизонте. Например, в другой стране.

И если женщина решает переместиться в категорию брюнеток, то это означает, что она уже знает, что ей нужно, и любит себя настолько, что не собирается меняться, и скорее всего попытается изменить тебя.

Брюнетки назойливы. Даже те, которые выглядят утонченными и хрупкими.

Сисястые блондинки - сплошное веселье, они искрометны, шикарны, горячи. Люблю их. У меня даже крышу сносит от них. Они делают мою жизнь простой и сладкой. Они не пробуждают во мне ни одно из чувств, которые превращают меня в Костолома.

- Дело не в том, что он может, - медленно произносит Джо. - А в том, какой он, - ее взгляд становится серьезным. - Он невероятно умный, опережает всех и всегда на несколько ходов.

Да ладно, это все фигня. Он не настолько умен. Я победил его в Триаде. Однажды. Около десяти тысяч лет назад.

- Раньше я думала, что ему нет ни до кого и ни до чего дела, но это не так. Просто ему нет дела до меня. Он очень страстный. Поэтому он всегда так контролирует себя.

Дай же мне, мать твою, хоть немного передохнуть. Он контролирует себя, потому что помешан на контроле. Это же и слепому видно. Каждый хренов раз, когда он заставляет нас переезжать, все заканчивается тем, что он подминает под себя империю: становится королем, диктатором или языческим божком.

- Думаю, что он является клеем, который держит вас всех вместе. Вы его семья, и он сделает все, чтобы уберечь вас.

Ладно, в этом она права. У нас бывали трудные времена. Без босса, я даже не знаю, где бы мы все были. Нас разбросало бы по всему земному шару, если не по вселенной. Были бы одиночками. Было бы трудно. Но он заставляет нас держаться вместе. И мы рады, что он это делает. Ну, большая часть из нас рада.

- Я вижу, как он относится к своему окружению, хотела бы я быть одной из тех, кого он ценит, за кого готов бороться. Хотела бы чтобы он прилагал в отношении меня те же усилия, которые прилагает в отношении людей небезразличных ему. Как, например, с Дэни.

Не стал я говорить ей о том, что ни один человек не будет важен боссу так, как Дэни.

- Какое отношение, мать твою, ко всему этому имеет секс? Ты говоришь не о крутости в постели, детка. Ты говоришь о том, как ты хочешь мужчину, который не хочет тебя так же сильно, как ты его, и скорее всего именно по этой причине. Босс не чертов приз.

Цыпочки. Иисусе. Иногда они просто не понимают этого.

- Риодан... - она прерывает саму себя, резко качает головой и, кажется, твою ж мать, наконец-то, решает отступить, но всё-таки продолжает и портит все словами, сказанными сквозь смех: - по крайней мере, не блондин.

Я подозрительно смотрю на нее и провожу рукой по своим светлым волосам. Я просто отказываюсь верить, что женщины тоже делят нас на категории.

- А какое нахрен отношение к этому имеет цвет моих волос?

- Блондины горячи и сексуальны, и... Ну, веселые и все такое, но по какой-то причине я обычно избегаю их. Меня заводят темноволосые. Не знаю, я к ним более серьезно отношусь что ли. Они... - она мечтательно вздыхает: - опаснее. Риодан определенно опаснее тебя. Вот если серьезно, ну чем ты занимаешься? Трахаешь блондинок и ведешь себя как неандерталец. Давай все-таки вернемся к делу. Можешь ли ты читать мысли и помочь мне упорядочить мои? И если да, то что хочешь взамен?

- Ты думаешь, - пытаюсь сказать без рычания я. Ну ладно, может, я и рычу немного: - что Риодан опаснее меня.

Мало того, что она оскорбила мой член и мои навыки владения им, так она ещё и оскорбила все мое существо.

- Я не хочу говорить о нем. Я пришла сюда, чтобы забыть его. Можем мы не говорить о нем?

- Ты сама о нем вспомнила.

- Не правда.

- Косвенно. И не говори мне, что я трахаюсь лучше всех, если ты так не считаешь.

- Удивительно, что ты такой разговорчивый. Я думала, что при-йя пустоголовые. Или ты не можешь найти своему рту лучшего применения?

- О, сладенькая, поверь я знаю, как его применить получше. Получше, чем все остальные тут, - и я докажу это. Ей нравится опасность? Я покажу ей что такое опасность. - И, видать, мою голову невозможно опустошить.

Она смеется.

- Твою? Ну-ну.

Я рычу. Парочка цепей определенно помогли бы делу. Посмотрим, кто тут трахается лучше всех, когда я закончу с ней.

Когда она снова взбирается на меня, я переворачиваю ее и рычу:

- Руки над головой, женщина.

С хриплым смехом она откидывается на спину и подчиняется.

Очень скоро ей будет не до смеха.

Сердито хмурясь и жалея о том, что в этой комнате нет цепей - черт возьми, как может она видеть такое мое лицо и не чувствовать опасности? - я выуживаю из-под простыней шарфы, которыми вереница блондинок снабдила меня с определенной целью, и связываю ими ее запястья, крепко привязывая ее к столбам у изголовья кровати.

А затем делаю то, чего раньше себе никогда не позволял, привязываю и ее ступни тоже, думая: «Мужик, она не должна позволять тебе делать это.» А затем: «Мужик, что ты вообще творишь?»

Передо мной обнаженная и распластанная Джо, ноги широко разведены, она полностью отдана на мою милость, а я совершенно не собираюсь в отношении нее проявлять хотя бы каплю милосердия. Она не выберется из этой кровати, пока не получит самый головокружительный оргазм в своей жизни, за которым последуют сотни и сотни других. Я буду держать ее тут многие недели.

Я не выпущу её, пока она не скажет, что я трахаюсь лучше всех. Искренне. Пока не сделаю её своей при-йя. Пока она не поймет, что я не просто хренов второсортный веселый паренек, черт возьми, а один из самых ужасных убийц, каких видел старый свет. У меня всё под контролем. За полторы недели я пропитался сексом. И я уже насытился. Почти.

У нас тут в Честере что-то типа соревнования. Кому понравится быть вторым после лучшего? Поэтому мы не делимся бабами. Телка моя, даже если я трахнул её всего раз. Вот почему на четвертом уровне такая текучка.

Она смотрит прямо на меня и прикусывает нижнюю губу.

- Я никогда не позволяла Риодану вытворять со мной такое, - задыхаясь, говорит она.

Мудро поступала. И зря перестала.

Одно очко в пользу Лора. Я делаю что-то, чего не делал босс.

И я собираюсь сделать еще парочку вещей, которые, я гаран-нахрен-тирую, Риодан точно не делал.

Глава 27

*Ты смотришь в прицел или ты под прицелом?*⁵⁴

Мак

Я невидимка. И нахожусь в закрытом лифте вместе с Бэрронсом и Риоданом. Вполне возможно, что это одна из самых напряженных ситуаций в моей жизни. Она лишь немного уступает по накалу тому случаю, когда меня пытал Мэллис.

Я и не задумывалась о том, насколько велика вероятность того, что я могу выдать свое присутствие каким-нибудь звуком, пока не возникла необходимость избежать этого любой ценой. Ведь я могу чихнуть. Икнуть. Пукнуть. Могу забыть пошире расставить ноги при ходьбе и зашуршать джинсами. Один из моих суставов может хрустнуть. Ведь, несмотря на юный возраст, у меня было уже несколько переломов, и иногда костяшки пальцев напоминают мне об этом. Стоит только заурчать животу - и я раскрыта. У этих мужчин невероятно острое восприятие.

Я делаю мысленную заметку: не есть перед тем, как шпионить в следующий раз, чтобы не пришлось переживать о том, что в животе будет бурчать, когда пища начнет перевариваться. Но тут же до меня доходит, что если я не поем, то желудок может заурчать от голода. Видимо, придется есть часто, но маленькими порциями и легкоусваиваемую пищу, чтобы снизить вероятность и того, и другого, пока я буду исследовать запретную часть моего мира.

Я забила в угол, подальше от них, пытаюсь занимать как можно меньше места, едва дыша. И молюсь, чтобы этот спуск был коротким.

И хоть он кажется мне бесконечным, мы остановились, спустившись всего на два уровня. Риодан выходит из лифта, Бэрронс тут же следует за ним. Мне снова приходится бежать, чтобы поспеть за ними.

Не доходя до конца коридора, Риодан прижимает ладонь к стене и орет:

- Выметайся оттуда нахрен немедленно, Лор!

Как раз, когда открывается дверь, я догоняю их и заглядываю внутрь.

Риодан врывается в комнату. И останавливается. Как вкопанный.

Я подаюсь вперед и... Ого. Вау. Ого. Похоже, Джо прислушалась к моему совету. Ринулась в омут с головой.

Жутко раздражает, что в очередной раз на этой неделе приходится наблюдать за секс-марафоном Лора. Похоже, вселенная надо мной издевается, тыкая носом в то, что в отличие от меня, у него бурная личная жизнь.

Мы втроем стоим и таращимся на них.

Джо с Лором застыли и таращатся в ответ. Но, учитывая, как крепко связана Джо, она не смогла бы пошевелиться, даже если бы и захотела.

Бэрронс тихо смеется.

- Вот это удивили.

Джо распластана и привязана к кровати, Лор у неё между ног. Прямо сейчас они не занимаются сексом, но по смятым простыням, тому, как вспотел Лор, и по взлохмаченным волосам Джо понятно, что это далеко не первый круг их забега.

В последнее время я слишком часто вижу Лора голым. Я хмуро смотрю на Бэрронса. Ну почему у нас так давно не было секса?

- Проваливайте на хрен отсюда, - рычит Лор.

- Ты покойник, - спокойно отвечает Риодан.

Тщетно пытаюсь пошевелиться (мне даже с моим ограниченным обзором видно, что Лор умеет завязывать узлы), Джо отвечает:

- Риодан, это не его вина! Он не хотел спать со мной. Я его заставила...

⁵⁴Linkin Park/Until it Breaks

- Как бабы нахрен додумались до этой фразы? - рычит Лор. - Мужики не хотят спать с ними. Они хотят трахаться. И никто меня не заставлял ничего делать.

- ...сделать это. Я узнала, что он превратился в при-йю. И воспользовалась им.

- Он покойник, потому что соврал мне, Джо. А не потому что трахался с тобой. Хотя я и предпочел бы этого не видеть.

Я искоса смотрю на Риодана. Он, прищурившись, наблюдает за Джо. То, что он увидел их вместе, задело лишь одно его чувство - чувство собственности. Но тем не менее я рада за Джо, хоть какое-то удовлетворение.

- Я не хотела, чтобы ты это увидел, - тихо произносит Джо, глядя ему в глаза.

- Он не при-йя. Он притворяется. Лжет, - небрежно бросает бомбу Риодан, наблюдая за тем, как она детонирует.

Джо бледнеет и впиивается взглядом в лицо Лора.

- Это правда? Ты не при-йя?

- А какая тебе нахрен разница? Ты хотела трахаться со мной. Просила стереть вкус босса с твоих губ. Я это сделал.

- Стереть вкус с твоих губ... - произносит Риодан, - Господи, Джо.

- Не то, что бы эта идея пришла ко мне случайно, - оправдывается Джо. - Мак мне...

- Слазь с неё, Лор, - приказывает Риодан.

Прекрасно, очередной повод для Риодана ненавидеть меня.

- ...посоветовала это, потому что думала, что так будет...

- А ты-то чему возмущаешься? - перебивает её Лор. - Если у кого и есть право возмущаться, то у меня. Тебе же до меня и дела не было. И нужен был только мой член. Ты хоть представляешь, сколько раз повторила, как безумно рада, что я ничего не буду помнить? Так вот, Джо, я прекрасно помню каждую долбаную деталь. Они все запечатлены в моем микроскопическом, по твоему мнению, мозгу.

- Она считает, что у тебя микроскопический мозг. И прямо заявила об этом, - поражается Бэрронс.

- Очевидно. И ещё считает меня не опасным.

- Теперь мне ясно, почему ты её связал.

- Ты притворялся? - снова спрашивает Джо, словно до неё еще не дошло. - Но всё это время я делала и говорила все это, только потому что думала...

- Я все прекрасно понимал, детка, - отвечает Лор беспощадно улыбаясь. - Всё. Это. Время. Помню каждое твое долбаное слово. Твою раскованность. Каждый твой стон. Может повторишь ещё разок, какой идеальный у меня член и какой я горячий?

Изучая Лора, я понимаю, что в нем говорит не просто чувство уязвленного самолюбия. Неужели Джо смогла зацепить его глубже?

Джо ошарашена. Её тонкие черты искажает буря эмоций: стыд, страх, настороженность. И всё это за считанные секунды. Но все они отходят на второй план, когда она, возвращаясь к предыдущей мысли, продолжает:

- Подожди-ка. Мак знала, что ты не при-йя?

Вот черт. Это не должно было выплыть наружу. Никто не должен был узнать об этой несущественной детали. Повезло мне, что я стала невидимкой.

- Конечно, знала, - невозмутимо отвечает Лор.

Почему все так быстро сдают меня?

- Слазь нахрен с Джо. Немедленно, - требует Риодан.

- Ревнуешь, босс?

- Не зли меня. В коридор. Если, конечно, не хочешь, чтобы мы разобрались с этим делом на глазах у Джо. Что приведет к её смерти.

Джо судорожно глотает воздух.

Риодан разворачивается и выходит из комнаты так резко, что я едва успеваю отойти в сторону. Прижимаясь к стене снаружи, я задерживаю дыхание, не слишком надолго, правда, иначе всё закончится глубоким и шумным вдохом. Медленно выдыхаю, пока Джо требует:

- Развяжи меня.

- Ни за что, - отрезает Лор. - Я с тобой ещё не закончил.

Лор присоединяется к нам в коридоре. Голый. И до сих пор возбужденный. Когда он хлопает ладонью, закрывая дверь, раздаётся крик Джо:

- Эй! Я сказала, развяжи меня! Я бы ни за что не пришла сюда, если бы знала, что ты не при-йя!

- Ты только все осложняешь, сладкая, - бросает через плечо Лор.

- Ты не можешь так меня оставить!

- Ещё как могу, - говорит он. - Не переживай, детка. Я вернусь, чтобы закончить то, что начал.

- Я не это имела... - дверь закрывается, обрывая ответ Джо. Комнаты здесь хорошо звукоизолированы.

- Ни хрена ты не закончишь, - сообщает Риодан.

- Потому что она твоя? - спрашивает Лор. - У неё с тобой всё кончено.

Риодан смотрит на дверь, чтобы убедиться в том, что она закрыта.

- У меня было с ней всё кончено ещё несколько месяцев назад. Я ждал, пока она уйдет. Но не к тебе. Ты, похоже, забыл два основных наших правила: мы не трахаемся с женщинами друг друга и не лжем друг другу.

- Я не просил об этом. Она пришла и прогнала моих девочек. Она рыдала, твою мать, а ты прекрасно знаешь, я не выношу, когда цыпочки...

- Дэни вернулась. Она выглядит на пять лет старше. Как минимум. Она захватила контроль над аббатством.

Лор замер.

- Как это случилось, черт возьми?

- Мы не знаем, - отвечает Бэрронс. - Она не разговаривает с нами.

- Так заставь её, - говорит Лор.

- Теперь это не так просто, как прежде, - отвечает Риодан.

- Как она? Что произошло? С ней всё в порядке?

- Оденсья уже нахрен. Мой офис. Пять минут.

- А что с Джо?

- Я разберусь с Джо, - отвечает холодно Риодан.

- Ты не убьешь её, - резко говорит Лор.

- Я и не говорил, что собираюсь. Но это третье правило, о котором, ты, кажется, забыл: здесь я решаю. За тебя тоже решаю я. Если тебе это не нравится, тем нахрен хуже для тебя. Потому что ты остаешься здесь. Так что приди в себя. Быстро.

Риодан уходит. Он выглядит довольным. Бэрронс следует за ним.

Я в восторге от своего нового состояния: у меня собственное реалити-шоу, ведь я узнала столько смачных и грязных подробностей. Я спешно следую за ними.

Глава 28

*Не играй со мной, потому что ты играешь с огнем*⁵⁵

Мак

Когда мы добрались до офиса Риодана, Бэрронс сослался на дела. Я внезапно оказалась перед выбором и приняла неожиданное решение - остаться с Риоданом. Хотя я просто умираю от желания выяснить, что за «дела» у Бэрронса (очень скоро я удовлетворю свое любопытство), мужчина, заправляющий Честером, завладел моим вниманием. Тщательно присмотревшись к нему, я поняла, что он гораздо сложнее, чем я думала.

Он щадил чувства Джо. И хоть и не показывал этого, но готов был покончить с ней ещё несколько месяцев назад и просто ждал, пока она сама порвет с ним. А это не так уж и просто. В

⁵⁵RollingStones/PlaywithFire

голове не укладывается, что этот безжалостный, прагматичный мужчина пошел на подобное, только чтобы не причинять боль смертной женщине.

Когда он зашел в свой кабинет, я последовала за ним. Но как только за мной закрылась дверь, поняла, что застряла здесь до тех пор, пока он не решит снова уйти. Он достает мобильный телефон, который по идее не должен работать, и набирает номер. Надеюсь, не для того, чтобы вызвать женщину, и с её помощью стереть воспоминания о Джо и Лоре. Не горю желанием смотреть на то, как Риодан занимается сексом.

Может, я и не стала бы сильно возражать против этого, если бы не знала его лично и не была бы вынуждена так часто сталкиваться с ним. Да и вообще не в настроении я наблюдать, как все вокруг занимаются сексом. Ведь у меня самой шансы на это невелики, учитывая мою невидимость и то, как раздражает меня единственный мужчина, с которым мне хочется заняться сексом.

- Фейд, тащи свою задницу в комнату Лора и развяжи Джо, - он замолкает на мгновение. - Не твое, нахрен, дело почему она там привязана. Просто отвяжи её. И мне плевать на то, что она будет говорить или делать. Даже если её подхватит торнадо и опустит прямиком на твой член, ты не станешь её трахать, - очередная пауза. - Да, она голая. И нет, это вовсе не круто. Хрен с тобой. Забей. Отведи туда одну из официанток. Жди снаружи, пока она будет отвязывать её. Потом скажи Джо, что она уволена, - пауза. - На то, что подумает официантка, мне тоже наплевать. Уволь и её.

Он нажал отбой, сунул телефон в карман, плюхнулся в огромное кожаное кресло за рабочим столом, взял темный клинок и продолжил вертеть его в руках. Что такого особенного в этом ноже?

Когда дверь с шипением открылась, я задумалась, не воспользоваться ли мне возможностью, чтобы уйти.

Мои раздумья прервал Темный, которого Дэни прозвала «Папа Таракан». Я вздрогнула от отвращения, когда он вошел. Понимаю, за что она его так окрестила. Тысяча созданий, похожих на тараканов, взбираясь друг на друга, создают единое существо. Это те же жуки, которых пускают себе под кожу официантки, чтобы те поедали их жир. Папа Таракан ростом около 125 сантиметров с толстыми ногами коричневатого-бордового оттенка, с шестью руками и головой размером с грецкий орех. При движении он колыхается как желатин, потому что его бесчисленные индивидуальные части постоянно перемещаются, чтобы сохранить единство. У него клювообразный рот с тонкими губами и круглые странные глаза без век. Когда он вошел, несколько тараканов соскочили с него. Я брезгливо прижалась к стене, не горя желанием, чтобы они суетливо сновали возле моей обуви. Они достаточно малы и могут стать невидимыми, и если кто-то это заметит, то у меня могут начаться проблемы.

- Держи свои дерьмовые части вместе, когда ты в моем хреновом офисе, - рявкает Риодан.

Жуки поспешили обратно к Папе Таракану, взобрались по ноге и уселись в колене.

Я сдержала вздох облегчения, который так и рвался наружу.

Когда Папа Таракан заговорил, я снова вздрогнула. Его голос звучит именно так, как я себе и представляла: сухой, злорадный, с присущим насекомому шуршанием.

- Та, которую ты называешь Джадой, покинула аббатство. Мы потеряли ее из виду в паре кварталов отсюда.

- Кастео.

- Не проронил ни слова. Женщина только-только начала говорить с ним.

Интересно, что за женщина?

- Черная дыра в церкви.

- Ежеминутно увеличивается.

- Темные Принцы.

- Замышляют отобрать копьё у женщины и убить Р'джана.

Рука тут же тянется к копьё. Но на этот раз, меня не атакуют образы смерти и разрушения. Моя Книга на удивление бездейственна.

- Их укрепления.

- Без изменений. Они расслабились, после встречи с тобой. Верят, что ты думаешь, будто они у тебя под контролем. Считают, что у них есть преимущество, о котором ты не знаешь. Думают, что ты переоцениваешь себя.

Я думала, что Риодан уделит этому вопросу больше внимания, но он продолжает:

- Местоположение Р'джана.
- Три дня назад переехал в старый дом МакКейба и укрепляется там. Создается впечатление, что собирается там остаться.
- Сообщи мне детали о его оборонительных сооружениях. В течение часа. Шон О'Баннион.
- Прошлой ночью общался на Темпл Бар. Предлагал услуги по восстановлению пабов и магазинов за определенную плату и ясно дал понять, что для него приемлем только обмен товаров на валюту.
- Темные Принцессы.
- Пока мы видели всего одну. Недавно встретили ее с Джадой. Они объединили усилия на взаимовыгодных условиях.
- Каких.
- Джада предложила убить Темных Принцев в обмен на местоположение Кровавой Ведьмы. Принцесса обдумывает ее предложение.
- Отправь Принцессе сообщение. Она обменяется услугами со мной, а не с Джадой. И не останется в накладе. Горцы.

А я-то думала, он её остерегается! Какого черта тогда заставил меня околачиваться тут, если готов встретиться с ней в мое отсутствие?

- Р'джан предоставил им троих способных просеиваться Светлых для помощи в поисках в обмен на защиту от его многочисленных врагов. Видимо, у них есть знания фейри, которые он находит полезными.

Я слушаю со всё большим изумлением. Шпионская сеть Риодана стоит прямо передо мной единым организмом, состоящим из тысяч разумных «жучков». Он в буквальном смысле «зажучил» весь чертов город. Папа Таракан отправляет тараканчиков шмыгать под дверьми и шпионить за всем, что происходит в Дублине, а потом докладывать об этом. Неудивительно, что Риодан знает все и обо всех!

- Темный Король.
 - Судя по всему, его нет в Дублине.
- Ох, как он ошибается.
- Мак.
 - Такое ощущение, что она просто исчезла.
- Я самодовольно улыбаюсь.
- Танцор.
 - Успешно периодически нас избегает. Неизвестно, как ему это удастся. Проводит уйму времени в лабораториях Тринити, экспериментируя. Недавно стал проявлять интерес к женщине-музыканту.
 - Какого рода интерес.
 - Мы не видели их трахающимися.
 - Пещера под аббатством.
 - У нас больше нет возможности проникать туда. Двери закрыты. Даже щели не осталось.
- И что за хрень? Нам не удавалось запереть эти двери. Кто, как и когда закрыл их?
- Недавно ты пренебрег упомянуть о кое-каких деталях, имеющих значение. Если ты заметишь какие-либо изменения в окрестностях аббатства или логова принцев, и неважно сколь незначительными они могут тебе показаться, немедленно доложить мне.

- Понял.

Папа Таракан подождал мгновение и, когда новых требований не последовало, продолжил:

- Наша вынужденная служба подходит к концу. Продление договора будет стоить дороже. Появились другие, заинтересованные в наших услугах.

- Впервые в жизни за целое тысячелетие ты можешь свободно передвигаться среди людей в своем первоизданном виде, и все это только благодаря тому, что фейри явили себя миру, и этот мир считает тебя одним из них. Выведи меня, и я сделаю так, что фейри исчезнут из этого мира, а ты снова отправишься влачить свое существование в щелях, трещинах и окопах, где ты довольствовался гниющими трупами с начала времен. Ты обновишь свой договор на тех же условиях. Я всегда заботился о твоих потребностях.

Ошеломленная услышанным, я моргаю. Папа Таракан вовсе не фея? Тогда кто он нахрен такой? Насколько же необъятен и многогранен мир, которым управляет Риодан!

Но тут меня посещает мысль похуже. Неужели с незапамятных времен шпионами были все тараканы? Или только какие-то определенные виды? Не поэтому ли мы то и дело обнаруживаем в ванной такого, который все никак не умирает, вне зависимости от количества лака для волос которое мы обрушиваем на него и от того, как неистово пытаемся его раздавить?

Папа Таракан издает глубокий, сухой, скрежещущий звук, противный до дрожи.

- Наши потребности возросли.

- Ты наслаждаешься паразитирующими отношениями с людьми, которые раньше были тебе недоступны.

- Мы хотим, чтобы в обязательном порядке каждый человек поселил в себе одного из нас.

Я содрогаюсь.

Риодан поднимает темный клинок и забавляется с ним.

- Мы обсудим это при следующем обновлении договора.

Круглые глаза Папы Таракана сосредоточены на темном лезвии. Его клюв приоткрылся, демонстрируя несколько рядов мелких, острых зубов.

И внезапно меня осеняет, что я знаю применение этого лезвия. Оно может убить Папу Таракана, кем бы он там ни был.

- Как пожелаешь.

Когда Папа Таракан уходит, появляется Лор.

Одетый.

Я принимаю решение остаться еще на какое-то время и уйти вместе с Лором. Кто знает, что я еще могу здесь выяснить?

- Сядь, - резко бросает Риодан.

Лор подходит к столу, усаживаясь на стул и отбрасывает свои светлые волосы рукой. Он выглядит настороженным. И я его понимаю. Риодан чертовски непредсказуем. Не зря его манеру решать дела называют «эффектом молотка». Он славится тем, что дожидается удобного момента, собирая информацию и анализируя ее. А когда принимает решение, судейский молоток опускается, и все, кто взбесил его или обидел, или просто сделал что-то против его воли, умирают.

- Что там с Дэни? - спрашивает Лор.

Риодан кладет клинок на стол.

- Помнишь, как Фейд рассказал нам, что обнаружил ребенка, способного передвигаться как мы. Летящего по улицам. Изображающего из себя супергероя.

Лор смеется.

- Черт, конечно помню. Мы все подозревали друг друга в нарушении кодекса. Считали, что её появление - на совести одного из нас. Рыжеволосая худышка с железными яйцами. Я присматривал за ней, даже когда была не моя очередь наблюдать за тем, что она выкинет. Малявка переплюнула Netflix⁵⁶.

- Я и не думал о ней, пока не обнаружил охраняемый дом, в котором Ровена занималась своими грязными делишками. Старуха вела записи, которые понравились бы Гитлеру. Горы журналов с записями о проведенных ею экспериментах. Дэни была не единственным ее подопытным кроликом. Она зафиксировала каждую деталь. Наркотики, черная магия, манипуляция и принуждение, то как она поместила ее в клетку, превратив ребенка сначала в животное, сторожевого пса, потом в девочку на побегушках и, наконец, в убийцу. Заставляла благодарить за крохи доброты, которые ей доставались. Полностью контролировала ее мать, пока... - Риодан замолкает, стиснув зубы.

- Пока что? - зарычал Лор.

- Это не важно. А важно то, что грандмистрисс появилась в жизни Дэни гораздо раньше, чем она думает. Там дюжина томов, исписанных от корки до корки. Прочтя их, я вышел на охоту.

Риодан - карающий ангел? Да что б меня.

- Что тебе помешало? Старую сучку убила Мак.

⁵⁶Netflix — американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа.

Теперь, после всего услышанного, я нескананно жалею, что не сделала этого раньше. И более болезненным способом.

- Не на Ровену, - отвечает Риодан. - Я охотился на Дэни. Я планировал убить малышку. Сначала. Вот тебе и на. Вот теперь я узнаю его, это мужчина с которым я неперестанно сражаюсь.

- Босс, это бред. Полный бред.

Я энергично киваю, при этом сердито хмурясь.

- Ты охотился на Дэни вместо Ровены? Зачем убивать жертву вместо преступника?

- Я думал жизнь этого ребенка похожа на жизнь другого, которого я знал. Детям не по силам то, с чем могут справиться лишь взрослые. Веками, пока Бэрронс искал способ прекратить мучения своего сына, я заботился о мальчике. Я разделял их боль хренову вечность. Я не мог избавить от страданий своего племянника, зато мог освободить девочку от адского существования.

Меня огорошило то, что я услышала. Даже челюсть отвисла, такое ощущение, что я получила «двойной удар». Племянник? Какой к черту племянник? Он что, шутит? Риодан и Бэрронс братья? Вглядываюсь в его лицо в поисках похожих черт. Значит, когда Риодан назвал его «братом», он действительно имел это ввиду. А я-то считала это всего лишь мужским трёпом. Братья по оружию или что-то в этом роде. Я сердито прищуриваюсь. Ведь это делает меня и Риодана практически... семьей или вроде того. Фу. Второй удар полегче: в его действиях все же было что-то от карающего ангела. Сострадание и Риодан. Кто бы мог подумать.

- Какого хрена ты говоришь об этом именно сейчас? Думал, ты будешь отчитывать меня за Джо. А ты решил слить дерьмо, о котором до сих пор молчал.

Самой интересно. Риодан не объясняет своих мотивов. Никогда.

- Я рассказал тебе, потому что по какой-то непостижимой хреновой причине ты нравишься Дэни. Значит, можешь помочь вернуть ее. И чем больше ты знаешь, тем больше вероятность, что будешь полезен.

- Вернуть ее откуда? - спрашивает Лор. - Что эта сука сделала с ней? И где все эти записи? Хочу взглянуть на них.

- Это сделала не только Ровена. Советую оставить все это.

- А я советую тебе отвалить.

- Однажды ты называл меня королем. А сейчас ты врешь, трахаешь мою бывшую, а вдобавок еще и говоришь мне отвалить. Сбавь обороты, Лор. Ты, может, и изменился. А я - нет.

- Речь идет о моем любимом человеке. Мне нужны имена. Детали. Я вырву им сердца. Спущу с них на хрен шкуру.

- Я уже разобрался с ними.

Мои руки сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони. Заставляю себя разжать руки, чтобы моя кровь не пролилась на пол. Кто-то ещё издевался над Дэни? Кто? Я тоже хочу убить их.

- И все-таки ты позволил старой суке жить, когда все узнал. Какого хрена ты так поступил?

Какой-то нечеловеческий звук зародился в груди Риодана.

- Я собирался запереть Ровену в темной, адской дыре сразу после того, как Бэрронс заполучит Синсар Дабх. Оставить ее в живых, чтобы однажды, когда Дэни вспомнит всё, она могла сама уничтожить ее. Некоторые преступления настолько личные, что кровная месть должна осуществиться тем, кто пострадал от них. Это был единственный подарок, который я мог ей преподнести.

- Дэни не помнит? Как такое возможно?

- Она как будто разделена на части. Не уверен, добилась ли этого старая сука намеренно или это началось ещё до того, как она объявилась в жизни Дэни и просто вставила клин в эту дверь, чтобы раскрыть её. Я посадил ее на цепь в подземелье не из-за того, что она убила Темных в моем клубе. Я пытался выяснить, что она помнит об экспериментах Ро. Я подозревал, что совсем немного. Сканирование ее ума отняло массу времени, и его было чертовски сложно осуществить. В мегамозге этой малышки гораздо больше закрытых дверей, чем в тщательно охраняемой тюрьме. Кое-что Дэни помнит, но скорее всего, самые худшие воспоминания запечатлены в психике ее второй личности, либо вовсе не сохранились. Даже без сознания, ее было чертовски трудно прочесть. Есть вещи, которые она может никогда и не вспомнить. Если нам повезет. Наша супердевушка носит свой собственный криптонит в своей голове.

- Да ты верно шутишь. У моей дорогой малышки раздвоение личности?

- Она больше не малышка. И теперь называет себя Джадой. Она умеет выживать и знает о существовании Дэни. У Джады есть списки и цели. У Дэни - надежды и мечты. Дэни не знает о Джаде. Она знает о ком-то, кого называет «другой», но до конца не осознает, что это вполне сформированная личность.

Лор качает головой.

- И как нахрен я мог такое пропустить?

Как я могла такое пропустить? Я прищуриваюсь и прокручиваю воспоминания в поисках подсказок.

- Их сложно различить. Они практически идентичны, но одна чувствует, а другая нет. В одной горит жизнь, а другая холодна как лед. Одна безжалостно коверкает английский, другая свято следует всем его правилам. Ни намек на эмоции, ни грамма человечности. Их осанки неуловимо отличаются. Я видел, как она меняется четыре раза. Пятый раз был совсем недавно, за пределами клуба, когда она пыталась выяснить, что нужно Ледяному Королю, но тогда она лишь словно носок окунула и тут же отпрянула назад. Каждый раз, когда они менялись местами, ее невозможно было остановить. Ее другая личность удваивает её таланты и возможности. Ты этого просто не видел.

Лор чешет подбородок.

- Не видел. Ведь ты приказал держаться на расстоянии. Мы просто думали, что она потрясающий боец. И пусть временами она холодна, словно камень, все равно она моя сладкая девочка. Я очень горжусь ею, - он улыбается, но улыбка быстро исчезает с его лица. - Ты сказал, что собирался убить ее. Почему не убил?

- Воспоминаний, которые сохранились у Дэни, вполне достаточно чтобы возненавидеть целый мир. Ожесточить сердце. Научить никому не доверять.

- Напоминает кое-кого.

- Я чувствую.

- Возможно. Членом.

- Руками и языком тоже.

- Итак, почему же ты не убил ее?

- Я нашел её на Темпл Бар. Она наблюдала за уличными мимами. С горящим взглядом, стоя на цыпочках позади толпы. Одна рука в кармане, в другой - чизбургер. Она перескакивала с ноги на ногу, чтобы избавиться от энергии, которой всегда у неё в избытке. В её волосах были остатки кишок Темного, которого она недавно убила. У нее никогда не было друзей, она никогда не ходила в школу, не праздновала Дни Рождения или Рождество, все те обыденные явления, которыми люди отмечают ход времени и так ценят.

Я моргаю. Неужели Риодан говорит о человеческом образе жизни с пониманием? Неужели он задумывался об этом?

- Одна. Болтается по улицам. Грязная. В драных джинсах. Два фингала, вся в синяках. Никому в целом мире до нее нет дела. Её просто используют. И она об этом знает.

- Поэтому ты не убил ее? Потому что она была юным, грязным, потрепанным и никому не нужным ребенком? Да мир нахрен переполнен такими.

- Не из-за того, кем она была, а из-за того, что она сделала.

Что вынудило безжалостного, высокомерного Риодана изменить мнение? Мужчина выкован из стали, он устанавливает правила и принуждает следовать им.

- И что же она сделала?

Выражение его лица меняется, глаза застилают воспоминания, едва заметная улыбка играет на губах. И тут я понимаю, что совсем не знаю его. И скорее всего, его никто не знает.

- Она запрокинула голову и рассмеялась. Девчонка нахрен смеялась, ее глаза сверкали. Будто в целом мире не было ничего более захватывающего. Будто её жизнь - головокружительный, фантастический и невообразимый аттракцион. Похрен на боль, на невзгоды. Посреди безнадежности ее непродолжительного адского существования на этой Земле, эта девочка смеялась, - заканчивает он уже шепотом.

Да, это Дэни. Ничто её не сломит. Никогда. Она разделится на части, чтобы справиться с бедами, но продолжит смеяться и жить.

- Кошунство прерывать такую жизнь, - мягко произносит Риодан. - Такую нужно чтить. Приняв необходимые меры, защищать, даже от самой себя, если понадобится. Такую жизнь нужно хранить, - улыбка исчезает, уступая место непробиваемой цивилизованности. Он резко, отрывисто и поделовому говорит: - Она была безрассудной, была убеждена в собственной неуязвимости. Теперь она уже не безрассудна и гораздо сильнее. У нас сейчас две цели: остановить космические аномалии, угрожающие этому миру, и вернуть Дэни. Не обязательно в таком порядке. Я ожидаю от тебя полного посвящения этим целям. И ничему другому. Менее существенными делами займутся остальные.

Риодан поднимается и обходит стол. И даже мне становится ясно, что Лору следует встать и уйти. Удивлена, что он его отпускает. Лор заслужил наказание, а Риодан не из тех, кто легко прощает.

Поняв намек, Лор встает.

- Хорошо, босс, - он хмурится, словно не может подобрать слова, но спустя мгновение все же добавляет: - Как я уже говорил, я не пытался заполучить Джо.

- Но ты планируешь трахнуть её снова.

Лор чешет подбородок, вздыхает, но ничего не говорит в ответ.

Риодан превращается в чудовище в мгновение ока, быстрее, чем я считала это возможным. Вот он человек, а в другую секунду его одежда, разорванная в клочья, валяется на полу.

Двух с половиной метровый, рогатый, темнокожий монстр с алыми глазами пробивает кулаком грудь Лора и вырывает его сердце.

Подносит кровоточащее и, боже мой, всё ещё бьющееся сердце к своему лицу, прищуривается и облизывает его. Раздвоенный черный язык изящно скользит по лакомству.

Затем переводит взгляд на Лора, чье тело бьется в конвульсиях. Кровь бьет фонтаном из рваной раны на его груди, обрамленной осколками костей. Монстр легонько хлопает его по плечу и толкает.

И несмотря на то, что нереально огромные резцы искажают его речь, я без труда понимаю, что он говорит:

- Никогда. Нахрен. Не лги. Больше. Мне.

Лор замертво падает на пол.

Чудовище бросает сердце Лора на пол, куда оно шлепается с влажным звуком, разворачивается, прикладывает к магнитной панели на стене лапу с длинными когтями и уходит.

Я замираю, тупо глядя в одну точку. Но вовремя прихожу в себя. Ведь если я не выйду следом за ним, то рискую разоблачением. Выскакивая в коридор за ним следом, я вижу, что так же быстро, как он обратился в зверя, он превращается в мужчину.

Голого мужчину.

Я закрываю глаза.

Но не до конца.

Глава 29

*Мы такие, какие есть.
И плевать, что зашли далеко⁵⁷*

Мак

Мы идем по коридору, и я почти наступаю ему на пятки, изумляясь тому, как стремительно Риодан умудряется трансформироваться из чудовища в человека, у Бэрронса на это уходит минута или две. Интересно, а куда именно направляется обнаженный Риодан? Быть может, мне удастся увидеть его личные апартаменты. Уже предвкушаю это, когда вдруг резкий порыв ветра взметает мои волосы.

Мне знакомо это ощущение.

⁵⁷ Imagine Dragons/Who We Are

Это Дэни пролетела мимо меня в режиме стоп-кадра.

Риодан тоже узнает её. Когда она знает, что он поблизости, то прямо превосходит саму себя.

Мы тотчас разворачиваемся на 360 градусов и следуем за ней. Я, понятное дело, не так быстро, как он, меня уже начинает бесить моя медлительность по сравнению с их скоростью передвижения. Я едва успеваю убраться с дороги очень большого и очень обнаженного мужчины.

Проскальзываю в кабинет буквально за долю секунды до того, как дверь с шипением закрывается.

Такое впечатление, что комнату облюбовала армия полтергейстов. Повсюду летают выдвижные ящики стола и листы бумаги.

Я в шоке от того, что тело Лора уже исчезло. Знала, что они исчезают после смерти, но не подозревала, что насколько быстро. Так же просто, как исчезают вампиры, с которыми разобралась Баффи: пфф, и нет их. Кстати, «Истребительницу вампиров» посмотрела всего пару месяцев назад, когда помешалась на паранормальных телешоу, словно могла найти в них что-то полезное. Нахмурившись, я припоминаю, что, когда мы с Риоданом убили Бэрронса в Фэйри, его труп исчез не так быстро. Хотя чему я удивляюсь? В Фэйри все непредсказуемо.

- Если ты ищешь договор, - говорит Риодан: - то я убрал его туда, где ты не сможешь найти его. Верни мне Дэни, и я порву его.

Джада материализуется посреди кабинета, хладнокровная и отстраненная, как и всегда. В ее набедренных ножнах - длинный изогнутый нож, за поясом - пистолет, за плечом - автомат, а на груди - магазины с патронами. Вся из себя беспощадная, свирепая и сногшибательная.

После стоп-кадрирования у Дэни вечно появлялись синяки. Но судя по всему, у Джады все под контролем. Ее изящное длинноногое тело двигается так, что ее вторым именем вполне может быть Грация. В черных кожаных штанах, армейских ботинках и черной футболке, с длинными темно-рыжими, высоко собранными в идеальный конский хвост волосами, она напоминает мне Анджелину Джоли в «Ларе Крофт: Расхитительнице Гробниц». У нее прекрасное, точеное как у фарфоровых куколок, сильное и бесстрастное лицо. Кроме тонкого серебряного пояса в виде цепи, ее единственным украшением является серебряный с позолотой браслет. Я внимательно рассматриваю его, пытаюсь вспомнить, где я видела его. Или что-то похожее.

Ее взгляд устремляется вниз, вдоль обнаженного тела Риодана, челюсть плотно сжимается. Она резко отводит глаза и сосредотачивает взгляд на его лице.

Я отохожу к стене, изучая ее и благодаря бога за то, что она не в стоп-кадре. У меня не было бы шансов избежать столкновения с ними, если бы они снова принялись за свой танец тасманских дьяволов.

У меня обрывается сердце.

Джада это Дэни.

Больше я не сомневаюсь. Теперь я вижу подростка в лице уже взрослой женщины. Ее сложение, манера держаться, ее огненно-рыжие волосы, которые она вынуждена выпрямлять всякий раз после душа или дождя (а судя по тому, насколько дождь частый гость в этом городе, выпрямляется она постоянно).

Как я могла не увидеть этого раньше.

Хотя ничего в этом удивительного нет. У меня не было причин ожидать, что за несколько недель она внезапно станет старше на пять с половиной лет, а как раз с четырнадцати до двадцати люди меняются сильнее всего. Гадкие утята превращаются в прекрасных лебедей, правда и лебеди могут потерять свою красоту и превратиться в уток. Во время перехода от четырнадцати к двадцати годам мужчина или женщина подвергается наиболее сильному преобразению, как умственному, эмоциональному, так и физическому.

Я прижимаю руку к груди, будто это сможет облегчить сердечную боль.

Это я во всем виновата.

Я загнала её в портал, где она потеряла годы. Она была вынуждена выживать, и это привело к окончательному удвоению её личности. Джада «похоронила» Дэни так же, как хотела бы «похоронить» меня Книга.

Я должна все исправить. Но, к сожалению, единственное, чего хочет от меня Джада, это заточить рядом с Круусом.

- Той, которая подписала этот договор, больше нет, чтобы соблюдать его условия.

Взгляд Джады снова невольно опускается на тело Риодана, и ее лицо напрягается. Ничего удивительного. У него невероятное, впечатляющее и идеальное тело. Теперь я замечаю их сходство с Бэрронсом. Вот блин. Он не возбужден. Да, черт возьми, я тоже его разглядываю и не нахожу в этом ничего дурного, потому что просто невозможно удержаться от этого, когда тебе двадцать три, ты полна сил и избыточной энергии, которую давно пора бы выплеснуть. Думаю, мужчины не подозревают, что женщины находят их члены прекрасными. Не все, конечно. Но у некоторых мужчин жезл как раз правильной длины и толщины, покрытый прекрасной бархатистой смуглой кожей с изумительным розоватым оттенком, и с головкой, похожей на сочный леденец. И поскольку Риодан совсем недавно подвергся процедуре восковой депиляции, лазерной эпиляции или интимной стрижке, то...

Я едва удержалась от того, чтобы вслух прочистить горло. С трудом перевожу взгляд на его лицо, и да поможет мне Бог смотреть только туда, пока я в этой комнате. Я разглядывала голого брата Бэрронса и в какой-то мере теперь чувствую себя предательницей.

Риодан проходит через комнату и останавливается в нескольких шагах от Дэни. Достаточно близко, чтобы заставить её нервничать, но недостаточно, чтобы ей было так же трудно, как и мне (если я права, и в ней течет горячая кровь), смотреть исключительно ему в лицо.

Прекрасно, теперь мне надо умудриться не смотреть на его задницу. Какая-то часть меня восхищается Джадой/Дэни, ведь она не комментирует наготу Риодана, не спрашивает, где его одежда, не просит его одеться. Она её просто игнорирует, тем самым демонстрируя, что его нагота ей безразлична. Какому мужчине это понравится?

- Тогда совершенно непонятно, зачем тебе его искать.

- Меня удручает сам факт его существования.

- Просто ты прекрасно знаешь, что его действие распространяется и на тебя, реши я им воспользоваться.

- Реши им воспользоваться и умрешь гораздо быстрее, чем я это планировала.

- Значит ты признаёшь, что ты Дэни.

- Бесполезно отрицать то, что, как мы оба знаем, когда-то было правдой. И ключевые слова здесь «когда-то было». Дэни мертва.

- Ты ошибаешься. Мертва именно ты.

- Я жива. Она никогда не была столь живой, как я. Она находилась в состоянии постоянной боли. Я положила конец ее страданиям.

- Отказавшись от любого проявления эмоций.

- Я могу чувствовать.

- Чувств собачья. Жизнь ценна сильными эмоциями. Но, как и у каждой монеты, у нее есть две стороны: удовольствие - боль, радость - печаль. Невозможно положить в карман лишь одну сторону монеты. Либо всё, либо ничего.

Она склоняет голову набок и невозмутимо говорит:

- Возможно, мы с тобой похожи. У нас обоих карманы пусты.

- Мои карманы далеко не пусты.

- И это говорит мужчина без мимических морщин. Ничего не чувствовать сродни путешествию налегке. Это называется быть свободным.

- Это называется быть мертвым внутри. Ты вернешь ее мне.

- Не верну. Она была слишком глупой, чтобы жить.

- Не была, а есть, - поправляет он. - И она не глупа. Она достаточно умна и знает, что такое «жить». А ты просто выживаешь.

- Я вынуждена. От тебя не было никакой помощи. Ты потерял ее в тот момент, когда она прошла через портал и вошла в мир Фэйри. Ты не смог уберечь её. А она ждала, думала, ты не такой, как те, кто использовал её и после предал. Верила, что ты, придя во всеоружии, найдешь её и спасешь. Эта вера была настолько же неуместной, насколько смертельно опасными были монстры, с которыми мы столкнулись. В тот день, когда она потеряла веру в тебя, я была рядом, впрочем, как и всегда, когда она нуждалась во мне, и она была благодарна за это. Я спасла ее. Не ты. Ты подвёл её. А подвести - значит поставить кого-либо в тяжёлое, безвыходное положение, не сумев выполнить обещанное...

Его челюсть сжимается.

- Не нужно мне цитировать хренов словарь.

- Как по мне, так нужно. Ты сломал ей палец той ночью в Честере. Я не забыла. Я не забыла ни одной обиды, причиненной ей.

- Не преднамеренно. Я не привык иметь дело с юными особами, и не имеет значения, шидящие они или нет. Их кости отличаются от костей взрослых.

- Я больше не юная особа.

- Я нахрен в курсе.

- «Я в курсе» было бы вполне достаточно. «Нахрен» - это уже излишнее дополнение, которое не придает ни дополнительного смысла, ни уточнения.

- Я сам нахрен буду решать, что нахрен будет излишним.

- Это так... по-человечески. И неэффективно.

- На этот счет ты ошибаешься. И эффективность не гарантирует выживания. Впрочем, как и интеллект. Единственное, что имеет значение - это неиссякаемая жажда жизни. Побеждает тот, у кого она больше, кто готов пламенеть, не беспокоясь о том, что это может сжечь его гребаное естество дотла.

- Ты словно лед. И тем не менее ты жив.

- Я не настолько холоден, как ты думаешь.

- Преднамеренно или случайно, но ты угрожал той ночью, что сломаешь больше костей.

- Необходимая угроза, правдивость которой, уверен, она не стала бы проверять. Я спасал её на улицах Дублина чаще, чем ты. Бесчисленное количество раз, о которых она даже не подозревала. Она не настолько неуязвима, как ей хотелось верить. В тот день, когда Джейн отобрал ее меч, я был там еще до появления Кристиана. Это я направил его в её сторону.

- Ты ведь не действуешь беспричинно.

- Она должна была увидеть своими глазами, во что он превращается. Мне бы она на слово не поверила. С тех пор, как я узнал о её существовании, она никогда не оставалась без защиты. Сначала мои ребята, а потом и я сам присматривали за ней. Но ты это знаешь. Той ночью, когда толпа пьяных мужчин напала на нее возле Тринити, не ты спасла ее.

- Только потому, что она боролась со мной вместо того, чтобы бороться с ними. Ей следовало убить их. Я бы убила.

- В отличие от тебя, она предпочитает не убивать людей.

- Защиту этих овец ты преподносишь как добродетель. А стоило связать свитер из их шерсти и сделать жаркое из их плоти. Три ночи назад я свершила то, что не смог много лет назад сделать ты. Они мертвы.

- Всему есть предел. Ты заставляешь ее преступать черту. А я сделаю все, чтобы сохранить ту человечность, которая есть в ней, и гарантирую, она проживет достаточно долго, чтобы научиться управлять своей потрясающей силой и интеллектом...

- Моей потрясающей силой и интеллектом.

- И ты больше не сможешь управлять...

- Управлять - мое предназначение.

- Я дам ей возможность расправить крылья...

- Мои крылья.

- ...и взлететь. Ты была создана, не рождена. Эта жизнь принадлежит Дэни.

- Принадлежала. Она была глупышкой. Плакала, как беспомощный ребенок, той ночью в Честере, весь клуб это видел. И плакала она вовсе не потому, что ты сломал ей палец, и не потому, что ты ей угрожал, а потому что выяснилось, что ты жив. Настолько рада она была тебя видеть. Она всегда была рада тебя видеть. Прямо светилась изнутри. Но ты потерял ее. Позволил ей потеряться.

- Я целый месяц искал ее. Перерыл весь город.

- Для меня этот месяц длился пять с половиной лет.

Риодан едва заметно вздрагивает.

- Пять с половиной лет в Аду. Не обвиняй меня в том, что я существую, а лучше поблагодари. Она была слабой. Нуждалась во мне. И я проявила себя.

- Она никогда не была слабой. Она была ребенком. С которым отвратительно обходились. И тем не менее, она сияла.

- А я никогда не была ребенком. Не могла позволить себе такую роскошь. Она совершала ошибки. Потому что бестолковая. Это я сияю. И кому как не тебе, следовало бы это заметить.

- За этим ты пришла сюда. Продемонстрировать, какая ты взрослая и ослепительная теперь.

- Мне все равно, что ты обо мне думаешь. Я пришла исключительно из-за договора.

- Потому что считаешь, что он якобы единственное, что связывает нас. А ведь ты вернулась уже несколько недель назад и даже не пыталась убить меня. Учитывая, каким жестким я был с Дэни, я должен возглавлять твой черный список. Но ты меня избегала. Боишься меня.

- Я ничего не боюсь.

- Или, возможно, не можешь заставить себя убить меня, и поэтому подозреваешь, что договор каким-то мистическим образом мешает тебе причинять мне вред.

Джада слегка напрягается, и я понимаю, что Риодан попал в точку. Бэрронс говорил мне пару месяцев назад, что Риодан вынудил Дэни работать на него и что он жесток с ней, потому что пытается доказать ей, что она не такая уж и неуязвимая. Хочет сбить с неё спесь, которая однажды может довести её до смерти. Джада безо всякого сомнения должна презирать Риодана за его попытки контролировать Дэни. Так почему за эти несколько недель после возвращения в Дублин она ни разу не попыталась свести с ним счеты? Это совершенно не в стиле Дэни, а поскольку Джада, своего рода, Дэни на стероидах, то... Я затаила дыхание, ожидая ее ответа.

- Давай, я облегчу тебе задачу, - Риодан нажимает что-то под своим столом, и скрытая панель беззвучно отодвигается.

- Я бы и сама нашла, - моментально отвечает Джада.

Он достает лист бумаги и смотрит на него.

- Вышеупомянутый договор. Подписанный кровью. Его подписала Дэни. Но твоей рукой. Связывает обязательства вас обеих. Считаешь, он мешает тебе убить меня. Если ты этого действительно хочешь, возьми нож с моего стола.

- Ты все равно вернешься. Когда я убью тебя, это будет необратимо

- Попробуйся немного. Прочувствуй, что значит вонзить нож в мое сердце. Насладись этим. Понаблюдай за тем, как будет уходить свет из моих глаз. Полюбуйся на мою смерть, распробуй её. Узнай, понравится ли это тебе. Есть что-то такое в смерти, с чем ничто не сможет сравниться.

- Думаешь, я этого не знаю. Я начала убивать в гораздо более юном возрасте, чем ты.

- Ошибаешься. И раз сейчас мы оба здесь. Сделай это, - он разрывает контракт пополам и бросает на пол. - Договор больше недействителен. Давай. Убей меня. Дэни.

Джада не отвечает. Её взгляд плавно скользит к лежащему на столе ножу, а потом снова возвращается к Риодану, но не к его лицу, на него она поднимает свой взгляд только после старта от его ступней.

- Возьми уже этот хренов нож, - приказывает Риодан.

- Не указывай, что мне делать. Я не она и подчиняться тебе не буду.

Он приближается к ней, сократив расстояние между ними. Интересно, сколько смертей Девятки я сегодня увижу.

Риодан берет нож со стола, хватает ее запястье и вкладывает рукоять в ее ладонь.

- Я сказал, убей меня, - мягко говорит он.

Боже мой, он потрясающе блефует. Пытается заставить Дэни проявиться сквозь неумолимое самообладание Джады, хочет заставить ее альтер эго попытаться сделать что-то такое, чему, по его мнению, Дэни просто не позволит случиться, ведь она вся светится, когда он рядом.

Джада сжимает рукоятку длинными, изящными пальцами и бесстрастно говорит:

- Отлично.

Затем отводит назад руку и, целясь в его сердце, бьет.

Но в последний момент ее рука останавливается, вздрагивает и меняет траекторию. Лезвие соскальзывает в сторону, ложась на его грудь.

Она замирает. Её кулак лежит на его обнаженной коже. Они смотрят друг на друга: изумрудный лед встречается с серебристой сталью.

Я наклоняюсь в сторону, зачарованная, пытаюсь по выражениям их лиц понять, что происходит, но, боже, это все равно что разглядывать статуи. С удивлением понимаю, что Дэни не просто стала взрослой, но и стала высокой. Она достаёт Риодану до подбородка, а учитывая, что его рост метр девяносто три, её, наверное, метр семьдесят восемь плюс сантиметров пять толстой армейской подошвы.

Они оба едва уловимо меняют осанку, словно ведут безмолвную битву воли с помощью своих тел. Стойка Риодана становится ещё более агрессивной, устрашающей, вызывающей. Но в отличие от Дэни, которая бы наверняка отступила, Джада склоняется ещё ближе к нему, отказываясь покидать его личное пространство.

Почти целую минуту они стоят так, глядя друг на друга, пытаюсь вынудить другого отступить хоть немного.

Это напряжённое молчание прерывает Риодан:

- Я даю тебе выбор. Убей меня.

- Определение «выбор» предполагает наличие как минимум одного альтернативного варианта действий.

- Я ещё не закончил. Или поцелуй меня. Но сделай то или другое. Прежде чем это сделаю я.

Джада долго и пристально смотрит на него, а затем медленно и демонстративно прижимается к его обнажённому телу: черная кожа - к обнаженной мужской, мягкие женские формы - к мускулистой, покрытой шрамами груди.

Ни один мускул Риодана не дрогнул, он продолжает неподвижно стоять.

Она склоняет голову, облизывает губы, и они оказываются на расстоянии вдоха от его. Я превращаюсь в комок нервов в своем углу, потому что она замирает, её взгляд сосредоточен на его губах, а его - на её. Блин, мне кажется, эта комната сейчас взорвется. Блин, это же Дэни и Риодан. Но это не так.

Это два сокрушительных природных катаклизма. Ослепительных, неукротимых, сильных. Они закалены и заточены в жестоких испытаниях, как острие ножа, по которому они все время ходят. Здесь, в Дублине, я поняла кое-что об этом мире, о самой себе. На грандиозном пастбище жизни обитает четыре вида существ: овцы, как их называет Дэни, пастухи, которые их направляют и оберегают от опасностей, сторожевые псы, которые перегоняют их на злые пажити и не дают отбиться от стада, отгоняя хищников, так и норовящих устроить кровавый пир; и дикие, свирепые, живущие по собственным законам волки.

Я поняла, к какому виду отношусь. К сторожевым псам. Если мы со стадом застрянем на каком-нибудь горном склоне, без еды, то я скорее умру с голода, чем начну есть овец. Естественно это или нет, значения не имеет. Я охраняю стадо. До своего последнего вдоха.

Риодан - волк. Он сожрет всё стадо, если от этого будет зависеть его выживание.

Дэни тоже сторожевой пес.

А вот Джада - волк.

В этой комнате стоят два волка со сложным прошлым и сомнительным будущим. Их губы так близко, что на двоих у них - одно дыхание, но я не уверена поцелуются они, или убьют друг друга.

Но вот Джада тянется вверх, обвивает ладонью его затылок и притягивает лицо Риодана ближе, прижимая свои губы к его.

Риодан даже не пошевелился. Застыл словно камень.

И я вместе с ним. С ума сойти можно.

Она целует его, раскрывая губы. Медленно, сексуально, слегка касаясь языком его губ. Дает ему попробовать то, что может перевернуть его мир. Дразнит его. Такая доступная, соблазнительная, теплая и... опасная. Даже я могу ощутить взрывное сексуальное напряжение в её легком, как перышко, прикосновении. Она делает всё, чтобы он его почувствовал. Дает понять, что ей есть что предложить, но она не собирается этого делать. Я целовала так.

Это вызов. Она словно спрашивает: «Думаешь, сможешь справиться со мной? Ну, что же, милый, докажи.»

Он по-прежнему не шелохнется. Просто стоит, позволяя ей целовать себя, но не отвечая.

Не отрываясь от его губ, она шепчет:

- Ты никогда не убьешь меня.

А затем Джада обеими руками обнимает его за шею, полностью прижимаясь к нему всем телом. Медленно отворачивает лицо в сторону и прижимается щекой к его щеке, кладет подбородок ему на плечо. Зарывается пальцами в его короткие густые волосы.

Он поднимает ладони к её талии. Замирает. Опускает их. И они стоят так. Вроде и обнимаются, а вроде и нет. Прижимаясь друг к другу, глядя в пустоту.

Так интимно близко и в тоже время невыносимо далеко.

Это одна из самых чувственных сцен, которые мне доводилось видеть.

Она закрывает глаза, и на короткий миг все напряжение уходит с её прекрасных черт. Если бы меня попросили описать, я бы назвала её поведение негой кошечки, которой удалось погреться на солнышке в ледяной зимний день. Она словно вбирает в себя то, чего хотела давным-давно. Интересно, думала ли она о нём, сражаясь с демонами на протяжении этих пяти с половиной лет в Фэйри? Вспоминала ли его голос в самые темные времена? Искала ли силы в тяжелой правде, которую он в неё вдалбливал? Чувствует ли она то же, что и я, когда прижимаюсь к Бэрронсу - словно вернулась домой?

- Я это всё, что осталось от Дэни, - мягко говорит она. - Будь очень осторожен со мной, Риодан, я больше не маленькая девочка. Я могу вывернуть тебя наизнанку. Крутить тобой так, как ты целым миром. Ты утратил свою исключительность. Теперь я ничем тебе не уступаю.

Затем она отталкивает его и проходит мимо длинноногой походочкой, грациозно ударяет панель и выскальзывает за дверь. Он может и думает, что Джада ничего не чувствует, но её движения наполнены страстью. Она сексуальна, уверена в себе, сильна. Я и сама так хожу. Это чертовски приятное ощущение.

Я перевожу взгляд с двери на него, понимая, что пора уходить. На сегодня я уже достаточно насмотрелась. С меня хватит.

Он склоняет свою темную голову и стоит, замерев.

Выходя, прежде чем закрылась дверь, я услышал его шепот:

- О, Дэни, это так. И я всегда знал, что так оно и будет.

Глава 30

*Почувствовав мой пыл, взгляни в мои глаза,
И демонов моих попробуй в них найти⁵⁸*

Мак

Джада уходит, передвигаясь с обычной скоростью, Дэни называла такой способ перемещения «ходить как Джои», и я следую за ней до верхней площадки лестницы, раздумывая, за кем бы мне пойти как привидение.

Не терпится проверить, определяют ли меня охранные заклинания Риодана, если я решу исследовать нижние уровни его подземной крепости, или покров книги защитит меня и от них. В худшем случае, если поднимется тревога, я попытаюсь сбежать. Но зная Риодана, не удивлюсь, если громадные стальные двери захлопнутся, изолировав меня в тесном коридоре, и сработает какой-нибудь супернавороченный распылитель, который сделает меня видимой для его мониторов, после чего он меня схватит и запрет в своем подземелье.

Что касается Книги, то с тех пор, как я утром вернулась в город, она хранит извращенное молчание. Я, может, и поразмышляла бы об этом, но слишком увлечена своей невидимостью и отсутствием преследователей, да и вообще голова идет кругом от всего, что я узнала. Начиная понимать, что мое видение мира было слишком ограниченным. Жизнь - это айсберг, и я видела лишь его верхушку.

⁵⁸Imagine Dragons/Demons

Джо переспала с Лором! Риодан это видел, и как выяснилось у него даже есть этический кодекс в отношении людей. Похоже, Джо небезразлична Лору. И это хорошо для неё. Я хмурюсь. Возможно. Ведь ситуация её явно взбесила, да и вдобавок ко всему Риодан уволил её, и она осталась без работы. Бэрронс и Риодан - братья! Риодан годами присматривал за Дэни. Папа таракан вовсе не фейри, а шпионская сеть, находящаяся на службе лощеного собственника Честера уже на протяжении тысячелетий. Теперь все тараканы под подозрением! У Дэни раздвоение личности, а я об этом не знала. Риодан убил Лора. Джада поцеловала Риодана! Господи. Я и подумать не могла. Дэни и Риодан? Странно. Джада и Риодан? Не так уж и странно. И адски горячо. С замиранием сердца я ждала этого поцелуя. Я хотела, чтобы они поцеловались.

У меня собственная мыльная опера. И за один день я видела двоих из девятки голыми. Настоящая усада для глаз сладкоежки, засевшей на длительную диету.

Фейд остановил Джаду на верхней площадке лестницы, вернее она соизволила остановиться, когда он загородил ей проход. Не сомневаюсь, что она могла спокойно промчаться мимо него, если бы захотела.

- Босс хочет знать, помнишь ли ты первое замороженное место, которое он показывал Дэни под клубом?

Джада кивает.

- Босс хочет, чтобы ты побывала там снова.

- Мне не интересен ни его клуб, ни его желания.

- Он сказал передать тебе, что если то, что там находится, продолжит расти, то оно уничтожит мир, и что подобные штуkenции есть в каждом месте, которое было заморожено, - спокойно сообщает Фейд. - Сказал предупредить тебя, чтобы ты к ним не прикасалась, потому что они похожи на черные дыры с горизонтом событий. Не знаю, что это за хрен. Знаю только, что такое черные дыры.

- Горизонт событий - это тоже самое, что точка необратимости. В релятивистской теории это точка, в которой притяжение черной дыры становится настолько сильным, что преодолеть его уже невозможно. Некоторые теоретики считают, что в этом случае срабатывает эффект квантового притяжения.

- Короче. Босс сказал, что один студентик считает, что эта задачка по силам только тебе.

Сейчас я вижу Дэни в Джаде, но вместо дерзко выставленного бедра она слегка выпрямляет спину.

- Скажи Риодану, я займусь этим. Но я не стану работать с его «студентиком». Это не обсуждается.

- Я передам ему. Посмотрим, что он ответит. Жди тут, я позову кого-нибудь, кто отведет тебя вниз. Я не могу. Сегодня я за вышибалу.

Как только он отвернулся, Джаду ветром сдуло.

Я и не сомневалась в этом. Как и в том, что она ни за что не спустится вниз. Она исследует какое-нибудь другое место.

За Джадой мне не угнаться. Что дальше? Спускаясь по хромированной лестнице, я поразилась, увидев Джо, выходящую из раздевалки в форме одного из подклубов, где официантки носят короткие клетчатые юбки и миленькие туфельки на каблуках. Я не удержалась и рассмеялась вслух. Женщина продолжает удивлять меня. Риодан, может, и уволил ее. Но она не ушла. И, судя по выражению лица, её трудно будет заставить. Я не виню её. Он не имел права увольнять её только за то, что она переспала с другим. Это полный бред, я и сама бы ему об этом сказала, но мне ещё не надоела моя невидимость.

К счастью, в клубе так шумно, что мой смех остался незамеченным.

Я растворяюсь в толпе, пригибаясь и извиваясь. Начинаю привыкать к невидимости.

Куда же мне отправиться? Я не готова шпионить за Темными Принцами. Слишком высоко искушение воспользоваться копьем, и, хотя я считаю присоединившихся к ним людей глупыми и заслуживающими смерти, не могу гарантировать, что мой убийственный загул не распространится за пределы по-эшеровски готического особняка.

Можно отправиться в аббатство, прошмыгнуть и поподслушивать. Спустится вниз и проверить Крууса.

Меня аж передернуло. Ну уж нет.
Обследовать Честер?

Хватит с меня Честера на сегодня. Мозги и так кипят, да и на самом деле есть только один товарищ, за которым бы я хотела пошпионить. Он это заслужил. Совсем не стыдно лезть в его личное пространство. Он со мной похуже поступил.

Я выскользнула из клуба под прикрытием пьяных гуляк и по на удивление многолюдным улицам пошла к месту, которое считаю домом: КиСБ.

Я нашла Иерихона Бэрронса в его кабинете, в задней части книжного магазина. Он смотрит видео на своем компьютере. Обычные потертые джинсы, расстегнутая рубашка и ботинки с серебристыми цепями не могут скрыть, что он большой, темный и опасный. Его волосы всё ещё влажные после душа. От него исходит свежий водный восхитительный запах, и я готова съесть его. Почти вся его грудь покрыта черными и красными рунами и узорами, напоминающими древние клановые эмблемы. Шесть кубиков - на полном обозрении. Рукава закатаны, обнажая мощные предплечья и поблескивающий в полумраке браслет, идентичный тому, что носит Риодан. Это напоминает мне о том, что они братья, и о браслете Джады/Дэни. От Бэрронса исходит аура чего-то древнего и элегантного, скрывающего его звериную суть эдакого доисторического средиземноморского варвара. Свет приглушен, создавая атмосферу мягкого тления, и он сидит в этом полумраке весь такой горячий, сексуально сложенный и мужественный, и, о Боже, мне нужен секс.

Отбрасываю эту мысль, поскольку в ближайшем будущем мне это не грозит. Какой смысл истязать себя, когда мир и сам не плохо справляется с этим? Интересно, что Бэрронс смотрит? Экшн? Детектив? Ужасы? «Моя жена меня приворожила»?

Порно?

Звук, исходящий с монитора, низкий, утробный. Украдкой вхожу в кабинет, по-индийски, тихонько и незаметно: пятка к носку, пятка к носку. Папа научил меня однажды в походе.

Бэрронс проводит рукой по экрану, скользя по контурам изображения. Его темный взгляд непроницаем.

Я обхожу стол и с трудом сдерживаю мягкий, инстинктивный протест, увидев монитор.

Он смотрит записи со своим сыном.

Голый мальчик в человеческом обличье лежит в клетке. Его тело содрогается в конвульсиях, на лице кровь, он, видимо, прокусил язык.

Не так он выглядел в тот единственный раз, когда я его видела. Тогда он казался милым, беззащитным, невинным ребенком. И несмотря на то, что он лишь притворялся, чтобы завлечь меня поближе и напасть, за все его мучительное существование это был один из немногих случаев, когда он выглядел нормальным. Мне не забыть муки в голосе Бэрронса, когда он спрашивал меня о том, в каком виде, зверином или человеческом, я застала ребенка.

На экране его сын начал превращаться в монстра. Это жесткая, мучительная трансформация. На это смотреть тяжелее, чем на то, как Бэрронс превращается в человека.

По сравнению с монстром, в которого превращался на экране его сын, бешеная звериная форма Бэрронса, преследовавшая меня до того обрыва в Фэйри, кажется игривым щеночком.

Вскоре после того, как его сын попытался меня съесть, Бэрронс рассказал мне, что камеры были постоянно направлены на мальчика, и что он всё время просматривал записи, в надежде увидеть своего ребенка. За тысячи лет он видел его в человеческой форме всего несколько раз. Видимо, это запись одного из этих случаев.

Но зачем он просматривает их? Все кончено. Мы освободили его. Так ведь? Или такая неустойчивая в последнее время вселенная нашла способ изменить и это?

Его пальцы соскальзывают с экрана.

- Я хотел подарить тебе покой, - шепчет он. - А не прервать цикл навсегда. Теперь я думаю, что хотел унять свою боль, а не твою.

Моргнув, я закрываю глаза. Моя жизнь не была совсем уж беспечной и беззаботной. Когда мне было шестнадцать, у моей приемной бабушки обнаружили рак лёгких, распространившийся на печень и мозг. Скорбь отца поглотила наш дом. Я никогда не забуду, как бабушка мучилась от ужасных головных болей и тошноты, вызванной лекарствами и облучением. Отцу с трудом далось

решение перестать вводить ей антибиотики. Без них пневмония забрала её быстро, избавив от мучений.

Бэрронс озвучил вопрос, который задают себе все, кто отказался поддерживать жизнь обречённых любимых, смирился с выбором пациента с четвертой стадией рака отказаться от химиотерапии, или пошел на усыпление питомца. Заботясь о любимых, невыносимо смотреть на их бесконечные мучения, но после их смерти выясняется, что их отсутствие ещё более невыносимо мучительно. Ты просто не знаешь, как жить, ведь весь твой мир вращался вокруг них.

А чего я ожидала? Меня, по крайней мере, утешает мысль о том, что Алина на небесах. И что, возможно, однажды, взглянув в глаза ребенка, я увижу в них частичку души моей сестры, потому что верю, что мы перерождаемся. И даже если я не увижу её след, я почувствую. Не знаю, как это объяснить. Иногда мне кажется, что она в параллельной реальности, словно стоит мне ступить в то, что я называю воздушным потоком, и я смогу присоединиться к ней. Думаю, однажды я смогу проскользнуть туда, чтобы встретиться с ней, и пусть лишь для того, чтоб стать кораблями, одновременно выходящими из гавани, чьи пути разойдутся в бескрайнем открытом море.

Возможно это сентиментальное заблуждение, которым я себя тешу, чтобы не захлебнуться горем.

Но я в это верю.

Бэрронс тихо произносит:

- Вечные муки или ничего. Для себя я бы выбрал муки. А тебе я дал ничего. Ты был невменяем. Не мог принять решение.

Знаете, чего мы жаждем после того, как жизнь вынуждает нас принимать ужасно тяжелые решения?

Прощения. Отпущения грехов.

И у Бэрронса нет ни единого шанса получить это ни сейчас, ни когда-либо в будущем.

Мы к'вракнули его сына, чтобы успокоить его. Не просто убили его, а уничтожили его суть. Как говорит Синсар Дабх, хороший к'вракинг окончательнее смерти, это полное разрушение сущности, того, что люди называют душой.

Не знаю, верю ли я в душу, но я верю во что-то. Думаю, каждому из нас присуща некая уникальная неугасимая вибрация, и, когда мы умираем, она переходит в следующую фазу существования. Мы можем возродиться деревом, котом или снова человеком, а может и звездой. Не думаю, что в этом есть какие-то ограничения. Глядя в небеса, я поражаюсь безграничности вселенной и просто знаю, что источник радости, создавший столько всего удивительного, даст нам больше одного шанса познать это всё.

Но это невозможно для его сына. Ребенок больше не испытывает страданий, потому что его нет. Ни на небесах, ни в аду. Его просто больше нет. Как сказал Бэрронс, он уничтожен. Я чувствую Алину, а Бэрронс больше не чувствует его.

Кто знает, как долго, сидя в своей подземной пещере и заботясь о своем ребенке, он искал способ освободить его, живя надеждой, что однажды найдет нужное заклятье или ритуал, бога или демона, достаточно могущественного, чтобы обратить его сына.

Несколько месяцев назад этот бесконечный ритуал, который был центром его существования на протяжении тысячелетий, закончился.

И его надежды рухнули.

А сейчас началась запоздалая, истинная и долгая скорбь.

Я знаю простую истину: умерщвление из милосердия, ни хрена не милосердно к тем, кто продолжает жить.

Интересно, как часто он ловил себя на том, что направляется в каменную пещеру своего сына? Так же часто, как я ловила себя по пути в комнату Алины, желая поделиться с ней новостями, готовыми сорваться с языка? Когда это произошло сотый раз к ряду, я поняла, что могу присоединиться к отцу в его отчаянии, спиться в Кирпичном Заводе и умереть в сорок от заболевания печени или отправиться в Дублин, замещая горе поиском ответов. Смерть - последняя глава книги, которую мы не можем не прочитать. Мы ждем, что оправимся спустя время и станем снова самими собой. Но этому не бывать.

Я открываю глаза. Бэрронс молча смотрит на экран. В магазине полная тишина. Нигде вдали не капает кран, не гудит вентилятор, не шипит в камине газ. Скорбеть нужно в уединении. Я понимаю это и уважаю этого мужчину.

Я начинаю медленно выходить из комнаты.

И, позабыв о ковре, оступаю. Подошва скрипит по полированному деревянному полу.

Бэрронс молниеносно поднимает и поворачивает голову в ту сторону, где я стою.

На миг я задумалась над тем, чтобы притворится призраком его сына, подать ему какой-то знак, смягчить его боль ложью во спасение.

Но это неправильно.

Бэрронс не терпит лукавства. И если он когда-нибудь узнает правду, а он всегда её узнает, он начнет презирать меня. Это всё равно, что подарить подарок, а потом отнять его, и в отличие от большинства, некоторые из нас предпочитают не иметь вовсе, нежели иметь и потерять.

Некоторые из нас любят слишком самозабвенно. Некоторые из нас, похоже, не способны сдерживать эту жизненно важную часть себя.

Он вдохнул, его ноздри затрепетали, и, склонив голову, он прислушался. Выключил монитор.

- Мисс Лейн.

Я скривилась, хоть он меня и не видит.

- Ты не мог знать этого наверняка. Просто угадал. Я частенько околачивалась около тебя за этот день, а ты и не догадывался.

- Синсар Дабх защитила вас в последний миг. Вы были готовы сдаться ши-видящим, чтобы не рисковать их жизнями.

- Угу.

- Я думал, она переместила вас куда-то и не спешит возвращать.

- Нет. Просто превратила меня в невидимку и приказала бежать.

Ну что же, обмен любезностями окончен. О чем бы поговорить, кроме его сына? Я знаю Бэрронса. Как и я, он предпочел бы, чтобы я не видела его в горе.

Он будет сидеть и смотреть на экран столько, сколько понадобится. Мое горе тоже проявлялось синдромом навязчивых состояний, я снова и снова доставала альбом с фотографиями, проливая над ним слезы. С каждым новым месяцем всё больше дней проходило между этими срывами. Сначала три, потом пять. Потом десять, двадцать и даже тридцать. Время рубцует раны. И даже если полное исцеление не приходит, мы все равно становимся сильнее.

Я решаю стать стервой. Это поможет ему отвлечься.

- Знаешь, до меня всё не дойдет, почему каждый раз, когда я решаю проблему, вселенная швыряет в меня следующую. Ещё большую и более сложную, чем предыдущая. За что мне это?

Он усмехается.

- Ничего личного. Жизнь имеет нас всех без разбора. Не глядя на лица, и плевать ей на наши обстоятельства. Она все время выбивает у нас почву из-под ног. В один миг ты думаешь, что крепко держишь мир за яйца, а в следующий уже не знаешь, где эти хреновы яйца находятся.

- А я знаю, - раздраженно отвечаю я. - Рядом с толстой жопой, в которой я, похоже, застряла надолго в ожидании очередного приступа диареи.

Он смеется. Искренне, и я улыбаюсь. Рада, что смогла стереть это печальное выражение с его лица. Но он тут же удивляет меня, говоря:

- Двигайтесь.

- Что? Зачем? Ты ведь меня даже не видишь.

- Вылезьте из жопы.

- Легко сказать. Как, по-твоему, мне это сделать?

- Земля уходит из-под ног? Найдите точку опоры и переверните её.

- Громкие слова. Не проще ли просто сбежать?

- Иногда да. Иногда нет.

Я на мгновение задумалась.

- Если бы Круус был свободен, от меня бы все отстали. Уже он был бы в жопе.

- И вместе с ним в жопе был бы целый мир.

- И для меня там уже не осталось бы места.

Он пожимает плечами.

- Так освободите его.

- Ты это не серьёзно, - хотя с него станется. Бэрронс бы ещё и помог мне в этом, забавляясь процессом. Переверни мир. Как его перевернуть? - Сделай меня такой, как ты, - прошу я. - Тогда мне не придется быть невидимкой, потому что мне будет нечего бояться.

- Никогда не просите меня об этом.

- Джада/Дэни такая, как вы.

- Дэни - генетически мутировавший человек. Она совсем не такая, как мы. Нам приходится платить цену за то, кто мы есть. Каждый день.

- Какую цену?

Он не отвечает.

Я захожу с другой стороны.

- А почему ты гораздо дольше Риодана превращаешься из зверя в человека?

- Мне нравится быть зверем. Ему - человеком. Поэтому мой зверь сопротивляется.

- И все же ты в основном живешь как человек. Почему?

И снова он не отвечает. А я продолжаю рассуждать о том, как выбраться из задницы.

- Я хочу тебя, - мягко произносит он.

Глядя на него в этом приглушенном свете, я чувствую, как страсть затмевает собой злость, лишая воли. Несмотря на обстоятельства. Мои колени ослабевают в предвкушении. Я готова упасть на пол и обвить Бэрронса этими самыми коленями, когда его мощное тело распластается над моим. Я словно рабыня. Стоит ему сказать: «Я хочу» - и мое тело тут же смягчается. Я уже мокрая. Это инстинкт. Безусловный. Мне нравится, как он говорит это. «Я хочу тебя.» Словно он взорвется, если я к нему не прикоснусь, не впущу внутрь, объединяя наши тела в единое целое, даруя нам обоим покой, который по-другому нам нигде не обрести. Ведь только так мы можем угасить шторм, бушующий вокруг и внутри нас. В такие моменты все наши беды и различия наших сложных характеров уносятся прочь, исчезают.

И я его хочу. Особенно после того, что только что увидела. Но то, что он страдает, не искупает его вины.

- И что дальше? Снова сотрешь мне память?

- Вы опять об этом. Ну, давайте, мисс Лейн. Не стесняйтесь. Поведайте мне, какой я ублюдок, раз осмелился припрятать правду, которой вы не были готовы взглянуть в глаза. Но вспомните, что вы и сами так поступали. Когда были при-йя. Я дважды подловил вас, и оба раза не успевали скрыть правду от меня.

- Чушь. Ты пытаешься выставить все совершенно в неправильном свете. Хватит называть черное белым, - я намеренно проигнорировала его второй комментарий. Он прав, конечно, но сейчас речь не о его правоте, а о моей.

- Я не называю черное белым. И не отрицаю, что мне это было выгодно. Я ничего не делаю без выгоды для себя. Думал, вы уже давно это поняли.

- Ты не имел права.

- О, этот жалостливый плач негодующей жертвы: «Он не имел права так поступать». Мы имеем право делать всё, что нам сходит с рук. Только когда вы это поймете, вы осознаете свое место в этом мире. И свою силу. Кто сильнее - тот и прав.

- О, - вторю ему я: - эти циничные оправдания хищников.

- Признаю себя виновным. Но той ночью хищный рев издавал не я один.

- Ты не мог знать наверняка, что я...

- Чушь, - нетерпеливо прерывает он. - Не стоит делать вид, что вы бы не стали меня презирать. Я видел это в вашем взгляде. Вы были молоды. Чертовски молоды. Не знали горя, пока ваша сестра не умерла. Примчались в Дублин словно ангел-мститель. И что вы сделали первым же делом? Поимели дьявола. Упс, дерьмово, да? Той ночью со мной вы чувствовали себя более живой, чем за всю свою жизнь. Вы, нахрен, родились со мной той ночью в съемной комнате. Я наблюдал за тем, как женщина, которой вы на самом деле являетесь, вырвалась на свободу, содрав с себя оболочку ограничений. И я не о сексе говорю. А о способе жизни. Той ночью. Были вы. И я. И никаких

страхов. Препятствий. Правил. То, как вы менялись, было сродни богоявлению. Каково это познать жизнь в городе, где умерла ваша сестра? Ну не предательство ли всех времен и народов?

Я зарычала, словно загнанное животное. Да, да и да. Алина лежала в холоде могилы, а я была в огне. Я радовалась тому, что приехала в Дублин, радовалась тому, что заблудилась и наткнулась на его книжный магазин, потому что что-то во мне, что дремало всю мою жизнь, начало пробуждаться. Как можно радоваться тому, что ты в городе, в котором убили твою сестру? Как можно радоваться жизни, когда она мертва? Как можно чувствовать себя хорошо?

- Вы не справились бы с этим. И не могли презирать себя ещё больше, чем уже презирали, поэтому выместили всё это на мне. Хотите ненавидеть меня за то, что я припрятал эти воспоминания на некоторое время - вперед.

- Не хочу я тебя ненавидеть за это. Я хочу простить тебя, - резко отвечаю я. - И это меня пугает. Ты отобрал мои воспоминания, мой выбор. Часть моей жизни.

- Повторю это в последний хренов раз: я не смог бы отобрать их, если бы вы не желали от них избавиться. Мозг - сложная штука. В него все врезается, застревает в нем, черта с два отдерешь. Воспоминания никуда не девались, поэтому вы их и отыскиали. Я их всего лишь переставил. Но вы мне сами их для этого вручили. Вы помогли мне их прятать. Я освободил вас от того, что вы считали темным пятном на своей совести. Это, нахрен, была лучшая ночь за все мое существование, - он смеется и качает головой. - А вы не знали, как побыстрее от неё избавиться. Я не хотел прятать память об этой ночи от вас. Я хотел запихнуть эту правду прямо вам в глотку. Заставить взглянуть ей в глаза и принять её, принять меня. Хотел, чтобы вы боролись за то, что могло между нами быть с таким же самозабвением, с которым вы трахались. Ну что же, мисс Лейн, к вам вернулись ваши драгоценные воспоминания. Прогоните меня теперь?

Я с ужасом осознала, что существует такая вероятность. Принять его или отвергнуть. Остаться или уйти. Как доверять тому, кто отнял твою память? Как убедить себя в том, что он не поступит так снова? И если я смогу убедить себя в этом, не стану ли я той самой овечкой в городе волков, которой он меня окрестил той ночью. Самообман - извечная проблема человечества. Мы постоянно закрываем глаза на правду.

Наши действия определяют то, кто мы есть.

Он знает, о чем я думаю, даже когда не видит моего лица.

- Да. Наши действия определяют кто мы. Проанализируйте мои. Вскоре после того, как я использовал на вас Глас, чтобы припрятать ваши воспоминания, я начал обучать вас Гласу, зная, что вы станете не восприимчивы к нему, и я не смогу его снова применить к вам. Я оказался от преимущества. Ради справедливости, признайте, что это можно считать искуплением, - он прервался и рассмеялся: - преступления на почве страсти. И это, моя милая, любящая все нахрен усложнять мисс Лейн, можете считать извинением мужчины, который никогда не извиняется. Принимать его или нет - ваше дело.

Он поднимается и, проходя мимо меня, исчезает за дверью, не дождавшись моего ответа.

Глава 31

*Как солдаты, павшие один за другим, один за другим*⁵⁹

Мак

Факт: невозможно знать другого человека на сто процентов

Факт: мы рождаемся и умираем в одиночестве.

Факт: невозможно полностью себя обезопасить. Можно лишь быть бдительным, полным решимости выжить и быть готовым ради этого проявить жестокость.

Факт: любовь несовершенна.

Факт: так же, как и я.

⁵⁹Linkin Park/In My Remains

Эти пять фактов являются желчью, которой я перевариваю произошедшие за день события.

Растянувшись на диване перед любимым газовым камином в задней части книжного магазина, я изумляюсь тому, насколько упростился ход моих мыслей. Раньше в них было слишком много пит-стопов между пунктами отправления и возможного назначения. Но сейчас, все выглядит как-то так: «Люблю я его? Да. Он идеален? Нет. А я? Нет. Смогу я его бросить? Нет. Вот и хорошо, все решено. Пора вздремнуть.»

Меня разбудил звон колокольчика. Я перевернулась, потерла глаза и откинула с лица волосы. Я спала крепко. До меня доходит, что я не вешала колокольчик после того, как Риодан сорвал его с двери. Наверно это сделал Бэрронс.

Первым делом, открыв глаза, я посмотрела на свою руку. Ну да. Все еще невидима. Обалдеть! И я вовсе не спешу от этого избавляться. Чувствую, что с правой стороны от руки до щеки на мне остались отпечатки обивки. Я вся помятая. Ненавижу, когда остаются вмятины после сна лицом в подушку, а тут у меня на пол лица целые фейерверки диванного узора.

У меня засосало под ложечкой, я резко вскочила и пригнулась, сдержав рык, рвущийся из груди.

Чую Темного Принца.

Я низко пригибаюсь, спрятавшись за диваном, чтобы меня не заметили, и начинаю постепенно отступать назад к приватной части книжного магазина. И тут вспоминаю, что они не могут увидеть меня. Вот идиотка.

Я выпрямляюсь и изучаю тускло освещенное помещение, задаваясь вопросом, какого черта мои насильники забыли в моем доме.

Моргаю. Они стоят у входа вместе с Фейдом, Дэйгисом и Драстеном МакКелтарами и Р'джаном, которого сопровождает новый Светлый советник, недавно одобренный Риоданом.

Дверной колокольчик звякнет еще пару раз, оглашая приход Бэрронса с Джадой, они отряхиваются от дождя.

Что за хрень?

- Зачем ты просил меня прийти? - спрашивает Джада Бэрронса. - И что они здесь делают? - она, прищурившись, смотрит на принцев, которые шипят в ответ и принимают агрессивную позу.

- Я не просил.

- Я получила твое сообщение.

- Я его не посылал.

Джада поворачивается, чтобы уйти, но Бэрронс берет ее за руку, она медленно разворачивается и смотрит на него.

- Но я бы предпочел, чтобы ты осталась, - говорит он.

Я прищуриваюсь. Что он задумал?

Какое-то мгновение она смотрит на него и, наконец, говорит:

- Я удовлетворю твое пожелание. На этот раз. Но в будущем ты также исполнишь одну мою просьбу.

- Если это будет просьба поприсутствовать. И не более.

Она слегка склоняет голову.

Ну конечно, у нее хватает вежливости для Бэрронса, но не для меня.

Мне нравится Джада. Она сильна, умна и смертельно опасна. Жаль, что она заняла место Дэни. Жаль, что она бессердечна. Я хочу, чтобы Дэни вернулась. Но в то же время не против, чтобы Джада осталась, если она четко уяснит, что Мак хорошая и не стоит ей вредить. Кстати о птичках, куда подевалась Синсар Дабх? Передо мной стоят трое принцев, а у меня в голове не звучит ни единого побуждения сорваться и поубивать всех вокруг. Молчание Книги начинает меня нервировать.

Темные принцы спрашивают у Бэрронса, почему он прислал угрожающее сообщение о том, что исключит их из совета, если они не встретятся с ним здесь, а Р'джан возмущается угрозе, полученной от Горцев об аннулировании защиты, если он не придет. Узнаю почерк Риодана, приближение которого как раз наблюдаю сквозь ромбовидные стеклянные вставки входной двери.

Когда холеный владелец Честера входит внутрь, гул претензий возрастает, все они теперь направлены ему и его уловкам.

- Если бы я позвал вас, вы бы не пришли, - говорит Риодан Рафу, а затем отрывисто бросает: - Наверх, за стол. Все вы.

Ага, конечно. Только что он попытался приказать девяти самым несговорчивым существам действовать сообща. Этому не бывать.

Снова все голоса и спорят. Риодан пропадает из виду. В след за этим исчезает новый советник Р'джана.

Пока Р'джан дико озирается по сторонам, проходит довольно много времени.

Спустя полминуты Риодан снова появляется и бросает к ногам Р'джана тело его нового советника. Мертвое тело. Я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться вслух при виде ужаса, отразившегося на лице Р'джана.

- Прекрати так поступать! Ты убил нашего чертового советника! Уже второй раз ты оскорбляешь нас подобным образом, - рычит Светлый принц.

- Какой смысл разрабатывать новую тактику, если старая прекрасно работает. Головой думать надо, а не задницей, чтобы предугадать угрозу. Следующим умрешь ты, а затем Раф. Поднимайтесь, нахрен, наверх.

Джада направляется к двери.

- Ты остаешься. Держи свое слово, - говорит Бэрронс.

Она сжимает челюсть, но все же медленно поворачивается.

- У вас пять минут.

- Мне хватит и пяти минут, - отвечает Риодан.

Джада одаривает его прохладной улыбкой.

- Да, я слышала.

Я ухмыляюсь.

Риодан открывает рот, чтобы ответить, но поражает меня, тут же закрыв его. А я-то готова была услышать что-нибудь с сексуальным подтекстом, более того, даже предвкушала. Она сама нарывалась. И судя по выражению лица Джады, она тоже этого ожидала.

А он промолчал. Интересно. Потому что она это Дэни? Или потому что она далеко не Дэни?

- Шевелите булками, все вы, - приказывает Фейд.

Они поднимаются наверх, причитая и огрызаясь всю дорогу, а я поспешно следую за ними, чтобы замаскировать предательские скрипы половиц, которые могут раздаться под весом моего тела.

Бэрронс, Фейд, Риодан и двое Горцев усаживаются на стулья по одну сторону стола. Забавно наблюдать, как пятеро громадных мужчин усаживаются плечом к плечу, предоставляя Темным принцам и Р'джану расположиться на двух остальных. Интересно, а где же Шон: был ли он вызван похожим образом и предпочел не явиться, или же Риодан умышленно не пригласил его.

Джада стоит, широко расставив ноги и скрестив руки. Сегодня возле каждого бедра у нее по ножу, не считая выпуклостей возле ее лодыжек, в карманах и на поясе. Я и сама ношу скрытое оружие, так что прекрасно знаю, как определить гранаты и дополнительные обоймы. На ее футболке кровь. Интересно, кого или что она убила сегодня ночью, и в каком количестве. Я скучаю по сражениям бок-о-бок с ней.

- Почему ты вызвал нас всех? – требовательно спрашивает Р'Джан. - И где О'Баннион?

Я устраиваюсь напротив Джады, нас разделяет только стол, и, бессознательно копируя ее позу, с интересом изучаю ее. По-прежнему во всем черном, по-прежнему холодно прекрасна, но что-то в ее внешнем виде не дает мне покоя. Я окидываю ее взглядом с головы до ног. Ее браслет сверкает серебром. Где же я видела его раньше?

- О'Баннион не имеет отношения к вопросу, который мы сегодня обсуждаем.

Светлый принц хмурится, несомненно задумываясь над тем, происходили ли встречи, на которые его не приглашали, и о которых он ничего не знает.

- А где человек, управляющий аббатством?

- Аббатством управляю я, - отвечает Джада.

- Есть один вопрос, в котором мы все единодушны, - говорит Риодан. - Мы все желаем смерти Кровавой Ведьме.

- Ты ради этого собрал нас? Чтобы обсудить Ведьму? - спрашивает Раф. - Она занята. И мало нас заботит.

- Вы окажете посильную помощь в уничтожении наших общих врагов или сами станете врагами, - сообщает Риодан.

- Никто не знает, где она, - говорит Джада.
- Темная принцесса нашла ее, - отвечает Риодан.
- Откуда ты знаешь? - спрашивает Джада.
- Вам известно, где Кристиан? - в бешенстве кричит Дэйгис. - Какого черта мы до сих пор здесь?
- Я нанял Темную принцессу. Даже не думай о контроле над моим городом. У тебя есть шивидящие. И больше ничего, - говорит Риодан, обращаясь к Джаде.
- Принцесса нечистой крови, - сухо говорит Киалл. - Вы никогда не допустите ее к нашему столу.

Интересно, что он имел в виду? Даже я почувствовала эту разницу. Но в чем она?

- Вы будете сидеть за столом переговоров с теми, кого выберу я, и не важно полукровка это или нет, - отвечает Риодан.

- Я спросил, где, черт возьми, Кристиан? - повторяет Дэйгис.

- Я хотела бы видеть Кристиана на свободе. Озвучь свое предложение, - голос Джады лишен всякой интонации. Если она и раздражена тем, что Риодан перехватил ее план, то ничем не выдает себя. Тот огонь, который я видела в его офисе, сейчас превратился в лед.

- Его местоположение трудно достижимо, - говорит Риодан. - Темные принцы переместят троих из нас туда. Используя одного из них, как приманку, и Мак, как отвлекательный маневр...

Какого хрена? Я закипаю.

- Думаешь, мы согласимся стать твоей долбаной приманкой? - рычит Киал.

- ...мы покончим с Ведьмой раз и навсегда и освободим Келтара, - заканчивает Риодан.

- Кого еще переместят, кроме меня? - спрашивает Джада.

- Ага, кто, черт возьми, отправится с ними? - рычит Дейгис.

- И почему мы должны во всем этом участвовать? - спрашивает Киалл.

- Когда ваш новоиспеченный брат вернется, а Ведьма умрет... - роняет Риодан. Ему и не нужно продолжать, и так понятно, что это сделает их невероятно могущественными.

- Он им не брат, - тихо произносит Драстен. - И никогда им не станет.

- Абсолютно согласен с тобой, горец, - говорит Киалл.

- А зачем Светлым замораживаться? - рычит Р'джан.

- Принц без королевских союзников, да ты самая очевидная следующая цель Ведьмы. И если этого недостаточно, чтобы убедить тебя, то спешу сообщить, что Мак в одной комнате с нами и убьет каждого, кто не будет следовать моему плану. И вы не увидите приближение смерти, поскольку она невидима. Скажи привет, Мак.

Голова Джады крутится из стороны в сторону, сканируя комнату.

Я блин нахрен не могу поверить, что Бэрронс рассказал Риодану о моей невидимости! И я нахрен не могу поверить в то, что Риодан реально думает, будто может использовать меня в качестве своего личного оружия! Сжимаю зубы. Он бесит меня не меньше Бэрронса. Неудивительно, ведь они родственники.

- Вы же хотите освободить Кристиана, не так ли, мисс Лейн? - в этом вопросе слышится мягкое предупреждение от Бэрронса.

Он не знает, что я здесь. Всего лишь предполагает. И как однажды говорил он сам: предполагать - все равно что всем вокруг лгать. Я крепче сжимаю зубы. Пусть себе сотрясают воздух, разговаривая с пустым местом. Пусть остальные думают, что они слетели с катушек.

Джада продолжает внимательно сканировать комнату. Ещё немного и её уши встанут торчком, как у охотничьей собаки. Если я буду настолько глупа, что произнесу хотя бы слово, она в мгновение ока налетит на меня.

- Если ты попытаешься напасть на Мак по причине, которую, я уверен, ты не захочешь сейчас обсуждать, то между нами начнется война. Но если ты умна хотя бы в половину от того, как я о тебе думаю, то прекрасно отдаешь себе отчет, что эта война будет бессмысленной, безрезультатной и катастрофической, - говорит Риодан, обращаясь к Джаде, а затем к принцам: - Мы будем работать вместе, ради уничтожения наших общих врагов. И уже потом примемся убивать друг друга, облегчив жизнь тому, кому достанется в итоге контроль над миром.

Раф и Киал переглядываются и кивают.

- Это первое разумное предложение за сегодня, человек.

Риодан бросает на Киала тяжелый взгляд.

- Назови меня человеком ещё раз и умрешь.

Киал молчит какое-то мгновение, а затем склоняет голову:

- Будешь полукровкой. Теперь.

Едва уловимая улыбка появляется на лице Риодана, но она не затрагивает глаз.

- Полукровка предпочтительнее человека.

- Еще одно разумное утверждение. Но мы не будем приманкой для Ведьмы.

- Так же, как и я, - рычит Р'джан.

- Тот, кто согласится стать приманкой, получит дополнительный голос за столом переговоров.

- А кто тебя, черт возьми, поставил во главе этого стола? - требует ответа Киал.

- В дополнение к голосу советника, убитого тобой? - поспешно уточняет Р'Джан.

- Ни одному из вас я не позволю прикасаться к себе настолько долго, чтобы можно было просеяться, - заявляет Раф. - Я вам, нахрен, не паромная переправа.

- Именно так.

- Тогда с его стороны будет три голоса, а с нашей – два, - рычит Киал.

- Сравняем счет, когда спасем твоего брата, - замечает Риодан.

- Друид Келтаров, чёрт возьми, не присоединится к Темным принцам, - говорит Дэйгис.

Риодан молчит и просто ждет.

- Тебе дела нет до Кристиана, - продолжает Джада. - В отличие от Келтаров, которые хотят его освободить. Я не верю, что Мак здесь.

- Мисс Лейн, отзовитесь, - приказывает Бэрронс.

Весьма грубо я бы сказала, но промолчу. Ощущаю себя собакой, которой приказали подать голос. Не отзовусь. Не собираюсь мириться с этим. Они даже не посоветовались со мной. Как будто мое мнение не имеет значения.

- У тебя также будет право голоса за нашим столом, Мак, - сообщает Риодан. - Или бросишь свой город на произвол судьбы в критический момент?

- Да иди ты, - резко бросаю в ответ я. - Вовсе я и не собиралась бросать его. Просто была парочка личных проблем, которые необходимо было решить.

Все взгляды в комнате направляются в мою сторону.

Я пригибаюсь, падаю на пол и в мгновение ока перекатываюсь. Оглядываясь, я замечаю, что Джада стоит именно в том месте, где всего мгновение назад была я.

Риодан стоит у нее за спиной, держа за горло. Бэрронс стоит перед ней. Она, как начинка в сэндвиче, оказалась между двумя этими мужчинами, и я совсем ей не завидую.

Хотя, может и завидую.

Джада обхватывает запястье Риодана, совершая слишком быстрый и незаметный моему глазу маневр, и внезапно оказывается рядом с ним, не скованная больше ничем.

- Ты знаешь, что из себя представляет Мак. Ей нельзя доверять.

Бэрронс перемещается влево, снова зажимая ее между собой и Риоданом.

- Я знаю, кем она является. Твоей лучшей подругой. Дэни, - говорит Риодан, и это разрывает мне сердце, потому что, если бы это было правдой, я не загнала бы ее туда, где она окончательно превратилась в Джаду. Теперь я понимаю, о чем умолчал Риодан в ту ночь в своем Хаммере. Дэни не убивала Алину. Это сделала Джада, по принуждению Ровены с ее черной магией. Жестокая Джада - порождение непомерной жестокости, причиненной ей. Я закрываю глаза, оплакивая Дэни, девочку, которая безоговорочно и смело взяла всю вину за убийство моей сестры на себя. И если Риодан прав, то Дэни даже не знает наверняка, что она натворила. Разве что подозревает. А если он ошибается, то Дэни была вынуждена наблюдать за тем, что пришлось сделать Джаде. И я не знаю, какой из вариантов ранит меня больше.

Киалл щуриться.

- Дэни. Эта человеческая женщина перед нами была однажды юной женской особью с мечом? - на какое-то мгновение он снова превращается в полностью ненормального Темного принца, поворачивает голову и останавливает свой пустой взгляд на Джаде. Его радужные глаза вспыхивают, когда он понимает, что это означает: - И меч и копьё сейчас в этой комнате вместе с нами. Это неприемлемо, - и он начинает звенеть, издавая резкие и гортанные звуки.

- Теперь ты понимаешь почему я здесь главный, - говорит Риодан.

- Поскольку в наших руках оружие, и ты считаешь, что мы в твоих руках? - дерзко спрашивает Джада.

- Мы представляем из себя куда более смертоносное оружие, - уточняет Риодан. - И да, вы в наших руках.

- Я никогда никому не принадлежала и принадлежать не буду. Уверяю тебя, если Мак или я сотрудничаем с вами в отношении каких-то вопросов, то лишь потому, что мы от вас чего-то хотим. И никак иначе, - все еще зажатая между Бэрронсом и Риоданом, она бросает взгляд в мою сторону: - Чего ты хочешь, Мак?

Ух ты, с чего бы начать. Хочу вернуть сестру. Хочу, чтобы Дэни снова стала собой. Хочу избавиться от Синсар Дабх. Хочу снова научиться доверять Бэрронсу. Хочу, чтобы из нашего мира исчезли все черные дыры. И это только начало.

Но начнем с того, что попроще. Должен же в этой комнате кто-то сохранять благоразумие.

- Я хочу спасти Кристиана, - говорю я. - И согласна забыть все обиды, ради достижения этой цели. А ты? - я делаю паузу, а затем осторожно добавляю: - Джада.

Я продолжаю изучать ее, меня что-то настораживает, но я не могу понять... Твою же мать. Одежда плотно облегает ее тело, не оставляя никакой возможности спрятать что-то больше пистолета, ножа или гранаты. У Джады нет меча. По крайней мере, с собой. Мысленно я вспоминаю каждый раз, когда я видела ее. Неа, его никогда не было с ней. Та Дэни, которую я знала, ни за что не осталась бы в одной комнате с принцами без него.

После длительной паузы, она склоняет голову.

- Соглашусь с тобой. Пока. Риодан, ты можешь озвучить нам свой план.

Я снова смотрю на ее браслет. Меча нет, но есть новенький сверкающий браслет. Что позволяет Дэни чувствовать себя неуязвимой в присутствии фейрийской знати? Она не переживает о том, что они смогут воздействовать на неё своей гиперсексуальностью, как это уже случилось однажды. То был единственный раз, когда я видела Дэни в слезах. Если она потеряла свой меч в Фэйри, что бы она захотела получить взамен, ну, конечно, кроме моего копья, которое могла заполучить, если бы поймала меня тогда в аббатстве.

И тут меня осеняет.

- Твой браслет, - я настолько потрясена, что говорю, не подумав. Мне не раз предлагали его. Тогда я старалась к нему не приглядываться, потому что желание заполучить его было чертовски сильным, практически осязаемым. - Он принадлежал Круусу, - мой взгляд прикован к ее лицу. - И он был на его руке, когда его заморозили!

По словам Крууса, браслет защищает владельца от любого Светлого или Темного, и от прочей разной мерзости. И если его утверждения верны, то Джада может буквально пройти сквозь стену Теней и остаться невредимой. Я завистливо смотрю на браслет.

- Круус? - рычит Раф.

- Он был уничтожен давным-давно, - шипит Киалл.

- Вспомните того, четвертого, когда мы трахали ее на улице, - шепчет Раф Киаллу. - Мы почувствовали присутствие, но не смогли увидеть его.

- Ты сказала «заморозили». Это сделал Гх'лак-ра Д'жай? Круус жив? - спрашивает Киал.

- Любой знает, что замороженный значит мертвый, - сухо говорю я, пытаюсь минимизировать причиненный ущерб. Вскользь сделанное замечание о том, как меня насиловали на улице стало подобно уколу адреналина в сердце. Я медленно вдохнула и выдохнула еще медленнее, ожидая подстрекательств Книги. Но она продолжает хранить молчание.

Киал презрительно усмехается.

- Не верю, что даже тот, кого вы называете Ледяным Королем, смог бы уничтожить нашего брата. Где он? Ты сообщишь нам его местоположение сейчас же, - Темные принцы вскакивают, глядя прямо туда, где я совсем недавно стояла.

Я нахожусь метрах в 3-4 от того места, наполовину скрытая книжным шкафом, прикрыв губы рукой, жалея о том, что невозможно запихнуть сказанное обратно себе в рот.

- Ее мозг испарился вместе с телом, - говорит Риодан Бэрронсу.

- Похоже, что так, - говорит Бэрронс.

- Не правда, - горячо возражаю я. - До меня резко дошло. И я сболтнула, не подумав. Ну простите нахрен меня за то, что меня ошарашила новость о сговоре Синсар Дабх с той, кто сама так яростно обвиняла меня в связи с книгой. Почему никто не обвиняет Джаду?

Мне бы очень хотелось знать, как она, черт возьми, сняла этот браслет с замороженного принца. Это беспокоит меня. Причем очень сильно.

- Синсар Дабх, - мягко говорит Киал, его глаза блестят. - Она тоже здесь? В Дублине? Где именно?

Они с Рафом начинают глухо звенеть. Могу себе представить инопланетный разговор, который происходит всецело по моей вине: «Наш брат жив, и Синсар Дабх поблизости, мы можем собрать их воедино и править миром!»

Они не знают, что их брат и есть Синсар Дабх, и он скорее уничтожит их, чем объединит с ними усилия.

- И она продолжает ухудшать ситуацию, - изумленно добавляет Риодан.

- Она и есть Синсар Дабх, - невозмутимо сообщает Джада. - Она у нее внутри.

- А Дэни берет с неё пример, - зачарованно замечает Бэрронс.

- Превратим её в при-йя, - шепчет Рафу Киал, будто меня и нет в этой комнате. – И сможем контролировать и ее, и силу Темного Короля.

- Штучки с превращением в при-йя со мной больше не работают. И никто не может контролировать Синсар Дабх, - раздраженно говорю я им, а затем бросаю Дэни: - Поверить не могу, что ты вот так сдала меня!

Я пригибаюсь и откатываюсь в сторону, беззвучно перемещаясь, пока Раф и Киал рыскают по комнате, разыскивая меня.

- Ты первая начала, - отвечает Джада. - Браслет - бесценное оружие. Опасно было оставлять его там.

- Ты потеряла меч. Признай это.

- Я совершенно точно знаю, где он находится.

Может и так. Но где бы он не находился, по какой-то неведомой причине добраться до него она не может.

- Посмотрим, - угрожает Раф. - Возможно, на этот раз просто потребуется чуть больше времени.

Я хотела было спросить, как Дэни заполучила браслет, и не нарушило ли это целостность темницы Крууса, но сжимаю зубы, не успев ляпнуть еще что-то впечатляюще глупое. В данный момент, Темные принцы считают, что я и есть Книга. И меньше всего я хотела бы сейчас, чтобы они узнали, что их давно утерянный брат тоже является носителем Книги.

Пока принцы продолжают выискивать меня, я предупреждаю их:

- У меня есть копье. Прикоснитесь ко мне - и вы мертвы, - они не знают, что я блефую. Если я достану копье, кто знает, что может произойти в этой комнате? Я пригибаюсь, откатываюсь и не высовываю головы.

- Где Круус? - спрашивает Р'джан.

Все молчат. Лишь трое Светлых присутствовали той ночью, когда мы захоронили Синсар Дабх: В'лейн, который на самом деле был Круусом; Вельвет, который уже мертв; и Д'риллия, которая, судя по всему, никому из своего двора не рассказала о произошедшем. Мудрая женщина.

- Вы пригласили нас за этот стол, а относитесь как к рабам. Лжете, вводите в заблуждение, манипулируете, - рычит Раф.

- Кто бы говорил, мы хоть при этом ведем себя цивилизованно, - дразню я.

- Вы не делитесь информацией, - отвечает Киал. - Мы больше не союзники. Пошли вы на хрен, - и они вместе с братом исчезают.

- Они что, только что просеялись? - спрашиваю я, осторожно озираясь, готовая в мгновение ока пригнуться и снова откатиться.

- Мы больше не настолько предсказуемы, - мягко говорит Р'джан.

- Достаточно предсказуемы, - отвечает Риодан.

Р'джан просеивается за мгновение до того, как Риодан добирается до него.

- Я как раз головой думаю. А советника можно и заменить. Мы знали, что вы храните секреты. Мы тоже храним свои, - слова Светлого бесплотно повисают в воздухе. - Ваши заклинания больше не действуют на нас.

- Ваши заклинания больше не работают? - удивленно спрашиваю я.

- Так они думают, - шепчет Бэрронс.

- Черт возьми, да вы просто «гении», - рычит Драстен. - Мы лишились всех просеивателей.

- Ага, - соглашается Дэйгис. - Итак, каков теперь наш охрнительный план?

Еле заметная улыбка появляется на лице Риодана.

- Это и был наш план.

Я начинаю хватать ртом воздух, когда Темная принцесса, от которой я, предположительно, защищаю Девятку, просеивается в комнату, материализуясь прямо за спиной Бэрронса и Риодана.

Она берет каждого из них за руку.

И затем все трое исчезают.

Глава 32

Я не боюсь твоих зубов, восхищаюсь тем, что в них⁶⁰

Мак

Когда вокруг одни начальники, а ты не один из них и не их приближенный, то тебе нифига не понятно, что происходит.

Я никогда не была близка с Риоданом, а теперь, видимо, не близка и с Бэрронсом.

И если эти шовинисты надеются на то, что я им буду подчиняться, то они глубоко ошибаются.

Дэйгис и Драстен ушли из книжного магазина не настолько уж и злыми. Дэйгис сказал, что собирается туда, где они остановились, чтобы провести время со своей женой, и у меня сложилось впечатление, что либо они в курсе плана, либо у них есть веские причины доверять Риодану и Бэрронсу в вопросах, связанных с вызволением Кристиана. Келтары напоминают в этом плане Риодана, они умеют терпеливо выжидать, вынашивая сложные стратегии достижения долгосрочных целей. Видимо, умеют просчитывать на несколько ходов вперед. Ну да ничего, я тоже этому научусь.

Понятия не имею, в курсе ли дел Джада/Дэни, или так же, как и я, в неведении. По её прекрасному холодному лицу трудно сказать. Я проскользнула за книжный шкаф и сидела тихо, как мышка, пока дверной колокольчик не огласил её уход. И потом не смела пошевелиться ещё десять бесконечных минут, чтобы убедиться, что она действительно ушла, а не просто сделала вид. Может она уже пробирается тихонечко назад, как тигр, готовый напасть на меня, как только я совершу неосторожное движение, чтобы отобрать моё копье, а меня саму запереть под аббатством.

В конце концов, я вышла из укрытия и огляделась. Она ушла. Видимо, горит желанием проводить со мной время не больше, чем я с ней.

Теперь, сидя напротив камина, жуя не совсем свежие чипсы, я размышляю, зачем Бэрронсу и Риодану в этой шахматной партии понадобилось убеждать принцев в том, что охранные заклинания против них больше не работают.

Я ухмыляюсь. А я прям на лету схватываю. Скоро я сама буду разрабатывать планы вместо того, чтобы пытаться расшифровать те, которые составили без меня.

Ведь принцы теперь расслабятся.

Потеряют бдительность. Риодан внушил им мысль, что они ключевое звено его плана. А Темные Принцы хмелеют от тщеславия ещё быстрее, чем в Фэйри наступает ночь.

Тот, кто все время на стороже, спать не ляжет, пока все входы-выходы не перепроверит. А тот, кто считает, что ему бояться нечего - глупейшее из всех предположений - мало того, что делать этого не станет, так ещё и, возможно, начнет преждевременно праздновать победу над врагами.

Тогда-то враги и нападут на него.

⁶⁰ Linkin Park/Victimized

Бэрронс и Риодан отправились за Принцами.

Риодан перехватил контракт Джады: предложил убить Принцев взамен на местоположение Кристиана. И судя по тому, что я подслушала из его разговора с Папой Тараканом, подозреваю, он поднял ставки, предложив принцессе ещё и Р'Джана. Тем самым, вступив в союз с единственным представителем королевских кровей в Дублине, которому суждено уцелеть. По крайней мере, на некоторое время. Зачем возиться с тремя принцами фейри, когда можно иметь дело с одной принцессой?

Они пошли разбираться с моими насильниками без меня.

- Вот сукин сын, - ворчу я. Теперь у меня есть две причины злиться на Бэрронса.

Когда час спустя прозвенел колокольчик, я даже не соизволила обернуться. Так и осталась сидеть на честерфилде, спиной ко входу. Уверена это Бэрронс. Я его чувствую.

- Если ты вернулся для того, чтобы сообщить, что ты убил Принцев, то я больше никогда не заговорю с тобой.

Не удивлюсь, если он ответит: «Ну и прекрасно. Наконец-то вы заткнетесь.»

Но в ответ звучит лишь низкий атавистический грохот. Я замираю. Этот звук ужасает на клеточном уровне. Это не Бэрронс позади меня.

Это его звериное воплощение.

Его когти скребут пол, пока он крадется по книжному магазину, первобытное сдавленное дыхание, вырывается из его груди, словно сама смерть клокочет в ней. Звериное воплощение Бэрронса и есть смерть: непревзойденный первозданный каратель. Я несколько раз видела, как он частично трансформировался, и всего лишь дважды он полностью менялся при мне. И оба раза я понимала, что нахожусь рядом с существом, которому чуждо всё человеческое, который руководствуется совершенно иными принципами и не знает милости ни к кому, кроме подобных себе.

Он позади меня. Уже сбоку. И вот это создание, обойдя диван, попадает в поле моего зрения.

Я замерла, сидя, глядя на него снизу вверх. Под три метра ростом, с черной шкурой, это существо совершенно голое и явно мужского пола. С мощно развитой мускулатурой, выступающими венами и сухожилиями, и кроваво-красными глазами с не по-человечески узкими вертикальными зрачками. Три ряда длинных, смертельно опасных, симметрично расположенных рогов, обрамляют его голову. С них свисает нечто окровавленное.

Рельефная, рогатая голова явный признак древнего происхождения. А когда зверюга ревет словно лев, прямо как сейчас, то видны все его зубы, а не только черные длинные клыки.

Он ужасает своей жестокостью, но все равно, есть в этом Бэрронсе что-то дико прекрасное. Даже завидно, как хорошо он приспособлен к тому, чтобы выживать, завоевывать, переживать катастрофы.

Я замираю. Я невидима.

Зверь резко поворачивает голову влево и смотрит прямо на меня, сквозь свои черные запутанные космы.

Черт побери, тут до меня доходит, что на мягкой коже дивана виднеется отпечаток моей задницы.

Он держит отсеченные головы Киала и Рафа, с которых всё ещё капает иссиня-черная кровь.

- Некоторые преступления, - натянуто цитирую я Риодана: - настолько личные, что кровная месть должна свершиться тем, кто пострадал от них.

Зверь рычит на меня и бьет когтистой лапой по полу, оставляя длинные разрезы на бесценном ковре. Кровавые глаза сверкают. А мне за какие-то каблуки пришлось выслушивать. Обязательно напомню ему об этом в следующий раз, когда он посмеет заикнуться о моей обуви.

- Я хотела сама убить их, - говорю я, на случай, если он не понял с первого раза.

Он ревет так громко, что в окнах дребезжат стекла, а затем устремляется ко мне, с немым упреком и блеском в кровавых глазах, трясая в воздухе отсеченными головами.

Я разглядываю лица Принцев. Глаза закатаны, рты застыли в крике. Такие лица бывают лишь у тех, кто видел в смерти облегчение.

Из-под невероятно огромных клыков раздается рычание:

- У тебя была уйма времени, чтобы воспользоваться своим исключительным правом. Оно на хрен иссякло.

Его рога начинают словно таять и стекать с головы, которая деформируется, пульсирует, сжимается и снова расширяется, будто слишком большая масса не может уместиться в маленьком объеме, и зверь этому сопротивляется. Массивные плечи вваливаются внутрь, выпрямляются, снова вваливаются. Головы Принцев с хлопанием падают на пол. Зверь выдалбливает из деревянного пола щепки, смешивая их с остатками бесценного ковра, падает на четвереньки и сотрясается.

Широко расставленные когти превращаются в пальцы. Задние лапы поднимаются, подкашиваются и превращаются в ноги. Но они изувечены, деформированы, кости сгибаются не так, как должны: неестественно гибкие в одних местах и узловатые в других.

Он все ещё воет, но звук уже меняется. Деформированная голова дергается из стороны в сторону. Сквозь спутанные лохмы я вижу дикий взгляд, черные клыки. Он плюется и рычит. Но вот лохматые космы исчезают, а черная холеная шкура начинает светлеть. Зверь падает на пол, и бьется в конвульсиях.

Ничего не могу поделать и невольно сравниваю происходящее со стремительной легкостью, с которой превращается Риодан. В зверей они оба обращаются быстро, а вот обратный процесс у Бэрронса гораздо длиннее.

«Мне нравится быть зверем, - говорил Бэрронс. - А Риодану - человеком.»

Оба они животные, просто предпочитают различную среду обитания. Риодан господствует посреди бетонно-стеклянных городских джунглей и чувствует себя среди них прекрасно. А Бэрронс словно буйный лев, наконец-то вырвавшийся из зоопарка в темную чащу, которым движет первобытная ненасытность.

Внезапно он становится на четвереньки, опустив голову. Кости хрустят и трещат, принимая новую форму. Формируются плечи, сильные, гладкие, с развитыми мускулами. Руки широко расставлены. Одна нога заведена назад, а вторая поджата, словно он готовится к низкому старту.

На полу теперь голый мужчина.

Бэрронс поднимает голову и смотрит в упор, чуть выше вмятины на диване.

- Они совершили преступление и против меня тоже. Может, я и не видел его своими глазами, но каждый хренов день я вспоминаю о нем.

- Это меня изнасиловали.

- Это я не смог спасти вас.

- Из-за того, что ты винил себя...

- Не только я винил себя.

- Я не винила тебя в этом, - огрызаюсь я. - Моя безопасность - сугубо моя ответственность.

- Но вы винили меня в том, что я позволял им жить.

- Да, - неожиданно для самой себя выпаливаю я и с ужасом понимаю, что это правда.

Глубоко внутри меня таилась обида. Я презирала Бэрроса за то, что он не убил их сразу после того, как узнал, что они со мной сделали.

- Я хотел, - сухо сообщает он: - но они, нахрен, были незаменимы.

В'Лейн постоянно язвил на эту тему, напоминая о том, что Бэрронс позволяет жить моим насильникам после того, что они мне сделали. Я так хотела, чтобы у него снесло крышу от ярости, и он отправился мстить и сделал то, что в конце концов и сделал сегодня - оторвал им головы и принес мне с немой посланием: «Может я не смог уберечь тебя. Но я, нахрен, отомстил за тебя.» Всё это время, я не могла раскрыться перед ним полностью, потому что считала, что он не сделал того, что должен был сделать для меня. Как мог он позволять им жить?

Он, конечно, прав, никто не мешал мне самой разобраться с Принцами ещё несколько месяцев назад. Но я не хотела. Они изменили меня. До изнасилования я была паинькой, мысли плохой не имела. Если я причиняла кому-то боль, то лишь по случайности, и впоследствии от этого страдала. Но после того, что они со мной сделали, во мне появилось что-то новое, беспощадное и дикое, чему чужд закон, который должен сдерживать жестокость. Когда ты беспощаден, никто не хочет с тобой связываться. Я хотела стать плохой. Так безопаснее.

Когда кто-то причиняет вам боль, и я не о безобидных случайностях, отнимая у вас что-то безвозвратно, вам необходимо это как-то компенсировать. У вас есть выбор: либо вычеркнуть их из

своей жизни, либо вычеркнуть их имена из книги жизни. Последнее приносит сильное, моментальное, примитивное удовлетворение, которое меняет вас. И если вы думаете, что испытаете радость от подобной победы, и действительно её испытаете, то вы проиграли эту войну.

Они изнасиловали меня. Но я это пережила. И не хотела на этом заикливаться. Но при этом хотела, чтобы кто-то вместо меня опустился на этот примитивный уровень.

Я могла ещё несколько месяцев назад хладнокровно вломиться в их готический особняк. Могла, издеваясь над ними и пытая, убивать медленно. Наслаждаться каждым мгновением. Раскрасить лицо их кровью, упиваться собственным превосходством.

Но из тех готических, высоких дверей вышел бы уже не сторожевой пес.

А волчица.

- Волки не убивают из-за ненависти, - сообщает Бэрронс. - Они убивают, потому что созданы для этого.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Только люди убивают с ненавистью. А убивать нужно так, как это делают звери.

- Не понимаю.

- Что случится со сторожевым псом, если его укусит волк?

- Пф. Он превратится в волка.

- Нет. Он превратится в сторожевого пса, который сражается с неистовостью и необузданностью волка.

- Спорно, - я чувствую себя волком и не знаю, что с этим поделать. Думаю, моя душа обратилась. Это меня беспокоит.

Двое принцев, изнасиловавших меня, мертвы. Их головы у моих ног. Третьего убила несколько месяцев назад Дэни. Четвертый, о котором Бэрронс ничего не знает, в оковах льда.

У меня есть плохое предчувствие, что если ему удастся выбраться, то у меня все же вырастут клыки, как бы мне этого не хотелось.

- Принцесса ждет головы, - говорит Бэрронс. - Она не укажет нам месторасположение Кристиана, пока мы не отдадим их ей.

Я вздыхаю. Не думала, что мне придется такое сказать совершенно голому и прекрасному Бэрронсу:

- Одевайся. Я готова.

Когда он выходит из комнаты, я смотрю на оторванные головы, на которых застыло выражение ужаса, и чувствую, что гнойная рана в моем сердце наконец-то очистилась и начинает заживать.

Всё кончено. Смерти тех, кто так сильно меня ранил, положили конец этому ужасу.

Я мягко добавляю:

- И спасибо.

Идти сквозь Честер за широкой спиной Бэрронса, будучи невидимой, чертовски напряжно. В прошлый раз я была так зла на него и так увлечена своим новым супер-ищейским состоянием, что даже и не пыталась смотреть по сторонам.

Сегодня я смотрю. И вижу десятки глаз, провожающих его взглядом, с нескрываемым сексуальным интересом. И не все из них женские! Я гневно ворчу.

- Проблемы, мисс Лейн?

- Неа, - бубню я, а затем спрашиваю то, чего никак понять не могу: - Зачем тебе и Риодану помогать спасти Кристиана?

- Надоело разыскивать чертово заклинание, - сухо отвечает он.

- Ага, так и знала, что забыла тебе кое-что рассказать! Я встретила парня с мечтательными глазами в Честере, а потом ещё и на улице. Нам больше не нужно его искать. Король снова объявился в Дублине.

- Вы продолжаете цепляться за абсурдную надежду, что он избавит вас от непосильной ноши. Думая, что всё хорошо, что хорошо кончается. И такая уж непосильная эта ноша, мисс Лейн? Мне кажется, она вам даже доставляет удовольствие сейчас.

Батюшки, эта телка рисуется перед ним своими сиськами. Посылая ему взгляды типа «а ну-ка давай-ка», двигаясь соблазнительно в такт музыке, задирая кофточку, под которой нифига нет, кроме

голой кожи и торчащих сосков. Её голодный взгляд опускается с его лица к паху. Она направляется к нему.

Я кидаюсь вправо и успеваю пихнуть её до того, как она до него добралась. Она даже не поняла, с чем столкнулась. Спотыкаясь, она падает на столик. Напитки разлетаются по сторонам, и в результате она приземляется на пол. А на голову ей мистическим образом выливается бутылка пива.

Теперь она выглядит как мокрая крыса.

- У этой ноши есть свои преимущества, - соглашаюсь я.

- Немного раздражительны сегодня?

- Нечего было своими сиськами перед тобой трясти.

- Ну, ваших-то я не вижу.

- Ты, черт возьми, сможешь их почувствовать. Скоро.

- Надеюсь, - шепчет он.

- Так зачем, все-таки, Риодану в это ввязываться? - возвращаюсь я к своему вопросу. - Я думала, он терпеть не может Кристиана.

- Джада отправилась бы за горцем одна, если бы узнала, где он. Риодан этого не допустит.

- Он переживает за неё.

Бэрронс не отвечает, да я на это и не рассчитывала.

Когда мы заходим в офис Риодана, Бэрронс достает из мешка головы принцев и бросает их на стол рядом с головой Р'Джана.

Не думала, что когда-то буду радоваться трем оторванным головам. Без сомнения, из какого-нибудь сырого материала, подобранного Фэйри, возникнут новые принцы. Но на данный момент принцев всего двое: Кристиан и Круус.

- Рискованно, вашу мать, - заявляет Риодан, разглядывая головы.

- Что?

- Рискованно было убивать их сейчас, - отвечает Бэрронс. - Они по-прежнему были нужны. Их отсутствие вызовет проблемы.

- Ну, по крайней мере, теперь мы можем освободить женщин из их логова и помочь тем, кого они превратили в при-йя, - говорю я.

- Появятся новые Принцы, - сообщает Риодан.

- Да, но для этого кому-то надо наесться плоти Темных. И поучаствовать в провальном ритуале. Или сделать что-то наподобие.

- Кто тут не ел Темного мяса, поднимите руки, - язвит Бэрронс. И переводя взгляд на стеклянный пол, предлагает: - И попроси тех, кто внизу, сделать то же самое.

- Люди без конца участвуют в провальных ритуалах, - добавляет Риодан. - Например, когда используют гребаную спиритическую доску.

- Спиритическую доску? Серьёзно?

Так и знала! Эта жуткая настольная игра с невидимыми участниками всегда меня напрягала. «Вот дверь, ведущая в смерть!» Кому подобное вообще нравится? Не мне точно. Не знаю, что там за той дверью, но уверена, что, черт возьми, не моя мертвая сестра. Как бы мне не хотелось на это надеяться.

Исходя из этих критериев половина города может превратиться в фейри.

- Бэрронс может стать Рафом, а я Киалом, - произносит Риодан.

- На вас не действует... - тут же протестую я.

- На нас действует магия Принцессы. И К'Врака, - подмечает Бэрронс. - Когда фейрийская знать сокращается в численности, кто-то или что-то всегда превращается, чтобы пополнить её ряды. С чего вы решили, что мы сможем избежать подобной участи?

Я отказываюсь рассматривать такой вариант развития событий.

- Кстати о Принцессе, а как ты контролируешь её? - спрашиваю я Риодана, меняя тему.

- А как ты контролируешь Синсар Дабх? - издевается он.

- Шаг за шагом, - отрезаю я. - И прекрасно справляюсь.

Риодан ухмыляется.

- Добро пожаловать на военные игры, Мак. Здесь окружающая обстановка всё время меняется, и выигрывает тот, кто реагирует быстрее.

Но на то, что произошло в следующий момент, никто из нас быстро прореагировать не смог. Нас застали врасплох.

Объявляется Темная Принцесса, хватает головы Принцев и исчезает прежде, чем мой мозг успевает осознать то, что предстало перед моими глазами.

- Сучка, - ревет Бэрронс.

- Не вынуждай меня начать на тебя охоту, Принцесса, - мягко предупреждает Риодан. - Не становись моей единственной целью, моей навязчивой идеей, моим наваждением, моей неиссякаемой убийственной фантазией, объектом каждой моей мысли и влечения, потому что чем больше времени мне понадобится на то, чтобы найти тебя, тем на хрен...

Господи, он даже меня напугал. Не хотела бы я оказаться на её месте.

Из ниоткуда доносится раздраженный голос:

- Ты не планировал убивать последнего Принца, значит Договор тобой соблюден не полностью. Мы не собираемся помогать в освобождении нашего врага.

Обрывок бумаги материализуется и падает на стол.

- Ты переместишь нас туда, - рявкает Риодан.

Она не отвечает. Исчезла.

Бэрронс поднимает бумажку. Я заглядываю ему через плечо и вижу, что это часть карты. Посреди горного массива отмечена маленькая красная точка. Я хмурюсь.

- Австрия? Кристиан в чертовой Австрии?

- Драйторшпитце⁶¹, - бормочет Риодан. - Ну, конечно. Оттуда достаточно близко к Дублину, чтобы иметь возможность вернуться за очередной жертвой, но туда трудно добраться.

«Если бы я была в видео-игре, - раздраженно размышляю я: - то хотела бы заполучить две вещи: браслет Круса и способность просеиваться.» До Австрии час лета или сутки на машине. Но после падения стен вокруг так много фрагментов Фэйри, что никто больше не летает. Даже Бэрронс и его парни. Это слишком рискованно. Ездить тоже сложно, особенно во время дождя или тумана, но так по крайней мере есть шанс увернуться от приближающегося искажения реальности.

- Что дальше? Будем искать других просеивателей?

- Черт возьми, - говорит Риодан Бэрронсу, - она пересмотрела в детстве «Моя жена меня приворожила».

Бэрронс кидает в моем направлении критический взгляд.

- Мы сделаем это по-старомодному, утомительно по-человечески, мисс Лейн. Мы поедем.

Глава 33

*Застряла я с тобой*⁶²

Мак

Спустя тридцать пять бесконечных, пропитанных тестостероном часов, мы вшестером: я, Бэрронс, Риодан, Джада и близнецы Келтары - прибыли в маленький городок у подножия горного массива Драйторшпитце. Как раз на рассвете. Мы ненадолго остановились на узкой, заблокированной брошенными машинами улице, чтобы накачать бензина. Мы заполнили бак Хаммера и две канистры, чтобы быть готовыми к быстрому отступлению.

Прошедшие полтора дня показались мне сюрреалистично-мрачным размытым пятном, надеюсь так и останется. Одно дело знать, что половина населения Земли исчезла, и совсем другое увидеть это воочию.

Пока мы проезжали Англию, Францию и Германию, я смотрела на разрушенные города и разграбленные городишки, на бесконечные километры уничтоженной Тенями земли, заброшенные автобусы и машины, погнутые столбы уличного освещения, на то, как мало живого вокруг. Те, кто

⁶¹ Драйторшпитце (нем. *Dreitorspitze*) — гора в горном хребте Веттерштайн (Северные Известняковые Альпы).

⁶² *Stealers Wheel/Stuck in the Middle*

сумел выжить, прячутся в забаррикадированных домах или собираются в охраняемых многоэтажках или отелях. Банды свирепствуют: заброшенные здания, публичные центры и подземные переходы разукрашены граффити. Те несколько человек, которых мы повстречали на улицах, когда останавливались, чтобы выкачать бензин или прошерстить попадающиеся на пути магазины, были хорошо вооружены и держались на расстоянии. Похоже, Дублин отстраивается гораздо быстрее остальных городов. Ни в одной из трех стран я не обнаружила признаков групп на подобию маминих озеленителей.

Когда мне было одиннадцать, городок неподалеку Эшфорда был сильно поврежден торнадо. Тогда погибло двадцать три человека, и сотни домов были разрушены. Родители взяли нас с Алиной с собой, чтобы мы тоже помогали убирать, раздавать одежду и пищу и отстраивать городок. Некоторые их друзья были шокированы тем, что они позволили детям увидеть подобный ужас, а мы были рады, что они позволили нам участвовать, ведь работы там было немало даже для нас. До сих пор помню, какой дезориентированной и растерянной я себя чувствовала, когда впервые увидела Юго-западную Мапл Авеню после урагана. Причудливые антикварные магазины, пиццерия, парк развлечений и мой любимый старомодный магазин мороженого были разрушены до основания, повсюду были обломки строений, обрывки проводов, сломанные части аттракционов и непроходимые груды мусора.

Во время этой поездки я тоже чувствовала себя растерянной, только гораздо сильнее.

Мир уже не тот. Мой мир, как и моя Дэни, остался в прошлом. Теперь я поняла, почему Риодан так высоко ценит умение приспосабливаться. Даже представить сложно, как часто и радикально менялся их мир, когда цивилизации расцветали, а потом встречали свой закат, и на их месте возникали новые. На протяжении тысячелетий, армии, с которыми они вступали в альянсы, терпели поражение или наносили поражение, устанавливая раз за разом новый мировой порядок.

Они свидетели постоянных циклических изменений. Покорить такую волну до чертиков тяжело.

Сохранив при этом здравомыслие. Я скорблю о наших потерях, оплакиваю весенний Париж, в котором мне никогда не побывать, и суетливый Лондон, который мне не удалось и уже не удастся открыть для себя. Горюю о мире, который мы утратили.

Можно изводить себя, сокрушаясь о том, что всё уже не так, как прежде.

А можно приспособиться и научиться этими изменениями пользоваться, как это делают они, с нетерпением и неиссякаемой жадой жизни, что бы ни готовил новый день. Теперь мне становится понятно, почему Риодан так упорно выстраивает свой мир день изо дня и удерживает их всех вместе. Все проходит, с нами остается лишь семья, та в которой мы родились, выбрали или создали сами; круг любимых, за которых мы готовы умереть. Единственное, что привязывает нас к прошлому, это наше нежелание принять настоящее. Так и представляю, что бы мне на это сказала Дэни, озаряя своей улыбкой: «Чувиха, уцепись за настоящее руками и ногами и крепко за него держись! Только оно чего-то и *стоит*, потому-то оно и называется *настоящее*!»

Хладнокровная, жесткая Джада – всё, что осталось от моей Дэни.

Я много размышляла об этом по дороге. Пытаясь смириться, понять, как наладить с ней отношения. Перестать винить себя за то, что загнала её в Зал Всех Времен. Как бы мне хотелось дотянуться до того, что осталось от Дэни, если вообще что-то от неё осталось. Я изучала её при каждой возможности, пытаясь найти сходство с подростком, которого знала. В выражении лица, осанке, но не нашла. Вспоминая нашу последнюю стычку, когда я схватила её за волосы, а она укусила меня в ответ, украдкой улыбаюсь. Интересно, будут ли у нас с ней ещё подобные потасовки? Надеюсь будут, ведь если так, значит не всё потеряно. Да, Алина была убита. Юной девчушкой, которую вынудили это сделать. Которая к тому времени уже была вынуждена разделиться внутри, чтобы приспособиться к жизни. А та, которая должна была защищать и хранить её, только намеренно усугубила раздвоение её личности.

Я должна была заметить, что с ней происходит, но была слишком ослеплена собственной болью. И ненамеренно усилила её диссоциацию. Могу представить, что Дэни знала Алину, может, она ей даже нравилась, но была вынуждена прервать её жизнь. Я ведь, на самом деле, деталей не знаю. Интересно, нашла ли она мою сестру так же, как когда-то меня возле Тринити, движимая своим любопытством и одиночеством? Разговаривали ли они? Хотелось бы заполучить однажды Алинины дневники целиком. Джада должна знать где они, ведь однажды Дэни украдкой прислала мне

несколько страниц, на которых моя сестра описывала то, как она сильно меня любит. Рада, что у Джады есть браслет Крууса, хотя и предпочла бы сама иметь его. Не хочу, чтобы она была на улице без меча и без защиты. Я бы не находила себе места от переживаний.

Джада считает, что она это лучшее, что могло случиться с Дэни, но Риодан прав. Ничего не чувствовать значит не жить, особенно для кого-то на подобии Дэни, ведь она была очень чувствительной. Лучше всего будет, если контроль вернется к Дэни, но сохранятся некоторые черты Джады. Интересно, была ли импульсивность и неутомимость Дэни вызвана существованием Джады, словно обе части её личности уравнивали друг друга: с одной стороны - зрелое умение выживать, а с другой - детская непосредственность. И чем сдержаннее становилась Джада, тем безбашеннее - Дэни.

Мой гнев иссяк, но между нами остался барьер, словно запертая дверь, а ключи от замка неизвестно где. Я собираюсь барабанить без устали в эту дверь. Я не потеряю её, когда она так близко. Я понимаю, что для того, чтобы пробиться к молодой женщине, забаррикадировавшейся за фасадом хладнокровного командира, потребуется посвящение и тщательно разработанная стратегия. Я знаю, что Риодан настоял на том, чтобы взять Джаду с собой, чтобы вынудить её находиться рядом со мной и Бэрронсом, людьми, с которыми Дэни проводила много времени, и которые ей были безразличны. Если кто-то и в состоянии вызвать у неё эмоции, плохие и хорошие, то это я.

Риодан заполнил бак, открыл дверь и забрался внутрь.

- А! Если ты ещё раз сядешь на меня, я прибью тебя.
- Успехов. Нефиг лезть на мое место каждый раз, как я выхожу.
- Следи за вмятинами, которые я оставляю, - огрызаюсь я.
- Это Хаммер, Мак. Ничего на нем не оставляет вмятин кроме гранат.
- И у меня есть несколько с собой. Продолжите свои бессмысленные препирательства, и я поделюсь одной из них с вами. Без чеки.

Я игнорирую её.

- Я засиделась. Мне нужно размяться.
- Так выходи, когда я это делаю.
- Боюсь, что вы без меня уедете, вы же не видите меня.
- Я бы уехал без тебя, даже если бы видел.
- Иисусе, вы можете просто заткнуться? - рявкает Дэйгис. - Уже несколько часов грызетесь. Думаю, у меня от вас голова разболелась.

- Мы уже полтора чертовых дня делим между собой несчастные шестьдесят сантиметров пространства, - угрюмо отвечаю я. - Чего вы от нас ожидали?

Интересно, как долго Книга собирается хранить мою невидимость? Я всё ещё чертовски ей рада, но не планирую оставаться в этом состоянии навечно.

- Что значит, ты думаешь, что у тебя голова разболелась? - раздраженно спрашивает Драстен. - Она либо болит, либо нет.

- Мне, черт подери, плохо думается на заднем сиденье, так откуда, черт возьми, я могу знать наверняка? Я привык рулить и не привык, чтоб мной рулили.

Бэрронс смеется, и я вспоминаю, как однажды он сказал мне что-то на подобии. «Кто-то водит мотоцикл, а кто-то сидит в коляске. В моем мотоцикле, даже нет конченной коляски.» Он делает резкий разворот, и мы начинаем наш подъем по бездорожью, медленно пробираясь по каменистому склону.

- Ты обычно едешь верхом на лошади, - отвечает Драстен.

- И держу, черт возьми, в руках поводья.

- Сосредоточьтесь на миссии, - ровно говорит Джада. - Дискомфорт значения не имеет. «Черт возьми» означает желание, чтобы тебя черти унесли. Целесообразно изъясняться точнее. И я же не жалуюсь.

- Ты вообще почти не разговариваешь, - отвечает ей Драстен. - Ты ещё молчаливее, чем он, - он кивает в сторону Бэрронса, который сидит за рулем с тех самых пор, как мы покинули Дублин, и почти ни с кем не разговаривает, даже со мной, лишь изредка посылая мне красноречивые взгляды. Из-за моей невидимости красноречивых ответов в моих глазах он, разумеется, не видит. - Только и делаешь, что исправляешь наши чертovy ошибки, - добавляет Драстен.

- Сложно дискутировать с теми, чьи высказывания не точны, - хладнокровно отвечает она. - Изясняйтесь яснее.

«Точность» и «целесообразность» занимают почетное место в списке вторых имен Джады, где-то рядом с «грацией». На пароме меня стошнило. Её, разумеется, нет. Я заметила, как прелестная Джада, у которой ни один волосок не выбился до сих пор из прически, презрительно наблюдала за фейерверком, который извергался из меня за борт. Мы все раздражены и устали, море штормило, а я и так не любитель плавать.

Мы уже в Австрии, и тут холодно, я хоть и тепло оделась, но стоило все-таки лучше подготовиться к восхождению на гору. Я полтора дня провела в Хамере X1 - самой комфортабельной версии, насколько это возможно в Хамере в принципе, практически оседлав огромную консоль, зажатая между Бэрронсом и Риоданом. На заднее сиденье посадили Дэйгиса и Драстена, а позади них - Джаду, чтобы мы с ней были как можно дальше друг от друга, хотя должна признать, из нас всех она наиболее уравновешена, расслаблена, сосредоточена и, видимо, совершенно безразлична к условиям, в которых вынуждена пребывать.

Длинноногая командирша растянулась сзади на снаряжении для восхождения: когтеобразных крюках, перчатках и прочем - и без конца жуёт протеиновые батончики и вяленое мясо, а в остальном, кажется, чувствует себя как рыба в воде.

Хаммер пропах вяленой телятиной. И тестостероном. Это самое утомительное путешествие, в котором мне пришлось побывать.

Прежде чем начать прокладывать маршрут, мы изучили карту, на которой Риодан отметил все известные ему обледеневшие места, чтобы избежать коварных черных дыр. Мы вынуждены были лавировать между дрейфующими МФП, не повезло другим странам, что у них нет девятки, чтобы привязать их, объезжать заблокированные дороги и магистрали, разыскать топливо для парома, выцеживая его из заброшенных машин, так что просеивание с каждой минутой кажется все более привлекательным методом перемещения.

По дороге, между бесконечными препирательствами, которых просто невозможно избежать, когда в консервную банку затрамбовано шесть альф с различными темпераментами, готовых объединится ради общей цели, но готовых при этом поубивать друг друга, мы обсуждали возможные варианты развития событий и планы.

Принцесса нацарапала картинку в нижней части обрывка карты. После продолжительных дебатов мы умудрились прийти к общему выводу, что Кристиан прикован к одному из склонов горы массива Драйторшпитце, но мы без понятия насколько высоко. Нам всего-то нужно отыскать нужную гору, взобраться на неё и спустить его. О, и ещё убить Ведьму, чтобы она не поубивала нас, когда мы будем пытаться сбежать.

Делов-то.

Мы все согласны с тем, что наша основная цель - спасти Кристиана, а уже потом - убить Ведьму. Но с какой бы стороны мы не смотрели на ситуацию, сделать нужно и то, и другое. Ведьма летает пугающе быстро на короткие расстояния, хотя Риодан утверждает, на основании его источников, что долго она такой темп удерживать не может. Учитывая насколько мерзко-вездесущие и бесчисленные его источники, думаю, он знает, о чем говорит. Если бы нам пришлось подниматься за Кристианом, это было бы менее опасно. Но если придется за ним спускаться сверху, то вытащив его на горную вершину, мы окажемся без укрытия, и как на ладони перед разъяренной Ведьмой, наматывающей круги сверху. Если нам повезет, то её не будет, могла же она отлучиться поохотиться за кем-нибудь другим. Но пока мы туда не доберемся, не узнаем ничего наверняка.

- Нам нужны просеиватели, - в который раз сообщаю я.

- Мак, очнись ты уже нахрен, - отвечает Риодан. - Нет их. Не так уж и много фейри умеют просеиваться, и тех мы поубивали.

- Может, стоило подумать об этом до того, как вы убили Принцев.

- Принцесса отказывалась раскрывать местоположение Кристиана, пока мы этого не сделали.

- Дрилья может просеиваться, - подмечаю я.

- Девушка, может быть ты знаешь где её искать? - спрашивает Дэйгис. - Никто из Светлых не отвечает на наши призывы.

- Можем отправиться в Фэйри и поискать там, - отвечаю я. И хмурюсь, когда топорный Хаммер чуть не сбрасывает меня Риодану на колени и сильнее прижимаюсь к консоли.

- Ага, и, возможно, потерять годы на это, - рывкает Драстен. - А Кристиан пусть умирает на том обрыве снова и снова. Плохой план.

- Не нужны нам просеиватели, - говорит Джада. - Я сама все сделаю.

- Мы сами все сделаем, - вставляет Дэйгис. - Без вариантов. Мы не вернемся к Кристоферу без его сына. Он и без того, черт подери, будет зол на нас за то, что мы не взяли его с собой.

Мы никому не сказали о том, что выяснили где Кристиан, и выскользнули как воришки посреди ночи, чтобы Келтары не прицепились к нам. Чем больше наша толпа, тем рискованнее. После двадцати минут жарких дебатов, во время которых Риодан настаивал, что Джада непременно должна ехать с нами, мы сократили число до шести участников, выбрали её и Келтаров и сразу же покинули Дублин. Я не хотела брать Келтаров. Но оба - и Бэрронс, и Риодан - настаивали на том, что нам нужна подстраховка.

- Мы уже достаточно близко, - говорит Бэрронс, останавливаясь под нависающим скалистым обрывом, который должен укрыть нас сверху. Когда он заглушил двигатель, Риодан взял с приборной панели бинокль и выбрался наружу, тихо прикрыв за собой дверь.

Наконец-то, я одна на сиденье!

Я уселась поудобнее и вытянула ноги, пока мы ждали, когда он вернется с разведки территории, чтобы завершить наше планирование.

Три часа спустя Риодан вернулся на внедорожнике с плохой новостью. Кристиан прикован метрах в восьмистах от сюда, на высоте около трехсот метров в скалистом ущелье. И хоть он нашел место, неподалеку от Кристиана к которому можно подъехать, и где можно скрыть машину, как мы и боялись, снизу достать его не получится.

По приблизительным оценкам Риодана, Кристиан прикован метрах в семидесяти от вершины абсолютно отвесной скалы. С обратной стороны горы есть некое подобие тропы. Подняться-то мы сможем, а вот спуск превратит в мишени всех, кроме меня, разумеется.

К сожалению, когда я прикасаюсь к людям, они не становятся невидимыми, как моя одежда и еда, так что я не смогу спустить их туда. Не то что бы горю желанием, чтобы эти пятеро часами ко мне прижимались.

- Зачем ты обзавелся ещё одной машиной? - спрашивает Драстен.

- Запасной план. На случай если что-то пойдет не так, и нужно будет разделиться.

- Мудро, - отвечает Дэйгис.

По словам Риодана, Ведьма свила себе гнездо в расщелине скалы напротив той, где прикован Кристиан метрах в четырёхстах от него. На глазах у Риодана она налетела на Кристиана, распотрошила его от подбородка до паха и вернулась в гнездо, продолжать свое отвратительное рукоделие.

- Бесцельное времяпрепровождение. Как оно ей не наскучит, - говорит Джада.

- Не все руководствуются исключительно логикой, - отвечает Риодан. - Хотя ты почему-то притворяешься, что это так.

- Только глупцы и мертвецы не руководствуются логикой. Те, кто умеют выживать, это делают.

- Нравится тебе это или нет, но существуют биологические потребности, - говорит он. - Всем нужно есть. Трахаться. Людям, коим ты являешься, ещё и спать. А ей - вязать.

- Я ем. И сплю. А трахаться имеет смысл, если ты планируешь размножаться. Я не планирую.

- Кристиан, - напоминаю я. - Не отвлекайтесь от главного.

- Главное то, что никто из вас мне не нужен, - отвечает Джада. - Отдай мне копье. И я вернусь через два часа.

Мы все игнорируем её.

- Сучка распорол его и устроилась на нем, как насекомое в коконе, неспешно вытягивая из него кишки, - говорит Риодан.

- Плохо для него, но хорошо для нас, - отвечаю я. - Из-за этих чертовых её ног, которые она использует как оружие, к ней трудно подобраться достаточно близко чтобы убить.

- Так что ты предлагаешь, девушка? - спрашивает Драстен.

- Сначала я убью Ведьму, а затем освобожу Кристиана, - вмешивается Джада.

- Ведьма свила гнездо как орел в расщелине скалы, подняться туда невозможно, - говорит Риодан.

- Я смогу, - отвечаю я. - Я невидима.

- Физически невозможно, - уточняет он, - Никто не сможет взобраться по этой узкой расщелине снизу. Потому она её и выбрала. Придется убить её в другом месте.

- Логично, чтобы я убила Ведьму, - говорит Джада. - У меня браслет Крууса. Она не сможет навредить мне.

- Я спущусь незаметно с вершины скалы и дам Кристиану копьё, - невозмутимо заявляю я.

- Ведьма охотится, используя эхолокацию, определяя местоположение жертвы по звуку, - сообщает Джада. Видимость не имеет значения.

- Заблуждение, - отвечает ей Риодан. - У хотя у неё нет глаз, она пользуется и зрением, и слухом. Когда она поразила Кристиана в аббатстве, он не издавал никаких звуков.

- Ты не можешь быть уверен в том, что у неё есть зрение, - не соглашается Джада.

- А ты не можешь быть уверена, что у неё его нет, - отвечает он.

Я продолжаю:

- После того, как я дам ему копьё, во время её следующей атаки, Кристиан пронзит её, когда она усядется на нем. Затем мы освободим его. Я одену браслет, на случай если она атакует меня, пока я буду спускаться, чтобы отдать ему копьё.

- Ты наденешь браслет тогда, когда сможешь его отобрать у меня, - невозмутимо отвечает Джада.

- А ты возьмешь в руки копьё только тогда, когда сможешь отобрать его у меня, - в тон ей отвечаю я.

- Её план, - говорит Джаде Драстен, - надежнее, чем твой.

- Согласен, - поддерживает Риодан.

Джада не успокаивается:

- Вы забыли учесть физические ограничения. Риодан сказал, что у Кристиана прикованы обе руки. Как, по-вашему, он должен пронзить Ведьму?

Я открыла рот и тут же закрыла. Вот, черт.

- А как цепи закреплены? - спрашиваю я Риодана.

- Насколько я мог видеть, металлическими скобами.

Я пожимаю плечами.

- Я просто вытащу одну из них.

- Тебе сил не хватит, - говорит Джада.

Я огрызаюсь.

- Во-первых, хватит, а во-вторых, у меня пару контейнеров с плотью Темных с собой, на всякий случай, - хоть мне не охота снова есть её, я из дому без неё не выхожу. Любое оружие может пригодиться.

- Вошли во вкус, мисс Лейн? - спрашивает Бэрронс.

- И ты думаешь, Ведьма не заметит, что кто-то освободил его руку, - издевается Джада. - И что он ни с того, ни с сего висит всего лишь на одной.

- Мы пойдем на закате. К этому времени он должен уже окрепнуть и сможет ухватиться за уступ или клин, который я воткну для него. Это реально. Как быстро Кристиан исцеляется? - спрашиваю я у Риодана. Если он в тяжелом состоянии, то висеть так ему будет сложно. - Когда, думаешь, Ведьма атакует его в следующий раз?

- Трудно сказать. Я там не засиживался.

- Он пожертвовал собой ради меня, - говорит Джада. - Мне его и вызволять.

- Нелогично и эмоционально, - холодно паррирую я. - Должник не обязательно лучший исполнитель. К тому же на меня не действуют чары Принцев фейри.

- Так же, как и на меня, - отвечает она, поднимая руку чтобы продемонстрировать мне браслет, который я так жажду заполучить.

- Ты знаешь, что я права, - продолжаю я. - План с наибольшим шансом на успех это тот, который я только что изложила. И не нужен мне твой чертов браслет. И без него справлюсь.

Я смотрю на Бэрронса, который смотрит в моем направлении. Его взгляд спрашивает: «И вы пойдете на это?»

- Да, - отвечаю я. Мне нравится в нём то, что несмотря на то, что он альфа до мозга костей, когда речь заходит о принципиальных вещах, он не устраивает истерики, пытаюсь держать меня в стороне. И когда я принимаю решение, он просто поддерживает меня в нём.

- Не важно, кто спасет Кристиана и убьет Ведьму. Важно спасти его, - тихо говорит Драстен.

Я продолжаю:

- Нравится тебе это или нет, но моя невидимость сейчас критически важна. Если спускаться буду я, то это всего лишь трос, свисающий с обрыва в ночи. А если ты, то к нему ещё добавится метр семьдесят восемь сантиметров видимого человеческого тела.

Все, кроме Джады, согласно перешептываются.

- А если Синсар Дабх выберет именно этот момент, чтобы взять над тобой контроль? - спрашивает она.

- Ага, и что за история с Книгой? - спрашивает Драстен. - Похоже на то, что у Дэйгиса с Драगरками?

- Да, - отвечаю я. - Она может контролировать меня, только если я убиваю. Поэтому я отдам копьё Кристиану.

- Даже если ты убиваешь Темных? - спрашивает Дэйгис.

- Видела, как ты теряешь контроль, когда убиваешь, - говорит Джада. - Я видела её. Серую Женщину. И стража, которого ты убила. Видела его могилу.

- Поэтому я и отдам копьё Кристиану, - раздраженно повторяю я.

- Меня не будет видно во время спуска, - отвечает она. - Я в черном и разукрашу лицо.

- Чувиха, - намеренно обращаюсь я к ней так, - а я в невидимом плаще.

- Риодан и я вместе с мисс Лейн начнем восхождение на рассвете, - говорит Бэрронс. - А ты Джада останешься здесь вместе с Келтарами.

- Не останемся мы здесь, черт подери, - взрывается Дэйгис.

- Бред, - соглашается Драстен.

- Нет, - ровно говорит Джада.

- Вы только увеличите шанс того, что нас услышат или увидят во время восхождения.

- Он наша кровь и плоть. Нравится вам это или нет, но мы идём, - мягко отвечает Драстен.

- Даже ты не можешь просчитать все возможности, - отвечает Джада Бэрронсу. - Я не для того забралась так далеко, чтобы остаться не удел. Ведьма может убить вас обоих, оставив Мак свисать с обрыва. Много чего может пойти не так. Военные не без причины берут с собой резервную группу, отправляясь на опасные миссии. Потому ты и взял нас. Не подвергай сомнению принятые решения.

Я не могу сказать при Келтарах, что Бэрронс и Риодан все равно воскреснут, а Дэйгис и Драстен - нет.

- Нас всех могут убить, девушка, - отвечает Джаде Дэйгис. - Здесь или где-то ещё. По-твоему, мужчинам не стоит из-за этого воевать? Война - это естественный образ жизни.

- Я сказал, вы втроем останетесь в машине, - тысячи слоев голоса Бэрронса резонируют в замкнутом пространстве машины.

Дэйгис смеется.

- Ага, давай, попытайся принудить двух друидов, которых с пеленок обучали Гласу.

Драстен фыркает.

Даже на Джаду, кажется, не подействовало. Проклятье, эта женщина такая же непробиваемая, как Риодан.

- Похоже, мы все пойдем, - сухо подытоживаю я.

Мы бездарно провели в машине ещё восемь часов, ожидая сумерек. Я подумывала ускользнуть, чтобы побыть с Бэрронсом наедине, но вместо этого нам пришлось играть в музыкальную карусель. Спустя двадцать минут, после того как мы согласовали наш план, Джада попыталась, захватив снаряжение, стоп-кадрировать. Закончилось всё тем, что остаток времени она провела зажатой между Риоданом и Бэрронсом на заднем сиденье. Дэйгис и Драстен уселись на передних, а я улеглась на снаряжении, выглядывая в заднее окно. По крайней мере мне удалось поспать немного.

Опустилась ночь.

И взошла полная луна. На небе - ни облачка. Ни клочка тумана в поле зрения. Луна окрашена красным, её свет заливает горный ландшафт зловещим кроваво-черным оттенком.

- Вашу мать, - матерится Дэйгис.

- Можем выждать недельку, до первой облачной ночи, - предлагаю я.

- Неа, - отвечает Дэйгис. - Щас или никогда. Мы сделаем это сегодня.

Драстен с любопытством разглядывает его.

- Ты видел эти события, когда путешествовал во времени?

- Только то, что чем дольше мы будем тянуть, тем хуже пойдут дела. Гораздо хуже, - мрачно бубнит Дэйгис.

Дэйгис заводит Хаммер и, следуя указаниям Риодана, медленно продвигается к пункту назначения, следя за тем, чтобы двигатель не ревел и не привлекал внимание, и паркуется под нависающим обрывом.

- Ты будешь придерживаться нашего плана, - говорит Джаде Риодан. - И не станешь от него отклоняться.

- Я соглашаюсь на это, - отвечает она медленно и четко: - по единственной причине. Если я отклонюсь от намеченного плана, это подвергнет опасности всех его участников. Я больше не импульсивный ребенок. Вы можете рассчитывать на меня. В этой миссии, - Она замолкает на мгновение, а потом мягко добавляет, и выражение её лица впервые становится человеческим, - Никогда и никто не обрекал себя на такую агонию только ради того, чтобы избавить меня от мучительного выбора. Кристиан стал моим героем, когда я в этом нуждалась. Я добьюсь его освобождения и смерти Ведьмы.

Я смотрю на Риодана. Желваки ходят на его челюсти. О да, ему совсем не понравился комментарий про героя.

Мы выходим из машины и выгружаем тросы, крюки, шипы и туго зашнуровываем наши ботинки.

Глава 34

Иду по обрыву, всё ближе к краю

Мак

Если быть до конца честной, несмотря на мои причитания, я бы ни за что на свете не променяла моих попутчиков.

Ни одного из них.

Со временем у меня возникло непроизвольное уважение и восхищение Риоданом. А последние события только усугубили эти чувства. Он стал мне как старший брат, который жутко бесит, но которого я ринусь защищать, посмей его кто-то критиковать. Я ни за что в этом ему не признаюсь. Рада, что он смог объединить их всех. Кто-то должен был это сделать. И я, наконец-то, готова признать, что он невероятно сексуальный. Если честно, то я думала так ещё даже до встречи с ним, просто услышав по телефону голос таинственного ЕВНМД. Я пыталась ненавидеть его всеми фибрами души так же, как это было с Бэрронсом. Потому что понимала, что они оба нравятся мне гораздо больше, чем мне того бы хотелось.

Дэйгис с Драстеном очень похожи на Риодана с Бэрронсом: сильные, упрямые, сексуальные и пленительные настолько, что не встретить я сначала Бэрронса, и будь они свободными, могла бы втрескаться в одного из них. Из них двоих, Драстен более стабильный, уравновешенный и надежный. Даже во времена смятения он не теряется, сохраняя компетентность. Дэйгис - темная лошадка, и это жутко заводит. А этот их шотландский акцент просто крышу сносит.

Бэрронс - это и без слов ясно, но я всё равно скажу - лучший из лучших. Он принадлежит к тому типу сильных, молчаливых, опасно привлекательных мужчин, которые не всех пускают в свой богатый внутренний мир, наполненный знаниями, мудростью и опытом. Он наблюдает, всё время наблюдает, учится, приспосабливается и развивается. Женщине стоит всего лишь раз

соприкоснуться с темной, чувственной, сложной личностью Бэрронса, чтобы понять, что стоит этому мужчине выбрать её, впустив в круг приближенных, и она никогда не предаст его и не покинет. Грубый и дикий? Несомненно. Безжалостный, если того требуют обстоятельства? Безусловно. Требовательный? Невероятно. Волнующий? Да, черт возьми. Уважает ли мое право принимать решения? Чаще всего, да.

Инцидент с кражей воспоминаний досадное исключение, и, поверьте, я не спущу ему его. Он правильно сделал, что лишил себя возможности поступить так со мной снова, хотя подозреваю, он не стал бы, даже если бы мог. И он прав кое в чём. Я отталкивала его всякий раз, когда он пытался сблизиться со мной. Отвергала его раз за разом. Поражаюсь тому, что он был так сдержан в течение длительного периода после той нашей ночи. Если бы я знала о том, насколько невероятный у нас был секс, и после этого он меня бы отвергал, я была бы жутко раздражена. И себя бы возненавидела за то, что отобрала его память, а исправить этого уже не могла... так что... вероятно научила бы его противостоять этому трюку, чтобы подобное больше не могло произойти. У меня сложилось впечатление, что иногда он просто не знает, как ему вести себя со мной. Из того что мне известно, до меня он долго был один, не считая Фионы, с которой у него было что-то на подобии секса по знакомству.

Джада. Нравится мне эта чертовка. Талантливая, сильная, целеустремленная. Сложно представить человека, с которым мне бы хотелось сражаться спиной к спине, при условии, конечно, что она не вонзит мне в вышеупомянутую спину нож при удобном случае. Ненавижу её за то, что она отняла у меня Дэни, но если уж этому суждено было случиться, Дэни не могла бы превратиться в кого-то круче Джады.

Гляжу на неё украдкой, но тут же вспоминаю, что мне не нужно скрываться. Какая же она красавица. Я улыбаюсь. Это здорово. Я всегда знала, что Дэни вырастет красивой. И без сомнения Риодан со мной в этом вопросе полностью согласен. Господи, мне его даже жалко. Он практически вырастил малышку, а теперь она взрослая, этакая женщина лед-и-пламя. Проблемы, у него серьёзные проблемы.

Жутко интересно, как он будет из них выкручиваться.

Подъем на гору прошел гладко. И несмотря на сверкающий в свете луны снег, мы смогли, сливаясь с окружающей средой, держаться темных, каменистых участков, где снег растаял на солнце в течение дня.

Все разукрасили лица перед подъемом, несмотря на то, что, кроме Джады, остальные не такие уж и светлокотые. Мы все в прекрасной форме, так что веревки, прикрепленные тут для туристов нам не понадобились. По крайней мере Ведьма выбрала гору, с другой стороны которой находится популярный пешеходный горный маршрут. Хреново было бы, если бы она выбрала, скажем Эверест. Но, к нашему счастью, Эверест слишком далеко от Дублина и не годится для её целей. Судя по её попыткам пленить остальных Темных Принцев, о смерти которых она, по всей видимости, пока не знает, она планировала их всех со временем приковать к утёсу Кристиана.

Я содрогаюсь. Отвратительно.

Во время последнего привала, я размышляла о неестественном молчании Книги. Я всё жду, что она заговорит снова, начнет забрасывать ужасными картинками, отнимет невидимость в самый неподходящий момент или еще чего. Не понимаю, почему она так молчалива. Такое ощущение, будто она совсем испарилась.

Меня это нервирует.

Я даже начинаю забывать о её присутствии, может быть у Синсар Дабх план такой: притупить мою бдительность, как это проделали Бэрронс и Риодан с Принцами.

Обходя валуны по узкой расщелине, Риодан сурово прошептал:

- Когда доберешься до Кристиана, поговори с ним, прежде чем его касаться. Он очень дерганый. Нельзя допустить, чтобы он обронил копьё. Не хочу, чтобы кому-то из нас пришлось дважды взбираться на этот чертов обрыв. Подготовь его. Он должен быть в состоянии удержать и копьё и себя до тех пор, пока она снова не объявится.

- А что если это займет несколько дней? - низким голосом интересуюсь я.

- Хоть это и будет означать, что ему придется умирать меньше, будем надеяться, что не займет, - мрачно шепчет Дэйгис.

- Оцени сначала его состояние, - мягко говорит Бэрронс. - Если он слишком ослаб, возвращайся.
- Не согласна. Если ты будешь тянуть, - шепчет Джада, - мы можем застрять тут на несколько недель. Он сильный. И выдержит.

- Да уж. Он Келтар, - тихо произносит Драстен. - Он выдержит.

- Кайрос⁶³, - продолжает Дэйгис, - ночь пропитана им. Время пришло.

Мы продолжаем восхождение в тишине. Мы все знаем свои роли, и согласовали несколько планов, на случай непредвиденных обстоятельств. Я уже в упряжи для скалолазания. Бэрронс с Риоданом зафиксировывают меня и спустят, когда мы доберемся до вершины. Когда я увижу Кристиана, то дам им знать. Джада, Дэйгис и Драстен займут наблюдательные посты. Они через бинокль будут все время следить за гнездом Ведьмы.

Мы добрались до вершины и припали к земле.

Бэрронс ведет их по просохшим участкам. Луна освещает горы в винный оттенок. Невидимая я подхожу к краю обрыва, сражаясь с сильным ветром. Глубоко вдыхаю чистый холодный горный воздух. Севернее отсюда виднеется игловидное ущелье, где засела Ведьма. Риодан прав. Никому по нему не подняться. По крайней мере, пока она, сидя к нам спиной, сидит там и яростно вяжет. По её спине струятся змееподобные кроваво-красные волосы, а окровавленные кишки, похожие на змей, свисают с её платья. Даже если она отлучится, подниматься туда опасно. Но наш план Б как раз в том и заключается: дожждаться, когда она свалит, и пробраться туда, если план А провалится. Если я смогу забраться в её гнездо и дожждаться её возвращения... то все равно не рискну напасть на неё. А что если остальные тем временем освободят Кристиана и бросят меня здесь, не дожидаясь, когда я приду в себя...

Надеюсь, до этого дело не дойдет.

- Вы готовы? - шепотом спрашивает Бэрронс.

Я киваю, а затем добавляю вслух:

- Да, - всё время забываю, что они меня не видят.

- Где вы? Прикоснитесь ко мне.

Я вкладываю руку в его ладонь, и несколько мгновений он просто стоит и смотрит вниз, на меня, затем закрывает глаза и переплетает свои сильные пальцы с моими. Я прекрасно понимаю, что он этим хочет сказать: «Лучше бы ты притащила сою задницу назад ко мне, женщина.»

Я отвечаю своими пальцами: «Конечно.»

Он мягко смеется, а затем как-то находит мое лицо и целует меня, легко и быстро, ощущая его вкус на моих губах и хочу его снова, сильно. Пусть это произойдет побыстрее.

И вот они с Риоданом на ощупь прикрепляют шкивы к кольцам, готовя меня к моему первому скоростному спуску с обрыва высотой в триста шестьдесят метров.

Труднее всего - переступить за край. Ветер здесь резкий, порывистый. Руками в перчатках я берусь за веревку, пятясь к краю обрыва, пытаюсь найти опору. С подозрением смотрю на тонкую веревку. Она единственное, что связывает меня с жизнью. Не уверена, что переживу падение с высоты триста шестьдесят метров. А если и переживу, то восстановление после него мне не понравится точно.

- Вы не собираетесь её закрепить за что-нибудь? - шепотом спрашиваю я.

- Риодан уже прикрепил её к скале. Ты в безопасности. Мы тебя держим, - отвечает Бэрронс. - Если что-то пойдет не так, просто поднимайся вверх.

- Твоя основная цель, вытащить оттуда Кристиана, - шепчет Дэйгис. - Не переживай за нас, - затем он добавляет что-то на другом языке.

- Это древнее благословение на гэльском, - поясняет Драстен.

- Спасибо, - бормочу я в ответ.

- Если хочешь, я пойду, - предлагает Джада.

В её голосе мне слышатся незнакомые нотки. Я поднимаю взгляд на неё, и у меня перехватывает дыхание. Это первый след Дэни, который я увидела. Джада беспокоится. Обо мне.

Я улыбаюсь, но она этого не видит, поэтому говорю ей:

- Я знаю, что ты сделала бы это. И ценю. Но я справлюсь. Присматривай за Ведьмой для меня.

⁶³Кайрос (др.-греч. Καῖρος — «благоприятный момент») — [древнегреческий бог](#) счастливого мгновения.

- Мак, давай уже шевелись, - мягко говорит Риодан. - Спустишь метра на четыре, отпусти восьмерку немного, и ты опустишься метров на восемь, придешь в себя и продолжишь.

- Не отпускай сильно, - шепчет Джада. - Спускайся сначала медленно. Приучи ноги к спуску, - она не добавляет: «И не обрыгайся,» - но я слышу невысказанный упрек в её тоне.

Я смотрю вниз и тут же жалею об этом. Чуть не обрыгалась. Я зависла над бездной. «Я справлюсь, - убеждаю саму себя. - Я справлюсь.»

- Ты поела Темных, девушка? - спрашивает Драстен.

- Взяла с собой. Подействует так же быстро, как укол адреналина.

- Спускайся, - говорит Бэрронс. - Мы не знаем, в каком он состоянии, и когда она нападет в следующий раз.

Я не свожу глаз с его темного лица, вынуждая себя начать этот опасный спуск. Я отталкиваюсь от края обрыва.

Первый раз я опустилась всего на три метра. Как только я почувствовала, что падаю, тут же ухватила руками за веревку и сжала её. Перчатки позволили мне крепко зацепиться, и я резко остановилась. Глубоко вдохнула, выдохнула и попробовала снова. На этот раз опустилась метров на пять. Сердце бешено стучит где-то в горле.

Каждый раз отпуская восьмерку, ощущаю себя более уверенно, чувствую, что веревка крепко держит меня, и я не упаду. После пятой попытки, я заставила себя глянуть вниз, на Кристиана. До него всё ещё метров двадцать пять. Думаю, стоит начать говорить с ним, когда до него останется метров шесть. Поднимаю взгляд вверх и вижу три, выступающие из-за края обрыва, головы. Но луна у них за спиной, поэтому невозможно разглядеть кто это.

Когда до Кристиана осталось метров десять, я почувствовала, как завибрировала веревка - знак, указывающий на то, что что-то случилось. «Вот дерьмо,» - думаю я, дико озираясь по сторонам. А вдруг Ведьма прямо позади меня, и, несмотря на мою невидимость, умудрится проткнуть меня своими ногами-спицами?

Кровь стынет в жилах. Но я же невидимка, так ведь? Какой смысл Книге выставить меня на обозрение сейчас? Я смотрю на свою руку в перчатке, а затем на тело. Да. Всё ещё невидимка. Что тогда случилось? Цепляясь за скалу, я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на гнездо Ведьмы.

Сердце падает в пятки. Она забеспокоилась, встала с места, кровавое платье свисает из расщелины, черные дыры, где должны быть её глаза, обращены в нашем направлении.

Она напряжена и готова к битве.

Твою ж мать.

Она выдвигается.

Глава 35

В закат уйдем, нам больше нечего терять⁶⁴

Мак

Поднимаю глаза к краю обрыва, а там уже никого нет. Только тонкая черная веревка свисает с него.

Хорошо. Значит они предупредили меня и ушли в укрытие, как и было запланировано в этом случае.

Я смотрю вниз. Если Ведьма направится к Кристиану сейчас, то я зависну всего в семи метрах над тем местом, где она будет потрошить горца. И мне придется висеть тут и ждать, пока она закончит, а потом подниматься наверх и снова ждать, пока он исцелится, прежде чем пытаться снова.

Разве что она собирается не сюда. Неужели мне повезет?

⁶⁴Lifehouse/Between the Raindrops

Я оглядываюсь через плечо, всматриваясь в лунную ночь. Она всё ещё стоит в своём гнезде, жуткое платье из кишок свисает. Она раскачивается из стороны в сторону как это делают рептилии, принохивается и, судя по склоненной голове, прислушивается.

Ну не могла же она за четверть мили сквозь шум ветра расслышать, как мои ботинки касаются склона.

Или могла? Не имею представления о размахе её эхолокационных способностей.

Вишу тут и перебираю возможности. Скоростной спуск мне больше не нужен. Я могу ещё метра на три опуститься, пошептать с Кристианом, отдать ему копьё, привлечь её сюда. И быстренько смыться наверх.

Или... Переждать, пока она снова убьет его, подняться потихоньку.

Чтобы потом снова спуститься.

А я не капельки не хочу этого. Я считаю, что шансы на провал прямо пропорциональны количеству попыток, возрастая с каждым разом.

Что бы сделала Джада?

Тут и думать не о чем.

Я снова украдкой смотрю на Ведьму.

Она всё ещё стоит в гнезде. Видимо, не слышит никаких вибраций. Раз так, все должно получиться.

Я начинаю медленно опускаться.

В трех метрах от Кристиана я мягко говорю:

- Кристиан, это Мак. Не говори громко. Отвечай тихо.

Мне пришлось повторить несколько раз, прежде чем он ответил утробным стоном.

Я тут же поворачиваю голову в сторону Ведьмы, но она все ещё стоит неподвижно.

- Мы пришли освободить тебя. Я принесла тебе копьё. Освобожу одну из твоих рук, - тихо рассказываю я. А вот вставить клин сейчас не получится. Она по-любому услышит. Даже скобу достать достаточно рискованно. - Тебе придется продержаться до тех пор, пока она не придет к тебе снова. Спрячь копьё, - как только я это сказала, до меня дошло, что ему некуда его прятать. Он голый.

Начинаю осознавать, что мы не учли несколько существенных деталей.

Я зависла тут, ноги в ботинках осторожно стоят на крошечном узком уступе отвесной скалы, порывы резкого ветра сбивают с ног, а удерживает меня всего лишь тонкая веревка (да, я выяснила её максимальную нагрузку, но легче мне от этого не стало). Я заставляю себя отцепить одну руку от веревки, чтобы нащупать в кармане жакета бутылочку с плотью Темных, аккуратно нарезанной ломтиками и кубиками много месяцев назад. Я спрятала их по всему книжному магазину. И я воспользуюсь любым преимуществом, которое мне сейчас доступно. Вообще-то я ожидала, что Синсар Дабх либо помешает мне использовать плоть, либо наполнит меня энергией каким-то более отвратительным способом. Превозмогая отвращение, я осторожно открываю крышку и опрокидываю извивающееся содержимое себе в рот.

И застываю, словно громом пораженная.

Энергия, чувственность, жизненная сила и мощь огнем распространяются по моим венам. Неудивительно, что столь многие пристрастились к ней. Я чувствую себя сильной. Невероятно живой. Непобедимой. Помню, как я съела ее однажды и подбивала Бэрронса ударить меня, надавать мне, побороться со мной.

Я спускаюсь еще на пару сантиметров. И пока никаких злобных комментариев Книги и отсутствие каких-либо очевидных побочных эффектов, кроме разве что дикого желания съесть ее снова, когда эффект пройдет.

- Кристиан, ты меня слышишь? - шепчу я.

- Я... слышу тебя, - обессилено говорит он, - Мак... я чувствую... плоть Темных. Ты что... ешь ее? Ты хоть представляешь... что эта хрень... делает с тобой.

Несмотря на агонию, звучащую в его голосе, могу поклясться, что услышала едва уловимую нотку поддразнивания.

- У тебя хватит силы продержаться немного, если я освобожу твою руку?

- Ага, - шепчет он. - Дай мне... чертово копьё... убью... чертову сучку. Не вижу... тебя. Ничего, кроме... темноты и лунного света. Я что... ослеп?

- Я невидимка.

- О... почему бы тебе ею... и не быть, - он вроде смеется, но этот звук превращается в леденящий кровь мучительный стон.

- Как долго ты сможешь продержаться, если я зацеплю твою руку за выступ скалы?

Он молчит, и мне кажется, что он сопротивляется желанию прорычать «бесконечно», пытаюсь реально оценить свои силы. Наконец, он слабо произносит: - Несколько минут... не более. Я выпотрошен... почти при смерти. Все время... отключаюсь.

- Проклятие, - бормочу я. Под этим углом его голова перекрывает мне обзор.

Чувствую, резкий рывок троса, потом второй, третий, и холодею от ужаса. Три раза означает, что она взлетает.

Сейчас или никогда. Надо спешить. Я не собираюсь торчать здесь, когда все это произойдет, предпочитаю быть как можно дальше отсюда.

- Кристиан, я собираюсь высвободить твою левую руку.

- Она... летит.

- Я слышу ее, - у нее нет крыльев, так как черт возьми она умудряется летать? И при этом издавать резкий свистящий звук, рассекая воздух. Она доберется до нас секунд через десять, если направится прямо к нему. Я отталкиваюсь - чего таиться, она все равно уже приближается - и опускаюсь к его левой руке. Достāju копьё, засовываю наконечник под крепление. Я готова выдернуть его. - Обхвати мою руку пальцами. Ты должен держаться, когда я вырву скобу.

- Я... потяну тебя... вниз.

- Не потянешь. Я съела плоть Темных.

- Ты... никогда... не поумнеешь, - его пальцы обхватывают мое запястье.

Я нахожу самые надежные опоры для ног из тех, что имеются в наличии. Они попросту никакие, поскольку скала, на которой она подвесила его практически отвесная. Одним молниеносным движением я вырываю скобу.

Она выскакивает, отлетает мне за спину и начинает продолжительное падение в ущелье, раскинувшееся внизу. Кристиан усиливает хватку, я и соскальзываю с практически несуществующих уступов скалы.

В свободном падении, я камнем устремляюсь вниз.

Хватаюсь за веревку обеими руками что есть силы и из-за резкой остановки рикошетом отлетаю вверх, врезаюсь в отвесную скалу.

Вытирая кровь с лица, смотрю наверх. Кристиан почти в десяти метрах надо мной висит на одной руке, заметно накренившись.

Я смотрю вниз. Ведьма исчезла из вида, очевидно последовала на звук удара крепления о камень.

Охренительно хорошо, что я съела плоть Темных. Не уверена, что без этого смогла бы остановить свое падение и не присоединиться к той скобе. Темная энергия пульсирует в голове и сердце, приумножая во сто крат мои силы.

Я зависаю на мгновение, глядя вверх, изучая скалу, подыскивая опоры для стоп, составляя план, и начинаю крутой подъем.

Оказавшись на одном уровне с Кристианом, я смогла рассмотреть его тело, и у меня перехватило дыхание. Он искромсан от груди до паха, кожа свисает, кусочки плоти болтаются, повторно срастаясь.

Как, черт возьми, он умудряется после такого разговаривать?

- Она увидит... что я вишу на одной руке, и пронзит... меня... издалека.

- Я помогу тебе ухватиться за уступ скалы. Держись так, словно от этого зависит твоя жизнь.

Он стонет.

- Пару минут, девушка... не более... боль усиливается.

Слышу до ужаса знакомый свист, сопровождающий полет Ведьмы и тянусь, чтобы закрепить его пальцы за выступ скалы.

- Держишься?

- Ага. Давай... копьё.

Если она увидит его, то никогда не приблизится.

- Я притаюсь на скале, чуть выше твоей руки. Когда она будет здесь, я вложу его в твою руку. Оно будет невидимым до тех пор, пока я не отпущу его.

- Она пронзит тебя.

- Не пронзит, - отрезаю я. - Заткнись и сосредоточься, - хватаясь за веревку, я поднимаюсь выше и молюсь, чтобы он смог удержаться.

- Где... она? - спустя некоторое время рычит он.

Неожиданно над нами раздаются возгласы. Джада кричит кому-то укрыться.

- Да пошло все на хер, - я хватаю копьё и резко бью твердой сталью по скале, стараясь отвлечь ее и привлечь внимание к нам.

Сработало.

Внезапно она появляется над нами и зависает в воздухе, всматриваясь вниз, ее платье из внутренностей развивается над краем.

- Сюда, сука, - рычит Кристиан.

Она подается назад, как кобра готовая к броску.

И нападает.

Одна из ее насекомовидных спицеобразных ног разрезает мою веревку.

Время замирает, и все происходит как будто в замедленной съемке. Я изумленно смотрю, как веревка кольцами сползает с края скалы. Такое ощущение, что я наблюдала за этим целую минуту, мучительно осознавая, что я в трехстах метрах над смертоносным каменистым дном ущелья, мысли яростно роятся у меня в голове: «Как быстро я упаду? Я умру? Или ударюсь о выступ и переломаю все кости, прежде чем долечу до дна? Насколько сильной будет боль? Была ли я хорошим человеком? И стоила ли чего-то моя жизнь? Чего я достигла в свои двадцать три? Я даже не успела вдоволь назаниматься сексом с Бэрронсом.»

Я осознаю, что прошло всего мгновение, и теперь прекрасно понимаю, что имеют ввиду люди, когда говорят, что вся жизнь пролетела перед их глазами. В ярких подробностях вижу самые лучшие моменты моей жизни и те, о которых сожалею, моменты триумфа и слабости, упущенные, теперь уже возможно безвозвратно, возможности.

Все это взрывается в моем мозгу, когда я чувствую это ужасное первое мгновение свободного падения, и вопреки моему желанию, мой рот широко раскрывается в крике, пока я отчаянно пытаюсь подготовить себя к предстоящему: либо к чудовищно болезненному восстановлению, либо к счастливому воссоединению с Алиной в раю, потому что если я отправлюсь в Ад, то непременно сбегу оттуда. Я не собираюсь быть вечно разделенной со своей сестрой. Я не была настолько плохой. Кроме того, я только что съела плоть Темного, а значит смогу надрать задницу какому-то серьезному демону в попытке вырваться на свободу.

И тут я резко начинаю двигаться вверх-вниз, как будто сижу на детских качелях, задыхаясь, отплеываясь в попытке вдохнуть.

- Боже... охренительно... что додумалась... крикнуть, - отрывисто говорит он. - Я... держу тебя... но не смогу удержать... долго, - и я понимаю, что он отпустил выступ скалы, выбросил ногу в том направлении, откуда услышал мой крик (моя тазовая кость превратится в один сплошной синяк) и вслепую схватил первую попавшуюся часть меня, в итоге вцепившись в верхнюю часть моего жилета. Он удерживается на одной руке, а другой держит мой жилет, почти сдавив при этом мое горло.

- Так вот... что имел в виду... Дэйгис, - бормочет он.

- Что? - спрашиваю я, дико раскачиваясь. Но мне все-таки удастся обхватить его ногами. И я начинаю карабкаться вверх по его телу, пытаюсь при этом не задеть разорванную плоть. Весьма нелегкое дело, я вам скажу.

- На счет моего шанса. Твою ж мать, она... приближается!

Если я его отпущу, то упаду. А если не отпущу, то меня проткнут насквозь вместе с ним. Очень сомневаюсь, что она приблизится к нам на достаточное расстояние чтобы кто-то из нас смог пронзить ее, учитывая, что она уже обнаружила на своей скале незваных гостей.

Я не уйду, пока не получу то, за чем пришла. С Ведьмой мы покончим позже.

- Ты можешь просеяться? - с шипением спрашиваю я.
- Железные. Оковы. Не могу. Да и... слишком... изранен.

Жесть. Скобы то я вытянуть смогу, а вот с оковами на его запястьях копьё не справится. А я все гадала, как она препятствует просеиванию Темного Принца. Железо - тот же способ, с помощью которого инспектор Джейн удерживает темных до тех пор, пока кто-нибудь их не перебьет. Кстати сказать, его клетки, должно быть, уже переполнены.

Я не собираюсь умирать на этой скале.

Одной рукой я обвиваю Кристиана за шею, с трудом тянусь влево, поддеваю копьём скобу, удерживающую его правую руку. Она не поддается. Слишком большой вес держит. Глубже завожу копьё и, двигая его вперед-назад, расшатываю крепление, используя всю свою подпитанную темной плотью силу.

Он смотрит вверх и рычит.

- Что... за черт... Мак! Нет!

Скоба вылетает из скалы со скоростью запускаемой в космос ракеты, и второй раз я начинаю свободное падение.

Крепко прижимаясь к нему, я кричу:

- Взлетай, Кристиан! Влетай, мать твою!

Глава 36

*Друг в друге мы уверены, а остальное неважно*⁶⁵

Мак

И снова все происходит совсем не так, как я ожидала.

Трудно назвать то, что Кристиан делает, полетом. Кроме того, он сбивает меня с толку, отправляясь вверх, а не вниз. Я рассчитывала, что он, по крайней мере, раскроет крылья, и мы спланируем как на дельтаплане к подножию ущелья, умудрившись не разбиться. Вместо этого он карабкается все выше и выше короткими резкими взмахами крыльев, цепляясь и хватаясь за выступы скалы, используя их как опоры. Ястреб, который не может летать, но отчаянно взбирается наверх.

Мы приближаемся к чокнутой Ведьме.

- Какого хрена ты не летишь вниз? - кричу я.

И тут до меня доносится грохот с вершины скалы, крик и резкие выстрелы.

Ведьма пронзительно кричит и взмывает в ночное небо. Щелкает плетью, и вслед за этим раздаётся очередной вопль баньши.

- Заткнись нахрен уже, - скрежеща зубами, выдает Кристиан.

Я обеими руками держусь за его шею что есть сил, с каждым взмахом его крыльев снова ударяюсь о выступы скалы. Моя рубашка превратилась в клочья, позвоночник и затылок принимают на себя жуткие удары.

- Удерживай ее вдали от них, пока они не достигнут вершины, - слышу я, как кричит Риодан.

- Я пытаюсь, - кричит в ответ Джада. - Она передвигается хаотично. Сложно вычислить ее намерения.

- Перестань нахрен вычислять и просто чувствуй, - рычит он. - Она же не машина. Просто чертова взбешенная кровожадная женщина.

Слышу еще несколько щелчков плети. Звук отражается и усиливается окружающими скалами. Должно быть, они используют эхо, чтобы вывести способность к эхолокации Ведьмы из строя.

- Целься ей за спину, а не в сторону.

- Ты почти на месте, парень, - сверху кричит нам Дэйгис: - хватай чертов трос, - он свисает с края скалы, бросая длинную тонкую черную веревку в нашу сторону.

⁶⁵Metallica/Nothing Else Matters

Но Кристиан отчаянно пытается удержаться на высоте и не способен дотянуться до нее. В порыве я пытаюсь нащупать веревку, молясь, чтобы мне хватило силы вытянуть нас, потому что каждый раз, как я врезаюсь в скалу, у меня темнеет перед глазами, и я чувствую, как Кристиан все больше слабеет. И даже мой прилив сил, благодаря плоти Темных, не в состоянии совладать с постоянным градом ударов.

Похоже нам все-таки придется попытаться счастья с дельтапланеризмом.

- Она возвращается, - кричит Бэрронс. - Убирайся нахрен подальше с края скалы, горец.

Я слышу, как воздух снова рассекает яростный свист плети, и Бэрронс рычит, издавая чудовищный и утробный звук. Я сжимаюсь от страха, потому что, даже не видя его, понимаю, что она только что пронзила его. И мне не легче от знания, что он вернется. На одного защитника Келтаров и Джады стало меньше, и я ненавижу звук, который издает этот мужчина, умирая. Даже не сомневаюсь, что он заслонил кого-то своей грудью.

- Вашу мать, - сердито кричит Дэйгис нам сверху: - хватайте чертов трос.

Драстен появляется рядом с Дэйгисом, и я слышу, как Джада и Риодан пытаются привлечь внимание Ведьмы к себе, слышу выстрелы оружия и свист плети. Они стараются выиграть для нас немного времени, чтобы мы смогли добраться до твердой почвы.

Я бросаюсь вверх, и Кристиан скулит в агонии из-за того, что мой ботинок угодил ему в живот, но мне все-таки удалось ухватиться за веревку.

Дэйгис и Драстен быстро начинают поднимать нас.

Мы уже почти на месте, когда Джада и Риодан начинают снова кричать, а затем внезапно что-то вырывается из груди Дэйгиса, он неподвижно застывает, затем резко дергается и тихо стонет от боли и шока.

И лишь через мгновение я наконец-то понимаю, что произошло.

Только что Ведьма пронзила Дэйгиса сзади.

Кристиан издает истошный рев, настолько звериный и не по-человечески яростный, что у меня кровь застывает в жилах. И тут до меня доходит вся ироничность ситуации: четверо из стоящих на этой скале обладают колоссальной силой, но не могут воспользоваться ею. Бэрронс и Риодан не могут превратиться в чудовищ перед незнакомцами. Моя внутренняя Книга безмолвствует. А Кристиан слишком слаб, чтобы использовать свою Темную магию.

Он снова начинает молотить крыльями, но от этого я лишь сильнее ударяюсь о скалу. Я группируюсь как могу, всячески пытаюсь одной рукой удержаться за веревку, а другой - за Кристиана, но Дэйгис больше не удерживает наш вес, и мы медленно и неумолимо начинаем соскальзывать вниз.

- Вытаскивайте их нахрен, - рычит Дэйгис Драстену, из его рта так и хлещет кровь. Внезапно он зависает в воздухе, пронзенный ногой Ведьмы. И пока Драстен, Риодан и Джада вытаскивают нас наверх, она взмывает над ущельем.

Кристиан обессилен, он откатывается и всматривается в ночное небо, раскинувшееся над ущельем. Окутанная мрачным серебристым лунным светом с багряным отливом, Ведьма парит над ущельем, сжимая Дэйгиса в своих отвратительных кровавых объятиях.

- Чертова сука! - Кристиан пытается встать, но Драстен удерживает его, не позволяя приблизиться к уступу скалы в попытке взлететь, потому как мы оба знаем, что сейчас ему это не под силу.

- Не делай жертву моего брата напрасной, парень!

Ведьма проносится над глубоким ущельем и, прежде чем стряхнуть бездыханного горца со своей ноги, несколько раз впечатывает его в отдаленную скалу.

Мы все наблюдаем в немом ужасе за тем, как Дэйгис беззвучно падает вниз темным пятном, растворяясь в тенях.

Ведьма проносится в воздухе и взмывает над ущельем, направляясь прямо к нам, ее голова опущена, незавершенное платье из человеческих внутренностей развивается позади нее.

Джада отстраняет Драстена от Кристиана.

- Отойди и не походи к нему, - шипит она ему. Она заставляет Кристиана встать и становится перед ним, отдавая приказ: - Мак. Копье. Сейчас.

Спорить нет времени. Бэрронс вне игры, Дэйгис только что пожертвовал собой ради нашего спасения. Я жажду мести. Ничто другое не имеет значения. Я приближаюсь к ней, кладу свою руку поверх ее в попытке убедиться, что она чувствует металлическую прохладу лезвия между нами.

- Я отпущу его в самый последний момент, чтобы она не увидела его раньше времени. И не смей нахрен промазать, иначе я собственноручно убью тебя.

Она не удостоивает мою угрозу ответом.

Кристиан пытается оттолкнуть Джаду с пути, рыча, что больше никто не посмеет умереть за него на этой скале. Джада отталкивает его назад за спину.

Ведьма стремглав бросается к нам, рассекая ночь, она в ярости: ее рот искажен, а черные дыры вместо глаз прищурены.

Джада переносит нас стоп-кадром, и в одно мгновение мы оказываемся метрах в десяти от того места, где стояли только что. У меня больше нет копья. Пока я приходила в себя после передвижения стоп-кадром, которое вызывает во мне тошноту, она, пользуясь моментом и прекрасно зная о моей реакции на стоп-кадр, отбирает его у меня.

- Что ты делаешь? - взрываюсь я.

- Не даю тебе погибнуть, Мак, - она неожиданно с недюжинной силой отталкивает меня, и я растягиваюсь на земле лицом вниз.

Кристиан издает истошный рев, и мне не надо смотреть на него, чтобы понять, что его пронзили насквозь. Когда я поднимаюсь на ноги, вытираю снег со своего лица и оборачиваюсь, то вижу, как Ведьма пронзает его и готовится обхватить своими ногами-вязальными спицами, чтобы взлететь ввысь.

Риодан с Джадой обмениваются взглядами, и она бросает ему свой хлыст.

Он рассекает им в воздухе позади Ведьмы, преграждая ей путь и рычит:

- Иди сюда и попробуй достать меня, сука. Я тоже бессмертен, - он приближается, настолько быстро работая плетью, что я едва могу разглядеть ее движение, загоняя Ведьму в ограниченное пространство. В отличие от Джады, у него нет проблем с предвосхищением ее воздушных атак. Ведьма целится своей свободной ногой в его голову. Он словно танцует, пригибаясь и уклоняясь, как какой-то боксер под метамфетамином, не переставая при этом хлестать плетью. - Но ты ведь в курсе. Однажды ты уже меня убивала, - он превращается в размытое пятно, а я гадаю, не планирует ли он приблизиться к ней, чтобы убить ее способом известным лишь Девятке.

И тут Джада материализуется между Риоданом и Ведьмой с эффектом внезапности, присущим просеиванию фейри, и я понимаю, что у него был другой план.

Обменявшись одним единственным взглядом, они с Джадой составили новый план.

Риодан был отвлекающим маневром.

Джада обхватывает своими руками ногу, на которую нанизан Кристиан, и с грацией цирковой акробатки поднимается вверх, копьё прикреплено к поясу ее камуфляжных брюк.

Ведьма пытается освободить ногу, неистово тряся ею, чтобы избавиться от Джады, но та не отпускает. Когда она добирается до сплетенного кровавого платья, то использует внутренности вместо канатов, чтобы подтянуться выше, хватая Ведьму за волосы, откидывает ее голову и перерезает ее глотку от уха до уха.

Повсюду хлещет кровь, голова Ведьмы откидывается назад. Со свирепым выражением лица Джада погружает копьё глубоко в кость, заставляя хрустеть ее костяной корсет.

Они втроем падают на землю грудой.

Кровавая Ведьма мертва.

Глава 37

И уходящий этот день мир укроет в свою тень⁶⁶

Мак

⁶⁶Linkin Park/Shadow of the Day

Спускаясь со скалы, мы являем собой угрюмую группу, потрепанную, уставшую и мрачную.

И теперь я отлично понимаю значение фразы «пиррова победа».

Раньше, каждый раз, когда мы сражались с врагом, мы тоже несли потери, но они не ранили так остро, не воспринимались так близко к сердцу.

И я слишком поздно осознала, что уже какое-то время считаю Келтаров одними из нас: непреклонными солдатами, неустанно сражающимися со злом на стороне добра, выживающими для того, чтобы на следующий день снова продолжить борьбу. И я рассчитывала на это.

Сегодня погиб один из хороших парней.

Мужчина, у которого была семья.

Легенда среди горцев.

Нет никакой надежды на то, что Дэйгис выжил после того, как Ведьма его жестоко выпотрошила, впечатала в скалу и сбросила в ущелье длиной почти в четыреста метров.

Дэйгис, впрочем, как и Ведьма, мертв.

Драстен не проронил ни слова. Он поддерживает Кристиана с одной стороны, Джада - с другой. И они несут, почти тащат вниз Принца по горному склону в бессознательном состоянии.

Когда мы достигли подножья и осторожно поместили его в Хаммер, Драстен прошептал:

- Ох, Иисусе, как же я скажу Хлое? Они так отчаянно сражались, чтобы быть вместе. А теперь она потеряла его навсегда, - он прошептал что-то на гэльском над Кристианом, а затем развернулся, чтобы уйти.

Риодан преградил ему путь, не давая пройти.

- И куда это ты собираешься, Келтар.

- В отличие от тебя, я не уйду отсюда, не забрав останки моего брата, которые можно похоронить.

Он обращается к Риодану, который торопил нас спуститься с вершины, не останавливаясь, для того чтобы подобрать Бэрронса, я то знаю, что он сделал это, чтобы Драстен и Джада не увидели, как его тело исчезает. Но остальным это, разумеется, показалось бессердечным.

Взгляд Драстена мрачен и как будто наполнен призраками.

- Слишком часто он все взваливал на свои плечи ради нашего спасения. Он заслужил быть достойно погребенным, по давней традиции, на земле Келтаров, в Шотландии. Если Драгары до сих пор еще в его теле, то необходимо провести определенные ритуалы. Если нет, нда, если же твою мать их там нет, то они снова на свободе.

- Я не собирался возвращаться в Дублин без Бэрронса, - говорит Риодан. - Я заберу и тело твоего брата. Кристиан нуждается в тебе. Ты сейчас необходим своему клану.

Я всматриваюсь в его лицо, удивляясь тому, что вижу в его бесстрастных серебристых глазах что-то вроде намека на терпение и понимание.

- Я знаю, каково терять брата, - настаивает Риодан. - Я привезу его. Езжайте.

Интересно, были ли у Бэрронса и Риодана другие братья? Потеряли ли они их до того, как стали теми, кто они сейчас, или уже после? И как это произошло? Мне хочется узнать все про этих двоих, понять их, услышать их историю.

Уверена, что ни одна живая душа ее еще не слышала.

Взгляд Драстена перемещается от Кристиана к мрачному входу в ущелье, он явно расстроен, потому что не может рисковать тем, ради чего его брат пожертвовал собой, равно как и не может оставить позади тело брата.

- Поедем, Драстен, - тихо говорю я. - Живые нуждаются в тебе. Если Риодан пообещал, что принесет его тело, он сдержит свое слово.

Обращаясь ко мне, Риодан говорит:

- Потребуется какое-то время, чтобы найти... все, что от него осталось. Отвезите Кристиана в Честер. Поместите его туда, где мы скрывали ото всех Светлую Королеву. Там он будет в безопасности, пока будет исцеляться.

Когда Риодан развернулся, чтобы уйти, раздался голос Джады:

- Я пойду с тобой.

- Ты вернешься с остальными и защитишь их.

- Я уже не та, которая раньше...

Он резко обрывает ее.

- Я знаю, кто ты нахрен такая, - холодно выплевывает он. - И только ты одна не знаешь, этого. Дэни предугадала бы движения Ведьмы. А ты этого не смогла. Джада.

Риодан растворяется в ночи, не проронив больше ни слова.

Я морщусь. Это было жестоко. И не важно, что это правда.

Втроем мы присоединяемся к Кристиану в Хаммере и начинаем наше длинное безмолвное путешествие домой.

Глава 38

*Как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь*⁶⁷

Мак

Я очень удивилась, что сразу после того, как Кристиан и Драстен оказались в безопасности Честера, Джада не ушла тут же, прихватив с собой мое копье, о котором я, если честно, совершенно забыла. Наша трехдневная поездка была угнетающей. Большую часть времени Кристиан был без сознания, Драстен горевал, ну а мы с Джадой были не в настроении для разговоров. Очевидно, невидимость и остаточное опьяняющее воздействие Темной плоти придали мне чувство безопасности. Так или иначе, после того как она засунула копье непонятно куда, я о нем и не вспомнила.

А сейчас я вдвойне удивлена тем, что она по-прежнему никуда не спешит. Чего она медлит? Ждет, когда я потребую его обратно? Джада ничего не делает просто так.

Мы стоим снаружи Честера в напряженной тишине, с отвращением наблюдая за длинной чередой людей, ожидающих своей очереди, чтобы попасть внутрь. Я вспоминаю прежнюю Дэни и наши прогулки по ночному городу. Мы отлавливали Темных и убивали их, сокращая количество хищников в нашем городе, дюжина за дюжиной, в надежде на то, что однажды сможем удержать этих бездумных леммингов от непреодолимого желания броситься с обрыва, поджидающего их внутри этого клуба.

Мы обе неделю не принимали душ. Подозреваю, если бы я себя увидела, то испугалась бы. А вот Джада неделю спустя выглядит по-прежнему безупречно. Я вздыхаю, неужто копье придется отбирать у неё с боем? По правде, не уверена, что у меня это получится. Да и не хочу я.

Решаю попросить прямо:

- Отдай мне копье, Джада.

Она кидает взгляд в мою сторону.

- Ты не можешь его использовать.

- Оно мое. И этой причины достаточно.

- Расточительство. Кто-то должен им пользоваться. И я - очевидный выбор.

Хотела бы я поспорить, но не могу. Учитывая риск, я к нему и не прикоснусь. Сама я не могу, расхаживая по улицам, вырезать фейри, а их количество в Честере сегодня просто зашкаливает.

А без меча - куда же она его все-таки подевала - не сможет убивать их и Джада. Нехилая женская летальная силенушка зря пропадает в этом городе.

Но если Синсар Дабх внезапно решит лишить меня невидимости, копье мне будет просто необходимо.

- Что случилось после того, как я загнала тебя в Зал?

- Как и та, которую ты называешь Дэни, прошлое значения не имеет. Сейчас здесь я. Всё остальное не важно.

- Какие планы у тебя насчет аббатства?

- Не твое дело.

⁶⁷Pink Floyd/Wish You Were Here

- Когда-то мы работали сообща.

- Когда-то я была другой.

- А что насчет скрытой во мне Книги? - я должна выяснить, стоит ли мне оглядываться на каждом шагу. Хочу знать, что Джада думает по этому поводу, и не удастся ли мне найти прореху в её эмоциональной защите.

- Я справлюсь с Круусом. Бэрронса и Риодана достаточно, чтобы справиться с тобой.

- Ты гарантируешь мне свободу перемещения, - я тщательно подбираю слова, пытаюсь спровоцировать её на реакцию, намеренно используя фразу из моих переговоров с Серой Женщиной тем вечером, когда я спасла ей жизнь, тем самым вечером, когда узнала, как она поступила с Алиной.

- Пока, - безо всякого выражения отвечает она.

Она по-прежнему стоит на улице, глядя на меня, словно чего-то ожидает. Ума не приложу чего.

- Ты виделась с Танцором после возвращения? - снова провоцирую я.

- Я не знаю Танцора.

- Знаешь. Дэни с ума сходила по нему.

- Во втором предложении можно было ограничиться четырьмя первыми словами.

Так, а вот теперь она начинает меня выводить из себя, пытаюсь оскорбить выдающегося подростка, без устали сражавшегося за наш город.

- Чего ты хочешь, Джада? - резко спрашиваю я. - Почему ты все ещё здесь?

Она морщит нос, словно её следующие слова противны ей:

- Думаешь, Дэни лучше меня справилась бы с Ведьмой?

Я замираю. Вот оно что. Поэтому она задержалась. Не хотела спрашивать у меня, но и удержаться не смогла. Видать критика Риодана покоя ей не дает с тех самых пор, как он её на неё обрушил. А кто знает ответ на этот вопрос лучше, чем я? Лучше всех Дэни знаю я. В шоке, что она всё-таки спросила. Джада поинтересовалась чьим-то мнением. Моим мнением.

Не нравится мне этот её вопрос. Не хочу, чтобы Дэни занималась самобичеванием, и чувствовала себя ещё более виноватой. Я не забыла и никогда не забуду крик её души о том, что она заслуживает смерти. Интересно, что случилось с ней, когда она была маленькая? Что такого знает о ней Риодан, что за «криптонит» засел в её голове, что, по его мнению, может уничтожить её? А может он не прав, и Дэни прекрасно всё помнила, и с облегчением передала бразды правления равнодушной, бесчувственной части своей личности? Что произошло с ней в Зеркалах такого, что она окончательно преобразилась в эту ледяную сущность?

Я молча изучаю Джаду, осознавая, что этот вопрос может стать маленькой трещинкой в фасаде её доминирующей личности. Хотя может её движет простое желание усовершенствовать себя и стать ещё более эффективным оружием. Я не так уж и много знаю о диссоциативных расстройствах, но обязательно выясню побольше, выкроив время между попытками понять, как остановить черные дыры, угрожающие нашему миру, охотой на Темного Короля, который должен избавить меня от Книги, и поисками Бэрронса, который нужен мне не меньше, чем перевязка моим ранам.

Интересно, как Джада умудрилась полностью подавить Дэни? Так же, как я подавила Книгу? А может, Дэни постоянно нашептывает изнутри, пытаюсь вырваться на свободу из темной маленькой клетушки. Неужели её пылкий голосок поглощает вакуум, и даже Джада её не слышит? Или и того хуже, может, она сдалась?

- Ты все ещё здесь? - спрашивает Джада.

- Я не виню тебя в смерти сестры, Дэни, - мягко говорю я. - Я прощаю тебя, - у меня будто камень с души упал, и наступило облегчение, словно огромный тугой узел я развязала у себя под сердцем, сказав эти слова. Я прочищаю горло от невысказанного горя о потере Дэни, Дэйгиса и того, как всё обернулось. Ну почему я не сказала этих слов, прежде чем загнала её в портал? - Я люблю тебя, - говорю я Джаде, надеясь, что моя Дэни услышит меня. - И всегда буду.

- Бессмысленная сентиментальность. Я задала тебе вопрос. Отвечай.

- Да. Дэни смогла бы без труда предугадать все движения Ведьмы, - решительно отвечаю я. - В Дэни был огонь, которого тебе явно не хватает. Её интуиция была безупречной, она невероятна.

Джада прищуривает глаза, её ноздри трепещут.

- Я безупречна. Я невероятна.

- Верни мне мое копье.

Она склоняет голову, словно обдумывая что-то, а затем снимает браслет Круса с руки и протягивает его в направлении моего голоса.

- Логика диктует иное решение.

О, нет. По логике вещей, ей следовало оставить себе и то, и другое. А не отдавать то, что ей и самой нужно. Интересно.

- Возьми браслет, - настаивает Джада. - Это имеет смысл.

- Какой смысл в том, что у тебя останется мое копье?

Изумрудный взгляд пронзает место, на котором я стою, будто она одним лишь своим неумолимым взглядом может придать мне желаемую форму.

- В этом вся я. Я убийца. Так было всегда. И никогда не изменится. Держись от меня подальше. Не то я отменю твою свободу перемещения.

Браслет со звоном падает на мостовую к моим ногам.

Джада исчезает из вида.

Глава 39

- Чего ты ждешь? - требовательно спрашивает Светлая Королева, тщетно пытаясь замаскировать страх высокомерием. - Скрепи договор и отправляйся в Дублин.

Она боится его поцелуев.

А было время, она их жаждала.

Темный Король завершил сложный процесс саморасщепления, сжимая фрагменты до новых человеческих форм, которые никто из живущих в Дублине прежде не видел.

Он никогда снова не посещает мир в человеческом облике, который был идентифицирован. Люди узнают его, начинают чего-то требовать, распиная его своими бесконечными, глупыми просьбами. «Установи законы, высеки их на камне, научи нас жить!»

Абсурд, сбивающий с пути истинного человечество, распространяется с планеты на планету словно чума, заселяет звезды. Его поражает, что они все ещё продолжают настаивать.

Однажды он сказал им правду.

Высек одну единственную заповедь на каменной плите. «Живите так: предпочитая. Нет правил - всё дозволено».

Человек, которому он доверил скрижаль, разбил её на месте, высек десять команд на двух каменных плитах и спустил их вниз с горы с церемониальной помпой пророка.

С тех пор этот мир раздирают религиозные войны.

Вполне вероятно, что именно из-за этого случая со скрижалями он и чувствует надоедливые приступы ответственности за эту планету. Ему не стоило ничего высекать.

Он стряхивает с себя задумчивость и смотрит на конкубину сверху вниз. Он придал себе форму, которая выше её и шире, подходящую ей по размеру, облекся в тот же образ, который был на нём в тот день, когда они впервые встретились, почти миллион лет назад.

Она ничего не помнит о времени, проведенном с ним. Он помнит за двоих. Он в том же одеянии.

Раздвинув края её мантии, он обхватывает руками ее талию и перемещает их сквозь пространство и время в другое место, ловко воздвигая барьеры и стены, замыкая тем самым тюрьму, в которой он оставит её, пока будет притворяться, что пытается спасти мир, который спасти невозможно.

Он глубоко вдыхает витающие в воздухе воспоминания, запах пропитанной сексом кожи, покрытых потом крыльев, смятых страстью простыней. Он не был здесь уже достаточно долго.

А когда-то их будуар света и теней, огня и льда, был единственным местом, где ему хотелось быть.

Так было до того дня, когда он нашел её мертвой внутри их святилища, и безумие не обуяло его.

У покрытой инеем хрустальной стены на инкрустированном бриллиантами помосте стоит круглая кровать, покрытая шелками и белоснежным горностаевым одеялом и занимающая большую часть белой половины спальни. Душистые кремовые лепестки, разбросанные по мехам, наполняют своим ароматом воздух. Роскошный белый ковер лежит у огромного алебастрового очага, в котором

ослепительно-ярким пламенем горят, потрескивая, бело-золотые поленья. Тысячи крошечных алмазно-ярких огоньков, сверкая, лениво парят в воздухе. Её половина - яркий, счастливый, солнечный денек. Потолок её спальни - чистое голубое небо.

Он поворачивает голову и вглядывается сквозь зеркало в позолоченной раме, первое из сотворенных им Зеркал.

Его спальня размером с футбольное поле, она драпирована черным бархатом и мехами, укрытыми темными лепестками с пикантным ароматом. Посреди глыб темного льда простирается кровать. У одной стены иссиня-черное пламя взмывает вверх к потолку, где его поглощают темные звезды фантастической туманности, сияющей в голубой дымке.

На какое-то мгновение он видит её там, на его кровати, откинувшуюся на темные, блестящие меха, смеющуюся. Сумеречная ледяная глазурь покрывает её волосы, горсть бархатистых лепестков опускается на её обнаженную грудь.

Его переполняет горе.

Он был так честлюбив.

А она хотела лишь одного.

Любви.

- Что это за место? Зачем мы здесь? - требует ответа она.

Он не скажет ей, что провел здесь лучшие часы своего существования.

Скоро он оставит её здесь в западне обрывков воспоминаний, в паутине его любви.

Здесь она будет наблюдать, как они смеялись, мечтали, занимались любовью и творили. Здесь она сможет вкусить их страсть и познать их радость.

И если после этого она все ещё будет настаивать на своей свободе, он, возможно, подумает о том, чтобы отпустить её. Возможно, смирится с тем, что навсегда её потерял.

Но, скорее всего, этому не бывать.

Об этом он ей тоже ничего не скажет.

Она резко вдыхает.

- Ты меня отпустишь?

- Лучшие часы, - произносит он. - Эту часть ты тоже должна была уловить.

- А ещё я уловила, что ты считаешь будто мир, который, по твоему утверждению, ты можешь спасти, обречен.

Он не отвечает, просто стоит, наслаждаясь теплом её тела, сладостью её дыхания.

- Готов обманывать ради единственного поцелуя, - пренебрежительно бросает она.

- Готов разрушить миры ради единственного поцелуя.

- Спаси один ради гораздо большего, чем поцелуй.

- Материя их вселенной повреждена. Без песни это невозможно.

- Ты Темный Король, - отвечает она. - Ты найдешь способ.

- Звучит так, словно ты в меня веришь, - дразнит он.

- Ты принимаешь за веру то, что является всего лишь вызовом. Примешь его?

Он склоняет голову так, что их губы почти соприкасаются.

- Поцелуй меня так, словно ты меня помнишь. Вдохнови дикого бога, как ты делала это прежде. Зажги огонь творчества своей страстью, и я, возможно, найду способ.

Она смотрит на него вверх и вздрагивает, а затем берет его лицо в свои маленькие прекрасные ладони, и на этот раз дрожь пробирает уже его. Она прикасается к нему. По собственной воле. Музыка струится по его коже от её рук к самой его сути. Украденному прикосновению никогда не сравниться с добровольным, наполненным страстью, голодом и желанием. Ария выбора - радостна, какофония принуждения - груба, уродлива и холодна.

Она целует его неохотно, едва прикасаясь своими теплыми губами к его ледяным.

На этот раз, в отличие от всех предыдущих, он не перехватывает инициативу и не пытается углубить поцелуй. Он просто стоит, наслаждаясь первым миготом свободы от боли после полумиллиона лет агонии, наполненных тоской по этой женщине. Вдыхает этот миг, впитывает его в себя, позволяет крупитцам своего естества на краткий славный миг вынырнуть из пучины, сковывающей, холодной бездны отрицания и сокрушительной потери. Сожаления губительны для души.

Она вскрикивает, отпрянув от него. Поднимает на него взгляд.

- Какое невероятное горе! Оно невыносимо!

- Если ты не веришь моим словам, моя королева, поверь моей боли. Задумайся о её причине.

Сказав это, он исчезает.

Глава 40

*Вот он зверь, это я выпустил его на волю*⁶⁸

Мак

Спустя пять дней после этого, или целых восемь дней с того момента, как Бэрронс погиб на вершине той горы, он всё ещё не вернулся. Я вся на взводе, и лишь частично из-за ломки, вызванной желанием съесть плоти Темных. Я знаю, что он всегда возвращается, но это вовсе не мешает мне жутко волноваться.

Понятия не имею, где девятка возрождается. Не знаю, насколько далеко находится это место. Я даже не знаю, на этой ли оно планете. А что если он застрянет в МФП? Что если из-за спешки он рискнет добираться самолетом и попадет в черную дыру? Возродится ли он после этого снова, или же как в случае с К'Враком, это странное фейрийское нововведение в нашем мире способно на самом деле убить его?

Прежде ему хватало четырех дней, чтобы вернуться. Но в то же время ему понадобился почти месяц, чтобы выбраться из Фейри после того, как мы убили его с Риоданом на том обрыве. Он уже дважды умирал на обрывах. Делаю пометку избегать обрывов в будущем, когда я вместе с Бэрронсом.

Я не вытяну ещё три недели. Я сама себя с ума сведу.

Я все ещё невидима и начинаю чувствовать, будто эмоционально и ментально становлюсь как бы размытой. Никто меня не видит, в зеркале я не отражаюсь, и от этого меня не покидает тревожное ощущение, что я могу вообще исчезнуть.

Мне не хватает духу сходить к родителям и объяснить, почему я стала невидимкой.

Книга даже не пошевелилась с тех самых пор, как помогла мне исчезнуть, и это меня сильно напрягает. Я начинаю думать, что с ней что-то произошло. Не собирается же она оставить меня навсегда невидимой. Мне, конечно, нравится преимущество над врагами и безопасность, но мне начинает надоедать то, что я, глядя в зеркало, не вижу собственного отражения. Мне нравится собственное отражение. Мне нравится, что взгляд Бэрронса при виде меня становится тяжелым и жгучим от страсти.

Я не могу накраситься. Пару дней назад я пыталась высушить волосы феном, и всё закончилось тем, что я сожгла брови и обожгла глаза. Я уже несколько недель не делала маникюр. Я даже лак снять не могу. Вчера меня пронзил внезапный страх, что я даже не замечу, как растолстею. Я как угорелая понеслась за весами в один из соседних домов чтобы взвеситься. Но к сожалению, каждый раз, когда я на них становилась я превращала их в невидимок. Вы не сможете понять, насколько важно видеть себя каждый день, пока не потеряете эту возможность. Вчера вечером, слоняясь по книжному магазину, я нашла книгу «Человек-невидимка» и решила почитать её, чтобы понять, как он справлялся с ситуацией, но не смогла вынести его бесконечные перипетии и заглянула в конец.

И зашвырнула бредовую книженцию в другой конец магазина.

Ну уж нет, я такой навсегда не останусь.

Один-два раза в день я забегаю в Честер, пытаюсь найти Риодана, подслушать словечко о Бэрронсе, но мне собственник Честера даже на глаза не попадался, с тех пор как два дня назад он принес тело горца. Вернее, то небольшое, что от него осталось. Когда я была там в последний раз, мне показалось, что в клубе заправляет Фейд.

⁶⁸Black Lab/This Night

Келтары вернулись в Шотландию, как только получили останки Дэйгиса. Они увезли с собой Кристиана, и я, наконец-то, увидела неуловимую Колин - с этой женщиной мне не терпится встретиться снова при более благоприятных обстоятельствах. На похоронах Высшего Друида должны присутствовать все ныне живущие Келтары.

Пять дней и четыре долгие безмолвные ночи в книжном магазине. Я не могу спать в нашем логове под гаражом, когда его нет. Иначе я чувствую себя маленькой и одинокой. Я тревожно вертелась на честерфилде, ожидая, когда звякнет колокольчик.

Кручу браслет, который я одела на запястье, после того как Джада его бросила. По крайней мере теперь ни Светлые, ни Темные мне не смогут навредить. Если, конечно, можно верить словам Крууса.

Кстати о Круусе, интересно, что там происходит в аббатстве, и удалось ли Джаде на самом деле остановить трансформацию нашей обители, была ли она той, кто закрыл двери в пещеру, где он заточен. Интересно, чему ещё она научилась в Зеркалье за пять с половиной лет. Я бы сходила туда, чтобы взглянуть собственными глазами, но я жутко не хочу надолго уходить из книжного магазина. Хотя через пару дней мне может и надоест ждать, тогда и огляжусь как следует по сторонам.

Джада ушла в убийственный загул с того самого момента, как заполучила мое копье. На следующий день в Дублинском Вестнике сообщалось о сотнях убитых фейри.

Как и на следующий.

И следующий после него.

Подозреваю, так она вымещает то, что не смогла защитить горца.

Джада не лгала. Она действительно убийца.

Подслушала вчера в Честере, что фейри снова начали использовать чары для защиты, скрывая свою сверхестественность, пытаясь раствориться среди людей, чтобы избежать летальности копья Джады.

И это лишь усиливает значимость ши-видящих.

Я раздраженно выдыхаю. В Честере я не была со вчерашнего вечера. Пора на обход.

- Ну давай же, Бэрронс, - шепчу я. - Тащи назад свой зад.

Оставив для него записку на столике около дивана, я выскакиваю в ночь.

Проскользнув в Честер под прикрытием пьяных гуляк, вывалившихся наружу, на мгновение я остановилась у перил и окинула взглядом множество подклубов. Риодана по-прежнему нигде не видно. Бэрронса я и не пытаюсь выглядывать. Уверена, что первым делом он вернется в книжный магазин ко мне.

Вот Джо: изящная и красивая, взъерошенные волосы блестят, обрамляя лицо. Она обслуживает столики в клетчатой юбчонке, кукольных туфельках и белоснежной блузке - униформе «детского» подклуба. Рада, что Риодан так и не смог её выгнать.

Шон О'Банион и четверо крепышей сидят, склонив друг к другу головы. Они тихо разговаривают в баре Синатры. Интересно, вернулась ли Кэт оттуда, где бы она не была, всё ли с ней в порядке, и вместе ли они до сих пор?

У подножия лестницы Лор и ещё один из девятки. Никогда прежде его не видела. Высокий, смуглый, чертовски мускулистый и привлекательный в стиле Джейсона Стетхема, с густой темной бородой и цепким взглядом. Улыбаюсь, заметив, как взгляд Лора, скользя по подклубам, то и дело возвращается к Джо. Когда он смотрит на неё, его рот преображается. Знаю я, что это значит. Он хочет трахаться.

Бэрронс. Боже. Ну когда же этот мужчина объявится?

Фейд патрулирует, тщательно следя за происходящим. Он готов прореагировать на малейшее волнение.

Спускаюсь вниз и направляюсь сквозь клуб. Медленно и аккуратно прохожу между Лором и вышибалой похожим на Джейсона Стетхема, чтобы не создать ни малейшего движения воздуха, и взлетаю по хромированной лестнице в приватную зону.

Я не уйду, пока не разнюхаю хоть что-нибудь. Если сработает сигнализация, так тому и быть. Мне скучно и нудно, и я невидима. Опасная комбинация для любой женщины.

Я раздумываю над тем, что бы мне хотелось увидеть прежде всего: таинственный секс-клуб девятки, о котором ходят сплетни? Неа. От этого мои трусы совсем промокнули. Попробовать

отыскать их личные резиденции? Хммм. Это может быть интересно. Украсть темный клинок Риодана и прибрать к рукам контроль над Папой Тараканом?

Ого. Я замерла от изумительной мысли.

Если окажется, что он в кабинете, я просто притворюсь, что искала его, чтобы поинтересоваться, не видел ли он Бэрронса.

Это проконает, даже если кто-нибудь другой будет внутри.

Поверить не могу, что я до этого раньше не додумалась. Любое оружие пригодится.

Я иду напрямиком в его офис, оглядываюсь по сторонам чтобы убедиться в том, что никто сюда не смотрит, прижимаю руку к панели и проскальзываю внутрь.

Офис пуст.

Тут только я и высокотехнологичный командный пункт Риодана из тонированного стекла, напичканный гаджетами и мониторами, с помощью которых он наблюдает за грязными подробностями происходящего в его клубе. До чего же он самонадеян, если думает, что два охранника у лестницы гарантируют ему достаточный уровень защиты.

Направляюсь напрямиком к его столу. Ножа на нем нет. Как и офис, стол пуст. Я стою, оглядываясь по сторонам, пытаюсь отыскать его, затем ощупываю столешницу снизу, в поисках скрытой панели, в которой он хранил контракт Джады, ведь он мог убрать нож туда.

Когда панель отъезжает, я разочарована, потому что она тоже пуста. Обхожу стол и плюхаюсь в его кресло, пытаюсь думать, как он, размышляя о том, куда бы я его убрала, будь я Риоданом.

Полагаю, будь я на его месте, то на этой стороне стола тоже обзавелась бы скрытой панелью. Тянусь к нижнему краю выдвижного ящика и ощупываю гладкое дерево на предмет различных аномалий.

Их нет. Продолжаю надавливать, мягко ведя пальцами под столешницей, вдоль ножек, вокруг многочисленной резьбы.

Вот она!

Малюсенькая выемка в центре завитка.

Когда выезжает панель, меня снова ждет разочарование. Ножа нет. Лишь ряд за рядом черных кнопок, похожих на компьютерную клавиатуру. Без всяких обозначений. Обычные гладкие клавиши. Понятия не имею зачем они нужны.

Тянусь к одной из них, сомневаясь. Зная Риодана, я могу невзначай, нажав неверную кнопку, взорвать весь клуб.

Вздыхаю. Не может такого быть. Он бы сделал кнопку уничтожения красной, так ведь?

Боясь дышать, нажимаю крайнюю слева.

Ничего не происходит.

Быстренько оглядываюсь по сторонам, не откроется ли бесшумно ещё одна скрытая панель. Насколько я могу судить, ничего не изменилось. Нажимаю следующую за ней.

Снова ничего.

В быстром темпе нажимаю следующие четыре.

Нифига не происходит. На кой ему все эти кнопки?

Я раздраженно выдыхаю, откидываюсь в кресле, закидываю ноги на стол, складываю руки за головой и закрываю глаза, представляя себя на его месте, пытаюсь понять, что такого он может держать под рукой.

Притворяюсь Риоданом, сидящим в своем офисе, из которого он следит за миром сквозь свои мониторы, в котором получает донесения своих разведчиков, в котором контролирует и корректирует малейшие детали, связанные с его царством.

По-прежнему ничего не понимая, открываю глаза и оглядываю комнату.

Мониторы. Боже мой. Должны же в его клубе быть места, за которыми он следит, и которые предпочитает скрывать.

Снимаю ноги со стола и сажусь прямо. На этот раз, нажимая на кнопки, я пристально слежу за мониторами, расположенными прямо напротив меня.

Ага! Как я и думала, это контроллер скрытых камер! Тех самых, которых посетителям зон, за которыми следят, не видно.

Крайняя слева сменяет изображение главной лестницы на седьмом мониторе справа и показывает их кухню.

Упс, видать он в курсе, что я постоянно устраиваю набеги туда, когда бываю здесь.

Беловолосый мужчина с горящими глазами стоит у стойки и ест... О, нет. Я не хочу на это смотреть. Быстро переключаю изображение.

Вторая кнопка сменяет изображение «детского» подклуба (видимо, ему нравилось приглядывать за Джо), чтобы показать темную, затененную комнату с шикарными резными потолочными балками. Комната пуста.

Я не отвожу взгляд от мониторов под потолком, напротив его стола. Третья кнопка сменяет прямой эфир из бара Синатры на вид сверху на суперсовременный спортивный зал, обрамленный зеркалами.

Кастео растянулся на скамейке, качая железо. Мускулы переливаются во время глубоких и широких взмахов. Его торс оголен и также, как и у остальных, покрыт шрамами.

Слева от него, практически скрытая в тени лежит на спине женщина, копируя его движения только с более маленькими гантелями.

Я ловлю ртом воздух и вскакиваю на ноги. Глазам своим не верю. Оббегаю стол и останавливаюсь прямо под монитором висящем в метре над моей головой.

- Кэт? - тихо ахаю я. - Кэт тренируется вместе с Кастео? Что за ерунда? Неужели она тут по собственному желанию? Или Кастео её похитил? Или это Риодан запер её вместе с ним? А ведь он притворялся, что понятия не имеет, куда запропастилась грандмистрисс!

Несколько мгновений я слежу за ними, а потом устремляюсь к столу. Хочу всё знать. Это просто невероятно.

Клацаю по следующей кнопке. Вид перил у входа исчезает и моему взору открывается длинный темный коридор. По нему идет Лор. Интересно, куда это он так торопиться? Он исчезает из вида, и я нажимаю следующую кнопку. Как я и надеялась, это следующая в том коридоре камера, и я могу проследить за его продвижением. Я нажимаю ещё три кнопки, наблюдая как он идет по, как я понимаю, крылу для персонала. Нажимая пятую, я судорожно глотаю воздух, когда Лор хватается Джо сзади и разворачивает её. Вижу, как шевелятся их губы. Она зла. Он тоже раздражен, но мне ничего не слышно. Гневно пялюсь на панель, чувствуя себя обманутой. Какой смысл в этом реалити шоу, если я не могу найти кнопку громкости? Смотрю снова на монитор и вижу, что Лор снова развернул Джо и прижал её к стене. Обе её руки прижаты к холодной стеклянной стене одной его рукой.

Вижу её профиль. Она больше не злится. Она чертовски возбуждена.

Второй рукой он расстегивает ремень, задирает её короткую юбку и, прежде чем я успеваю оставить их наедине, он прижимается к ней, проталкивается внутрь неё.

Она изгибает спину, запрокидывает голову, а выражение лица у неё такое...

- Как я и предполагала, все, кроме меня, занимаются сексом, - раздраженно бормочу я.

Я переключаю изображение на этом экране и нажимаю следующую кнопку.

И тупо пялюсь на монитор долгий, мучительный миг.

- Нет, - в конце концов выдавливаю я. - Он не мог прийти сначала сюда. Он должен был прийти ко мне.

Но он этого не сделал.

Бэрронс вернулся.

Он стоит в комнате, местоположение которой я не могу определить. Это глубокая, мрачная, каменная пещера. Пожалуйста, пусть окажется, что это не секс-клуб, о котором я слышала столько сплетен. Пожалуйста, пусть окажется, что меня одной ему достаточно.

Риодан появляется в поле зрения.

Где они? Что делают? Почему Бэрронс не пришел ко мне и не дал знать, что он уже вернулся?

Я наблюдаю за происходящим на экране, не отводя глаз. Проходят минуты, и ничего не происходит. Похоже, они даже не разговаривают. Просто наблюдают за чем-то.

Страхивая с себя наваждение, я нажимаю следующую клавишу.

Клуб Носорогов исчезает из вида, открывая взору ещё одно тускло освещенное каменное помещение.

Тень движется во мраке.

Что это, черт возьми?
За кем они наблюдают?
Существо отделяется от тени, выпрыгивает на свет, съеживается и отпрыгивает назад.
Мне вдруг становится нечем дышать.
Ладони взлетают к губам. Я ошеломленно таращусь.
Дэйгис МакКелтар не умер.